

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Фрагменты стенограммы декабрьского пленума
ЦК ВКП(б) 1936 года 3

СТАТЬИ

Ю. Н. Жуков — Борьба за власть в руководстве
СССР в 1945—1952 годах 23

Н. А. Омельченко — «Веховская» традиция в духо-
вной жизни русской эмиграции 40

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

И. Е. Шокина — Хуан Доминго Перон 59

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Ла-
тинской Америки (с древнейших времен до на-
ших дней) 78

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Б. Шнайдер — Неизвестная война 104

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 114

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Г. В. Вернадский — Из воспоминаний 129

СООБЩЕНИЯ

А. А. Кошкин — Курилы: биография островов . . . 149

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А. В. Райков — Индийский легион в фашистской
Германии 157

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Е. Зеленин — В. Т. Анисков. Жертвенный подвиг
деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой
Отечественной войны 162

О. В. Теремов — В. И. Голдин. Интервенция и ан-
тибольшевистское движение на русском Севе-
ре. 1918—1920 164

А. А. Преображенский — А. И. Юхт. Русские деньги
от Петра Великого до Александра I 166

Л. М. Брагина — В. Л. Керов. Идеи Апокалипсиса
в средние века (Иоахим Флорский, Оливи, беги-
ны Южной Франции) 168

М. Е. Ерин — Г. А. Винклер. Веймар 1918—1933.
История первой германской демократии 170

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

З. Д. Ясман — К правозащитной деятельности
В. И. Вернадского 174

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года

В литературе по истории КПСС нет никаких упоминаний о пленуме ЦК ВКП(б), проходившем 4 и 7 декабря 1936 года. И это не случайно. О нем, согласно указанию И. В. Сталина, запрещалось упоминать в печати. В архиве политбюро ЦК ВКП(б) стенограмма пленума отсутствует. Обнаруженные недавно в личном архиве Сталина, хранящемся в Архиве Президента Российской Федерации, фрагменты этой стенограммы позволяют частично восстановить ход обсуждения вопросов, которые были вынесены на заседания пленума: о проекте второй Конституции СССР и доклад Н. И. Ежова «Об антисоветских, троцкистских и правых организациях» и раскрывают предисторию трагических событий, развернувшихся на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Некоторым дополнением к материалам пленума служит письмо Н. И. Бухарина от 7 декабря 1936 г., адресованное Сталину, членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) с просьбой ознакомить с ним участников пленума и приложить его к стенограмме.

В информации политбюро, разосланной членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), говорилось: «Политбюро ЦК ВКП(б) постановило созвать пленум ЦК ВКП(б) 4 декабря в 16 часов в Свердловском зале Кремля. Порядок дня: 1. Рассмотрение окончательного текста Конституции СССР. 2. Доклад т. Ежова об антисоветских троцкистских и правых организациях».

Первый пункт повестки дня был рассмотрен 4 декабря, и в тот же день был заслушан доклад Ежова и состоялось его обсуждение. В прениях по докладу выступили: Л. М. Каганович, С. В. Косиор, В. М. Молотов. Следующее заседание проходило 7 декабря. Началось оно в 19 часов, хотя первоначально планировалось на 15 часов. В течение четырех часов в ЦК ВКП(б) были проведены очные ставки между Бухариным, которого наряду с А. И. Рыковым и М. П. Томским обвиняли в причастности к подготовке террористических актов против руководителей партии и советского правительства, и Ю. Л. Пятаковым, Бухариным и Л. С. Сосновским.

Протестуя против несправедливых обвинений, еще 22 августа 1936 г. покончил жизнь самоубийством Томский. С энергичными протестами обратились в ЦК ВКП(б) Бухарин и Рыков. В этой связи Сталин поручил секретарю ЦК и председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), ставшему 26 сентября 1936 г. еще и наркомом внутренних дел, Ежову подготовить к пленуму доклад о контактах троцкистских и «правых» организаций.

В докладе Ежова говорилось, что лидеры «правых» знали и одобряли подготовку террористических актов против Сталина и других руководителей.

Отвечая на это обвинение, Бухарин спрашивал, почему же поторопились с расстрелом Каменева и остальных обвиняемых и не устроили с ними очных ставок. В заключительном слове Сталин признал, что ни в одном из показаний не было прямых указаний на то, что Рыков или Бухарин были связаны с какой-либо террористической группой.

Пленум ограничился следующим постановлением: «а) Принять к сведению сообщение т. Ежова. б) Принять предложение т. Сталина: считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК» (Архив Президента Российской Федерации, оп. 76, д. 20, л. 129—133). Позднее судьба Бухарина и Рыкова была решена на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б).

Редакция благодарит руководство Архива Президента Российской Федерации за предоставленные для публикации материалы.

Заседание 4 декабря 1936 года

Утверждение проекта Конституции

М о л о т о в. Товарищи, разрешите объявить заседание пленума открытым. В повестке дня два вопроса. Первый вопрос — об окончательном тексте Конституции и второй вопрос — доклад т. Ежова о троцкистских и правых антисоветских организациях. Есть ли другие предложения по поводу повестки дня пленума? (Голоса с мест. Утвердить). По первому вопросу слово имеет т. Сталин.

С т а л и н. Все читали проект Конституции?

М о л о т о в. Все присутствовали на вчерашнем заседании комиссии, значит, можно проект не зачитывать. Есть какие-либо замечания?

К а м и н с к и й. У меня следующее замечание. Во второй главе «Государственное устройство» в пункте «с» сказано: «Установление основных начал в области просвещения и здравоохранения». В связи с созданием союзного Наркомздрава речь будет идти не только об установлении основных начал в области здравоохранения, но и о руководстве эпидемической борьбой, о целом ряде мероприятий, о борьбе с чумой, об оборонных мероприятиях и т. д. Исходя из этого, я вношу следующую поправку. Сказать так: «Установление основных начал в области просвещения и руководство системой здравоохранения». Я это мотивирую тем, что в пункте «л» говорится о том, что все наркоматы имеют основание для руководства, чего не сказано про учреждения здравоохранения. В таком случае Народный комиссар здравоохранения не будет иметь право решать целого ряда вопросов. В области здравоохранения сейчас меньше всего идет речь об установлении основных начал, а больше дело касается конкретных мероприятий по управлению, по организации бактериологии, организации курортного дела и т. д.

С т а л и н. Видите, Конституция мешает им лучше работать. Чепуха какая!

М о л о т о в. Разрешите голосовать поправку. (Голоса с мест. Не стоит голосовать.)

К а м и н с к и й. Тогда разрешите сказать о второй поправке. (К а г а н о в и ч. Учтите опыт первой. Общий смех.) Учту, учту. Я вношу поправку к статье 76-ой, где надо сказать: предприятия и учреждения, потому что не все можно назвать предприятием. (М и к о я н. Почему нельзя назвать?) По-моему, Институт охраны материнства и младенчества никак нельзя назвать предприятием. (М и к о я н. А почему нельзя?) Это учреждение, а не предприятие. В самой Конституции устанавливается разница между предприятиями и учреждениями.

Уншлихт. У меня есть поправка. В главе третьей, в статье 49 говорится о том, что производится всенародный опрос (референдум). Помоему, вместо «всенародный опрос» нужно сказать «всенародное голосование».

Сталин. Голосование бывает тогда, когда выбирают. Опрос лучше. (Любченко. Правильно, это лучше. Референдум это и есть всенародный опрос. Ворошилов. Референдум выявляет, определяет настроения.)

Молотов. Следовательно, поправка отклоняется.

Уншлихт. Следующая поправка к главе IV к статье 58, где устанавливаются нормы представительства конституций союзных республик. Конституции принимаются республиканскими съездами. А в статье 60 говорится, что Верховный Совет принимает конституцию республик и вносит свои изменения. Таким образом выходит, что один раз принимает конституцию съезд, а другой раз... (Каганович. Съездов больше не будет.) А республиканские? (Каганович. То же самое, их не будет.) Последняя статья говорит об этом определенно. (Любченко. А если он захочет принять, нельзя?) Можно принять, но тут говорится, что после того, как выбирается Верховный Совет, тут же принимает конституцию. (Движение в зале. Реплики.)

Молотов. Желающих высказаться нет? Голосую. Кто за поправки т. Уншлихта, прошу поднять руки. Мало — один. (Голос с места. Он сам — за.)

Сталин. Есть одна поправка в статье 72. Здесь говорится: «народные комиссары СССР ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР». Надо сказать — «руководят». (Голоса с мест. Правильно.)

Молотов. Эта поправка принимается. Есть еще поправки? (Голоса с мест. Нет.)

Из речи т. Ежова

Ежов. ...Зиновьев назвал и 4 фамилии членов запасного центра: Пятакова, Сокольников, Радека и Серебрякова. Сейчас это целиком подтверждается показаниями самих подсудимых арестованных: Пятаковым, Сокольниковым, Радеком и Серебряковым. Все 4 члена запасного центра дали показания, что они были членами этого центра¹. (Сталин. Непохоже, чтобы Пятаков был в запасном центре.) Об этом я скажу, т. Сталин, особо. Во всяком случае, все эти 4 члена запасного центра показали, что они действительно были членами в качестве заменяющих членов центра троцкистско-зиновьевского террористического центра на тот случай, если основной центр будет арестован и уничтожен. (Берия. Но они все же работали вместе с ним.) Об этом я скажу дальше, почему этот центр назывался запасным...

...По Азово-Черноморской организации арестовано свыше 200 чел., во главе с Глебовым, Белобородовым и др. В Грузии свыше 300 чел., во главе с ....., и Окуджава. В Ленинграде свыше 400 человек и в Свердловске свыше 100 человек. Надо сказать, что довольно большой группой троцкистов в Свердловске фактически руководила японская разведка через бывшего начальника Князева. (Сталин. Через т. Кабакова. Смех.) Я уже сказал, что через бывш. начальника Южно-Уральской ж. д. Князева и Турока, которые являются прямыми агентами японцев...

...Видите ли, если даже цинично и грубо поставить вопрос, что Пятаков просто перешел на службу в качестве шпиона и получал за это деньги, то я должен сказать, что, конечно, белогвардейская разведка воспользовалась этим, тем более, что приходят такие видные люди — члены правительства, заказывающие крупные заказы, договариваются с фирмой, чтобы им давали побольше, что все будет оплачено, то, конечно, белогвардейская разведка все это использует. Ни одна заграничная фирма не отказалась бы от этого. (Сталин. Шестов ведь давал информацию немецким агентам

и получал от них деньги). Да. (С т а л и н. А этот Ратайчик, он ведь немецкий агент, он ведь получал деньги за информацию от немецкой разведки, он был шпионом. Б е р и я. Настоящий шпион.) Так что я, товарищи, думаю, что Пятаков, несомненно, был, и сам знал об этом, был осведомлен и сам давал такие сведения. Он давал сведения о наших вооруженных силах и о работе нашей химической промышленности. (Б е р и я. И всякие прочие.) Он давал им информацию, которую считал нужным им давать. (К а г а н о - в и ч. Раз они стоят за поражение, то ясно, что они шпионы.) Что касается его сторонников, то все они давали шпионские сведения.

...Я уже говорил вам, что член партии, нач. Южно-Уральской ж. д. Князев, член партии, зам. нач. дороги им. Кагановича Турок состояли на службе в качестве шпионов в японской разведке и работали шпионами, диверсантами, получали деньги от японской разведки. (С т а л и н. Связь с троцкистами имели?) Да, прямую связь имели. С Лившиц имел связь Князев, а Турок имел связь с Дробнисом. (М и р з о я н. С 1931 г. они работали? К а г а н о в и ч. Я думаю, что с 1929 года.) По их показаниям, они начали позже работать, но, по нашим материалам, они были завербованы японской разведкой еще будучи в Японии в составе делегации.

...Он так и говорит. Дальше он говорит по конкретным вопросам. Он говорил с Каменевым в 1932 году. Каменев высказал то мнение, что позиции, занимавшиеся им, Каменевым, — против Ленина на Апрельской конференции 1917 г., полностью оправдались в ходе революции (Ш у м. Г о л о с а с м е с т. Вот сволочь! Вот это да!) «...(Ч и т а е т.) показывает, что такая поддержка не осуществилась и что на нее нельзя рассчитывать в ближайшем будущем». Дальше он говорит, что он говорил... (С т а л и н. Кто он?) Это Сокольников говорит. «...(Ч и т а е т.) привлечение свободных иностранных капиталов в форме хотя бы концессий». В соответствии с такой установкой, кажется, насколько я знаю, членам ЦК известны и разосланы материалы о переговорах Соколового.

С т а л и н. Надо сказать, они отрицали, что у них будто бы нет платформы. Платформа была, но неловко было это показать, скрывали. А она была. В чем она состояла? Восстановить частную инициативу в промышленности и открыть ворота иностранному капиталу, особенно английскому. (Б е р и я. Вот негодяи. Л ю б ч е н к о. Вот сволочи.) Восстановить капитал, восстановить частную инициативу в сельском хозяйстве, сократить колхозы, кулака восстановить. Выжить из пределов СССР Коминтерн. Вот программа. Мы, говорят, боялись этого сказать. (Г о л о с а с м е с т. Насчет долгов.) Насчет долгов намек делали на то, что, может быть, старые долги мы вам уплатим, если вы заем дадите. Оттуда отвечают, что заем могли бы дать, если долги будете выплачивать. (Г о л о с с м е с т а. Насчет концессий). По концессиям — открыть ворота английскому капиталу и вообще иностранному капиталу. Они имели связь с Англией, Францией, с Америкой. Вот платформа. Они просят англичан. Вы, говорят, не заставляйте нас выдвигать платформу, нам неловко будет. Народ возмутится. Поэтому после прихода к власти мы помаленьку будем ее развертывать, но вы не требуйте от нас, чтобы мы все сразу ставили, ничего тогда не выйдет, народ не согласится. (К о с и о р. В правительство кого намечали?)...

Е ж о в. ...Далее они вели конкретные переговоры, по показаниям Рейнгольда и других, Каменев непосредственно вел переговоры с Альфаном. (С т а л и н. Кто этот Альфан, надо сказать.) Это французский посол у нас, его убрали накануне процесса. (М о л о т о в. Перед процессом.) По поручению Пятакова, переданному через Аркуса, они пытались вести переговоры с английскими правительственными кругами, для чего завязали связь (М о л о т о в. С французскими...) с крупными французскими промышленными деятелями. (С т а л и н. Вы сказали — с английскими.) Извиняюсь, с французскими. «Аркус вначале предполагал, что не следует завязывать... (Ч и т а е т. Л ю б ч е н к о. Тардье больше подходящ.) Я высказал мысль... (С т а л и н. Кто это говорит?) Это говорит Членов. (П р о д о л ж а е т ч и т а т ь.) «...интересоваться состоянием обороноспособности СССР».

И вот после этого Яковлев показывает: «Под моим руководством были

созданы две террористические группы — одна под моим руководством, в составе Куликова, Яковлева и Матвеева — комсомольского работника. И вторая — в лице Афанасьева и Запольского. Первая должна была готовить террористический акт на т. Сталина, вторая — террористический акт на т. Кагановича». (Сталин. А при чем здесь Рыков?) Это Яковлев говорил. (Сталин. А Рыков при чем?) Яковлев дает показания о том, что центр, который был осведомлен о террористических намерениях троцкистско-зиновьевского блока, сам персонально через своих членов считал необходимым перейти к методам террора. И он называет состав центра из: Рыкова, Томского, Шмидта, Котова и Угланова. (Сталин. Кто он? Кто называет?) Угланов это называет, Куликов, Яковлев. (Сталин. Об этом есть показания Яковлева?) Да. Я читал...

Из речи т. Бухарина

Бухарин. ...И вдруг, что за чудовищное такое обвинение? И почему, в конце концов, если вы говорите, что это говорил Сосновский, почему вы мне не даете очной ставки с ним, почему я не имею возможности говорить с ним на очной ставке²? (Сталин. Вам предлагалась очная ставка с Сосновским, ты был болен, искали тебя.) Я же написал Ежову письмо. Я действительно был болен, но я писал, что я больной притащусь, а меня не вызвали³. (Молотов. Во всяком случае, за этим дело не станет...) Но сейчас ведь пленум ЦК. Я могу сказать, что я говорил с Радеком. Я писал в первом письме⁴. Я был страшно с ним откровенен. Я говорил, что надо мной тяготеет такое же обвинение, как и над ним. Я рассматривал его как товарища по несчастью. Я не отрекаюсь. Поймите же, когда человек совершенно одинок, когда у него нет никого, с кем он мог бы поделиться, и когда над ним такое обвинение тяготеет, он станет искать притыка и он приткнется к любому теплomu месту. Радек по сути дела находился в таком же положении, как и я, и я приткнулся к нему. (Жуков. Там горячее место, не только теплое.) Горячее, но не теплое.

Сталин. Когда имеется тысяча показаний против тебя, ты не волнуешься, подожди, хотим выяснить, когда имеются показания таких людей, как Куликов — он же считался честным человеком...

Бухарин. Я не видел Куликова с 1928 года.

Сталин. Имеется показание такого человека, как Куликов, Угланов, Сосновский... (Голос с места. Яковлев.) Почему они должны врать на вас? Они могут врать, но почему? Можем мы это скрыть от пленума? Ты возмущаешься, что мы поставили этот вопрос на пленуме, и вот ты стоишь перед фактом.

Бухарин. Я возмущаюсь не тем, что этот вопрос поставлен на пленуме, а тем, что Николай Иванович делает заключение, что я знал о терроре, виноват в терроре и прочее. Относительно Куликова очень просто можно сделать — надо выяснить, где и когда он меня видел, и выяснить, что он меня с 1928—1929 г. не видел. (Сталин. Это возможно.) Во-вторых, я даже не знаю, я даже сейчас не вспоминаю, кто такой Яковлев. (Каганович. Сапожников.) Сапожников был один из группы молодых. Тов. Сталин когда-то показал его записку, я на нее ответил. Но это относится к какому году? Они в 1932 г. уже все были арестованы. Нельзя же все это смешивать в одну кучу!..

...Первое — очная ставка с Сокольниковым⁵. Я утверждаю, что она по самой сути своей ничего не могла дать, по той простой причине, что Сокольников сам признал, и я просил это зафиксировать, что со мной ни разу ни о чем не разговаривал о политическом, он говорил о рецензии на книгу своей жены. (Сталин. Но он разговаривал с Томским, который говорил тебе. Берия. Во всяком случае, он не ваш враг.) Я не говорю о Томском, я говорю о себе...

Из речи т. Рыкова

Рыков. Этот же Сокольников говорил, меня обвинял, что в Ленинграде подготовлены какие-то радиостанции. Ведь это же трагедия. Можно же опросить, проверить, взять людей с этих станций, узнать, что это за люди. Ведь вот такого рода дикие кошмарные вещи.

Сталин. Тов. Рыков, вы, значит, ничего не знали и не догадывались, что что-то такое эти готовят. Сами не принимали участия, но догадывались?

Рыков. Нет и не подозревали ни на йоту. Ведь я же в отъезде был. (Молоотов. Убийство Кирова было.)

Сталин. Видите ли, после очной ставки Бухарина с Сокольниковым у нас создалось мнение такое, что для привлечения к суду тебя и Бухарина нет оснований. Но сомнение партийного характера у нас осталось. Нам казалось, что и ты, и Томский, безусловно, может быть, и Бухарин, не могли не знать, что эти сволочи какое-то черное дело готовят, но нам не сказали. (Голоса с мест. Факт.)

Бухарин. Ну что вы, товарищи, как вам не совестно.

Сталин. Я говорю, что это было только потому, что нам казалось, что этого мало для того, чтобы привлекать вас к суду.

Бухарин. Тов. Сталин, но правда или нет, как только я случайно узнал об этом деле, я сейчас же, будучи у черта на куличках, сел на самолет, послал тебе телеграмму, т. Сталин⁶. Я считал совершенно элементарным, что если меня оговорили, то мне дадут очную ставку. (Сталин. Я сказал, не трогать Бухарина, подождать.) Я думаю так: судите по результатам. Но я хочу объяснить совершенно верно. Тут было сказано тебе, что все нужно расследовать с точки зрения обвинительных фактов. Я на несколько часов запоздал, почему нельзя было немного подождать устроить очную ставку. (Сталин. Куликов тоже член вашей группы?) Куликова я не видел 10 лет. (Сталин. Ты можешь проверить его показания. Есть показания Куликова, Угланова и Сосновского.) Сосновский арестован сейчас, а я говорю — в то время. (Сталин. Не хотели вас суду предавать, пощадили, виноват, пощадили.) Вы тогда даже не устроили очной ставки с этими потенциальными негодями. Тут дело не в пощаде. Я ставлю вопрос относительно прав политической чести. (Сталин. Я извиняюсь, прервал. Рыков, продолжайте.)

Рыков. Я утверждаю, что я с Каменевым виделся и не говорил о политических вопросах никогда...

Из речи т. Саркисова

Саркисов. ...Тут я полностью не оправдал того доверия, которое было мне оказано Центральным Комитетом. Я считал, по крайней мере, что если ЦК партии, если т. Сталин доверяет мне, бывшему оппозиционеру, такую большую область, я считал, что я сумею не дать никакой осечки. А вот на одно лицо я осечку дал. (Сталин. На Шаева?) Да, на Шаева...

Из речи т. Кагановича

Каганович. ...И, наконец, в 1934 г. Зиновьев приглашает Томского к нему на дачу на чаепитие. Томский едет к нему. По-видимому, этому чаепитию предшествовало кое-что другое, потому что после чаепития Томский и Зиновьев на машине Томского едут выбирать собаку для Зиновьева. Видите, какая дружба, даже собаку едут выбирать. Помогает. (Сталин. Что за собака — охотничья или сторожевая?) Этого установить не удалось. После выбора собаки Томский снова едет к Зиновьеву на чаепитие. По поводу этого чаепития Томский спрашивает Рыкова: меня приглашает Зиновьев к себе на дачу. Итти или не итти? Рыков нам заявляет, что он ему

ответил: «Не надо ходить». Но Томский все-таки пошел. (С т а л и н. Собаку достали все-таки?) Достали. Они искали себе четвероногого компаньона, так как ничуть не отличались от него, были такими же собаками... (С т а л и н. Хорошая собака была или плохая, неизвестно? С м е х.) Это при очной ставке было трудно установить.

...А Рыков на тот же вопрос заявляет: «У меня к нему произошло некоторое охлаждение. В 1934—1935 г. встречались». А мы знаем, что он встречался с Томским не только в 1934—35 гг., но даже до последнего времени; даже тогда, когда Томского притягивали к ответственности, то Томский спрашивал у вас совета. Вы же это сами заявляли на очной ставке. Не качайте головой. (Р ы к о в. Нет, извините, я этого не заявлял.) Пожалуй-ста, я прочитаю, я повторю то, что вы говорили на очной ставке. Это совершенно точно.

Р ы к о в. Когда я был у Томского на квартире весной этого года,.. (Г о л о с с м е с т а. Какого года?) Этого года, 1936, он мне сказал, что за тот период, когда мы с ним не виделись, к нему поступали запросы из ЦК на документы Зиновьева и он за тот же период отвечал на это... (С т а л и н. У Зиновьева с Томским был?) Я? (С т а л и н. У Томского вы были?) Весной этого года, но ни о каких сведениях с Зиновьевым я не говорил.

К а г а н о в и ч. Разрешите мне зачитать. «...(Ч и т а е т.) но я был против этого приглашения». Видите, одно то, что он спрашивает Рыкова, а Рыков говорит о том, что он против, разве это не есть политический акт, разве это личные отношения? (Б у д е н н ы й. Почему Томский не спросил Кагановича, можно ли идти?) Томский у вас не спрашивал, встречаться ли ему там с Малкиным или с кем-нибудь другим,— он спрашивал вас о встрече с Зиновьевым. Вы говорите, что вы категорически ему возражали...

Из выступления И. В. Сталина

С т а л и н. Я хотел два слова сказать, что Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался, и для чего на пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьет на искренность, требует доверия⁷. Ну хорошо, поговорим об искренности и о доверии.

Когда Каменев и Зиновьев заявили в 1932 г., что они отрекаются от своих ошибок и признают позицию партии правильной, им поверили. Поверили потому, что предполагали, что коммунисту — бывшему или настоящему — свойственна идейная борьба, этот идейный бывший или настоящий коммунист борется за свою идею. Если человек открыто сказал, что он придерживается линии партии, то, по общеизвестным утвердившимся в партии Ленина традициям, партия считает — значит человек дорожит своими идеями и он действительно отрекся от своих ошибок и стал на позиции партии. Поверили — ошиблись. Ошиблись, т. Бухарин. Да, да. Когда Смирнов и Пятаков заявили, что они отрекаются от своих взглядов, открыто заявили об этом в печати, мы им поверили. Тоже исходили при этом из того, что люди выросли на марксистской школе, очевидно, дорожат своей позицией, своими идеями, их не скрывают, за них борются. Поверили, орден Ленина дали, двигали вперед и ошиблись. Верно, т. Бухарин? (Б у х а р и н. Верно, верно, я говорил то же самое.)

Когда Сосновский подал заявление о том, что он отрекается от своих ошибок, обосновал это, и обосновал неплохо с точки зрения марксистской, мы поверили и действительно сказали Бухарину: «Ты его хочешь взять в «Известия», хорошо, он пишет неплохо, возьми, посмотрим, что выйдет». Ошиблись. Верь после этого в искренность людей! У нас получился вывод: нельзя бывшим оппозиционерам верить на слово. (О ж и в л е н и е в з а л е. Г о л о с а с м е с т а. Правильно, правильно!) Нельзя быть наивным, а Ильич учил, что быть в политике наивным — значит быть преступником. Не хотим мы быть преступниками. Поэтому у нас получился вывод: нельзя на слово верить ни одному бывшему оппозиционеру.

Несколько фактов. Пятакову, когда арестовали его жену, написали телеграмму, он был где-то на юге, кажется, в Кисловодске. Он оттуда коротко ответил, что не может найти аргументов против своей жены, но раз в Москве сочли нужным ее арестовать, значит так надо. Приехал. Показания мы ему все давали читать. Он говорил, что Зиновьев, Каменев и Мрачковский оговаривают его в показаниях. Так говорили и другие, только-только арестованные или привлеченные к процессу. Он пришел к нам и сказал: «Ну что я могу сказать против этих людей, как я могу оправдаться? Врут они, хотят загубить меня». Попробовали мы ему говорить: «Хорошо, но ты выступал общественным обвинителем против эсеров. Выступи общественным обвинителем против них»⁸. — «Хорошо, с удовольствием». Он готовился. Но мы обдумали и решили, что это не выйдет. Но эта проба нас на минуту стала убеждать в том, что, может быть, человек прав. Что значит выставить его в качестве общественного обвинителя? Он скажет одно, ему будут возражать обвиняемые, скажут: «Куда залез, в обвинители. Ты же с нами вместе работал?!» А к чему бы это привело? Это превратило бы процесс в комедию и сорвало бы процесс.

Поэтому Пятакову сказали: «Нет, хотя мы и поставили вопрос о том, чтобы ты пошел общественным обвинителем, но это дело не выйдет». Он опечалился: «Как же я могу доказать, что я прав? Дайте мне, я собственноручно расстреляю всех тех, кого вы приговорите к расстрелу, всю эту грязь, всю эту сволочь. Какие же еще доказательства вам нужны? Объявите в печати после приговора и после того, как приговор будет исполнен, что исполнение приговора провел т. Пятаков». Это обстоятельство нас тоже должно было несколько поколебать. Но, с другой стороны, мы никогда не объявляли, кто выполняет приговор. И решили: объявить — никто не поверит, что мы его не заставили это сделать. Мы сказали, что это дело не выйдет, неловко, никто не поверит, что вы добровольно пошли на это дело, а не по принуждению. Да и, кроме того, мы никогда не объявляли лиц, которые приводят приговоры в исполнение. «Что же мне делать, дайте выход. Дайте мне написать статью против троцкистов». — «Хорошо, напиши». Написал, разгромил Троцкого и троцкистов⁹.

А что же теперь оказалось, вы поглядите! После этого мы человек 50, по крайней мере, опросили. Ведь они все нутро Пятакова выворотили. Это же чудовишный человек оказался! Почему он шел на то, чтобы выступить общественным обвинителем? Почему он шел на то, чтобы самому расстреливать своих товарищей? Оказывается, у них правило такое: ежели твой единомышленник-троцкист арестован и стал выдавать людей, его надо уничтожить. Вы видите, какая адская штука получается. Верь после этого в искренность бывших оппозиционеров! Нельзя верить на слово бывшим оппозиционерам даже тогда, когда они берутся собственноручно расстрелять своих друзей.

Радек до последнего времени, до вчерашнего дня все пишет мне письма. Мы задержали дело его ареста, хотя оговоров было сколько угодно с разных сторон. Все, сверху донизу, оговаривают Радека. Мы задержали дело его ареста, а потом арестовали. Вчера и позавчера я получил длинное письмо от него, в котором он пишет: страшное преступление совершается. Его — человека искреннего, преданного партии, который любит партию, любит ЦК и прочее и прочее, хотят его подвести. Неправильно это. Вы можете расстрелять или нет, это ваше дело. Но он бы хотел, что бы его честь не была посрамлена. А что он сегодня показал? Вот, т. Бухарин, что получается. (Б у х а р и н. Но я ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра ничего не могу признать. Ш у м в з а л е.) Я ничего не говорю лично о тебе. Может быть, ты прав, может быть — нет. Но нельзя здесь выступать и говорить, что у вас нет доверия, не веры в мою, Бухарина, искренность. Это ведь все старо. И события последних двух лет это с очевидностью показали, потому что доказано на деле, что искренность — это относительное понятие. А что касается доверия к бывшим оппозиционерам, то мы оказывали им столько доверия... (Ш у м в з а л е. Г о л о с а с м е с т. Правильно!) Сечь надо нас за

тот максимум доверия, за то безбрежное доверие, которое мы им оказывали.

Вот вам искренность и вот вам доверие! Вот почему мы этот вопрос ставим на пленуме ЦК. Но из-за того, что Бухарин может обидеться и возмущаться, мы должны скрывать это? Нет, чтобы этого не скрывать, надо поставить вопрос на пленуме. Более того, бывшие оппозиционеры пошли на еще более тяжкий шаг для того, чтобы сохранить хотя бы крупицу доверия с нашей стороны и еще раз продемонстрировать свою искренность,— люди стали заниматься самоубийствами. Ведь это тоже средство воздействия на партию. Ломинадзе кончил самоубийством, он хотел этим сказать, что он прав, зря его допрашивают и зря его подвергают подозрению. А что оказалось? Оказалось, он в блоке с этими людьми. Поэтому он и убился, чтобы замести следы.

Так это политическое убийство — средство бывших оппозиционеров, врагов партии сбить партию, сорвать ее бдительность, последний раз перед смертью обмануть ее путем самоубийства и поставить ее в дурацкое положение.

Фурер. Какое письмо он оставил тоже после самоубийства, прочтя его можно прямо прослезиться. (К о с и о р. Как бы не так.) А человек мало-мальски политически опытный поймет, что здесь дело не так. Мы знаем Фурера, на что он был способен. И что же оказалось? «Он прав, он любит партию, он чист, но при мысли о том, что кто-либо в партии может подумать, что он, Фурер, когда-то смыкался с троцкистами, нервы его не выдерживают, честь его не позволяет остаться ему жить». (К о с и о р. Оклеветали его!) А что оказалось? Оказалось — хуже не придумаешь.

Томский. Я бы вам посоветовал, т. Бухарин, подумать, почему Томский пошел на самоубийство, и оставил письмо — «чист». А ведь тебе видно, что он далеко был не чист. Собственно говоря, если я чист, я — мужчина, человек, а не тряпка, я уж не говорю, что я — коммунист, то я буду на весь свет кричать, что я прав. Чтобы я убился — никогда! А тут не все чисто. (Г о л о с а с м е с т. Правильно!) Человек пошел на убийство потому, что он боялся, что все откроется, он не хотел быть свидетелем своего собственного всесветного позора. И Фурер, и Ломинадзе... (М и к о я н. И Ханджян.) и Ханджян, и Скрыпник, и Томский. Вот вам одно из самых последних острых и самых легких средств, которым перед смертью, уходя из этого мира, можно последний раз плюнуть на партию, обмануть партию. Вот вам, т. Бухарин, подоплека последних самоубийств. И Вы, т. Бухарин, хотите, чтобы мы вам на слово верили? (Б у х а р и н. Нет, я не хочу.) Никогда, ни в коем случае. (Б у х а р и н. Нет, не хочу.)

А если вы этого не хотите, то не возмущайтесь, что мы этот вопрос поставили на пленуме ЦК. Возможно, что Вы правы, Вам тяжело, но после всех этих фактов, о которых я рассказывал, а их очень много, мы должны разобраться. Мы должны объективно, спокойно разобраться. Мы ничего, кроме правды, не хотим, никому не дадим погибнуть ни от кого. Мы хотим доискаться всей правды объективно, честно, мужественно. И нельзя нас запугать ни слезливостью, ни самоубийством. (Г о л о с а с м е с т. Правильно! Продолжительные аплодисменты.)

Н. И. Бухарин И. В. Сталину, членам и кандидатам ЦК ВКП(б) ¹⁰

7 декабря 1936 г., 10 час. утра.

В речах на 1-ом заседании пленума ЦК, в особенности в речи т. Кагановича, была развита обвинительная аргументация против меня с различных точек зрения: и с общеполитической (программно-платформной), и с организационной, и с тактической, при использовании соответствующих показаний и на основании ряда общих соображений. Насколько я мог удержать в памяти эту аргументацию, я противопоставляю ей и в интересах объективного разбора дела, на чем особенно настаивал т. Сталин, и в интересах своей собственной защиты, свою аргументацию.

1. Программа-платформа

В ряде речей был поднят вопрос о платформе контрреволюционеров. Тов. Каганович выставил тот аргумент, что у всех бывших оппозиционных групп, превратившихся при продолжении борьбы ныне в своем развитии в контрреволюционные банды, у всех них, включая теперешних троцкистов-террористов,— одна платформа, списанная у правых и сформулированная еще в давние годы (борьба против индустриализации, коллективизации и т. д.). Отсюда следует заключение — немудрено, что на ней объединились все они и теперь, включая, что предполагает мою виновность от начала до конца, и меня самого. Это — аргумент виновности от «программной стороны». Напоминаю прежде всего, что в заключительном слове на процессе т. Вышинский выставлял, на основе своих данных, тезис о «голой власти»¹¹. Напоминаю также, что в своем письме членам ПБ ЦК ВКП(б) я возражал против такой постановки вопроса о троцкистах-зиновьевцах, считая ее совершенно недостаточной и поверхностной¹².

Что же предлагает т. Каганович как объяснение, служащее ему в то же время обвинением против меня? Старую (1928/29 г.) платформу правых! Скажите, однако, разве можно предположить, чтобы кто-либо на пороге 1937 г. просто повторял какие бы то ни было установки 1928/29 годов? Конечно, это предположение не выдерживает критики. Но оно противоречит и непосредственным фактам. Что касается троцкистов, то ведь у них есть пресса, документы, даже свой т. н., с позволения сказать, IV интернационал. Их платформа, от начала до конца дышащая контрреволюционной злобой против СССР и нашей партии, весьма современна, и она объясняет и их пораженческую тактику и их террор. Она исходит из тезиса о превращении «бюрократии» СССР в новый класс-эксплуататор (завершение термидора), из бешеного отрицания нашей внешней политики (и по линии СССР, и по линии Коминтерна), отрицания тактики народного фронта как предательства, отрицания всей нашей позиции по отношению к защите отечества и т. д. Против якобы совершенно переродившейся власти — у них лозунг свержения, пораженческая тактика во время войны и союзы с кем угодно для этой цели. При такой бешеной злобе к самым основам нашей политики (и еще более к ее персональным носителям) и при централизации нашей власти они поставили и вопрос о терроре в порядок дня. Законченные изменники, но с актуальной программой на злобу дня.

Я не осведомлен о том, что думают правые, оставшиеся правыми, по той простой причине, что, как сказано, не имел и не имею с ними связей. Что касается меня лично, то даже при полном недоверии к моим словам, все же нельзя предположить, чтобы я мог просто пройти мимо двух пятилеток. В действительности же я не имею ни атома разногласий с партийной линией, доказанной и проверенной гигантским массовым опытом всех последних лет, и все последние годы эту линию со всей горячностью и убежденностью защищал. Это т. Каганович считает заранее исключенным!

Я категорически отрицаю какую бы то ни было солидаризацию — и в прошлом, и в настоящем — с рютинской платформой (о чем говорится, судя по речам, в показаниях Сосновского). Рютинской платформы я даже не читал и никак не мог ее обсуждать на «центре организации», ибо никакого «центра организации» в это время, т. е. поздней осенью 1932 г., не существовало. Тов. С. Косиор удивляется, что мне показали платформу, а я ее не читал. Дело объясняется очень просто. Показывал мне ее, если не ошибаюсь, сам Сталин. Я эту платформу перелистал, прочел оглавление, затем был разговор со Сталиным на тему, кто ее мог написать. Значит, в этих пределах плюс последующий разбор дела на ЦК, разумеется, у меня было о ней известное представление. Но ведь мне хотят навязать, будто я считал эту грязную стряпню своим евангелием, неоднократно мной обсуждавшимся. А когда я против этого защищаюсь, т. Молотов называет меня самоадвокатом. Что ж поделать, если мне приходится защищаться от чудовищных наветов одному, и только самому? Рютинскую платформу я, на основе вышеупомянутых данных, всегда считал грязной контрреволюционной стряпней.

Но пойдём дальше. Ведь рютинское произведение, как известно, датируется 1932 г., а с тех пор произошли гигантские изменения во всей стране и во всем мире. Кто же может теперь вообще стоять за платформы, столь архаические? Значит, общий аргумент о платформе в той форме, как он развивался т. Кагановичем, неправилен. Правильным остается лишь положение, что все виды оппозиции превращаются, если они во-время не остановятся в своем развитии, в контрреволюцию, которая ведет к реставрации капитализма. Между тем на основе этих неверных общих рассуждений т. Каганович делает свой вывод, будто можно считать установленным (!!) факт (!!), что Бухарин солидаризовался целиком с платформой троцкистско-зиновьевской банды, и что это верно и для 28, и для 32, и для 33, и для 1934 годов! Как можно делать такие выводы?!

II. Оргсвязи и террор

Против меня выдвигался ряд «аргументов», говоривших о моем якобы «участии» в злодейской работе троцкистов-зиновьевцев. В своей речи т. Каганович (и т. Сталин в своих репликах-вопросах) останавливались на показаниях Угланова, Яковлева, Куликова.

Но прежде всего — еще раз об очной ставке моей с Сокольниковым. Тов. Ежов и т. Каганович утверждают здесь, что у них от этой ставки получилось впечатление, что я знал о террористических установках. Знал — значит имел известное отношение. Мне же было сказано после ставки, что у них впечатления такие, что я к делу не имею отношения. Мне кажется, что последующие разъяснения насчет юридических и неюридических оснований не могут относиться к впечатлениям. Но я-то утверждаю, что из этой очной ставки ничего нельзя было получить, т. к. Сокольников признал, что он со мной о политике не разговаривал. Отчего же могли получиться «впечатления»?

Нельзя не отметить всей категоричности утверждений т. Ежова, который говорил, что «правые», т. е. и я в том числе, безусловно были осведомлены о всех террористических и иных планах троцкистско-зиновьевского блока. Тов. Сталин говорил лишь о сомнениях «партийного характера». Я понимаю, что при сложившейся обстановке можно подозревать. Но я не понимаю, как можно на этой основе давать категорические формулировки в духе т. Ежова. Здесь уже считается доказанным то, что доказательству еще подлежит и может быть целиком отвергнуто.

Теперь о правых, о показаниях Угланова, Яковлева, Куликова. В своем письме члена ПБ ЦК ВКП(б) я утверждал, что около конца 1933 г. я оборвал даже личные отношения с Томским и Рыковым, был у Томского, вероятно, всего однажды и у Рыкова последний раз, думаю, в 1934 году. Таким образом, даже личные связи, прежде столь тесные, были оборваны. Уже по одному этому существование прежней «тройки» — миф и клевета одновременно. Я предлагал обследовать этот вопрос со всех материальных его концов.

Теперь вопрос об Угланове. Угланова я видел последний раз накануне отъезда в отпуск в Среднюю Азию, в 1932 г., настаивая на полной сработанности с партией, предупреждая против всевозможных шатаний, которых я опасался из-за неустойчивости Угланова. С тех пор я от Угланова и об Угланове не имел абсолютно никаких известий, ни письменных, ни устных, ни прямых, ни косвенных. Следовательно, что бы ни показывал Угланов, это не может иметь по отношению ко мне никакого значения за вторую половину 32, за 33, 4, 5 годы. Если Угланов показывал, что он, Угланов, как говорил т. Каганович, готовил убийство Кирова, то этот страшный факт доказывает, до чего докатился Угланов, продолжая борьбу и не остановившись. Напрасно т. Каганович описывает Угланова твердым человеком: У[гланов] — невероятнейший истерик с огромными колебаниями. Он был ярким антитроцкистом в период общей борьбы с Троцким. Он первый ушел от правых, вместе с Куликовым на ноябрьском пленуме 29 года. Он, очевидно, снова вернулся к фракционной работе и затем «эволюционировал» к троцкистам и зиновьевцам.

Но при чем здесь я? Разве я отвечаю за всех бывших когда-то со мной людей? Тогда почему товарищи, бывшие в «демократическом централизме» и отошедшие от него, не отвечают за Дробниса, бывшие когда-либо с Троцким,— за Троцкого, бывшие с Зиновьевым,— за Зиновьева — Каменева и т. д. и т. п.? Разумеется, я ни в малой степени не хочу задеть этих сидящих сейчас на пленуме товарищей. Наоборот, я хочу показать всю вздорность такой постановки вопроса. Следовательно, для вины нужно еще, чтоб обвиняемый эту вину совершил, т. е. чтоб он был с антипартийными людьми связан преступной связью общих задач, целей, дел. Но где здесь по отношению ко мне хоть тень доказательства? Или это неправда, что я не видел Угланова с лета 1932 г., а также и его ближайших друзей? Нет, это правда, и поэтому «эволюция» Угланова не имеет никакого отношения к моей эволюции: мы стоим по разные стороны баррикады.

Если т. Сталин ставит вопрос о расследовании, то т. Каганович с размаху прямо утверждает, что «нам», и мне в том числе, «не удалось осуществить подлое убийство Кирова». Что это такое? Какое право — политическое, юридическое и нравственное — т. Каганович имеет произносить подобные слова? И это называется «Разбором дела»? В «доказательство» т. Каганович приводит следующий аргумент: Томский бывал у Зиновьева, а я как «философ» должен был «унюхать» терроризм Зиновьева. Я не буду снова повторять о своих отношениях с Томским. Но почему, например, т. Каганович не «унюхал» своего зама, Лившица? А ведь не «унюхал»? Это не упрек, а констатирование общей беды, проистекавшей из-за особой виртуозности маскировки. Значит, нельзя такими аргументами доказывать чью-либо виновность. Это слишком просто.

Примерно то же относится и к показаниям Яковлева и Куликова, о рютинской платформе я уже говорил. Я совершенно не имел за последние годы никакого представления о том, где они, что они делают вообще, уже не говоря о политике. Что это так, можно, я думаю, объективно доказать путем соответствующих вопросов. Таким образом, падает все построение о каком-то правом центре во главе с Бухариным и др. и его ближайшем окружении и о переходе этого «центра» на троцкистские рельсы. Все это вздор и чепуха. Не вздор и не чепуха — возможность «самостоятельной» эволюции Угланова и К^о, но уже без всякого отношения и без всякой связи со мной: они разочаровались в «изменившем» Бухарине и стали искать себе других. Этого я не отрицаю — это возможно.

Переносить собрания 1928 г. у меня на квартире части членов ЦК, кстати, эти собрания были открытыми, в Кремле, где все регистрировалось, на последние годы — это значит перемешивать все и вся. Кстати, т. Каганович оперирует всюду неизменными категориями: у него платформы и люди стоят на одном месте, а в то же время аргументы берутся из разных эпох. Например, тот же Угланов был, повторяю, главной фигурой в Москве против Троцкого, и Троцкий бешено его ненавидел в свое время. Если теперь Угланов стал близок к троцкистам, то это есть лишь подтверждение его крайней неустойчивостью, из которой могли проистекать различные последствия.

Тов. Каганович, говоря о различных связях, употребляет для доказательства часто прием такого рода: если X видел Y, а Y видел Z, а Z видел E и при этом, скажем, передал ему список кандидатов в новое правительство, то, значит, X об этом знал. На самом деле это может быть, а может и не быть, и общим доказательством такой прием служить отнюдь не может.

Тов. Каганович останавливался и на слепковцах. Но, как известно, они были арестованы еще осенью 1932 г., и как ни поучительна история этой группы, скатившейся к контрреволюции, но она не может быть материалом для непосредственных суждений о деятельности за последние годы. А именно этот вопрос и подлежит распутыванию.

За Томского я отвечать не берусь и не могу после того, как наши отношения порвались. Относительно встречи т. Сталина с Томским в 1928 г., еще до образования правой оппозиции, я очень мельком, помнится, слышал тогда же от Томского, и рассказ его не мог отличаться ясностью,

ибо во время встречи Томский, как он говорил, был в абсолютно неменяемом состоянии. Сообщать Сталину дополнительно о том, что Т[омский] говорил тому же Сталину, было бы по меньшей мере странно. Я не придавал значения угрозе Т[омского]. Но, по-видимому, и сам т. Сталин не придавал ей значения большего, чем пьяной выходке. Важно отметить и то, что Т[омский] ни разу не возвращался к этой теме ни в едином из бывших с ним разговоров¹³. О его настроениях после нашего фактического разрыва я просто ничего не могу сказать, кроме малообоснованных гипотез, равно как и о его разговорах с Зиновьевым. Только здесь т. Каганович явно преувеличивает, когда говорит о связях Т[омского] с Зиновьевым до 1936 г., ибо уже с конца 1934 г. Зин[овьев], как известно, сидел под замком.

Тов. Каганович подробно останавливался на том, что во время моей очной ставки с Сокольниковым выяснилось следующее: я сказал С[окольникову] на одном из заседаний ПБ о недопустимости писать статью, которую он просил поместить в «Известиях», под псевдонимом, так сказать, «нелегально», и упомянул, что я то же говорил и Рыкову о такой легальности. Отсюда т. Каганович сделал вывод: я говорил с Сокольниковым как его соучастник! Между тем вопрос объясняется крайне просто: чуть ли не на том же заседании ПБ я просил как газетчик у Рыкова дать хоть одну статью о Наркомсвязи, который все ругают, но который молчит, точно он на нелегальном существовании каком-то. Вот эту словесную метафору т. Каганович превращает в доказательство наличия идейной и организационной общности у меня с С[окольниковым]! Отсюда понятен и ответ на вопрос т. Кагановича, почему я сказал о Рыкове, а, например, не о нем, Кагановиче. Да потому, что я статью просил у Рыкова, т. Каганович имеет у нас «отличную прессу», как говорят англичане, 2) потому, что комиссариат Рыкова, а не К[агановича], был немой, точно нелегальный. Вот и все.

Т. Косиор в своем выступлении, вопреки более естественным обвинениям, наоборот, ставил мне в упрек то, что я не виделся со своими бывшими единомышленниками, а с ними нужно было видаться, чтобы их переубедить. Но — скажите — разве если бы я это делал, не было бы мне предъявлено обвинение в сохранении прежних групп, а в ответ на указание о характере разговоров не сказали бы мне, что «не верим», «знаем» и т. д.?

Возвращаясь еще раз к углановской «группе», можно поставить вопрос о том, что вопрос ставил в репликах и т. Сталин, чем же объясняются показания этих людей, касающиеся меня. Не знаю. Но думаю, что нужно проверить, не нашелся ли среди них или около какой-нибудь свой «вождь», оперировавший чужими именами. Во всяком случае еще и еще раз обращаю внимание на тот факт, что связи у меня с этими людьми и с Углановым никакой не было, и я о них не имел ни малейшего представления начиная с 1932 года.

III. Засоренность аппаратов, личные отношения и т. д. как косвенные улики

Против меня выдвигается еще два ряда аргументов: 1) о засоренности аппаратов, в коих я работал; 2) о личных, дружеских связях. Начну с «Известий». Я прежде всего отвожу упрек в том, что я не принимал участия в последней чистке этого аппарата (в предыдущих я такое участие принимал). Я этого и не мог сделать. ПБ меня ведь нарочно не ввело в состав соответствующей комиссии по причине весьма понятной: ведь я сам был взят под подозрение. Комиссия вела свою работу в полной от меня конспирации, и я поэтому считал лояльным ничего не спрашивать у нее и думаю, что это в моем положении было совершенно правильно.

Теперь конкретно о людях. Тов. Молотов говорил, что секретарь редакции Лям оказался сволочью из сволочей, а я за него держался. Я не знаю, в чем он обвиняется. Молотов зря говорить не станет, и, следовательно, Лям оказался прохвостом. Но я должен объяснить пленуму: 1) что Лям работал в «Известиях» задолго до моего прихода, всего чуть ли не 10 лет на

одном месте; 2) что он был отличным газетчиком; 3) что держался он в высшей степени партийно, однажды только он был обвинен в словах, коих он не произносил; 4) что, когда я в отпуске в Ташкенте, где он работал вместе со Старчаковым довольно долго, запросил тамошнюю партийную руководящую публику, мне был дан хороший отзыв. Все чистки он проходил. Обвинения против него на чистках отметались. Наконец, могу сослаться и на то, что т. Мехлис несколько раз просил меня «уступить» ему Ляма и вел переговоры с Лямом о работе в «Правде». А Мехлис очень строго подбирает людей.

Старчаков, коего фельетон о театре Мейерхольда т. Молотов мне расхваливал как исключительно образцовую критику («именно то, что нам нужно»), долголетний интимный друг Алексея Толстого и Ляма, тоже с неплохими отзывами и из Ташкента. Я не замечал за ним ничего. Арестован. В чем обвиняется, не знаю. Был в «Известиях» задолго до меня.

Я. Фин, работник секретариата, голосовал за Томского во время профсоюзной истории. Был в «Известиях» задолго до моего прихода. Как старый газетный работник профессионально работал очень хорошо. Все сотрудники его всегда поддерживали. Его я не брал на работу, а выгонять не имел достаточных оснований.

В Иноотделе у Радека я раз сделал прямую ошибку: поймал немца Гауса — служил у нас в Разведупре, пользовался вниманием Радека — на цифровом статийном материале, обеляющем Германию. Устроил ему диккий скандал, но выгнать — не выгнал, опасаясь ссоры с Радеком, с которым по редакционным делам у меня были постоянные тяжелые конфликты. Вообще Иноотдел я почти отдал на откуп Радеку, ибо боялся его терять, ему верил. Это, конечно, тяжелейшая ошибка.

Сам Радек пользовался у меня очень большим доверием: я считал, что его со всех сторон проверили, раз он имеет доступ к секретнейшим вещам, получает часто директивы непосредственно от партруководства, получает деликатнейшие поручения за границу: поездка в Польшу и т. д.

Тов. Молотов упрекает меня в том, что я не раскусил Радека. Но его никто не раскусил. Когда я на пленуме сказал, что доверял Радеку потому, что «все доверяли и вы доверяли», т. Каганович ответил: «Мы ему давали работу, а это совсем другое». Этого я не могу понять. Раз давали такую работу, значит и доверяли. Нельзя без доверия дать сложное дипломатическое поручение. А раз доверяли, да еще в таких вещах, то сомнения у меня не было. Когда т. Каганович говорил: «Вы знали, что Р[адек] был активным троцкистом, что он был связан с этой бандой, почему вы с Радеком были большими друзьями, вы Радеку доверяли». Но доверяли и Пятакову, и Смирному, и Лившицу, и многим другим. К несчастью, это так! Если людям настолько доверяют, то и дружеские отношения не зазорны. Другое дело, что все здесь было ошибкой. Но это же не злая воля! Мне самому теперь крайне тяжело сознавать, что я попался на удочку исключительно тонкого и растленного двурушника. Тов. Молотов в своей речи, кстати сказать, производит в мои друзья Сокольников. Но с Сокольниковым я был близок лишь в эмигрантские времена, то есть примерно около 20 лет назад.

Возвращаюсь к «Известиям». Не буду останавливаться на других случаях. Скажу только о Сосновском. Его я действительно пригласил, после постановления ПБ о его восстановлении в партии и с личного разрешения т. Сталина, к которому я обратился с этим вопросом. Значит, никак нельзя было сказать, что я под сурдинку «накопил» Сосновского. К сожалению, я здесь ошибся.

В Академии Наук оказалось большое количество троцкистской сволочи. На меня — в силу моего положения — пытались взвалить ответственность чуть ли не за всю Академию, против чего я протестовал. Здесь у меня было несколько ошибок с приглашением людей. Этот участок фронта вообще очень засорен. Поэтому, например, в исторической комиссии у Жданова¹⁴ оказалось достаточное количество выбывших, а весь исторический фронт молодых историков почти не существует. Я не думаю утверждать,

что у меня оказалось достаточно бдительности, прозорливости и знания людей, чтобы, как выразился т. Каганович, разнюхать врагов. Мы (и я в том числе) не знали, как глубоко проникло двурушничество. В этом я виноват. Но я буду всемерно протестовать, когда из этого делают вывод о соучастии в троцкистском бандитизме.

IV. Положение дел на пленуме ЦК

Обвинения, выдвинутые против меня на пленуме, представляются мне просто чудовищными по своему характеру. Но я хочу обратить внимание и на другие стороны дела. Что получается? По разъяснениям т. Кагановича выходит, что пленум ставит вопрос не юридически, а политически. Из хода прений вытекает, что речь идет об общей политической оценке таких-то обвиняемых или подозреваемых, а дальше, после решения пленума, последуют очные ставки, подробный анализ фактов и т. д.

Что же такое политическая оценка с этой точки зрения? Она выражается в предложениях резолютивного характера: вывести из состава ЦК, исключить из партии, предать суду и т. д. Это есть (или что-либо другое, дискриминирующее) решение наивысшей партийной инстанции. Что же тогда остается на долю дальнейшего следствия? Ясно: оправдать во что бы то ни стало обязательное решение, обязательное для следователя, обязательное для судебного следователя, обязательное для судьи (если дело доходит до суда), обязательное — как это ни странно — даже для подсудимого, если он еще член партии. Не может следствие обелить того, кто политически очернен высшей партийной инстанцией.

Казалось бы, что если искать объективно всю истину, то: 1) сперва нужно проверить и анализировать со всюю тщательностью (со всеми очными ставками и т. д.), 2) потом, на основе этих фактов, делать политические выводы. Не получается ли здесь наоборот? Но к чему же это приводит? Это может, во-первых, привести к роковым ошибкам по существу. Во-вторых, это приводит к страшной трудности самозащиты.

Даже на самом пленуме положение было таково: материалы (не проверенные путем ставок) — есть у всех, но их нет у обвиняемых; обвиняемый стоит под ошеломлением внезапных исключительно чудовищных обвинений, впервые ему предъявляемых. При известной заранее данной настроенности (самый факт постановки вопроса, материалы непроверенные, тенденция докладчика, печать, директивные лозунги вроде молотовского о «пособниках и подпевалах»¹⁵) все говорят: «я убежден», «нет сомнений» и т. д. Обвиняемому говорят в глаза: а мы не верим, каждое твое слово нужно проверять. А на другой стороне, слова обвиняемых-обвинителей принимаются за чистую монету. Значит, защита тут поистине тяжела. Конечно, в общей атмосфере теперешних дней в пользу обвиняемого никто выступить не решится. А дальше? А на дальнейших этапах, после обязательного партийного решения и т. д., эта защита почти невозможна.

Как трудно было на пленуме, видно было на маленьком примере, когда т. Ежов мне заявил, что Яковлев меня таскал всюду и везде. А на самом деле я ни одного доклада не делал вообще в то время. А то же, ведь, есть и в других вопросах.

Пишу это все не для полемики. Мне не до полемики, ибо трагичность моего положения ощущаю во всей полноте только я, знающий до конца свою абсолютную невиновность и, тем не менее, поставленный под удар меча. Нельзя ли поэтому просить пленум ограничиться директивой о дальнейшем партийном (не официальном, т. е. без аннулирования заявления прокуратуры) разборе дела, для того, чтобы принять партийные оргвыводы после тщательного анализа фактов, а не на основе одной политической интуиции? Об этом я и прошу пленум ЦК.

Н. Бухарин

P.S. Прошу приложить это ответное заявление к стенограмме пленума ЦК ВКП(б).

АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260, л. 14—30 (копия); л. 31—50 (автограф).

Заседание 7 декабря 1936 года

М о л о т о в. Разрешите объявить заседание пленума открытым. Слово для сообщения имеет т. Сталин.

С т а л и н. Члены политбюро поручили мне сделать сообщение по делу Бухарина и Рыкова. Перерыв между заседаниями мы — члены политбюро — использовали для того, чтобы присутствовать на очной ставке Бухарина и Рыкова с теми людьми, которые их оговорили. Успели устроить очную ставку с тремя арестованными: с Куликовым, известным вам из Московской организации, Сосновским, известным оппозиционером, и Пятаковым. Куликов сообщает о делах до официального отхода группы бывших правых до 1930 года. Но то, что он сообщает, это вам известно хорошо. Что касается последующих годов, его сообщение оканчивается 1932 годом. Он немного сбивается, заявляет, что Бухарин ему сказал, что надо активизировать борьбу против партии и неплохо было бы Сталина угробить. Но во время перекрестных вопросов, выступал Бухарин... Присутствует он здесь? (Г о л о с а с м е с т. Присутствует.) У нас получилось впечатление — не совсем точно то, что сообщает Куликов, и нуждается оно в проверке во всяком случае.

Сосновский более определенно говорит о Бухарине. Он был у Рыкова, с Рыковым у него не было политических разговоров, но с Бухариным у него был политический разговор. Они сошлись на том, что практика террора правильна. Бухарин категорически отрицает, они стали ругаться друг с другом. У нас впечатление получилось, что и это дело надо проверить. Нет такого впечатления, чтобы можно было начисто принять все то, что нам сообщил Сосновский.

Пятаков. Ну, он сообщил о делах до конца 1928 и 1929 годов. И это нам известно. Но потом он перешел к делам 1932—33 гг., когда он вернулся из Берлина. Насчет террора он сообщает, что он рассказал об этом Бухарину. Бухарин не возражал, но молчаливо, видимо, согласился. Бухарин наотрез отрицает какие бы то ни было политические разговоры с Пятаковым в 1932 году. У нас, у членов политбюро, во время очной ставки присутствовали: я, Ворошилов, Молотов, Каганович, Андреев, Орджоникидзе, Жданов... (Г о л о с с м е с т а. Микоян.) Микоян, и у нас получилось впечатление такое, что не вполне заслуживает доверия сообщение Пятакова. Было такое время, когда Бухарин хотел сагитировать Пятакова и рассказал ему кое-что, а Пятаков взял, да в ЦК сообщил. Но мало этого, кроме того, и Пятаков не очень настойчиво говорил об этом. Остается еще устроить очную ставку с 5-6 арестованными, тоже оговаривавшими Бухарина. Эти трое меньше оговаривали, с которыми мы сегодня разговаривали.

Рыков. Общее сообщение о том, что он знал, что надо контактировать с группой правых и что в центре группы правых были Бухарин, Томский, Рыков. Это такое общее сообщение, которое можно и сочинить. Всякому известно, кто такие правые и кто был во главе. Ни в одном из показаний — я говорю о тех показаниях, которые мы сегодня имели, слушали — нет указаний насчет того, что Рыков или Бухарин были бы связаны с какой-то террористической группой. Обычно в отдельных центрах, в отдельных группах центра связывались с какой-то группой или были связаны с людьми, которые организуют группу террористов,— их было сравнительно много среди учащихся, среди студентов, среди крестьянства. Таких указаний сегодня мы не вскрыли. Пятаков сказал, что насчет Томского он не сомневался, что у него была связь с какой-то террористической группой. Насчет Бухарина и Рыкова он говорил только лишь о террористических разговорах. В связи с этим у нас создалось такое впечатление, что дело нельзя считать оконченным: оно нуждается в дальнейшей проверке.

У нас складывалось такое мнение, что, не доверяя Бухарину и Рыкову в связи с тем, что стряслось в последнее время, может быть их следовало бы вывести из состава ЦК. Возможно, что эта мера окажется недостаточной, возможно и то, что эта мера окажется слишком строгой. Поэтому мнение

членов политбюро сводится к следующему — считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и очную ставку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК.

М о л о т о в. Товарищи, есть ли желающие высказаться по поводу предложения т. Сталина? (Петровский. Принять.) Нет возражений? Тогда разрешите голосовать вопрос о том, чтобы обсуждение вопроса на настоящем пленуме считать законченным и пленум считать закрытым. (Петровский. Заготовленные речи — отложить.) И построить в соответствии с теми данными, которые будут обнаружены. (Сталин. О пленуме в газетах не объявлять. Голос с места. Рассказывать можно? Сталин. Как людей свяжешь? У кого какой язык. Общий смех.) Разрешите считать предложение принятым. Заседание пленума объявляю закрытым.

Именной указатель

А л ь ф а н Шарль Эрве (1879—1942) — французский дипломат, с марта 1933 г. посол Франции в Москве. Участвовал в подготовке советско-французского пакта и организации поездки в Москву Лаваля (1935 г.).

А н д р е е в А. А. (1895—1971) — в 1935—1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б).

А р к у с Г. М. — в 1931—1936 гг. зам., первый зам. председателя правления Госбанка СССР.

А ф а н а с ь е в Е. А. (1899—?) — в 1929—1930 гг. работал в Наркомтруде, в 1933—1935 гг. слушатель военной академии.

Б е л о б о р о д о в А. Г. (1891—1938) — в 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. восстановлен, работал в системе Комитета заготовок СССР. Репрессирован.

В ы ш и н с к и й А. Я. (1883—1954) — в 1935—1939 гг. прокурор СССР.

Г л е б о в - А в и л о в Н. П. (1887—1942) — с 1928 г. начальник строительства, затем директор завода «Ростсельмаш». Репрессирован.

Д р о б н и с Я. Н. (1890—1937) — с 1931 г. работал в Наркомате путей сообщения. Репрессирован.

Е ж о в Н. И. (1895—1940) — с февраля 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), с февраля 1934 г. зам. председателя и с февраля 1935 г. председатель Комиссии партийного контроля, с сентября 1936 г. по декабрь 1938 г. нарком внутренних дел СССР.

Ж у к о в И. П. (1889—1937) — в 1934 г. нарком местной промышленности. Репрессирован.

З а п о л ь с к и й — по показаниям В. А. Яковлева, в 20-х годах зам. зав. орготделом МК ВКП(б).

К а б а к о в И. Д. (1891—1937) — с 1929 г. первый секретарь Уральского (с 1934 г. Свердловского) обкома партии. Репрессирован.

К а м и н с к и й Г. Н. (1895—1938) — в 1934—1937 гг. нарком здравоохранения РСФСР и одновременно с июля 1936 г. — СССР. Репрессирован.

К н я з е в И. А. (1893—1937) — с 1934 г. нач. управления Южно-Уральской железной дороги, затем. зам. нач. Центрального управления движения НКПС. Репрессирован.

К о с и о р С. В. (1889—1939) — в 1928—1938 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. Репрессирован.

К о т о в В. А. (1885—?) — до ареста в 1936 г. управляющий треста «Госотделстрой» Наркомхоза.

К у л и к о в Е. Ф. — до ареста в 1936 г. работал в Свердловске управляющим кожевенным трестом.

Л и в ш и ц Я. А. (1896—1937) — с 1930 г. начальник Южной, затем Северо-Кавказской, Московско-Курской железных дорог, зам. наркома путей сообщения СССР. Репрессирован.

Л о м и н а д з е В. В. (1897—1935) — как правый был снят с поста первого секретаря Закавказского крайкома партии и выведен из состава ЦК ВКП(б). В 1931 г. работал в Наркомснабе. С января 1932 г. секретарь парторганизации номерного завода, в 1933—1934 гг. секретарь Мангитогорского горкома. Покончил жизнь самоубийством.

Л ю б ч е н к о П. П. (1897—1937) — с 1933 г. зам. председателя и в апреле

1934 — августе 1937 г. председатель СНК Украинской ССР. Покончил жизнь самоубийством.

Матвеев Д. И. (1900—?) — до ареста в 1936 г. аспирант Энергетического института.

Мехлис Л. З. (1889—1953) — в 1930—1937 гг. работал зав. отделом ЦК ВКП(б), членом редколлегии и редактором газеты «Правда».

Мирзоян Л. И. (1897—1939) — в 1933—1937 гг. первый секретарь Казахского крайкома партии. Репрессирован.

Мрачковский С. В. (1883—1936) — с 1925 г. на хозяйственной работе. Репрессирован.

Окуджава М. С. (1883—1937) — в 1922 г. член ЦК Компартии Грузии. Арестован в 1936 году.

Орджоникидзе Г. К. (1886—1937) — в 1934—1937 гг. нарком тяжелой промышленности СССР.

Петровский Г. И. (1878—1958) — в 1919—1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, в 1922—1937 гг. один из председателей ЦИК СССР.

Пятаков Ю. Л. (Г. Л.) (1890—1937) — в 1932—1936 гг. зам., первый зам. наркома тяжелой промышленности СССР. Репрессирован.

Радек К. Б. (1885—1939) — перед арестом работал зав. иностранным отделом в газете «Известия». Репрессирован.

Ратайчак А. А. (1894—1937) — в 1932—1937 гг. зам. наркома тяжелой промышленности СССР, затем нач. Главхимпрома НКТП СССР. Репрессирован.

Рейнгольд И. И. (1897—1936) — до декабря 1934 г. работал зам. наркома земледелия СССР. Репрессирован.

Рютин М. Н. (1890—1937) — бывший секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, исключенный из партии в 1930 году. В марте 1932 г. им были подготовлены платформа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)». Репрессирован.

Сапожников П. Ф. (1897—?) — профессор Планового института, член президиума облплана ЦЧО, директор сельхозинститута в г. Воронеже, арестован в 1932 г. за принадлежность к «бухаринской школе» и позднее расстрелян.

Саркисов (Даниельян) С. А. (1884—1937) — с 1933 г. первый секретарь Донецкого обкома КП(б)У. Репрессирован.

Серебряков Л. П. (1890—1937) — с 1931 г. начальник Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта. Репрессирован.

Скрыпник Н. А. (1872—1933) — с 1927 г. нарком просвещения, в 1933 г. зам. председателя СНК и председатель Госплана УССР. С 1928 г. член Исполкома Коминтерна. Покончил жизнь самоубийством.

Слепков А. Н. (1899—1937) — работал ответственным инструктором ЦК ВКП(б) и в секретариате Исполкома Коминтерна. Арестован в 1933 г. как руководитель организации «правых», куда входили представители т. н. бухаринской школы.

Смирнов И. Н. (1881—1936) — в 1923—1927 гг. народный комиссар почт и телеграфов СССР, в 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. восстановлен в ее членах, в 1933 г. вновь исключен и осужден, а затем расстрелян.

Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888—1939) — в 1933—1934 гг. зам. наркома иностранных дел, с 1935 г. первый зам. наркома лесной промышленности СССР. Репрессирован.

Сосновский Л. С. (1886—1937) — в 1927 г. исключен из партии, в 1928—1934 гг. находился в заключении, в 1935 г. принят вновь в партию, работал в редакции газеты «Известия».

Тардьё Андре (1876—1945) — французский политический и государственный деятель.

Томский (Ефремов) М. П. (1880—1936) — в 1932—1936 гг. зав. Объединением государственных книжно-журнальных издательств, с 1934 г. кандидат в члены ЦК партии. Покончил жизнь самоубийством.

Турок И. Д. (1900—1937) — перед арестом, в ноябре 1936 г. зам. начальника Свердловской железной дороги. Репрессирован.

Угланов (1886—1937) — в 1928—1930 гг. нарком труда СССР, в 1930—1932 гг. управляющий Астраханским горрыбтрестом, с марта 1931 г. нач. сектора Нар-

комтяжпрома, в октябре 1932 г. исключен из партии, арестован в 1933 г. по делу «бухаринской школы», в апреле 1933 г. освобожден и назначен управляющим Обьрыбтрестом, в августе 1936 г. вновь арестован и расстрелян.

Уншлихт И. С. (1879—1938) — с 1933 г. начальник Главного управления ГВФ, с февраля 1935 г. секретарь Союзного Совета ЦИК СССР. Репрессирован.

Фурер В. Я. — в 1934—1935 гг. секретарь Горловского горкома партии, в 1935 г. — зав. отделом культурно-просветительской работы МГК и МК ВКП(б).

Ханджян А. Г. (1901—1936) — в 1930—1936 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Армении.

Членов С. Б. (1890—?) — профессор, главный юриконсульт при наркомате внешней торговли, привлекался к суду по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», но из второго варианта обвинительного заключения, фамилия его была вычеркнута Сталиным.

Шаев С. Я. (1894—?) — до ареста в 1936 г. зав. угольным отделом Донецкого обкома КП(б)У.

Шестов А. А. (1896—1937) — с 1925 г. был зам. управляющего «Сибирьюголь», управляющим Анжеро-Судженским цинковым рудником. Репрессирован.

Шмидт В. В. (1886—1940) — в 1928—1930 гг. зам. председателя СНК и СТО, в 1930—1931 гг. зам. наркома земледелия СССР. С 1931 г. главный арбитр при СНК СССР. С 1933 г. работал на Дальнем Востоке. Репрессирован.

Яковлев В. А. (1894—?) — до ареста в 1936 г. начальник строительства электрометаллургического комбината.

Примечания

1. Речь идет о показаниях Г. Е. Зиновьева на процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 19—24 августа 1936 года.
2. В протоколе допроса Сосновского за 14—16 ноября 1936 г. говорилось об установлении блока троцкистского центра с «правыми», указывались фамилии Бухарина и Томского, отмечалось, что основой блока «стал индивидуальный террор против руководителей партии», подчеркивалось, что Бухарин знал о платформе Рютиня и обсуждал с ним ее содержание. 7 декабря 1936 г. перед вторым заседанием пленума ЦК были проведены очные ставки Бухарина с рядом лиц, в том числе и с Сосновским. (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 258, л. 25—62; д. 458, т. 1, л. 98—115; д. 260, л. 51—72.)
3. В письме Сталину от 2 декабря 1936 г. Бухарин упоминал о письме Ежову, на которое не получил ответа, а также своим тяжелом физическом состоянии: «Я сейчас нервно болен в крайней степени, больше декады не хожу в редакцию, лежу в постели, разбитый до основания. Был только на твоём докладе. Разумеется, для всяких объяснений притащусь, куда укажут...» (АПРФ, ф. 3, д. 259, л. 7.)
4. Имеется в виду первое письмо Бухарина членам политбюро ЦК и А. Я. Вышинскому от 27 августа 1936 года.
5. Очная ставка Сокольников и Рыкова, Сокольников и Бухарина была проведена 8 сентября 1936 г. прокурором СССР А. Я. Вышинского в присутствии секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича, а также секретаря ЦК, председателя КПК при ЦК ВКП(б) Ежова. На вопрос Вышинского, известно ли Сокольникову о прямых фактах участия Бухарина и Рыкова в троцкистско-зиновьевском блоке, Сокольников ответил отрицательно, добавив, что об этом ему известно от Томского, Радека и Серебрякова. (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 240, л. 93.)
6. 5 июля 1936 г. состоялось решение политбюро ЦК о предоставлении Бухарину отпуска на полтора месяца. В начале августа 1936 г. Бухарин выехал в отпуск на Памир. Прочитав в газете показания Каменева и др. обвиняемых на процессе, 24 августа из Ташкента Бухарин направил следующую телеграмму: «ЦК ВКП(б) т. Сталину. Только что прочитал клеветнические показания мерзавцев. Возмущен до глубины души. Вылетаю из Ташкента самолетом 25 утром. Прошу извинить это нарушение. 24/VIII Бухарин». (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 235, л. 118.)
7. Возражая против этого утверждения Сталина, Бухарин писал ему 15 декабря следующее: «Ты сказал на пленуме: «Бухарин бьет здесь на искренность». Ты ошибаешься: я ни на что не бью. Я в таком душевном состоянии, что это уже полубытие... Погибаю из-за подлецов, из-за сволочи людской, из-за омерзительных злодеев» (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 262, л. 27).
8. Такое предложение Пятакову было высказано Орджоникидзе.

9. ПЯТАКОВ Г. Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей.— Правда, 21.VIII.1936.
10. В сопроводительной записке к письму Бухарин просил: «Дорогой тов. Сталин! Прошу приказать настоящее мое заявление пленуму ЦК ВКП(б) размножить и раздать на пленуме (или заранее разослать его участникам), а затем приложить к стенограмме пленума. С ком. прив. Н. Бухарин. 10 ч. утра, 7 дек. 1936 г. Москва». (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260, л. 13.)
11. Имеется в виду заключительное слово Вышинского 23 августа 1936 г. на процессе «Троцкистско-зиновьевского террористического центра». Он говорил: «Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти — вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых». (Правда, 23.VIII.1936.)
12. 27 августа 1936 г. в письме членам политбюро ЦК ВКП(б) и Вышинскому Бухарин писал: «Но я думаю, что троцкистско-зиновьевские мерзавцы лгали, когда они говорили о только-власти без линии. У Троцкого есть своя, глубоко подлая и, с точки зрения социализма, глубоко глупая, линия... это — тезис о порабощении пролетариата «сталинской бюрократией», это — оплевывание стахановцев, это — вопрос о нашем государстве, это — оплевывание проекта нашей новой Конституции, нашей внешней политики и т. д.» (Источник, 1993, N 2, с. 8.)
13. Некоторые подробности об этой встрече сообщает Сапожников в записке от 1 октября 1936 г.: «Никем иным, как ближайшими доверенными людьми и помощниками Н. Бухарина и М. Томского — А. Слепковым, Д. Марецким и Л. Гнзбургом, распространялся еще осенью 1929 г. белогвардейский рассказ о том, что «мирный» Томский, доведенный, якобы, до отчаяния тов. Сталиным, угрожал ему пулями...» (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 245, л. 158.)
14. Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) 3 марта 1936 г. А. А. Жданов был назначен председателем жюри конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР.
15. В речи Молотова 29 ноября 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов было сказано: «В волчьей стае врагов коммунизма не последнее место занимают теперь господа троцкисты, у которых одни цели с буржуазией... Нам понятна злоба и беспринципность этих на все готовых перерожденцев, ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов. Известно, что у них есть подпевалы и пособники также из правых отщепенцев». (Правда, 30.XI.1936 г.)

Борьба за власть в руководстве СССР в 1945—1952 годах

Ю. Н. Жуков

О времени, прожитом СССР между окончанием Великой Отечественной войны и смертью Сталина, написаны тысячи книг. И почти в каждой из них обнаруживаются некая заданность и порою игнорирование ряда исторических фактов. Причина понятна. До сих пор исследователи опирались на ограниченный, по сути дела как бы навязанный им круг источников, довольствуясь лишь опубликованными, тщательно отобранными постановлениями, решениями, указами, выступлениями, заявлениями. Историкам приходилось либо соглашаться с предписанной им ролью, либо сознательно идти на доказательство «от противного», создавая гипотезы, которые они не могли подтвердить.

Недавно стал доступным уникальный источник: протоколы заседаний Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б). Они позволяют понять, что представляла собой в те годы власть в СССР, подлинная, тайная, никому не подконтрольная, отстраненная и от общества в целом, и даже от большинства лиц в правящей партии. Обретенные наукой документы позволяют понять истинную конструкцию этой власти в указанные годы и расстановку имевшихся в ней сил: все то, что на протяжении полувека надежно прикрывалось мифами о «всевластии Советов», о «ведущей, направляющей роли партии».

Победа над Японией в 1945 г. заставила кремлевское руководство заявить об отказе от чрезвычайных, вызванных войною форм управления. 5 сентября 1945 г. радио и пресса СССР сообщили об упразднении Государственного Комитета Оборона (ГКО). Тем самым людям внушали мысль, что страна вернулась к конституционности и деятельности ничем более не подменяемого и не дублируемого Совнаркома СССР. Так полагали тогда. Так было принято считать вплоть до наших дней. В действительности же указ об упразднении ГКО практически ничего не изменил. Не стремившееся к реформам, к коренным переменам ПБ утвердило 6 сентября проект постановления СНК СССР «Об образовании оперативных бюро Совета Народных Комиссаров», что сохранило на неопределенный срок сложившееся за годы войны разделение высшего органа управления на две самостоятельные структуры.

Бывший ГКО, точнее — его Оперативное бюро, просто переименовали в Оперативное бюро СНК по вопросам работы промышленных наркоматов

Жуков Юрий Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

и железнодорожного транспорта. Сохранили в неприкосновенности и Бюро СНК, которое по аналогии назвали Оперативным бюро СНК по вопросам работы наркоматов и ведомств обороны, военно-морского флота, сельского хозяйства, продовольствия, торговли, финансов, здравоохранения, образования и культуры. Обоим оперативным бюро вменялось в обязанность готовить и представлять на утверждение председателя СНК СССР «проекты решений по народнохозяйственному плану (квартальному и годовому), по планам материально-технического снабжения», принимать «оперативные меры по обеспечению выполнения установленных Совнаркомом планов», а также осуществлять «оперативный контроль за выполнением соответствующих решений СНК», принимать от его имени «обязательные для соответствующих наркоматов и ведомств решения по вопросам оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств».

В состав первого оперативного бюро вошли Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков (заместитель), Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, А. Н. Косыгин. В состав второго — В. М. Молотов (председатель), Н. А. Вознесенский (заместитель), А. И. Микоян, А. А. Андреев, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник. Иными словами, вся власть осталась у все того же, только несколько расширенного ГКО. Небезынтересно и то, что включенные в высший эшелон власти Булганин и Косыгин еще не являлись ни членами, ни даже кандидатами в члены ПБ. Можно предположить, что, принимая такое решение, кремлевское руководство временно отказалось от реформирования правительства, всего лишь перераспределив и уточнив свои обязанности на время первого за многие годы отпуска И. В. Сталина. Оно отсрочило принятие окончательного постановления на время, которое потребуется для подготовки перестройки. Однако состоявшееся вскоре после возвращения Сталина из отпуска, 29 декабря, первое в том году протокольное, т. е. действительное, а не подменяемое «опросом», заседание ПБ также сохранило в неприкосновенности действовавшую конструкцию высшей власти.

На заседании, как ранее повелось, ограничились решениями рутинных вопросов, в основном плодов двухмесячных раздумий генерального секретаря ЦК ВКП(б). И имевшие право голоса, и приглашенные — Н. А. Булганин, А. Н. Косыгин, А. Н. Поскребышев, М. Ф. Шкирятов, А. Ф. Горкин, Н. Н. Шаталин, В. В. Кузнецов одобрили внесенные предложения: Маленковым — о кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР второго созыва; Берией — о его отставке с поста наркома внутренних дел «ввиду перегруженности его другой центральной работой» и о замене его С. Н. Кругловым; Сталиным — об образовании новых и разукрупнении некоторых старых наркоматов; о необходимости создать группу из состава ответственных советских и партийных работников для подготовки персонала посольств, увеличившихся за два года вдвое; о возобновлении регулярных заседаний самого ПБ, которые должны были проходить «каждые две недели, по вторникам, в 8—9 часов вечера».

Лишь два вопроса, также внесенные Сталиным, имели, как показало будущее, принципиальное значение, ибо в значительной степени повлияли как на расстановку сил в руководстве, так и на ход последующих событий: об освобождении А. И. Шахурина от должности наркома авиапромышленности и о создании Внешнеполитической комиссии ПБ в составе Сталина, Молотова, Берии, Микояна, Маленкова и А. А. Жданова для выработки тактики на предстоявших международных конференциях и переговорах.

Не принес перемен и январь 1946 г., когда выявилась бесплодность попыток восстановить прежнюю роль ПБ, сделав его заседания хотя бы регулярными (второе состоялось через три, а следующее только через шесть недель), да провести еще одну, малозначительную реорганизацию, на этот раз — по слиянию наркоматов обороны и военно-морского флота в один — Вооруженных Сил во главе со Сталиным как наркомом и Н. А. Булганиным как его заместителем по общим вопросам. Это, впрочем, было намечено еще в мае 1945 года. Явное нежелание менять что-либо в системе управления покоилось, помимо прочего, на все еще длившейся эйфории,

порожденной победою, признанием СССР одной из трех великих держав, которым только и дано право перестраивать мир на новых основах и решать судьбы остальных стран.

Проникнутое именно таким духом «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям» было утверждено ПБ 1 февраля. В нем наметили как основные задачи скорейшее восстановление народного хозяйства, поддержание обороноспособности, необходимость «закрепить завоеванную победу», «твердо отстаивать интересы Советского Союза» и в то же время «совместно с демократическими силами других стран бороться за укрепление сотрудничества миролюбивых держав», под которыми еще подразумевали союзников по антигитлеровской коалиции.

Три дня спустя в Москву поступило сообщение, перечеркнувшее прежние планы и расчеты. Американский обозреватель Д. Пирсон в очередном радиообзоре поведал, что шифровальщик посольства СССР в Оттаве Гузенко «избрал свободу», попросту говоря — сбежал. А заодно раскрыл состав советской разведывательной группы, охотившейся в США, Канаде и Великобритании за секретом атомной бомбы. Сталин отреагировал немедленно. 9 февраля на встрече с избирателями он уже не говорил о продолжении сотрудничества с союзниками. Зато намекнул, что советские ученые непременно создадут собственное ядерное оружие.

И вот тогда советник посольства США в Москве Дж. Ф. Кеннан, по долгу службы анализируя выступление Сталина, пришел к заключению: Советскому Союзу «желательно и необходимо разрушить внутреннюю гармонию нашего общества, наш традиционный образ жизни», и потому он готовится к агрессии против Запада. Два десятилетия спустя в своих мемуарах Кеннан признал такие выводы безосновательными, ошибочными. Но тогда, в феврале 1946 г., он верил в собственный прогноз и, не колеблясь, направил его в Вашингтон.

Телеграмма Кеннана вместе с оценками Объединенного разведывательного комитета и Комитета начальников штабов США утвердила президента Г. Трумэна во мнении, что ближайшей целью СССР является захват Европы. Это привело его к солидарности с У. Черчиллем, который еще с 1943 г. пропагандировал идею создания Западного блока, противостоящего Советскому Союзу. 5 марта экс-премьер Великобритании выступил в колледже небольшого миссурийского городка Фултон в присутствии и при молчаливом одобрении Трумэна, призвав англо-саксонские страны незамедлительно объединиться и, используя монополию на атомную бомбу, дать отпор СССР.

Это вынудило кремлевское руководство избрать адекватный изменившейся ситуации политический курс. Одним из последствий явилась реконструкция властных структур с пересмотром состава лидерской группы¹.

Первый послевоенный пленум ЦК ВКП(б), собравшийся 18 марта 1946 г., рассмотрел два вопроса: о сессии Верховного Совета СССР с формированием его Президиума и Совнаркома СССР, который решено было переименовать в Совет Министров (СМ), и оргвопрос с кадровыми перестановками в партаппарате. Сначала стала достоянием гласности в искаженном виде информация по первому вопросу. Сессия Верховного Совета СССР, без обсуждения, приняла отставку прежнего правительства и утвердила состав нового. Его огласили в таком порядке: председатель СМ — Сталин, его заместители — Молотов, Берия, Андреев, Микоян, Косыгин, Вознесенский, Ворошилов, Каганович. То есть, те же члены ГКО и оперативных бюро, но без Булганина, Маленкова и Шверника (последнего избрали председателем Президиума Верховного Совета вместо ушедшего в отставку М. И. Калинина), но зато с возвращенным Ворошиловым. Тайной осталась реальная организация высшей исполнительной власти. В соответствии с секретным постановлением СМ от 20 марта, «вместо существующих двух оперативных бюро Совнаркома СССР» было образовано Бюро Совета Министров (БСМ), включавшее заместителей председателя СМ. Но председателем БСМ стал не Молотов, названный вторым, а Берия, заместителями — Вознесенский и Косыгин.

28 марта распределили обязанности между заместителями председателя СМ. Берии, в дополнение к указанной должности и посту руководителя атомного проекта, поручили «наблюдение за работой» министерств внутренних дел, госбезопасности и государственного контроля. Столь огромные полномочия сделали Берию вторым человеком в государстве, дав ему возможность официально контролировать деятельность всего аппарата власти в стране, решая порою судьбы не только рядовых граждан, но и тех, кто находился с ним на «одном уровне». Затем серьезные перемены затронули постоянно действовавшие органы партии — Секретариат ЦК, Оргбюро (ОБ) и ПБ. Но официальное сообщение о пленуме, опубликованное в газетах 20 марта, зафиксировало сугубо рутинную перестановку: пополнение состава членов ПБ Берией и Маленковым, кандидатов — Булганиным и Косыгиным, изменения в ОБ, замену в Секретариате умершего год назад А. С. Щербакова и «аграрника» А. А. Андреева первыми секретарями Ленинградской и Московской партийных организаций А. А. Кузнецовым и Г. М. Поповым. Общедоступная информация скрывала и причины перемен, и конкретные обязанности новых лиц, определенные, к тому же, лишь 13 апреля, на четвертом послевоенном по счету протокольном заседании ПБ ².

В тот же день реконструкция аппарата ЦК партии завершилась упразднением последних производственно-отраслевых отделов — сельскохозяйственного и транспортного, работу секретариата ограничили теми вопросами, которые решили оставить за партией: подбор и расстановка кадров, пропаганда и агитация, проверка деятельности парторганизаций, связь с зарубежными компартиями (точнее — руководство ими, принявшее после роспуска Коминтерна в 1943 г. иные организационные формы). Изменилась и структура аппарата ЦК. Она включила два управления — кадров, пропаганды и агитации; два отдела — оргинструкторский, внешней политики. Почти полностью обновили их руководство, распределение обязанностей между секретарями.

Маленков утратил свою особую роль, определявшуюся тем, что только он, как и Сталин, совмещал высшие должности в партии и в государстве. Если в годы войны он был вторым секретарем ЦК и одновременно членом ГКО, затем зампредом одного из оперативных бюро СНК, то теперь не входил в состав БСМ и лишился контроля за Управлением кадров. Отныне в его обязанности входили «вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик; подготовка вопросов к Оргбюро и председательствование на заседаниях последнего». На ключевом партийном посту оказался Кузнецов: к нему перешли «руководство Управлением кадров ЦК ВКП(б) и работой в области распределения кадров в партийных, советских и хозяйственных организациях; подготовка вопросов к Секретариату ЦК ВКП(б) и председательствование на заседаниях последнего; вопросы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР». К Кузнецову перешла и должность начальника Управления кадров.

Жданову удалось восстановить свою довоенную роль: ему возвратили «руководство Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации (печать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация); руководство отделом внешней политики». Но, в отличие от Кузнецова, Жданова не назначили начальником Управления пропаганды, оставив этот пост за Г. Ф. Александровым. Единственный из четырех секретарей ЦК, Г. М. Попов, не получил никаких определенных обязанностей по работе в ЦК. Подобное исключение традиционно объяснялось его занятостью «по руководству Московской партийной организацией и Моссоветом». Сохранившие самостоятельность отделы поручили новым людям, переведенным на работу в Москву: отдел внешней политики — М. А. Сулову, возглавлявшему ранее Бюро ЦК по Литве, оргинструкторский — Н. С. Патоличеву, прежде первому секретарю Челябинского обкома и горкома партии ³.

Неожиданное стремительное возвышение Кузнецова, молодого функционера, всего год проработавшего первым секретарем Ленинградских

обкома и горкома партии, объяснялось тем, что Сталин перестал скрывать от ближайшего окружения озабоченность надвигающейся старостью и ухудшившимся состоянием здоровья, дав понять: своим преемником на посту генсека видит не Маленкова, не Жданова, а Кузнецова. Но сделать понятным партаппарату истинную причину взлета Кузнецова помог случай. В конце апреля были арестованы бывший министр авиапромышленности, на тот момент — заместитель председателя СМ РСФСР А. И. Шахурин, командующий ВВС А. А. Новиков и два заведующих отделами Управления кадров ЦК. Данный инцидент дал основание на очередном заседании ПБ 4 мая вывести Маленкова из секретариата ЦК. Но обязательного для тех лет и подобных случаев заключительного аккорда — ареста Маленкова или снятия его со всех постов — не последовало. Более того, он остался в составе ПБ и ОБ ⁴.

В тот же день ПБ приняло еще одно решение: без каких-либо объяснений В. Н. Меркулова, работавшего под началом Берии еще с 20-х годов, сместили с должности министра госбезопасности. Его преемником стал В. С. Абакумов, ранее начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ (с апреля 1943 г. — структурной части Наркомата обороны) и потому связанный по прежней службе именно с наркомом обороны Сталиным, а не с руководством НКВД. Подобная мера ослабляла позиции Берии и в то же время давала преимущества новому начальнику Управления кадров. Создавался новый тандем из тех лиц, кто должен был оправдать доверие Сталина любой ценою. Тем не менее, решающего назначения не последовало: Кузнецов не получил вакантный пост председательствующего на ОБ и не стал в те дни вторым секретарем ЦК. Следствием же новой ситуации оказался рост соперничества между ним и Ждановым, теперь в равной степени претендовавшими на роль второго лица в партии.

Опираясь на решение ПБ от 13 апреля о недостатках в идеологической работе, Жданов и его протеже и открытый сторонник Г. Ф. Александров использовали возникшую паузу. Они обвинили основную массу руководителей обкомов и крайкомов партии в вопиющем непрофессионализме и политической неграмотности, а ряд республиканских ЦК, прежде всего Украины, — в потворстве буржуазному национализму. Данные о том нашли отражение на совещаниях в Управлении пропаганды и обстоятельных записках, которые начали принимать форму целенаправленной серии постановлений ЦК. Правда, затрагивали они не столько идеологические, сколько кадровые вопросы.

Первым явилось принятое 8 июля 1946 г. постановление «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)». Оно могло послужить основанием для далеко идущих мер, прежде всего запланированных на ближайшее будущее экзаменов с проверкой теоретических знаний всех без исключения членов партии. Мотивировалось такое предложение тем, что 67,2% коммунистов, включая работников обкомов и крайкомов, не имели даже среднего образования. Вместе с тем предусматривалось сокращение приема в партию служащих, которые на 1 января 1946 г. составляли 47,6% общей численности членов ВКП(б) ⁵.

В развитие этого постановления 2 августа было принято еще одно, «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Оно требовало обязательного обучения партийных функционеров, в зависимости от должности и образования — двух- либо трехлетнего ⁶. С этой целью были созданы Высшая партийная школа, Академия общественных наук и восстановлена Военно-политическая академия. Такой подход к решению кадровых вопросов делал Управление пропаганды ключевым в аппарате ЦК и ставил под сомнение компетентность и самого Кузнецова, и возглавленного им управления.

Одновременно Жданов и Александров сделали еще один, характерный для «аппаратных игр» ход, призванный обезопасить их от критики со стороны. Они подготовили и провели через ПБ и ОБ в августе — декабре 1946 г. ряд критических постановлений по идеологическим вопросам:

о недостатках в работе газет «Правда», «Известия», «Труд», Радикомитета, Министерства кинематографии, ОГИЗ'а, о литературно-художественной критике. Но и в этих документах, предельно самокритичных, сумели перенести акцент на вопрос подбора и расстановки кадров.

Такие действия усилили позицию Жданова. 2 августа 1946 г. ПБ приняло решение, по которому именно на него, а не на Кузнецова, возлагалось председательствование на заседаниях ОБ и руководство работой секретариата ЦК. Тем самым Жданов был призван вторым лицом в партии и вновь, как это уже было до войны, стал вместе со Сталиным подписывать совместные постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б). Тем же решением ПБ прежние функции Маленкова по руководству ЦК компартий союзных республик возложили на введенного в Секретариат Патоличева, чей отдел был повышен в статусе и преобразован в Управление по проверке партийных органов.

Однако и такая реорганизация партаппарата не создавала равновесия сил в руководстве. Практически сразу же и самого Патоличева, и его подчиненных переориентировали на решение экстраординарной задачи, ничего общего не имевшей с их прямыми обязанностями, — проведение хлебозаготовок, призванных сколь возможно компенсировать последствия послевоенной засухи. А 2 августа, после трехмесячной опалы, Маленков вновь получил высокий пост заместителя председателя СМ СССР и члена БСМ, отвечающего за деятельность министерств промышленности средств связи, электропромышленности и связи⁷, что ограничило его возвращение на вершины власти непривычной сферой экономических, а не партийных, структур управления, имевших свои особенности, устоявшиеся традиции и правила.

Между тем, общее положение в стране продолжало резко ухудшаться. Хотя с окончанием войны миновал год, в Прибалтике и в западных областях Украины пока не ослабевало вооруженное сопротивление сепаратистов. Там действовали не только небольшие отряды и группы, но и такое крупное соединение, как Украинская повстанческая армия. Жестокая засуха, обрушившаяся летом 1946 г. почти на всю территорию Европейской части СССР, и затяжные дожди во время жатвы в Сибири привели к голоду. Усугубила экономические трудности необходимость бросить все силы и средства не на восстановление народного хозяйства, разрушенных городов и деревень, а на создание предприятий, которые должны были обеспечить производство атомного оружия и ракетной техники.

Неудачи постигли советскую внешнюю политику. Процедура, принятая Парижской мирной конференцией (29 июля — 15 октября 1946 г.), официально низводила СССР из великой державы в разряд лишенной практически влияния на решение многих международных вопросов. Выступление 6 сентября в Штутгарте государственного секретаря США Дж. Ф. Бирнса продемонстрировало окончательный разрыв между вчерашними союзниками и отказ США и выступавшей солидарно с ними Великобритании признать в форме международных обязательств западную границу СССР. Все это возвращало кремлевское руководство к чрезвычайной форме управления страной.

3 октября 1946 г. по предложению Сталина было принято решение, записанное как п. 94 протокола № 55 заседания ПБ. Оно гласило: «1. Поручить Комиссии по внешнеполитическим делам Политбюро (шестерка) заниматься впредь, наряду с вопросами внешнеполитического характера, также вопросами внутреннего строительства, внутренней политики. 2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой»⁸. Так оформила себя как высшую власть узкая группировка лиц, давно уже господствовавшая в СССР. Отныне Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов и Вознесенский присваивали себе неконституционное право определять судьбы страны и ее населения.

Они встали и над партией. С этого момента почти прекратились протокольные заседания ПБ: за последующие шесть лет они состоялись лишь 13 декабря 1947 г. и 17 июля 1949 года. Секретариат ЦК фактически

стал отделом кадров, обкомы, крайкомы и райкомы партии — дополнительными контрольными и надзирающими органами. Оформление «семерки», не внося в сущность режима ничего нового, вместе с тем возродило былые тенденции, почти не проявлявшие себя с 1938 г., и создало условия для активизации безжалостного, не знающего милости к побежденному, личного соперничества. Оно установило также прямую зависимость усиления борьбы за власть от состояния здоровья Сталина, от удач, ошибок или просчетов тех, кто находился в данный момент на вершине власти.

Проявилось все это практически сразу же. Берия и Вознесенский, возглавлявшие БСМ, и Жданов как второй секретарь ЦК стремились закрепить свое положение, добиваясь легализации его и сложившейся расстановки сил на как можно более длительный срок. В этих целях они настояли 7 января 1947 г. на решении о созыве XIX съезда ВКП(б). А 26 февраля о предстоящем партийном форуме узнали участники состоявшегося в этот день пленума ЦК партии. Сообщение по данному вопросу, не включенное в информационное сообщение для печати, сделал Жданов, огласивший намеченную повестку работы съезда, в том числе — принятие новых программы и устава, и назвавший тех, кому поручалась подготовка этих документов. В числе основных разработчиков оказались Жданов и его союзник Александров.

Такое развитие событий не устраивало аутсайдеров «семерки», к которым относились Маленков и Молотов. Именно они задолго до пленума производили минипереворот, проведя через ПБ совместное постановление ЦК и СМ «Об организации работы Совета Министров СССР». В соответствии с ним создавалось восемь бюро СМ, между которыми распределялось большинство министерств и ведомств. Их председатели Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин и Ворошилов входили в БСМ. Однако на этот раз возглавил его сам Сталин, а первым заместителем стал Молотов, во время отлучек которого его замещал Вознесенский. В члены БСМ вошел и Андреев, не получивший в свое ведение ни одного из бюро; он лишь формально, к тому же в последний раз, числился на одной из высших государственных должностей. Причиной того стал провал политики в области сельского хозяйства, руководство которым теперь передали Маленкову, возглавившему соответствующее бюро.

Подлинный смысл реорганизации раскрывало сокращение полномочий Берии. Ему, возглавившему Бюро по топливу и электростанциям, дополнительно поручили надзор за деятельностью МВД и строительство высотных домов в Москве. Работу же наиболее важных комитетов оборонной техники — Специального (атомного), Радиолокации, Реактивной техники, а также Валютного теперь юридически контролировал Сталин, а фактически Молотов. Решение проблем, связанных с министерствами иностранных дел, внешней торговли, государственной безопасности и вооруженных сил, перенесли в ПБ, что являлось смягченным ударом по «семерке».

Добившаяся реванша группа лиц настояла на запрете малейшего упоминания в печати о намеченном на конец 1947 — начало 1948 г. съезде партии и продолжила перетряску высшего руководства. 12 февраля 1947 г. из состава БСМ вывели Кагановича, направленного в Киев первым секретарем ЦК КП(б)У. 5 марта удовлетворили «просьбу» Сталина об отставке с поста министра вооруженных сил и заменили его Булганиным, назначенным одновременно по должности заместителем председателя СМ и членом БСМ. Тогда же он был введен в состав «семерки», ставшей теперь «восьмеркой».

Вслед за тем настала очередь перемен в партийных структурах. Там главный удар тоже был направлен против Жданова. Его ослабление начали, в соответствии со сложившейся практикой, с устранения тех, на кого он опирался или мог опереться. В декабре 1946 — феврале 1947 гг. лишили Александрова двух из четырех его заместителей: К. С. Кузакова, назначенного заместителем министра кинематографии СССР, и М. Т. Иовчука, утвержденного секретарем по пропаганде ЦК КП(б) Белоруссии. В конце февраля начальника Управления по проверке парторганов и секретаря ЦК

Патоличева назначили секретарем по сельскому хозяйству ЦК КП(б) Украины, а шесть месяцев спустя сделали первым секретарем Ростовского обкома партии. Одного из двух его заместителей, будущего министра госбезопасности СССР С. Д. Игнатьева, послали на аналогичную должность в Минск, одного из трех инспекторов его управления, Н. И. Гусарова, тоже в Минск в качестве первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии⁹.

Следующим шагом явилось решение ПБ 22 апреля о проведении второй дискуссии по книге Александра «История западноевропейской философии». В отличие от первого обсуждения предполагалось добиться негативной оценки работы и опорочить политически её автора. Последним свидетельством надвигавшихся перемен в партаппарате оказалось введение «опросом» 22 мая Сулова в Секретариат ЦК вместо Патоличева и утверждение его начальником Управления по проверке партийных органов с сохранением за ним руководства отделом внешней политики. 25 июня завершилась вторая философская дискуссия, которая признала книгу Александра ошибочной и порочной. Заслуживающим внимания явилось само ее проведение: Жданов как секретарь ЦК по идеологии стал хотя и основным, но все же лишь участником дискуссии, организовал же и руководил ее ходом начальник Управления кадров Кузнецов, рядом с которым в президиуме сидел Сулов.

В июле и августе подготовка смещения второго секретаря ЦК партии продолжилась. Она выразилась в беспрецедентных нападках газеты «Правда» на орган Управления пропаганды газету «Культура и жизнь» и в осуждении заведующего отделом пропаганды С. М. Ковалева. Это свидетельствовало об утрате Ждановым контроля за ситуацией и невозможности решения им внутренних вопросов Управления пропаганды без огласки. 17 сентября Александра вместе с его заместителем П. Н. Федосеевым отстранили от руководства Управлением пропаганды. Возглавил идеологическое ведомство Сулов, сумевший сохранить за собою, как и в мае, должность заведующего отделом внешней политики. Жданов оказался в положении генерала без армии, утратив возможность воздействовать на подготовку и принятие важных решений. Он еще оставался вторым секретарем ЦК, председательствующим на заседаниях Секретариата и ОБ. А фактически властные полномочия перешли теперь к Сулову.

17 сентября 1947 г. Кузнецову вверили курирование МГБ, что перед тем составляло прерогативу самого Сталина, и в тот же день его ввели в высший круг власти, ставший девяткою, в ПБ и БСМ. О возвращении Молотова на роль фактически второго человека в государстве свидетельствовало то предпочтение, которое теперь придавалось внешнеполитическим вопросам — о намерениях восстановить международное положение СССР, существовавшее после окончания войны. То же демонстрировало создание в мае 1947 г. нового разведывательного органа — Комитета информации при МИДе, официальным главой которого по положению являлся министр не госбезопасности, и не вооруженных сил, а иностранных дел.

Однако именно во внешнеполитической сфере неудачи Кремля оказались наиболее ощутимыми. Несмотря на попытки советской дипломатии так и не удалось преодолеть кризис в отношениях с бывшими союзниками, и расхождения с каждым месяцем стали принимать все более четкие формы. Одним из свидетельств этого явилось выступление в конгрессе 12 марта президента США, вскоре получившее название «доктрины Трумэна». Она открыто призывала к военному сдерживанию Советского Союза в отношении Турции и Греции. 5 июня последовала речь нового государственного секретаря США Дж. К. Маршалла в Гарвардском университете, предложившего свой план оказания помощи Европе. Правительства Великобритании, Франции, Италии, ряда других стран поддержали этот план, приняв решение провести в Париже 12—16 июля Европейское экономическое совещание. Было предложено участвовать в нем и СССР, а также другим странам Восточной Европы. Столь неожиданная перспектива заставила советское руководство принять окончательное решение, определив, какой должна стать в ближайшем будущем внешняя политика Советского Союза: направленной на широкое международное сотрудничество или изоляционистской?

Выбор пал на второй вариант. В Кремле никто не желал мириться с утратой престижа великой державы и предуготовленной для нее ролью младшего партнера. Советское руководство видело также, что, осуществляя восстановление народного хозяйства и одновременно направляя огромные средства на разработку новых видов вооружения, СССР больше не может опираться только на собственные силы, а будет вынужден использовать потенциал других государств, их индустриальную мощь и сырьевые ресурсы. Потом Москва не только отклонила предложение прислать делегацию на Европейское совещание, но и продемонстрировала возможность появления на мировой арене собственного блока. Первым свидетельством этого стала согласованная акция: 9 и 10 июля Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Финляндия, Чехословакия и Югославия отказались участвовать в парижской встрече. То был один из решающих шагов к расколу мира. Следующим проявлением нового курса явилось совещание 22—28 сентября 1947 г. в Польше компартий Восточной Европы, Франции и Италии. На нем под прямым давлением Жданова и Маленкова было образовано неформальное объединение с исполнительным органом — Информбюро (иначе Коминформ).

С завершением 15 декабря 1947 г. в Лондоне своей 5-й сессии практически прекратил существование Совет министров иностранных дел пяти стран, созданный в 1946 г. по решению Потсдамской конференции. С его крахом нечего было и думать о подготовке и подписании в скором будущем мирного договора с Германией, о юридическом признании Западом включения в состав СССР части Восточной Пруссии (Калининградская область), а также западных территорий Булоруссии и Украины, компенсированных Польше новой ее границей по Одере и Нейссе. А 17 марта 1948 г. представители Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга осуществили давнюю идею Черчилля, подписав в Брюсселе договор о создании Западного союза.

Все это влияло на оценку результатов деятельности Молотова и отражалось на его положении. 29 марта 1948 г. «девятка» в третий раз за послевоенный период реорганизовала структуру СМ и пересмотрела состав высших должностных лиц. Молотова, незадолго перед тем получившего замечание от ПБ, что являлось случаем самим по себе уникальным, под предлогом необходимости для него «заняться главным образом делами по внешней политике» освободили от руководства повседневной работой БСМ. Теперь вместо него председательствовать на заседаниях БСМ и вести их должны были поочередно Вознесенский, Берия и Маленков.

«Девятке» пока не удалось согласовать мнение, кто же станет единоличным лидером. Означало это и то, что Маленков сумел подняться еще на одну ступень по лестнице к вершине власти. А вскоре ему удалось сделать новый шаг: 1 июля он был возвращен в Секретариат ЦК и опять занял ключевые посты во властных структурах. Сразу же последовала коренная реорганизация партаппарата, сопровождавшаяся изменением распределения обязанностей между секретарями ЦК. По решению ПБ от 10 июля, три управления ЦК ВКП(б) прекратили существование. Вместо них возникла новая система, состоявшая лишь из отделов. Управление пропаганды стало отделом с Д. Т. Шепиловым во главе при кураторе Жданове. Управление по проверке партийных органов превратилось в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, заведующим которого назначили Б. Н. Черноусова. Этот отдел, единственный контролировавший не только все без исключения министерства и ведомства, но и сам партаппарат, Маленков взял в свое ведение.

Управление кадров, на протяжении многих лет остававшееся неприкосновенным, поделили на семь распределенных между тремя секретарями отделов. Важнейший из них, Административный, с заведующим Е. Е. Андреевым, занимавшийся подбором и расстановкой кадров в министерствах вооруженных сил, госбезопасности, внутренних дел и юстиции, включая судебную систему и прокуратуру, Кузнецов удержал за собой. Остальные, не изменившие кадрово-контрольных функций, отделы —

тяжелой промышленности (зав. С. Б. Задонченко), легкой промышленности (Н. М. Пегов), машиностроения (В. М. Чураев), транспортный (Т. А. Чумаченко), планово-финансово-торговый (Сазонов), сельскохозяйственный (А. И. Козлов) — распределили между Маленковым, Кузнецовым и П. К. Пономаренко, 1 июля введенным в состав Секретариата ЦК. Перемены не затронули лишь Отдел внешней политики. Изменилось его название — Отдел внешнеполитических сношений, но заведующим его остался Суслов, который, как и Попов, не получил никаких дополнительных обязанностей по Секретариату ЦК¹⁰.

Такая расстановка сил, пока оставлявшая Кузнецову шанс сохранить свое положение, оказалась призрачной. В тот же день Жданов по состоянию здоровья, второй раз за год, ушел в двухмесячный отпуск, из которого уже не вернулся. Поэтому вопросы идеологии — до 31 августа временно, а затем постоянно, взял на себя Маленков, вновь ставший вторым секретарем ЦК. Новое руководство усилило жесткий вариант курса внешней и внутренней политики. Разногласия, возникшие в феврале 1948 г. между Сталиным и И. Броз Тито, были быстро и сознательно доведены в июне до открытого разрыва нормальных отношений СССР и стран народной демократии с Югославией. Это послужило одним из поводов для создания «дела Ласло Райка», массовых чисток партийного руководства в Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше и Чехословакии. С июня же заметно усилилась «холодная война», проявившаяся на этот раз в советской блокаде Западного Берлина.

Аналогично силовыми методами новое руководство пыталось разрешить внутренние проблемы. Еще до отставки Молотова 10 февраля 1948 г. Н. С. Хрущев внес на рассмотрение ПБ вопрос, поначалу носивший региональный характер: о необходимости упрощенной формы для высылки с территории Украины всех, кто сопротивлялся проведению в западных областях коллективизации и в той или иной степени был связан с сепаратистским подпольем. ПБ поддержало инициативу председателя ЦМ УССР и сформировало комиссию в составе Берии, Хрущева, Суслова, Кузнецова, Абакумова, С. Н. Круглова, министра юстиции К. П. Горшенина и генерального прокурора Г. Н. Сафонова «для разработки вопросов о переселенцах, административно-ссылных и высланных, об организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, в том числе шпионов, а также вопроса о высылке из Украины вредных элементов в деревне с предоставлением предложений в Бюро Совета Министров».

21 февраля Шверник подписал указы Президиума Верховного Совета СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни» и «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Этот документ означал бессрочную высылку на Колыму, в Красноярский край или Северный Казахстан всех, кто отбыл или должен был отбыть вскоре заключение по ст. 58 Уголовного кодекса. Это означало также возобновление в Советском Союзе массовых репрессий¹¹.

7 мая ПБ поручило новой комиссии в составе Маленкова (председатель), Жданова, Хрущева, Суслова, Родионова и Круглова «выработать на основе опыта Украины проект постановления Совета Министров СССР и проект указа Президиума Верховного Совета СССР о мерах высылки в отдаленные районы антисоциальных элементов по решениям колхозных собраний». Юридический акт не заставил себя ждать: указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» был утвержден 2 июня 1948 года. Наконец, в связи с «проявлением мягкости и нерешительности», 24 августа ПБ освободило от должности председателя Верховного суда И. Т. Голякова и его заместителя, председателя Военной коллегии В. В. Ульриха, заменив их на А. А. Волина и А. А. Чепцова. 26 октября

оформление карательной системы завершилось появлением директивы МГБ и Генеральной прокуратуры, установившей, что аресты и направление в бессрочную ссылку всех лих, освобожденных из тюрем и лагерей по отбытии наказания, производятся по решению Особого совещания при МГБ ¹².

Но все подобные меры не могли повлиять на продуктивность сельского хозяйства, отвечал за которое Маленков как председатель Бюро СМ по сельскому хозяйству и куратор Сельскохозяйственного отдела ЦК. Тогда ставка была сделана на «чудо», ибо иного «девятка» предложить при всем желании не могла: на мифическую ветвистую пшеницу, которая если и не сегодня, то непременно завтра, позволит обеспечить страну хлебом.

Для чего следовало прежде удовлетворить претензии Т. Д. Лысенко, создателя этого, еще никем не виданного, но уже широко рекламировавшегося советской прессой растения, открыто выступив на стороне дилетанта в его споре, переросшем в открытую борьбу, со светилами биологической науки, и пойти на ликвидацию отечественной школы генетиков. Подтолкнуть Сталина к такому шагу заставило Маленкова летом 1948 г. стремление любой ценою устранить одного из двух соперников по Секретариату ЦК — Жданова. Ведь официальная поддержка партией Лысенко позволяла нанести тяжело больному, хотя и номинально все еще второму секретарю ЦК ощутимый удар и развеять его надежды на блестящую карьеру сына, Ю. А. Жданова, возглавлявшего сектор науки Агитпропа и выступавшего с критикой Лысенко.

15 июля, через пять дней после отъезда Жданова из Москвы и за полтора месяца до его смерти, ПБ приняло такое решение: «В связи с неправильным, не отражающим позицию ЦК ВКП(б) докладом т. Ю. Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т. Д. Лысенко на тему: «О положении в советской биологической науке», имея в виду опубликование этого доклада в печати». 7 августа сессия ВАСХНИЛ завершила свою работу объявлением взглядов Лысенко как единственно верных. 25 августа все газеты сообщили о «разгроме антинаучного учения» в биологии, а 1 сентября — о смерти Жданова после тяжелой и продолжительной болезни. Так Маленков избавился от давнего соперника в партаппарате. «Девятка» же, потерявшая одного из своих членов, месяц спустя пополнилась Косыгиным, одновременно переведенным из кандидатов в члены ПБ. Однако теперь борьба за власть не только не стихла, но, наоборот, вступила в еще более жесткую фазу. Вскоре ее жертвами стали четыре члена узкого руководства.

28 января 1949 г. «Правда» там, где обычно ставились материалы по искусству и литературе, поместила редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Ее подготовили главный редактор газеты Пospelов и Маленков, используя текст записки и проекта постановления ЦК по этому вопросу, подписанные Шепиловым. С этого момента началась борьба с космополитизмом — одна из самых шумных и разнузданных пропагандистских кампаний тех лет. Спровоцированная ею «охота на ведьм» и оголтелый, рожденный низкой завистью и интригами поиск «врага» в узком коллективе завершились потом так же внезапно, как и начались. Но они временно отвлекли внимание граждан от событий, информация о которых, крайне выборочная и более чем скупая, прошла как бы незамеченной.

В роковой для театральной критики день Кузнецов лишился своих прав по надзору за работой отделов административного и машиностроения и вообще оказался вне Секретариата ЦК. Правда, решение ПБ, принятое 28 января 1949 г., говорило вроде бы о совершенно ином: создании «в целях улучшения связи между ЦК ВКП(б) и парторганизациями отдаленных областей, краев и республик» Закавказского, Среднеазиатского и Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) и об утверждении руководителем последнего

именно Кузнецова. Документ исходил из отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов, которым ведал Маленков. А 15 февраля появилось еще одно решение ПБ — «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». В нем, означавшем рождение «Ленинградского дела», указывалось: «Снять т. Кузнецова с поста секретаря ЦК ВКП(б) и объявить ему выговор». Там же отмечалось: указать т. Вознесенскому, который «поступил неправильно».

Затем последовала неожиданная реакция на проведение в Ленинграде оптовой ярмарки. 4 марта, незадолго перед началом работы 4-й сессии Верховного Совета СССР, ПБ освободило с поста министра иностранных дел Молотова, а Микояна — с поста министра внешней торговли и утвердило вместо них А. Я. Вышинского и М. А. Меншикова. На следующий день, постановлением СМ, Вознесенского сняли с должности председателя Госплана СССР. 7 марта, по решению ПБ, его лишили должностей заместителя председателя СМ, члена БСМ и ПБ. 12 марта был ликвидирован отдел внешних сношений ЦК. Взамен образовали Внешнеполитическую комиссию, во главе которой поставили шеф-редактора органа Информбюро — газеты «За прочный мир, за народную демократию» В. Г. Григорьяна¹³.

24 марта решением ПБ министром вооруженных сил назначили Маршала Советского Союза А. М. Василевского, а Булганину поручили наблюдение за деятельностью 2-го и 3-го комитетов (созданы в 1945—1946 гг. и отвечали соответственно за атомную технику и ракетостроение) при СМ СССР, министерств авиапромышленности и вооружения, Сталину же — кураторство над министерством вооруженных сил. 25 апреля перераспределение обязанностей вновь изменили: министерство вооруженных сил возвратили в ведение Булганина, сосредоточив в его руках контроль за работой всего Военно-промышленного комплекса (ВПК). Еще 6 апреля Молотову, почти три десятилетия занимавшемуся преимущественно проблемами внешней политики, поручили возглавить Бюро СМ по металлургии и геологии. За этими перемещениями стояли прежде всего личное соперничество, ничем не прикрытая борьба за власть, страх оказаться проигравшим.

Но свидетельствовали кадровые перестановки и об ином: они отражали возраставшую неуверенность в правильности избранного курса, опасение перед неясным будущим страны. В дальнейшем играли сильную роль и такие факторы, как: заявление 14 января 1949 г. госдепартамента США, а 20 января и президента Трумэна о готовности США присоединиться к Западному союзу; 4 апреля последовал договор о создании НАТО, включившем 12 стран; в конце марта — начале апреля США, Великобритания и Франция провели сепаратное изменение западных границ Германии, а затем приняли решение об объединении своих оккупационных зон и создании на их основе единого западногерманского государства. Раскол мира все более становился реальностью.

Контрмерой, которую СССР смог себе позволить при создавшихся условиях, стало проведенное в Москве 5—8 января 1949 г. совещание, на котором объявили о создании Совета экономической взаимопомощи. Прочность восточного блока подкрепляли присутствием советских войск в Польше, Венгрии, Румынии и новыми репрессиями против несогласных с консолидацией вокруг СССР. Упавали и на советский атомный проект, за который отвечал Берия. Отсюда — стремление не затрагивать его тогда на всех витках борьбы за власть, не ущемлять его статуса и роли. Пожертвовать можно было кем угодно, но только не им. Столь же твердое положение неожиданно обрел Булганин, сосредоточивший в своих руках полномочия по ВПК. Позволить себе продолжить личную борьбу могли только Молотов и Маленков, что они и не преминули сделать.

12 июня, через два месяца после очередного поражения, Молотов вернулся к привычным обязанностям. Не Вышинский, Меншиков и Меркулов (после снятия с должности министра госбезопасности назначенный сначала заместителем начальника, а затем начальником Главного управле-

ния советским имуществом за границей), а вновь Молотов теперь вносил предложения в ПБ по работе МИДа и Внешнеполитической комиссии и отвечал за их деятельность. Новая утрата Маленковым некоторых позиций проявилась позже, когда ему пришлось поступиться единоличным контролем над идеологией. 20 июня Сулова вторично назначили заведующим Агитпропом, а 30 июня — главным редактором «Правды». Затем подверглась коррективам роль Маленкова в БСМ, после устранения оттуда Вознесенского казавшаяся другим членам «семерки» чрезмерной. 1 сентября от имени ПБ появилось решение, возвестившее об очередной реорганизации СМ, в котором БСМ было количественно расширено и переименовано в Президиум. Председательствование на его заседаниях возложили «поочередно на заместителей Председателя Совмина СССР гг. Берия, Булганина, Маленкова, Кагановича и Сабурова». В этой новой администрации Каганович, получивший по возвращении из Киева пост председателя Госснаба СССР, структуры, только что выделенной из Госплана, призван был не столько действовать, сколько олицетворять преемственность, представляя вместо Молотова былых сталинских сподвижников. Сабурову же предстояло действительно работать, заменяя своего предшественника по Госплану СССР Вознесенского и выполняя обязанности единственного в ПСМ профессионала-экономиста¹⁴.

Очередной состав руководства продержался у власти всего семь месяцев. Успешное испытание атомной бомбы в СССР, переход от научных разработок и экспериментов к плановому производству атомного оружия позволили изменить нарушенный еще в конце войны традиционный баланс сил, восстановив прежнее преимущество сталинских наркомов. Первым отчасти вернул себе утраченное положение Микоян, 26 января 1950 г. получивший пост председателя Бюро СМ по торговле и пищевой промышленности. Затем Молотов тоже сменил должность: 13 февраля он возглавил Бюро СМ по транспорту и связи. Это позволило ему снова участвовать в решениях внешнеполитических вопросов.

7 апреля 1950 г. ПБ (точнее — «семёрка») обсудило «Вопрос Совета Министров СССР» и постановило «Принять следующее предложение тов. Сталина: ...Образовать Бюро Президиума Совета Министров СССР, поручив ему рассмотрение срочных вопросов текущего характера, а также вопросов секретных. Утвердить Бюро Президиума Совета Министров СССР в следующем составе: Председатель Совета министров СССР И. В. Сталин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганин, заместители Председателя Совета Министров СССР Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, В. М. Молотов. Председательствование на заседаниях Бюро Президиума Совета Министров СССР в случае отсутствия тов. Сталина осуществлять первому заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Булганину Н. А.».

Откровенное подчеркивание того, что данное решение исходит напрямую от генсека, являлось не случайным. Новая реорганизация стала открытым (на сей раз) вмешательством Сталина в борьбу претендентов за наследование его власти. Во всех иных случаях генсек действовал как бы закулисно. Но спустя всего неделю, 15 апреля, та же «семёрка» согласилась с настойчивым желанием Маленкова вернуться в Бюро Президиума Совмина (БПСМ), ибо он не захотел довольствоваться положением второго лица только в партии, и приняла, по сути дела отменяя предыдущее, еще одно решение: «Ввести в состав членов Бюро Президиума Совета Министров СССР тов. Маленкова Г. М.». Возвращение Маленкова в БПСМ облегчило то, что он, как ему тогда казалось, подыскал надежного и верного союзника, которому смог доверить текущие дела Секретариата ЦК и ОБ: воспользовавшись очередной анонимкой, поступившей в ЦК и обвинявшей Г. М. Попова в бездушном, пренебрежительном отношении к людям, их заботам и нуждам, Маленков, Берия, Каганович и Сулов как члены специальной комиссии 1 ноября 1949 г. создали «дело» московского первого секретаря. 12 декабря последовало решение ПБ о смещении Попова со всех партийных постов, на следующий день — о назначении секретарем МК

и МГК и секретарем ЦК партии Хрущева. Закрепление и без того твердых позиций Маленкова в партаппарате завершилось в мае — июне 1950 г. первым этапом перемещений заведующих отделами. Отдел партийно-профсоюзно-комсомольских органов возглавил Г. П. Громов, административный — В. Е. Макаров, тяжелой промышленности — В. И. Алексеев, машиностроения — И. Д. Сербин, планово-финансово-торговый — Н. Н. Шаталин.

Новое руководство СМ, вернувшее себе право заниматься секретными вопросами, т. е. обороны, военной промышленности, иностранных дел, внешней торговли и госбезопасности, стало несколько менять пространственную ориентацию политики, перенося ее центр тяжести с Западной Европы на Азию, где, как казалось, победа народной революции в Китае и образование КНДР создавали возможность более широкого проникновения в обширный регион, охваченный борьбой за независимость, включая Индокитай и Индонезию. И весной 1950 г. Кремль одобрил им же задуманный, а предложенный Ким Ир Сенем и Мао Цзэдуном, план блицкрига для объединения Северной Кореи с Южной.

Принимая такое решение, советская сторона рассчитывала на то, что ни США, ни другие страны Запада не успеют вмешаться в локальный конфликт. Однако уже на третий день войны ООН осудила действия КНДР как агрессивные. После того, как северокорейская армия заняла практически весь полуостров, США направили туда свои вооруженные силы, и 25 октября американские дивизии вышли к р. Ялу. Даже участие китайских «добровольцев» в войне на стороне КНДР, поначалу выглядевшее обнадеживающим, не привело к решительному перелому и позволило лишь установить зыбкое равновесие, стабилизировав линию фронта в районе 38-й параллели. Сделалось предельно ясным, что победу может принести только использование атомного оружия. Но Вашингтон счел тогда свою основную цель — сдерживание коммунизма — достигнутой и не решился пустить в ход атомную бомбу.

13 января 1951 г. президент Трумэн заявил о нежелательности дальнейшего расширения масштабов и характера боевых действий в Корее. Недвусмысленное предложение вернуться к положению, существовавшему до начала войны, в Кремле услышали, поняли и расценили как желательный вариант выхода из корейского тупика. Завершить конфликт на такой стадии его развития без необходимости давать официальные объяснения могла помочь и советская пропаганда, однозначно трактовавшая Корейскую войну как неприкрытую агрессию США и сеульского режима. Потому восстановление прежней границы по 38-й параллели можно было преподнести как еще одну убедительную победу сил мира.

Но для этого следовало несколько отодвинуть тех, кто помог ввергнуть СССР в опасную авантюру. 16 февраля 1951 г. ПБ, как всегда без заседания, любимым у генсека «опросом», приняло два важных взаимосвязанных решения. В соответствии с первым Булганину возвращали прежнее положение руководителя ВПК, отобранное у него с началом Корейской войны, а в структуре СМ создали соответствующее Бюро — по военно-промышленным и военным вопросам, которое должно было руководить деятельностью министерств авиапромышленности, вооружения, вооруженных сил и военно-морского флота (последнее было воссоздано 25 февраля 1950 г.). Второе решение существенно меняло систему власти. Оно гласило: «Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета Министров СССР гг. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью Председателя Совета Министров СССР Сталина И. В.».

Последняя фраза, как раньше, так и позже никогда не встречавшаяся в подобного рода документах, довольно странна для расшифровки. Если ее внесли в текст с ведома Сталина, то ее следует понимать в том смысле, что он в силу веских причин (а ими могли быть либо загруженность более важной работой, либо болезнь) доверил своеобразному триумvirату часть

своих полномочий и позволил ему какое-то время, растянувшееся потом на два года, частично вершить судьбы страны от его имени. Если же фраза появилась вдруг вопреки воле Сталина, как, например, это произошло с введением 15 апреля 1950 г. Маленкова в состав БПСМ, то она должна означать нечто противоположное: что в тот день генсека как бы отстраняли от руководства и что система, созданная Сталиным, сработала как бумеранг, обратившись в конечном итоге против него самого.

А пока что продолжалась концентрация власти в руках триумvirата (Берия, Маленков, Булганин). 15 марта перестройка структуры БПСМ продолжилась. Пять Бюро СМ из девяти были ликвидированы, их вопросы переданы непосредственно в БПСМ. Тем самым Маленков снял с себя заботы о текущих проблемах сельского хозяйства, а Берия — топливного комплекса, сохранив прямой контроль только за производством атомного оружия и ракетостроением. Фактически вне БПСМ оказались Молотов и Ворошилов, а в его составе остались: из старых лидеров — Микоян, из новых — Сабуров и М. Г. Первухин. Сабуров своим возвышением был обязан Маленкову, а Первухин на протяжении последних лет находился в прямом подчинении у Берии.

Затем последовало то, что обычно в СССР предшествовало серьезным переменам в политике: 23 июня Сулова освободили от должности главного редактора «Правды», назначив туда Л. Ф. Ильичева. Данная мера завершила серию кадровых перестановок в партаппарате, начатых еще в мае предыдущего года и продолженных в декабре, когда Игнатьева отозвали из Ташкента, где он находился как уполномоченный ЦК по Узбекистану, и доверили ему пост заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, Громова переместили в административный отдел, а Макарова назначили заместителем министра госбезопасности по кадрам. Наконец, на расстановку сил в аппарате ЦК существенно повлияла роль в нем Сулова и то, что Агитпроп реорганизовали в четыре отдела — агитации и пропаганды, науки и высших учебных заведений, литературы и искусства, школ.

Только после этого триумvirат предпринял действия, которые должны были продемонстрировать смягчение и либерализацию внешней политики СССР. 23 июня, получив соответствующее указание из Москвы, постоянный представитель СССР в ООН Я. А. Малик выступил с предложением начать переговоры о прекращении войны в Корее; 4 августа последовало решение не пересматривать конвенцию Монрё, чей очередной пятилетний срок истек, и тем самым отказаться от дальнейших требований к Турции получить согласие на создание советской военной базы в проливах Мраморного моря¹⁶.

Из других событий лета 1951 г. особого внимания заслуживает начавшееся обновление руководства силовых министерств. Их в контексте решения от 16 февраля, а также прекращения без каких-либо объяснений дальнейшего издания томов сочинений Сталина, можно было бы рассматривать как свидетельство усиливавшейся изоляции генерального секретаря и устранения из его окружения тех, на кого он мог бы в случае необходимости опереться. 20 июля подвергнутого опале в 1947 г. адмирала Н. Ф. Кузнецова восстановили в должности министра ВМФ. 24 июля в «Правде» поместили сообщение о том, что в состав правительственной делегации СССР на празднование Дня возрождения Польши включен наравне с Молотовым и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, и опубликовали полный текст его выступления. Тем самым имя еще одного из военачальников, оказавшихся в немилости у Сталина, вернули из забвения.

Наконец, после недельной проверки записка старшего следователя МГБ М. Д. Рюмина послужила основой принятого 11 июля постановления ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении дел в МГБ». Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, без участия отделов административного и партийно-профсоюзно-комсомольских органов и без активной поддержки Маленковым эта записка, что бы она ни несла в себе, не смогла бы попасть на рассмотрение ПБ. Во-вторых, оргвыводы — снятие Абакумова с поста

министра — выглядели неадекватно тем обвинениям, которые выдвигались против него: смерть, до завершения следствия, сотрудника Лечсанупра Кремля, лечащего врача Берии Я. Г. Этингера, «признавшегося» в причастности к смерти А. С. Щербакова; непредставление в ЦК сведений об этом, а также о ходе следствия по делам заместителя генерального директора АО «Висмут» и группы еврейской националистической молодежи. 9 августа Игнатьев, который вел проверку работы МГБ, стал новым министром госбезопасности.

Как бы промежуточным итогом столь значительных перемен в судьбах страны явились два имевших принципиальное значение решения ПБ. Им вроде бы предстояло сделать необратимым поворот во внешней политике и оформить сложившуюся теперь расстановку сил во властных структурах: от 20 августа — о проведении в Москве Международного экономического совещания (было призвано вывести СССР из изоляции, для начала — в области международной торговли, найти новые рынки для сбыта советской продукции и сырья, способствовать обретению партнеров для импортных операций за пределами восточного блока), от 7 декабря — о созыве осенью 1952 г. откладывавшегося вот уже несколько лет очередного, XIX съезда партии. Порядок дня, утвержденный тем же решением ПБ, предопределял главное: кто будет формировать делегации и новые центральные органы. Выступление с отчетным докладом поручили Маленкову, о директивах по V пятилетнему плану — Сабурову, об изменениях в уставе ВКП(б) — Хрущеву¹⁷.

Но и теперь скрытая, закулисная и сложная игра в руководстве, единственной ставкой в которой была власть, не прекратилась и не замерла даже на месяц. 1952 г. начался с перестановок в высшем командном составе вооруженных сил. В январе командующим артиллерией стал В. И. Казаков, начальником Главного артиллерийского управления С. С. Варенцов, новым заместителем министра М. И. Неделин. В июле заместителями военного министра назначили Л. А. Говорова и К. Г. Вершинина. Еще в мае радикальные перетряски затронули МИД: Малика отозвали из Нью-Йорка, а Г. М. Пушкина из Берлина и утвердили заместителями министра иностранных дел; В. А. Зорин получил должность постоянного представителя СССР в Совете безопасности, А. А. Громыко — посла в Великобритании, А. С. Панюшкина отозвали из Вашингтона и направили в Пекин, Г. Н. Зарубина переставили послом из Лондона в Вашингтон. Все это, как свидетельствовала советская практика, означало грядущую в ближайшем будущем смену министров военного и иностранных дел, то есть отставку Василевского и Вышинского.

В апреле в Москве прошло Международное экономическое совещание, участников которого впервые не подбирали в соответствии с их политическими взглядами. Подобный подход сказался на заметных сдвигах во внешней торговле СССР, ее осязательном оживлении за счет установления более равноправных и взаимовыгодных связей. В октябре собрался XIX съезд партии. Образование 16 октября, на первом пленуме ЦК нового состава, неуставного Бюро Президиума ЦК (что повторяло по названию высший исполнительный орган государства) не вносило чего-либо нового в баланс сил и не влияло на приоритетность позиций тех, кто стал во главе страны два с половиною года назад.

В узкой группе, выделенной из всех членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, явными преимуществами (даже только при голосовании) обладали те же Берия, Булганин, Маленков, Хрущев, Сабуров и Первухин. Их уже не мог никто уравновесить даже при поддержке «теней прошлого», переставших играть заметную роль в политической жизни, — Ворошилова и Кагановича. В свете данных фактов перестает вызывать недоумение полное тогда отстранение Молотова и Микояна от реального руководства.

Можно принять также, хотя и с оговорками, предположение А. Г. Авторханова о намерении либо всех шестерых новых лидеров СССР, либо некоторых из них устранить из политической игры Сталина. В пользу этого говорят следующие факты. Во-первых, подлинные задачи таинствен-

ного Бюро № 2 — самостоятельного аппарата МГБ, законспирированного от всех без исключения сотрудников этого ведомства и подконтрольного только самому министру и его первому заместителю. Официальной целью Бюро № 2, образованного решением ПБ от 9 сентября 1950 г., а сформированного в начале следующего года, являлось «выполнение специальных заданий внутри Советского Союза по пресечению особыми способами («компрометация, секретное изъятие, физическое воздействие и устранение») вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами». Все попытки министра Игнатьева получить от ПБ, вернее — от своего куратора в ПБ Маленкова, какие-либо конкретные задания для бездействовавших два года, но продолжавших усиленно тренироваться, странных подчиненных в составе этого Бюро или хотя бы влить их во Второе главное (контрразведывательное) управление МГБ не увенчались успехом.

Во-вторых, арест в декабре 1952 г. Н. С. Власика, а затем отстранение Поскребышева, руководителей личной охраны и секретариата Сталина.

В-третьих, цепь событий, начавшихся в 1951 г.: «признание» Этингера в причастности к смерти Щербакова; снятие 1 сентября 1952 г. с должности начальника Лечсанупра Кремля П. И. Егорова и назначение на этот пост начальника медицинско-санитарного отдела Административно-хозяйственного управления МГБ генерал-майора медицинской службы И. И. Крупина, что было проведено под контролем Маленкова и Шкирятова; наконец, публикация 13 января 1953 г. сообщения об аресте «врачей-вредителей» из кремлевской поликлиники¹⁸.

Впрочем, все это можно рассматривать также и как сложную игру, затеянную самим Сталиным. Его смерть в марте 1953 г. не приостановила борьбы за власть в советском руководстве. Очередными ее вехами стали затем арест Берии и другие события тех лет.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 3, д. 2181, л. 135—137; д. 2182, л. 3; д. 2183, л. 2—4; д. 2177, л. 46; д. 2185, л. 14.
2. Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия). Стеногр. отчет. М. 1946, с. 328—329; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5446, оп. 1, д. 275, л. 35, 121—122.
3. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2185, л. 2—4.
4. Подтверждено К. С. Кузаковым, в то время заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2187, л. 3; оп. 125, д. 377, л. 59, 65—68; д. 405, л. 32—46; д. 483, л. 4—5; оп. 117, д. 627, л. 141—142.
6. КПСС в резолюциях... Т. 8. М. 1985, с. 39—48.
7. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2188, л. 96—98.
8. ХРУЩЕВ Н.-С. О культе личности и его последствиях.— Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 163.
9. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2193, л. 10, 32—37; ф. 629, оп. 1, д. 95-а, л. 182—183; д. 2194, л. 11, 17; д. 2191, л. 89; д. 2194, л. 11.
10. Там же, л. 45; д. 2195, л. 22, 31, 36; д. 2196, л. 47—48; д. 2200, л. 2; д. 2201, лл. 28—29.
11. Там же, д. 2199, л. 11; Источник, 1994, № 2, с. 92—93.
12. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2200, л. 31; д. 2202, л. 23; Центр хранения современной документации (ЦХСД), коллекция, ф. 89, перечень 60, док. 26, л. 2.
13. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2201, л. 32; д. 2202, л. 33; ф. 629, оп. 1, д. 98, л. 1; ф. 17, оп. 3, д. 2204, л. 14, 35—36, 58, 107—116, 60, 67.
14. Там же, д. 2205, л. 14, 64, 29; д. 2206, л. 47; д. 2207, л. 44, 55; д. 2208, л. 11; д. 2198, л. 4—5.
15. Там же, д. 2210, л. 78, 4—5, 11, 89; д. 2211, л. 3, 81, 93; д. 2208, л. 98; д. 2214, л. 6—7, 14, 32.
16. Там же, д. 2221, л. 56; д. 2223, л. 2; д. 2224, л. 66; д. 2219, л. 84—85; д. 2225, л. 10.
17. Там же, д. 2224, л. 85, 92; д. 2225, л. 16, 39; д. 2227, л. 134.
18. Там же, д. 2229, л. 57; д. 2232, л. 133; д. 2231, л. 78; ЦХСД, коллекция, ф. 89, перечень 18, док. 18, л. 2, 3—5, 8; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2233, л. 41.

«Веховская» традиция в духовной жизни русской эмиграции

Н. А. Омельченко

В эмигрантских спорах об истоках и смысле российской трагедии, об отношении к западноевропейской демократии и дальнейшей судьбе России значительную роль суждено было сыграть той традиции русской социально-философской и политической мысли, которую условно можно назвать «веховской».

Сборник «Вехи», выходу которого в 1909 г. левая российская интеллигенция, обеспокоенная падением престижа революционных идеологий в обществе, поспешила тогда же придать характер политического скандала, долгое время именно так и оценивался его оппонентами и противниками. В советской литературе характеристика этого сборника давалась только в соответствии с высказываниями В. И. Ленина. На деле же состоялась огромная дискуссия, значение которой больше, чем сам этот (небольшой по объему) сборник. Ее участниками были крупные умы России, отражавшие весь спектр оценок российского кризиса начала века. В сущности, «Вехи» со всеми их противниками и сторонниками — это вся та русская общественность, которая готовила революцию и боролась с ней, идеализировала ее и предостерегала против ее иконизации.

Порожденные первой русской революцией, поражение которой было одновременно и «поражением в ней радикальной интеллигенции»¹, «Вехи» явились первой серьезной попыткой осмыслить случившееся. Большая часть русского образованного общества, в сознании которой «быть левым» часто означало, по остроумному замечанию Н. А. Бердяева, «быть порядочным человеком..., почти что быть красивым и умным»², оказалась не на стороне авторов «Вех», не услышала их призыва. Осмелившиеся развенчать идеальный тип интеллигента-революционера, преклонение перед которым до того считалось общеобязательным, «Вехи» вызвали тогда дружный интеллигентский протест, а их авторы подвергались резкой критике и шельмованию.

В нападках на «Вехи», как справедливо заметил Н. Полторацкий, было «огромное, трагическое по своим историческим последствиям, недоразумение»³. Ибо «Вехи», исходя из опыта первой русской революции, стремились предостеречь русское общество от нового общественно-политического потрясения, могущего привести к гибели государства, ставили вопрос об

Омельченко Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Государственной академии управления.

исторических судьбах России. При этом многим авторам «Вех» самим, очевидно, не верилось, что будет именно так: они не пророчествовали — они предупреждали. По словам П. Б. Струве, «Вехи» были лишь «робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905—1907 гг. и разразилась в 1917 году»⁴.

Во многом пророческий характер имел другой сборник — «Из глубины» (1918 г.), выпущенный по инициативе Струве теми же авторами (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, П. Б. Струве, С. Л. Франк) в составе более широкого коллектива (11 авторов) сразу после большевистской революции и тогда же арестованный советскими властями⁵. Сами авторы сборника вели его родословную от «Вех»; в новом сборнике их объединило, как писал его издатель, стремление «высказаться об уже свершившемся крушении»⁶. По горячим следам был дан анализ большевистского переворота в трех его измерениях: в прошлом, настоящем и будущем. Смысл, причины и перспективы революции получили на страницах нового сборника всестороннее освещение. Авторы предрекали обреченность и крах большевизма в его тоталитарной основе и рассматривали свой сборник как предостережение грядущим поколениям. Тем самым завязывался новый узел дискуссий, которые теперь по известным причинам могли продолжаться только в эмиграции.

Не услышанные радикальной интеллигенцией в дореволюционной России, идеи «Вех» нашли немало последователей в среде русского изгнания, пережившего на опыте большевистской революции и гражданской войны существенный мировоззренческий кризис. Если «Вехам», вспоминая много лет спустя Франк, «не суждено было иметь определяющего влияния на ход русской жизни — их идеи потонули во вновь нараставшей в более широких массах общества и народа волне политического радикализма, особенно усилившейся во время войны 1914—1917 гг.», — то, напротив, неоспоримо было их влияние в том «дружном и энергичном отпоре, которым общественное мнение встретило большевистскую революцию»⁷. По словам Бердяева, правду «Вех» после опыта 1917 г. «начинают признавать даже те, которые их поносили»⁸. Как бы то ни было, даже при всех возможных оговорках престиж авторов «Вех», решительно осуждавших революционный утопизм русской кружковой и радикальной интеллигенции, был очень высок в эмиграции.

И все же говорить о веховской традиции можно лишь в определенном смысле и со значительной степенью условности. Изначальная двусмысленность заключалась уже в самом термине «веховство», которым принято было обозначать философию и общественно-политические установки авторов трех сборников — «Проблемы идеализма» (1902 г.), «Вехи» и «Из глубины». Ибо введен он был в политический оборот отнюдь не с целью научного определения этого сложного и далеко не однозначного направления русской общественной мысли. Его «изобретатели», идеологи левого лагеря, по замечанию Е. Н. Трубецкого, часто даже не задавались вопросом об истинности высказанного в «Вехах»⁹. По их замыслу термины «веховство», «веховская идеология» призваны были выполнять исключительно «заклеймительную» по отношению к их политическим противникам функцию. С этой целью указывалось на общую для всех «веховских» изданий идейную и общественную платформу.

Общая преемственность (идейная и организационная) между тремя названными сборниками действительно существовала. Это были сборники статей о русской интеллигенции и русской революции. Характерная их особенность заключалась в практически неизменном составе авторов, уже к началу века успевших создать себе имя в публицистике, философии, политике. Ведущим ядром этой группы были четыре человека (Бердяев, Булгаков, Струве и Франк), которые приняли участие во всех трех сборниках (в двух сборниках участвовали С. А. Аскольдов, П. И. Новгородцев, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский). Всех их объединяла общность философской и политической судьбы. Все они проделали путь от позитивизма

к религиозной философии и от марксизма к консервативному либерализму (или либеральному консерватизму). Все находились в оппозиции к царизму, одновременно призывая русскую интеллигенцию отказаться от «отщепенства» (выражение Струве) от государства и начать сотрудничество с ним, чтобы избежать страшной трагедии, которую все «веховцы» предчувствовали.

Нельзя сказать, что во всем и всегда они были правы. Излишняя категоричность некоторых высказываний «веховцев», их стремление возложить всю ответственность за анархическое развитие событий на русскую интеллигенцию, которую авторы «Вех» обвиняли в «противогосударственности», «безрелигиозности» и «космополитизме» уже тогда вызывали серьезные возражения даже со стороны тех, кто никогда не считался «левым» в «веховском» понимании этого слова¹⁰. Да и сами авторы «Вех», оказавшись в эмиграции и наблюдая за чудовищными репрессиями против инакомыслящих в Советской России, вынуждены были пересмотреть некоторые прежние свои выводы, увидели русскую интеллигенцию в несколько ином свете. В противоположность реставраторским и антидемократическим установкам ряда эмигрантских группировок, прежние критики этой формации выступили, как верно отметил Л. Люкс, против огульного ее осуждения, стали подчеркивать в интеллигенции стремление к свободе и справедливости¹¹.

Однако в главном правда была на стороне «Вех». Наряду с критикой позитивизма, радикализма и революционного утопизма русской интеллигенции, критикой, отнюдь не являвшейся самой оригинальной и самостоятельной частью «Вех», авторы сборника последовательно отстаивали идеи либерализма (либерального консерватизма), патриотизма, традиционализма и народоправства. В отличие от сторонников революционного максимализма, которые, по замечанию Струве, всегда отрицали воспитание и самовоспитание в политике¹², авторы «Вех» требовали от интеллигенции общественного и политического реализма и считали, что «налево надо идти не политически, а социально»¹³. Левых они звали к огосударствлению их социального реформаторства, в правых ценили не обскурантизм, не цепляние за классовые привилегии, не социальное упорство, а органический, зиждущий консерватизм, политическое умение, технику, формы, традиции государственности, трезвый взгляд на вещи.

В этой связи находилась и критика авторами «Вех» безрелигиозности наиболее радикально настроенной части российского образованного общества. В безрелигиозности интеллигенции они видели не просто отсутствие веры. То, что таит опасность в субкультуре «интеллигентщины», — это извращение веры, подмена ее собственным авторитетом, ведущие в конечном счете к утере духовных и моральных ориентиров и разрушительно сказывающиеся в психологии еще более бездуховных последователей носителей «интеллигентской культуры». Именно об этой опасности предупреждали и ей противостояли авторы «Вех». Всем им, по словам Струве, было «одинаково присуще и дорого убеждение, что положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление»¹⁴. В этом, в сущности, и заключались смысл и содержание «веховской традиции».

Но говоря об этом, не следует забывать и о тех значительных расхождениях и противоречиях, которые существовали между воззрениями представителей «веховского» направления и которые из соображений политической конъюнктуры невыгодно было замечать большинству критиков «Вех».

В литературе уже указывалось на то заблуждение, в которое были введены современники тесными внешними формами сотрудничества основной группы «веховцев», чьи имена в течение длительного времени «сосуществовали в журналах, сборниках, издательствах, обществах, кружках с более или менее четко обозначенной общественно-политической и философской программой»¹⁵. Это обстоятельство давало формальные основания сблизить или даже отождествлять их взгляды и убеждения. Однако на деле в рамках такого «единства» каждый отдельно взятый автор «Вех» шел

своим путем, чтобы осуществить свой лик, свою заданность. Близость идейно-политических установок не исключала расхождений и разногласий в осмыслении конкретных проблем общественно-исторического процесса. Это касалось не только Булгакова и Бердяева, являвшихся, несмотря на их многолетнее сотрудничество, антиподами в решении многих вопросов и в частности занимавших противоположные позиции в спорах о судьбе России. Как отмечал в предисловии к «Вехам» их составитель М. О. Гершензон, люди, соединившиеся в этом сборнике «для общего дела», нередко далеко расходились между собою «как в основных вопросах «веры», так и в своих практических пожеланиях»¹⁶.

Революция 1917 г. и приход к власти большевиков на время вновь объединили русских мыслителей в их стремлении дать принципиальную оценку случившемуся. Сборник «Из глубины» был последним совместным выступлением, в котором бывшие участники «Вех» вновь обнаружили, при очевидном разнообразии подходов и мотивировок идей, полный консенсус в «безусловном отвержении» большевизма и воспринимали революцию как глубочайшую духовную катастрофу.

Относительное единство основного ядра участников трех сборников, проявлявшееся в течение почти двух десятков лет, было, однако, поколеблено серьезным идейным расхождением между отдельными его представителями после 1918 года¹⁷. Противоречия и несходство позиций, переходившие подчас в столкновения, особенно заметными стали в эмиграции, где большинство «веховцев» вскоре очутилось. Одинаково отвергая большевизм и прежде всего его тоталитарную направленность, стремление к насильственной переделке всех форм общественной жизни, справедливо полагая, что будущий прогресс России возможен лишь на основе «преемственности жизни и культуры»¹⁸, они серьезно разошлись в своем понимании смысла и истоков русской трагедии, ее влияния на судьбы России.

Разномыслие и конфликты между «веховцами» в эмиграции в значительной степени объяснялись разностью их послереволюционного опыта, личной судьбы, внешних перипетий и условий. Если Струве с пылкостью, горячностью и даже со свойственной ему нерасчетливостью характера с головой ушел в белое движение и оказался за рубежом вместе с остатками потерпевшей поражение армии П. Н. Врангеля, то трое других «веховцев» (Бердяев, Булгаков, Франк), не вступивших в политическое противоборство с большевистским режимом, продолжали жить в Советской России вплоть до их административной, без суда и следствия, высылки из нее в 1922 году. Все это не могло не повлиять на эволюцию их взглядов и характер их взаимоотношений. «Приходится действительно признать,— писал в 1923 г. Изгоев (вместе с другими «веховцами» высланный за рубеж советскими властями),— наличие какого-то серьезного расхождения в мироощущении тех, кто эмигрировал добровольно после октября, и кто жил эти годы под советской властью, при всем различии в мирозерцании отдельных людей»¹⁹.

Представителям первой волны эмиграции, сразу или в ходе гражданской войны покинувшим Россию, в значительной мере было свойственно эмоциональное отношение к случившемуся, они все еще продолжали считать победу большевиков «случайным вывихом истории», простым стечением обстоятельств. Центральным пунктом в их восприятии и оценках революции оставалось моральное неприятие большевизма, отодвигавшее на задний план необходимость объективного анализа ее причин и результатов. Этого очевидного противоречия не смог избежать и Струве, в пылу политической борьбы определенно отступивший от позиции, которую отстаивал в отношении к революции в сборнике «Из глубины». И после военного поражения белых армий он продолжал настаивать на необходимости и возможности вооруженного свержения большевизма.

Из иного опыта исходили прибывшие в Берлин и другие эмигрантские центры высланные из советской России мыслители, успевшие, по замечанию Франка, «вывариться в большевистском котле» и имевшие возможность в течение пяти лет «близко наблюдать стихийно-народную подоплеку

русской революции». В спорах со Струве они доказывали, что его планы внешнего, насильственного ниспровержения большевиков не учитывают духовных источников большевизма и, следовательно, того, что он может быть преодолен только медленным внутренним процессом религиозного творчества и духовного возрождения русского народа²⁰. Эта ориентация в значительной степени определила и их в основном негативное отношение к белому движению. На этой почве возникли трения и затянувшаяся на несколько лет размолвка между Струве и Франком. Этим же во многом было обусловлено резкое политическое расхождение между Бердяевым и Струве, дошедшее до разрыва.

Из приведенных фактов современники и исследователи русской эмиграции часто делали крайние выводы, нередко не учитывая всей сложности и неоднозначности эмигрантских судеб и самой эволюции взглядов, которую пережила в эмиграции основная группа «веховцев». При этом либо вообще отрицалось наличие какой бы то ни было духовной и идейно-политической общности между бывшими «веховцами», либо дело представлялось таким образом, будто практически все оказавшиеся в эмиграции авторы «Вех», при весьма незначительных между собой расхождениях в частностях, находились в принципиальной оппозиции к Струве и придерживались взглядов, полярно противоположных тем, которые он защищал и отстаивал и которые им, казались ошибочными.

В действительности все обстояло не так просто. Несмотря на разногласия и конфликты, общность идейная и особенно духовная в главном между «веховцами» сохранилась и в эмиграции. Об этом, в частности, свидетельствует то, что именно в эмиграции авторами «Вех» была задумана подготовка четвертого общего сборника. Он не получился отчасти из-за позиции, занятой Бердяевым, наотрез отказавшимся, как ни уговаривал его о. Сергей (Булгаков), включить Струве в состав его авторов. Тем не менее, тогда же по инициативе Булгакова было возрождено (родившееся еще в России, но так ни разу и не собравшееся) «Братство святой Софии», куда вошли все четверо «веховцев» и другие прежние его члены за исключением И. А. Ильина (вероятно, из-за трудного характера) и Л. П. Карсавина, увлекшегося евразийством. Тогда же (в 1923 г.) братство выпустило свой первый сборник статей «София» (под редакцией Бердяева и при ближайшем участии Карсавина и Франка), который Струве назвал «одним из самых интересных и значительных явлений современной русской мысли»²¹. Хотя братство не раз испытывало на своем нелегком пути затруднения и кризисы (самый серьезный из них был связан с уходом из братства Бердяева), оно продержалось вплоть до второй мировой войны (и даже возродилось в новом составе после нее).

Наиболее тесными узами при явном различии в области теоретических, научных и философских воззрений, связаны были между собой в эмиграции Струве и Франк²². Духовное и идейно-политическое родство двух этих выдающихся мыслителей продолжало питать их дружбу и привязанность. В отличие от Бердяева, все резче расходившегося со Струве (этим, очевидно, объяснялось и то, что возглавляемое Бердяевым в эмиграции издательство «Имка-пресс» как и его журнал «Путь», совсем не издавали книг и статей Струве), Франк, считавший себя духовным учеником Струве, и после своего расхождения с ним оставался его политическим единомышленником. Оба они несмотря на указанные различия сохранили свою приверженность идеям и принципам «либерального консерватизма», в котором, по их мысли, преодолевалось принципиальное противопоставление начал свободы и правового порядка, отвергались крайности и утверждалось положительное содержание и либерализма и консерватизма. Эта идея, сформулированная Струве как неразрывная связь между свободой творческого прогресса и преемственностью жизни и культуры, оставалась для них определяющей и в конечном счете верховной.

Во второй половине 30-х годов идейная близость между двумя мыслителями еще более укрепилась на основе одинаково положительного отношения к Пушкину и пушкинским заветам. Так же как и Струве, Франк считал

Пушкина одним из самых выдающихся трезвых политических умов России, либеральным консерватором и даже посвятил этой теме специальное исследование (предисловие и приложение с оценками Пушкина кн. П. А. Вяземским и А. Д. Градовским принадлежали в этой книге Струве) ²³. В написанной тогда же статье о Пушкине Франк с сожалением констатировал, что несмотря на существование целой отрасли научных изысканий, именуемой «пушкиноведением», «история русских иллюзий и фантазий, русских заблуждений изучена гораздо более внимательно и основательно, чем история русской здоровой мысли, воплощенной прежде всего в Пушкине». Тень «писаревского отношения к Пушкину» еще продолжала, по словам философа, «витать в русском общественном сознании» ²⁴.

Сказанное лишний раз подтверждает как непросто складывались отношения между представителями «веховского» направления в эмиграции и насколько неуместны поэтому здесь схематизм и простота оценок, неизбежно рождающие новые стереотипы. Множеством факторов определялись эмигрантские судьбы «веховцев» и коллизии в их взаимоотношениях. Каждый из них отличался определенным умственным складом, своим призванием, своеобразием жизненного и политического опыта. На взаимоотношения между «веховцами», их творчество и политическое поведение существенное влияние оказывали и их личные качества, особенности характеров. Струве, по свидетельству современников, в большей степени был «аристотеликом», плюралистом и действительной натурой, моральным борцом. С боевитостью характеров Струве и Бердяева, принципиальностью первого и природной «задиристостью» второго в значительной степени были связаны их столкновения.

В противоположность Струве Франк, напротив, был «платоником», монистом и, по определению его друга, «буддистом», мыслителем, имеющим созерцательный характер, желающим жить вне злобы дня. Это различие натур сказалось и в их отношении к русской революции и большевизму. Хотя Франк, как совершенно верно заметил Полторацкий, так же как и Струве, сугубо отрицательно отнесся к большевистской революции, «характер и содержание этой отрицательной реакции были у Франка и Струве весьма различны — и особенно после 1918 года» ²⁵. И дело тут, конечно, не только в том, что Струве, как пишет З. М. Зотова, «отрицал наличие общеисторических причин успеха Октябрьской революции» и связывал победу большевизма со случайными тактическими ошибками вождей белого движения (отношение Струве к революции было гораздо более сложным, хотя и не всегда последовательным), а Франк, напротив, стремился теоретически осмыслить исторические корни и духовные истоки русской трагедии ²⁶. В отличие от Струве Франк остался «созерцателем» революции и большевизма, старавшимся, по Спинозовскому принципу, «не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать».

Для Струве подобное «объективно-познавательное» отношение к революции было, по словам самого Франка, абсолютно неприемлемо ²⁷. Думается, что не только по соображениям чисто морального плана. В полемике с Франком в 1923 г. на страницах издаваемого им журнала «Русская мысль» Струве указывал на ограниченность кругозора тех, кто, живя под игмом большевиков, был поставлен властью «лицом к стене, а спиной к стенке», и совершенно не видел международного характера и всемирной опасности коммунизма ²⁸.

В этой связи более подробно остановимся на личности самого Струве, многие из сторон общественной и политической судьбы которого, несмотря на имеющиеся уже в нашей литературе первые серьезные публикации на эту тему ²⁹, очевидно, еще ждут своего внимательного и непредвзятого исследователя. Один из известных на Западе исследователей русской эмиграции заметил, что жизнь Струве с внешней стороны «была полна горьких разочарований»: он видел вырождение и крах империи, его усилия создать устойчивое и просвещенное правительство в России не привели ни к чему, и умер он нищим изгнанником ³⁰. Верное по существу, это замечание нуждается в некоторых уточнениях.

Многие невзгоды и неурядицы в общественной и политической судьбе Струве в немалой степени были связаны с особенностью характера и личными качествами этого мыслителя. Человек энциклопедического ума и большой душевной привлекательности, имевший много друзей, поклонников и учеников, он менее всего был создан для роли практического политика. Этому мешали как его недостатки, так и его достоинства.

Струве — больше человек научной мысли, чем политики. Для политики он был слишком эмоционален, нерасчетлив и прямодушен, склонность к политическим компромиссам и комбинациям — не его характерная черта. В этом смысле он — полная противоположность его бывшему соратнику по «Союзу освобождения» и кадетской партии П. Н. Милюкову — умному, холодному политику, человеку также мужественному (по свидетельству современников, совершенно лишенному «рефлекса страха»), но по большому счету далекому от высоких материй, с большим политическим честолюбием, умевшему гибко лавировать и совершать, когда это необходимо, резкие, абсолютно непредсказуемые повороты в своей политической позиции.

Весьма интересны в этой связи слова самого Струве о Милюкове — политике в одном лице, по его определению, удивительно сочетавшем «ученого доктринера с политическим калькулятором», «доктринера революции без темперамента революционера»³¹. Если бы политика, пишет Струве, была шахматной доской, а люди деревянными фигурками, то Милюков с присущим ему исключительным свойством комбинировать, аранжировать «вещи» был бы гениальным политиком. Для Струве же политика не может быть «шахматной доской», ибо такая политика отучает «видеть живых людей, им сочувствовать, им соперничать, а потому ими управлять»³².

Именно этими качествами своего ума и характера отличался «политик» Струве от политика Милюкова и именно им обязан был своими успехами и неудачами, взлетами и падениями. У него было много иллюзий и заблуждений, неоправдавшихся надежд. В эмиграции Струве больше, пожалуй, чем кому-либо другому из «веховцев» пришлось испытать удары судьбы, до конца испить горькую чашу непонимания. Его общественная судьба в эмиграции была по преимуществу несчастной. Левая интеллигенция не могла простить ему его былого «отступничества» от революционного кредо разрушения и его активного участия в белом движении. Не осталась она безучастной и к его преданности идеям укрепления государственного величия и мощи Российской империи. Как человек деятельный Струве делал попытку объединить русскую патриотическую эмиграцию на непримиримой антибольшевистской платформе, опирался на «правых», которые часто не понимали его умственных порывов и прогнозов, требовали от него невозможного. Если леволиберальный фланг эмиграции обвинял его в приверженности к монархии и в реакционности (обвинение явно нелепо), то для крайне правых он был чересчур «левым». Среди консервативно настроенных русских студентов в Праге приходилось слышать, вспоминал В. Варшавский, что «первого кого нужно повесить по возвращению в Россию — это Петр Струве»³³.

Тем не менее Струве принял самое ближайшее участие в подготовке нашумевшего тогда Зарубежного съезда, лично для Струве имевшее драматические последствия. Съезд проходил с 4 по 11 апреля 1926 г. в Париже и, по замыслу его организаторов, призван был объединить основные силы русского изгнания. Струве был избран председателем оргкомитета по подготовке съезда, куда вошли представители различных, преимущественно монархических, организаций и движений, а также председательствовал на самом съезде. С Зарубежным съездом была тесно связана и выходящая с весны 1925 г. возглавляемая Струве газета «Возрождение» (издателем ее был бывший нефтепромышленник А. О. Гукасов); на ее страницах широко освещалась подготовка съезда, организация выборов на него, ход его заседаний.

История этого съезда, как и вопрос о его значении для русского

зарубежья до сих пор остаются «белым пятном» в историографии. В советской литературе съезд подавался исключительно в гоголевских тонах, в духе фельетонов Мих. Кольцова, как «свара», «возня» и «склоки» правой монархической эмиграции, преследовавшей реставраторские цели и стремившейся объединиться для вооруженной борьбы с советской властью³⁴. При этом авторы, писавшие о Зарубежном съезде, даже не пытались разобраться в действительных причинах, вызвавших созыв съезда, тем более дать анализ состоявшихся на нем дискуссий и принятых им документов. Но и в зарубежной литературе история подготовки и работы съезда не получила сколько-нибудь обстоятельного освещения.

Пожалуй одним из первых более широко и по-своему попытался подойти к этой теме М. Назаров. По его мнению, подготовка и проведение съезда были обусловлены серьезными психологическими сдвигами в среде русской эмиграции: вопреки ожиданиям, большевистский режим не рухнул, а стабилизировался и получил дипломатическое признание западных стран; после введения нэпа левый эмигрантский фланг ждал эволюции большевиков, на правом фланге начались попытки национального оправдания революции (сменовеховство). Все это заставляло русскую эмиграцию, пишет Назаров, «задуматься о смысле своего затянувшегося пребывания за пределами отечества». Съезд должен был с учетом новой обстановки объединить эмиграцию вокруг вождя — великого князя Николая Николаевича, который выдвигался организаторами съезда «не как претендент на престол» (вопрос о престолонаследии на этом съезде вообще не затрагивался), а «как символ национальной России»³⁵.

Назаров отвергает упрощенчески-разоблачительные характеристики Зарубежного съезда как предприятия, имевшего якобы чисто реставраторский характер. И это совершенно справедливо: достаточно без предвзятости внимательно просмотреть материалы съезда, чтобы убедиться в том, что не реставрация, а понимание необходимости экономического, политического и духовного возрождения России преобладало в выступлениях на съезде и в его решениях. Но, верно трактуя место и значение Зарубежного съезда в общественно-политической жизни русской эмиграции, автор явно идеализирует ситуацию, пытаясь представить съезд чуть ли не адекватно отразившим устремления основной массы эмигрантов. Исходя из этого и учитывая партийный состав съезда, делается вывод о преобладании в эмиграции правых настроений. Однако подобное утверждение вряд ли можно считать бесспорным: по данным Милюкова, внимательно следившего за подготовкой съезда, в выборах его делегатов во Франции приняли участие лишь около 9% тех, кто должен был выбирать, в Польше — всего 0,25% избирателей, в Чехословакии выборы также проходили в «строго конспиративной» обстановке, «без посторонних»³⁶.

Организаторам съезда, в том числе и Струве, искренне считавшему свое участие в его подготовке «самым большим общественным делом своей жизни», пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Леволиберальный фланг эмиграции отказался участвовать в съезде, что уже с самого начала принесло поражение замыслу его организаторов объединить всю эмиграцию. Обострились к этому времени (о чем пишет и Назаров) и разногласия между отдельными монархическими направлениями, особенно после того, как великий князь Кирилл Владимирович провозгласил себя в 1924 г. императором в изгнании. Разногласия на правом фланге отягчались церковным расколом в эмиграции. Все это не могло не повлиять на ход подготовки и работы Зарубежного съезда. Об этом свидетельствует и то, что при выборе его председателя Струве получил 232 голоса «за» и 193 — «против».

Этого, кажется, не хочет замечать Назаров, но именно об этом предупреждал Струве его друг и единомышленник Франк. Как он вспоминал, его очень огорчала политическая линия, намеченная Струве в середине 20-х годов в связи с Зарубежным съездом и проводимая в редактируемом им «Возрождении». Струве, пишет Франк, «очевидно поневоле все более сближается с духовно ему... все же чуждыми «правыми». В одну из их встреч

Франк указал Струве, что «это монархическое его возглавление политически вредно и будет только на руку большевикам», умышленно компрометирующим в глазах народных масс восстание против них как попытку монархической реставрации. Тогда же Изгоев, сначала сотрудничавший в «Возрождении», ушел из этой газеты, не согласившись, по словам Франка, «с этим монархическим «облачением», которое оно начало принимать». Франк в течение 1926—1927 гг. «дружески ему (Струве.— *Н. О.*) выразил свои опасения, что из-за «Возрождения» он останется у «разбитого корыта». И в ответ на вопрос П. Б. честно признался, что в смысле редактирования «Последние новости» (газета Милюкова.— *Н. О.*) бесспорно стоят выше «Возрождения»³⁷.

Как показали дальнейшие события, «дружеские советы» Франка имели основания. Очевидно и сам Струве осознавал зыбкость начатого им предприятия. На второй день после открытия съезда «Возрождение» в передовой статье обращалось к его участникам: «Нужно помнить, что большевики ждут от съезда двух вещей: демонстрации розни и обнажения сословных и классовых интересов. Большевики только и мечтают о том, чтобы можно было использовать постановления съезда как реставрационные вождедения»³⁸.

Несмотря на серьезность самого предприятия, моральное значение и важность выводов, к которым пришел съезд в вопросе о дальнейшей судьбе России, конечная цель съезда не была достигнута. Ему не удалось объединить эмиграцию. Не смог съезд создать и единого органа для координации действий правой эмиграции. Сразу после съезда возникли две группировки: Русское зарубежное патриотическое объединение во главе с И. П. Алексинским, состоявшее из более правых участников съезда и членов Высшего монархического совета (избран на состоявшемся в конце мая — начале июня 1921 г. Рейхенгалльском монархическом съезде во главе с Н. Е. Марковым) и Российское центральное объединение (РЦО) под председательством Гукасова, занимавшее скорее правоцентристские позиции (в него входил и Струве).

Отношения Струве с крайне правыми, пытавшимися еще в ходе съезда представить его председателя чуть ли не как революционера, особенно обострились после съезда. Теперь он на практике, по замечанию Франка, смог ощутить «моральную недоброкачественность правых кругов, с которыми он пытался объединиться»³⁹. Не сложились отношения Струве и с его окружением из РЦО. Ряд конфликтов с Гукасовым вынудил Струве уйти из объединения и оставить (в 1927 г.) редактирование «Возрождения», что он переживал особенно трагически. Можно лишь догадываться, кто больше был виноват в таком развитии событий (определенная доля вины, очевидно, лежит и на самом Струве с его эмоциональностью и горячностью характера)⁴⁰.

Можно также спорить о том, какое из изданий — либеральные «Последние новости» или правоцентристское «Возрождение», ожесточенная полемика между которыми в середине 20-х годов составляла основной политический фон эмигрантской жизни, пользовалось большей популярностью в эмиграции. Но нельзя не согласиться с тем, что устранение Струве от редактирования одной из ведущих эмигрантских газет и естественное после этого монопольное положение «Последних новостей» не могли не нанести ущерба престижу русской эмиграции: они могли иметь лишь негативные последствия для национального зарубежья, чего многие тогда не понимали.

Конец редактирования «Возрождения» был для Струве, по существу, и концом его активной политической деятельности. Хотя и после этого он некоторое время пытался проводить свою политическую линию в газете «Россия», прежнему воодушевлению приходит конец. Испытанный им удар «положил конец многим из его иллюзий». После прекращения (из-за отсутствия средств) в мае 1928 г. издания «России» Струве снова возвращается из Парижа в Прагу, а затем (осенью 1928 г.) уезжает (до 1940 г.) в Белград в качестве члена основанного там Русского научного института и все более

отходит от участия в политической жизни. Из Белграда, правда, он редактировал газету «Россия и славянство» (1928—1933 гг.). Однако многое мешало ему, как пишет Франк, «вложиться душой в новое свое издание»⁴¹. Газета издавалась в Париже и потому фактическое редактирование находилось в руках более молодых его сотрудников и единомышленников (главным образом К. М. Зайцева и С. С. Ольденбурга), тогда как сам Струве ограничивался почти только писанием статей в газету (продолжая вести в ней, как и в «Возрождении», свой «Дневник политика»).

Однако политической деятельностью Струве не исчерпывается его роль и значение в жизни русской эмиграции. Он был крупнейшим для своего времени идеологом, обладавшим редким пронизательным умом и умением совмещать обширную эрудицию с даром широкого и смелого обобщения. По свидетельству Франка, политическая страсть Струве не мешала ему быть беспристрастным, объективным ученым. Он был исключительно восприимчив к новым идеям, владел «даром блестящего научного и философского анализа, прослеживая связи и находя причины, ускользающие от менее острого глаза и ума»⁴². В своих воспоминаниях А. Тыркова-Вильямс пишет: «Он был первым, кто находил обоснование, объяснение и соответствующее выражение для еще не сформировавшихся изменений общественного мнения. Часто излагал он свои мысли настолько кратко и убедительно, что его слова становились лозунгами»⁴³. Читая Струве, приходишь, действительно, к убеждению: его практически невозможно излагать сокращенно — настолько связаны здесь мысли и слова; основное свойство его незаурядного таланта — в сочетании логической мощи с удивительной способностью конкретного видения действительности, т. е. в сочетании силы отвлеченной мысли с даром конкретно-исторической интуиции.

Это внимание к конкретной жизни, как и признание его положительной ценности с самого начала исключали возможность для Струве «быть партийным человеком, быть плененным какой-либо партийной узостью, односторонностью и пристрастностью». Всю жизнь выступал он еретиком, не считаясь с господствующим мнением. Но эта его позиция не была простым утверждением прав мыслителя на неподчинение, вызовом абсолютной всеобщности. Струве шел вообще своей дорогой, не оглядываясь по сторонам. И «всегда боролся против моральной цензуры над независимой мыслью»⁴⁴. С трудом «партийно равняясь», он ненавидел все, что, боясь любого еретического слова, подавляло и нивелировано личность. Не только в большевиках видел он людей, «обезличенных идеей классовой одинаковости»⁴⁵, для него кличка «кадет» была такой же обезличивающей, как и все партийные наименования.

Но значение Струве в духовном развитии дореволюционной России, равно как и в последующих судьбах русской эмиграции было, конечно, не в этом. Человек чрезвычайно реалистического ума, он, по свидетельству многих, импонировал тем, что под его «политикой» лежала большого размаха концепция. Это, очевидно, понимали и его идейные и политические противники. «Струве, Гучков и Столыпин,— писал в 1909 г. Ленин,— из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарковскую Россию,— но не выходит»⁴⁶. Если не брать во внимание отдельные выражения и особенно тон этого высказывания лидера российского большевизма, то он был не совсем неправ. Струве действительно являлся наиболее ярким выразителем эпохи роста и раскрепощения России. Его знаменитая, ставшая лозунгом формула: «признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму», была, по существу, целой программой для будущего развития страны. Он представлял новую, в муках нарождающуюся «третью Россию», могущую стать богатым, прогрессивным и подлинно правовым государством с присущими ему идеей политической свободы и экономической независимости личности. И потому не скрывал своей идейной и политической близости к Столыпину, вдохновляемому, по убеждению Струве, той же идеей строительства великой и процветающей России.

Трагизм положения заключался, однако, в том, что не эта линия развития стала определяющей в предреволюционной России. После опыта

революции 1905 г., когда Струве отчетливо почувствовал, что опасность грозит свободе и порядку не «справа», а более всего «слева», и особенно после потрясений 1917 г., который он воспринял как год государственной и национальной катастрофы, Струве все определеннее эволюционировал к консерватизму. Но даже став консерватором, он оставался просвещенным либералом, «уверенным в том, что социальное и экономическое возрождение России возможно лишь в обстановке христианского уважения к личности и этического отказа от террора и произвольного злоупотребления властью». Точно так же, как обращение в христианство, пишет Н. М. Зернов, не увело Струве от мира, «отказ от революционной тактики не сделал его реакционером»⁴⁷.

Струве и в эмиграции, несмотря на явный политический уклон вправо, не изменил этим своим общественным и духовным идеалам: его мировоззренческая традиция оставалась либеральной. Считая возможным вооруженное свержение большевистского режима и даже оправдывая в этой связи использование крайних методов борьбы, в том числе методов политического террора («активизм»), он решительно возражал против реставраторских вождедений крайне правой эмиграции. «Все, и я, стоящие на активистской позиции,— писал Струве в 1927 г. в только что основанной им газете «Россия»,— отвергают «реставраторство» или, точнее, неприемлемую для большинства населения (России.— *Н. О.*) и практически неосуществимую имущественную реставрацию»⁴⁸. Очевидно не без влияния Струве Зарубежный съезд почти единодушно встал на эту позицию. «России,— говорил Струве на съезде,— нужно возрождение, а не реставрация. Возрождение всеобъемлющее, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности и в то же время свободное от духа и духов корысти и мести»⁴⁹.

Съезд также счел нужным (и этой идее Струве остался верен до конца) не навязывать России из-за границы ее будущий строй, не предрешать ее будущих судеб, что явилось «нравственной заслугой» Зарубежного съезда⁵⁰. Но, отвергая реставрацию в принципе, Струве уже тогда предупреждал против неосторожного и некритического обращения с самим понятием «реставрация», ибо сами большевики, по его словам, либо «удержали», либо прямо реставрировали многое из «дореволюционного», причем часто не самое лучшее⁵¹.

В то же время для Струве была принципиально неприемлема и другая крайность эмиграции, заключавшаяся в некритическом «приятии» революции, в котором он усматривал опасность утраты нравственных критериев и в конечном счете сползания к «революционному соглашательству». «Для меня,— писал Струве в 1922 г.,— идеализация революции, совершенной в 1917 и последующих годах, есть в одно и то же время и религиозно моральная ложь и исторически фактическая неправда, самообман и обман»⁵². С этой позиции определял Струве и свое отношение к полной, по его словам, случайных зигзагов и потому лишенной управляющей идеи «новой тактике» Милюкова, которую считал «глубокой политической ошибкой», одной из форм «пассивизма» и прития свершившегося⁵³. Он с самого начала не верил в нэп и эволюцию большевиков и уже тогда предвидел, что невозможность завершения большевистской властью новой экономической политики «диктуется вовсе не верностью этой власти идеям коммунизма, а совершенно ясным осознанием полицейско-технической опасности для коммунистической власти широкого развития экономической жизни»⁵⁴.

Струве одним из первых сумел разглядеть опасный характер и решительно отверг как соблазнительные стремления части эмиграции подменять «ясные и простые проблемы конкретной человеческой политики» апокалиптическими вещаниями, искусственной и нездоровой напряженностью и выспренность. Эту ошибку как специфическую, по его замечанию, слабость многих русских философов Струве образно называл «ошибкой короткого замыкания». Она заключалась, с одной стороны, «в отрешении от живой жизни», с другой — «в горделивой мании от каких-то общих положений философского или богословского характера прямо переходить к жизненным

выводам конкретного свойства». На этом свихнулись многие в эмиграции и, в частности, как считал Струве, ее разделили Бердяев и некоторые другие высланные из советской России мыслители: удаленные из той обстановки (лбом к стене, а спиной — к стенке), они, попав на волю, свое кошмарное состояние часто превращали в какую-то историческую перспективу, наполняя ее мистическим туманом. И тогда от них ускользала подлинная жизнь или обертывалась подлинно-дьявольскими наваждениями. Это последнее, писал Струве, случилось с евразийцами и «прежде всего, с самым широко образованным и, быть может, самым талантливым из них, Л. П. Карсавиным. К этому свелась трагедия А. А. Блока. То же в других более тонких и соблазнительных формах угрожает Бердяеву»⁵⁵.

Отчасти этим можно объяснить и резкое неприятие Струве того, по его словам, «намеренного аполитизма», который в отношении к происшедшему в России стремились отстаивать некоторые из бывших его соавторов по сборнику «Вехи». В рецензии на вышедший в 1923 г. (под редакцией Бердяева, Франка и др.) сборник «София» Струве писал, что «столь популярный и заразительный в наше время аполитизм», который разделяют и авторы сборника, в сущности, является «дегенеративной и пассивной формой либерализма и анархизма», построенной на отвержении от государства как абсолютного либо относительного зла, и как таковой для него, Струве, неприемлем и лично ему отвратителен. В этих словах Струве было, конечно, много преувеличений, родившихся из политической страсти и запальчивости их автора.

Несправедливость такой оценки особенно очевидна по отношению к Франку, чье стремление быть беспристрастным «свидетелем истины» как раз и позволило ему избежать многих крайностей и ошибок в его философских оценках. Да и сам Струве, нападая на аполитизм, тут же предлагал со свойственным ему теоретическим беспокойством внимательно отнестись к этому явлению, в котором, по его словам, заключалась все же «целая философская проблема»⁵⁶.

Отношение Струве к входившему в силу в конце 20-х — начале 30-х годов фашистскому движению, его оценка политических событий в Германии были весьма противоречивыми: он словно утратил на время свойственный ему дар предвидения и был не до конца искренен, когда в письме Франку 9 октября 1939 г. заявил о своей проникательности относительно возможного развития обстановки в Германии, ибо с самого начала, по его словам, «понял, что со стороны немцев это не есть политика, а чистое безумие, индивидуальное и коллективное»⁵⁷. Факты свидетельствуют об обратном. Увлечшись борьбой с коммунизмом, враждебным, с его точки зрения, истинной культуре, Струве недооценил, особенно на первых порах, ту опасность, которая исходила от рвущегося к власти национал-социализма.

В статье «Два министерских кризиса» и ряде других, написанных уже после назначения Гитлера на пост канцлера, он писал, что политические партии Германии, находящиеся в оппозиции к правительству, занимаются «пустяками», борясь против какой-то реакции, якобы угрожающей справа, и упускают из вида единственную и подлинную опасность — коммунистическую, опирающуюся на бытие и организацию сидящей в Москве советской власти⁵⁸, и даже усматривал в немецком канцлере «печать не демагогии, а, наоборот, величайшей умеренности», «свидетельствовавшей о силе и личной значимости Гитлера, как государственного деятеля»⁵⁹. Тогда Струве еще верил, что политическому реализму, который он связывал в первую очередь с именем президента Гинденбурга, удастся победить в Германии. Правда, Струве быстро понял свою ошибку и мужественно отверг идеи национал-социализма как опасные и соблазнительные. В числе других он смог разглядеть в фашизме «отпрыск большевизма» и писал о «причудливом переплете» идейных отношений между коммунизмом и национал-социализмом, называя это «школой взаимного обучения».

Бердяев с течением времени дальше других отошел от прежде общей для всех «веховцев» общественной платформы. Идею его наследие

хорошо изучено ⁶⁰ (в этом смысле ему «повезло» больше, чем Струве, Франку, Изгоеву и другим авторам «Вех»). Здесь мы остановимся только на тех сторонах его творчества, которые позволяют лучше понять, почему в эмиграции он оказался в роли «обособленного пророка» среди остальных «веховцев».

Из всех «веховцев» Бердяев является одной из самых спорных фигур. Выдающийся русский философ, чья «русскость» вряд ли у кого вызывала сомнение (чисто русским был сам эмоционально-интуитивный характер его философствования), он имел больше поклонников на Западе, чем в русской эмигрантской среде; ее отношение к нему было по большей части сдержанным, а подчас и враждебным. В церковных кругах само его имя вызывало негодование. Как религиозного философа эмиграция вообще его не любила и, по свидетельству Варшавского, мало знала, несмотря на его мировую славу: из всех его книг «по-настоящему имели успех» только «Философия неравенства» и «Новое средневековье» ⁶¹. Отчасти это происходило из-за равнодушия эмиграции ко всему, что Бердяев писал о личности, свободе и творчестве, отчасти по вине его самого.

Нельзя, конечно, отрицать яркой оригинальности Бердяева, как и во многом пророческого характера его философии. Если Лосский и Франк, писал по этому поводу С. Левицкий, имели больше чисто философских заслуг, о. П. Флоренский превосходил Бердяева высотой религиозно-философского прозрения, а о. С. Булгаков был выше его в богословском отношении, то Бердяева выделяло прежде всего то, что он был философом пророческого духа, в высшей степени чутким к болезням и грехам века ⁶². В первую очередь это относится к его анализу социальных утопий и их трансформаций в психологии масс. Уже в 1907 г. Бердяев предсказывал, что в рамках социалистического сознания рождается культ материальной силы, порождающей устремление к сверхчеловеческому, к «новому земному богу» ⁶³.

Ключевой, всепоглощающей идеей творчества Бердяева была идея свободы, отвергающая любые виды тирании и не допускающая никакого насилия над личностью, будь то со стороны государства, нации или класса. Эта защита человеческой личности как наивысшей ценности мира давала основания считать Бердяева первым среди философов свободы (иногда его называли даже «фанатиком» или «пленником» свободы). «Когда личность и свобода ее,— писал Бердяев,— становится в зависимости от воли людей, когда признается суверенность какого бы то ни было человековластия, личность теряет свой абсолютный характер, а права ее на свободу падают от случайных человеческих желаний, от человеческой субъективности, от человеческих страстей. Тогда субъективная воля пролетариата ли, царя или иной человеческой власти может лишит личность и свободы совести, и права на жизнь, и всякого права» ⁶⁴. Именно в забвении личности, в невнимании к конкретному человеку, чьи интересы приносятся в жертву будущему «совершенному обществу», видел Бердяев основной грех марксизма, который он метко характеризовал как «философию благ, а не ценностей» ⁶⁵.

Интересны в этом смысле идеи Бердяева о соотношении революции и свободы. «Революции современного тоталитарного типа,— пишет он,— предшествует процесс разложения, упадок веры, потеря объединяющего центра жизни. В результате люди теряют свободу и становятся одержимы дьяволом» ⁶⁶. Точно так же как мания свободы в ее отрыве от бога приводит к худшим формам рабства, гуманизм, оторванный от своего религиозного первоисточника, приводит к антигуманизму, к дегуманизации человека.

Здесь уместно отметить известную противоположность бердяевского понимания свободы личности тому, что принято называть индивидуализмом в западном смысле слова. Основу социальной философии Бердяева составляли идеи персонализма, утвердившегося в ряде стран современной Европы в рамках христианско-демократической традиции. Внешне персонализм родствен индивидуализму, поскольку отстаивает и защищает безус-

ловный приоритет личности перед обществом. Однако в отличие от индивидуализма, для которого свобода, предоставляемая индивиду, является достаточным условием для его самореализации, персонализм, также акцентирующий внимание на признании высокой моральной ценности личности, полагает, что личность становится полноценной лишь в живом и творческом общении с другими личностями, а не в горделивом ее самоутверждении. Отличаясь от индивидуализма, персонализм резко противопоставляет себя и «коллективизму», стремящемуся подчинить и растворить личность в коллективе. С точки зрения особенностей русской моральной традиции, отличительным свойством которой всегда была открытость к общению и цельность (соборность или, по определению Бердяева, «коммунотарность») ⁶⁷, идеи персонализма вызывали вполне понятный интерес. В сущности здесь бердяевская мысль во многом продолжала традиции русской социально-философской мысли, развивавшейся чаще всего именно в русле персонализма (А. С. Хомяков, Вл. Соловьев, С. Булгаков и др.) и стремившейся выйти за пределы традиционной дилеммы индивидуализма и «коллективизма», не являвшихся парадигмой русской культуры и истории. В контексте современной российской ситуации такой подход к вопросу об отношении личности и общества может стать особенно привлекательным и плодотворным.

Но нельзя не видеть и другой стороны в духовном развитии Бердяева. Его творческий путь в эмиграции был весьма сложным и не лишенным извилистости. Отчасти это происходило из его положения христианского экзистенциалиста, изначально обусловившего глубокую раздвоенность многих его размышлений. Как философ-экзистенциалист, Бердяев вынужден был утверждать человека за счет отталкивания его от мира, от «дурной» и косной материи, которую необходимо упразднить. Но как христианин он этого требовать не мог, ибо христианство зовет не разрушать, а спасать в грехе пребывающий мир. Отсюда и те противоречия, которыми чреваты были многие бердяевские построения. Его социальный персонализм, как основа его социальной философии, строился на выводе об абсолютности принципа свободы и в этом смысле заключал в себе элементы «анархизма», отчужденности личности от государства. Для Бердяева зло старой государственности не могло быть преодолено новой государственностью, оно могло быть искоренено лишь преодолением самой «государственности», утверждением «примата духовной культуры над политикой», доведением политики до «окончания политики» ⁶⁸. И здесь он с самого начала расходился не только со взглядами Струве на государство, но и с позицией Булгакова, видевшего путь национального обновления в преодолении именно кризиса российской государственности.

Большой интерес вызвали в свое время на Западе историософские взгляды Бердяева, высказанные главным образом в книгах «Смысл истории» (1923 г.) и «Новое средневековье» (1924 г.), а также в статье «Судьба человека в современном мире», в которых поднималась и по-своему решалась острейшая для того времени проблема духовного кризиса. Но именно здесь рядом с подчас поражающими нас предвидениями обнаружились и все противоречия и уязвимость многих построений Бердяева, уже тогда давшие повод его критикам говорить о «бердяевских соблазнах», о пресловутой «бердяевщине». Речь идет не только и даже не столько об умозрительном характере некоторых выводов Бердяева, многие положения которых нередко постулировались без каких-либо специальных разъяснений, что зачастую вело Бердяева к явному субъективизму, едва ли не к произволу в трактовке конкретных проблем русской и мировой истории.

По мнению Полторацкого, корень многочисленных противоречий Бердяева следует искать в самой его философии, имевшей не столько научный, сколько экзистенциалистский, пророческий и эсхатологический характер ⁶⁹. О том же иными словами писал и Струве, указавший, что мировоззрение Бердяева представляет собой «причудливую смесь апокалипсиса с марксизмом» (в другом месте: «смесь Апокалипсиса от Иоанна с Апокалипсисом от Карла Маркса»). Отсюда и некоторая надуманность

исторических схем Бердяева, в которых анализу социальных противоречий, политических и экономических проблем часто не находилось места. Убежденный в изначальной якобы предопределенности исторического процесса, Бердяев нередко склонен был идеализировать победившую сторону, придавая ее победе характер закономерности, какого-то, видимого только его взору, сверхчеловеческого замысла. Отсюда своеобразное увлечение большевизмом, сквозящее в некоторых его пассажах, которое Струве метко определил как «религиозный подход к фактопоклонству»⁷⁰.

Именно с этим был связан и имевший губительное воздействие на исследователей истории русской революции бердяевский тезис об исторической детерминированности, внутренней предрасположенности русского народа, интеллигенции и общественного сознания к восприятию большевистского варианта марксистского социализма. И хотя нравственные принципы Бердяева побуждали к резкому осуждению «русского коммунистического тоталитарного государства», эта его идея могла быть использована и использовалась для определенной апологии большевизма, вновь якобы сделавшего Россию великой державой.

Оптимистическая эсхатология, допускавшая весьма двусмысленные оценки большевизма, нередко вела к подмене универсализма (столь свойственного для Бердяева дореволюционной эпохи) провинциализмом, в котором мессианская идея марксизма связывалась, по замечанию Полторацкого, с миссией пролетариата, соединялась и отождествлялась с русской мессианской идеей⁷¹. Будучи чистой абстракцией, лишенной реальной социальной почвы, это положение наиболее рельефно было выражено Бердяевым в его известном (спекулятивном) тезисе, что Третий Интернационал оказался трансформацией старой русской мессианской идеи — идеи Третьего Рима. И хотя «русская идея» Бердяева отнюдь не являлась национально-ограниченным понятием и никак не связывалась (как, например, у Н. Данилевского) с внешним могуществом государства, придавая историческому призванию России чисто духовный характер, а сам Бердяев резко негативно относился к любому национализму и вслед за Вл. Соловьевым не раз указывал на партикуляризм и национальную ограниченность старого славянофильства, идея русского мессианизма, никогда не покидавшая Бердяева при всех его духовных метаниях, была весьма соблазнительной и опасной. На это еще в 1912 г. указывал Бердяеву кн. Е. Трубецкой в статье «Старый и новый национальный мессианизм». «Меня, старого западника,— писал Струве, критикуя славянофильский мессианизм Бердяева,— на славянофильской мякине не проведешь»⁷².

Мессианскими настроениями Бердяева в значительной мере объяснялось и его отношение к западноевропейской демократии. Еще в начале большевистской революции, обеспокоенный нарастанием стихии «арифметического равенства», ведущей к разрушению органического порядка вещей и «низвержению расы лучших», Бердяев выступил в 1917—1918 гг. с циклом статей «Демократия и иерархия», «Демократия и личность» и др., в которых наряду с резким неприятием коммунизма подвергались критике и некоторые стороны демократии. В написанной сразу после большевистского переворота и изданной в 1923 г. в Берлине уже после его высылки из советской России книге «Философия неравенства»⁷³ эта тема была развита в нетипичную для Бердяева консервативно-аристократическую «философию неравенства», от которой он, правда, впоследствии отказался и которой, по словам Б. Зайцева, «почему-то стеснялся». Тогда же (в 1923 г.) Бердяев выпустил свое «Новое средневековье», в котором современной буржуазной и демократической цивилизации выносился по существу смертный приговор, во многом субъективный и необоснованный.

По мнению Бердяева, современные либеральные демократии как порождение индивидуалистического духа гуманистической эпохи нового времени явно вырождаются и отживают, теряют свое прежнее значение. И этому нужно только радоваться, так как демократия ведет к «небытию» и основана не на истине, а на формальном праве избирать какую угодно истину или ложь. В демократических обществах нет ничего органического (самое

неорганическое из образований — парламент), она возникает «когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнут народные верования, соединяющие народ в единое целое».

Тем более бессмысленны, считал Бердяев, были мечты, что Россию вдруг можно превратить в правовое демократическое государство. Русский народ «не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова». Он одушевлен больше жаждой правды, чем свободы. В России всегда была «исключительная, неведомая народам Запада, отрешенность». Народы Запада своими добродетелями прикованы к земле, русский же народ — к небу. Русские или нигилисты, или апокалиптики, устремленные к концу истории, к осуществлению царства Божия. Они хотят или царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в Антихристе. Если нет братства во Христе, то пусть будет товарищество в Антихристе ⁷⁴.

В каком же виде представлялось тогда Бердяеву новое грядущее общество? Он убежден, что эпоха гуманизма, величайшая историческая правда которой состояла в утверждении достоинства личности, выполнив свою миссию, неизбежно должна будет уступить место новому типу социальности, которому предстоит преодолеть атомизм новой истории и возродить «органическую общественность». Мы живем в эпоху, когда неизбежен будет свободный возврат к иерархическим началам, ибо сама идея личности связана с иерархией, а атомизм нивелирует и уничтожает личность в ее своеобразии. Это и есть возврат к средневековью на новых началах. Новое средневековье, как и старое, будет в высшей степени иерархично, но совсем не демократично. Власть приобретет в нем корпоративно-аристократический характер. Профессиональным союзам, цехам, корпорациям принадлежит огромное будущее. Политические парламенты, выродившиеся в говорильни, будут заменены деловыми профессиональными парламентами, собранными на основаниях представительства реальных корпораций. Будущее принадлежит синдикалистскому типу общества, в котором решительный социальный радикализм будет сочетаться с иерархическими началами власти ⁷⁵.

Как справедливо заметил Варшавский, без точных оговорок защита принципа корпоративного строя всегда опасна и соблазнительна, ибо на этом принципе основано тоталитарное государство в обоих его видах: советском и фашистском ⁷⁶. Бердяев, конечно, не мог ни сочувствовать, ни тем более разделять политическую идеологию набравшего в то время силу фашизма. «Отчаянный» (по русским меркам) «индивидуалист», он всю жизнь неустанно отстаивал драгоценную человеческую личность. Вышедшая в 1939 г. книга «О рабстве и свободе человека», пожалуй, — лучшее из всего, что написал на эту тему Бердяев: личность не может быть средством ни для чего, это истина евангельская, все личности равны перед Богом, но равны они и перед обществом, которому не принадлежит право различать личности на основе привилегий.

Тем не менее именно Бердяев, создавший свою собственную систему философии, которую он сам называл «философией антииерархического персонализма», заявлял в «Новом средневековье», что «коммунизму нельзя уже противопоставлять антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, ему можно противопоставлять лишь подлинную, онтологически обоснованную иерархию, подлинную органическую соборность» ⁷⁷.

К несчастью, как свидетельствует Варшавский, именно эти антидемократические утверждения Бердяева, противоречащие всему духу его «персонализма», имели наибольшее влияние на идейные поиски эмиграции, толкая многих, особенно молодых, неискушенных ее представителей к соблазнам «красного», «черного» и «коричневого» фашизма ⁷⁸. И не случайно именно в Бердяеве видел Струве духовного отца евразийцев, младороссов и других более поздних «пореволюционных» эмигрантских течений, прошедших через искушения и фашизма, и русского национал-большевизма.

И хотя от высказываний Бердяева до «приятия» как фашизма, так и большевистского безбожного коммунизма был не один шаг, между ними лежала целая пропасть, многие из критиков демократии могли равняться на его слова, что свободы в недемократических обществах может быть больше, чем в демократических, с их только формальным и «мнимым» свободоловием, и что «советская власть оказалась единственной возможной властью» в момент духовного упадка, экономического разгрома, ослабления нравственных устоев⁷⁹.

Во всяком случае многие сделали из утверждений Бердяева крайние выводы: в силу своего национального духа и особенностей переживаемой эпохи Россия никогда не может и не должна стать демократией. Карсавин еще до перехода в евразийство писал: «Церковь должна была указать, что невозможно русское неправославное государство и что нелепо государство православное с президентским парламентаризмом и четырьмя хвостами, более приличествующими врагам Божьим»⁸⁰.

Таковы некоторые наиболее важные стороны духовной и политической эволюции основных представителей «веховской» традиции в эмиграции. Сложность и неоднозначность социально-философских и политических воззрений «веховцев» вызывала и, очевидно, будет вызывать острые споры. Трудно, конечно, рассчитывать на утверждение в наших сегодняшних идейно-политических дискуссиях объективных и взвешенных оценок этой блестящей плеяды мыслителей, внесших огромный вклад в развитие отечественной и мировой общественной мысли. Особенно если учесть, что остается практически не освоенным эмигрантский период жизни и творчества бывших «веховцев», составивший без малого четверть века. Потому так важен сегодня внимательный и непредвзятый взгляд на то, что говорили и что отстаивали в эмиграции представители одного из самых значительных духовных направлений русской общественной мысли.

Примечания

1. ПОЛТОРАЦКИЙ Н. «Вехи» и русская интеллигенция.— Мосты, 1963, № 10, с. 293.
2. БЕРДЯЕВ Н. А. К психологии революции.— Русская мысль, 1908, № 7, с. 123.
3. ПОЛТОРАЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 300.
4. СТРУВЕ П. Б. Предисловие издателя. В кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. 1990, с. 19.
5. Находясь в начале 1918 г. на нелегальном положении в Москве, Струве задумал издать сборник статей, в котором он и близкие ему русские мыслители, ученые, политики и публицисты дали бы принципиальное обоснование своего отрицания большевизма. По предложению С. Л. Франка сборник получил название «Из глубины» и был подготовлен к осени того же года. Но, уже сверстаный, он был остановлен цензурой. В 1921 г. наборщики типографии Кушнарева, где сборник лежал три года, явочным порядком напечатали книгу. Однако власти конфисковали тираж (ФРАНК С. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк. 1956). За исключением статей С. Булгакова («На пиру богов») и П. Струве («Исторический смысл русской революции и национальные задачи») и появившейся уже в 60-х годах статьи Н. Бердяева («Духи русской революции») содержание сборника долго оставалось неизвестным. Несколько экземпляров книги Бердяеву все же удалось вывезти за границу. Она была издана в 1967 г. в Париже уже после его смерти. Вплоть до последнего времени советский читатель ничего не знал об этой пророческой книге.
6. СТРУВЕ П. Б. Ук. соч., с. 19.
7. ФРАНК С. Л. Ук. соч., с. 86.
8. БЕРДЯЕВ Н. А. Духи русской революции. В кн.: Из глубины, с. 87.
9. См. АКУЛИНИН В. Н. С. Н. Булгаков: Вехи жизни и творчества.— Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск. 1991, с. 19.
10. См., напр. статью Н. А. ГРЕДЕСКУЛА «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл» в выпущенном кадетами антивеховском сборнике «Интеллигенция в России» (СПб. 1910).
11. ЛЮКС Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции.— Вопросы философии. 1992, № 9, с. 161.

12. СТРУВЕ П. Б. Интеллигенция и революция. В кн.: Вехи. М. 1990, с. 145.
13. ИЛЬИН И. А. Памяти П. И. Новгородцева.— Русская мысль. 1923—1924. Кн. IX—XII, с. 372.
14. СТРУВЕ П. Б. Предисловие, с. 19.
15. АКУЛИНИН В. Н. Ук. соч., с. 18.
16. Вехи, с. 4.
17. ПОЛТОРАЦКИЙ Н. Вступит. статья к кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж. 1967, с. XX.
18. ФРАНК С. Л. Ук. соч., с. 123.
19. ИЗГОЕВ А. С. Рец. на кн.: ПЕШЕХОНОВ А. В. Почему я не эмигрировал. Берлин. 1923.— Русская мысль. 1923. Кн. III—V, с. 413.
20. ФРАНК С. Л. Ук. соч., с. 124, 132.
21. СТРУВЕ П. Рец. на сборник: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. I. «Обелиск». Берлин. 1923.— Русская мысль. 1923. Кн. VI—VIII, с. 433.
22. С. Н. Булгаков не принимал сколько-нибудь видного участия в эмигрантских спорах и научных дискуссиях. Став священником, он посвятил себя вопросам богословия. И хотя ищущий дух его не находил успокоения и в православной догматике (его искания осуждались ортодоксами как Русской православной церкви, так и зарубежной), «мирские» темы в творчестве Булгакова, начиная с 1918 г., практически отсутствовали.
23. См. ФРАНК С. Л. Пушкин как политический мыслитель. Белград. 1937.
24. ФРАНК С. Л. О задачах изучения Пушкина.— Белградский пушкинский сборник. Белград. 1937, с. 155.
25. ПОЛТОРАЦКИЙ Н. С. Л. Франк о П. Б. Струве.— Опыты. Кн. IX. 1958, с. 109.
26. ЗОТОВА З. Н. Петр Бернгардович Струве.— Вопросы истории. 1993, № 8, с. 68.
27. ФРАНК С. Л. Биография П. Б. Струве, с. 125, 128.
28. СТРУВЕ П. Б. Познание революции и возрождение духа.— Русская мысль. 1923, кн. VI—VIII, с. 303.
29. Речь идет об указанной статье Зотовой, являющейся по существу первым в нашей стране специальным исследованием его жизни и деятельности.
30. ЗЕРНОВ Н. М. К 100-летию со дня рождения П. Б. Струве.— Вестник Русского студенческого христианского движения (РСХД), 1970, № 95—96, с. 141.
31. СТРУВЕ П. От Карамзина до младороссов.— Россия и славянство, 2.IV.1932.
32. СТРУВЕ П. Б. П. Н. МИЛЮКОВ. — Россия и славянство, 9.III.1929.
33. ВАРШАВСКИЙ В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956, с. 22.
34. См. напр. ШКАРЕНКОВ Л. К. Агония белой эмиграции. М. 1981, с. 100—113.
35. См. НАЗАРОВ М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь. 1992, с. 49—56.
36. МИЛЮКОВ П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж. 1926, с. 37—39.
37. ФРАНК С. Л. Биография П. Б. Струве, с. 139—141.
38. Возрождение, 5.IV.1926.
39. ФРАНК С. Л. Биография П. Б. Струве, с. 142.
40. В основанной им сразу же после ухода из «Возрождения» газете «Россия» (жест отчаяния, поскольку денег на это предприятие у него не было) Струве писал: «Я не ушел из «Возрождения». Ценою нравственных страданий, мук, оскорблений и издевок, не желая наносить национальному делу вреда, я дотерпел до конца. А. О. Гукасов и его служащие меня вытеснили из, а его служащие меня «уволнили» от созданного мною дела». Струве призывал своих читателей, друзей и единомышленников поддержать его и ушедших вместе с ним, «не согнувшихся перед денежным могуществом», сотрудников «Возрождения» в их «независимом писательском служении». СТРУВЕ П. Дневник политика.— Россия. 28.VIII.1927.
41. ФРАНК С. Л. Биография П. Б. Струве, с. 151.
42. ЗЕРНОВ Н. М. Ук. соч., с. 139.
43. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А. На путях к свободе. Нью-Йорк. 1952, с. 198.
44. ФРАНК С. Л. Биография П. Б. Струве, с. 143—144.
45. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Россия и славянство, 23.II.1929.
46. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, с. 224.
47. ЗЕРНОВ Н. М. Ук. соч., с. 142.
48. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Россия, 27.XI.1927.
49. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Возрождение, 3.VI.1926.
50. НАЗАРОВ М. Ук. соч., с. 50.
51. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Россия, 26.XI.1927.

52. СТРУВЕ П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России.— Русская мысль, 1922. Кн. I—II, с. 223.
53. СТРУВЕ П. Б. От Карамзина до младороссов.
54. Цит. по: НАЗАРОВ М. Ук. соч., с. 48—49.
55. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Россия и славянство, 16.II.1929.
56. София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии, с. 435.
57. ФРАНК С. Л. Биография П. Б. Струве, с. 271.
58. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Россия и славянство, 4. II. 1933.
59. Цит. по: ВИШНЯК М. Против течения.— Современные записки, 1933. Кн. LII, с. 402.
60. Наиболее добросовестным и тщательным исследованием идей Бердяева справедливо считается книга Н. Полторацкого «Бердяев и Россия» (Нью-Йорк, 1967).
61. ВАРШАВСКИЙ В. С. Ук. соч., с. 38—39.
62. См. ЛЕВИЦКИЙ С. Бердяев: пророк или еретик.— Новый журнал, 1975, № 119, с. 250—251.
63. См. АНДРЕЕВ А. Л. Послесловие к кн. БЕРДЯЕВ Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990, с. 176—177.
64. БЕРДЯЕВ Н. А. О народной воле. В кн.: БЕРДЯЕВ Н. А. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906). М. 1907, с. 421.
65. См.: Выдержки из записной книжки Н. А. Бердяева.— Вестник русского христианского движения (РХД), 1978, № 124, с. III.
66. Цит. по: ЛЕВИЦКИЙ С. Ук. соч., с. 246.
67. БЕРДЯЕВ Н. Русская идея. В кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. 1990, с. 268.
68. София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии, с. 3.
69. ПОЛТОРАЦКИЙ Н. Бердяев и Россия, с. 192.
70. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика.— Россия, 26.XI.1927; его же. От Карамзина до младороссов.
71. ПОЛТОРАЦКИЙ Н. Бердяев и Россия, с. 160.
72. Цит. по: ВАЛЕНТИНОВ Н. Опасность мессианизма.— Новый журнал. 1975, № 119, с. 258.
73. По воспоминаниям Б. Зайцева, книга «Философия неравенства» печаталась в журнале Г. Чулкова «Народоправство» в Москве «в самом начале революции, когда такие вещи еще проходили» (см. ЗАЙЦЕВ Б. Далекое. Мюнхен. 1965, с. 65). О каких номерах журнала «Народоправство» шла речь, установить трудно. Журнал «Народоправство» выходил с октября 1917 г. по февраль 1918 г. (всего вышло 24 номера). Не все номера сохранились. В сохранившихся опубликованы статьи Бердяева «Задачи национальной демократии» (№ 16, 1917 г.), «Германизация России» (№ 17, 1917 г.), «Мир буржуазный и мир социалистический» (№ 18—19, 1917 г.), «Класс и человек» (№ 20, 1918 г.), «Духовные основы русского народа» (№ 23—24, 1918 г.). Некоторые из них весьма близки по духу «Философии неравенства».
74. БЕРДЯЕВ Н. А. Новое средневековье. В кн.: БЕРДЯЕВ Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. I. М. 1994, с. 458, 467, 452, 485.
75. Там же, с. 430—433.
76. ВАРШАВСКИЙ В. С. Ук. соч., с. 41.
77. БЕРДЯЕВ Н. А. Новое средневековье, с. 431.
78. ВАРШАВСКИЙ В. С. Ук. соч., с. 42.
79. БЕРДЯЕВ Н. А. Новое средневековье, с. 467, 445.
80. Цит. по: ВАРШАВСКИЙ В. С. Ук. соч., с. 40.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Хуан Доминго Перон

И. Е. Шокина

В латиноамериканской историографии сложились традиции «истории героев», следовавшей определенным канонам и стереотипам парадных портретов исторических деятелей. Отклонения от них вызывают «семейные скандалы» в среде академических историков и представителей новых течений, подобные тому, что вызвал нашумевший роман «Генерал в своем лабиринте» колумбийского писателя Г. Маркеса, в котором Симон Боливар — генерал, «освободитель и отец латиноамериканских республик», представлен в последние годы своей жизни, умирающим в гамаке, больной и всеми покинутый¹. Есть исторические персонажи, которые еще при жизни возносились на почти божественную высоту, а затем низвергались вниз, или чьи истории переписывались несколько раз. Особая судьба была у провиденциальных лидеров — создателей латиноамериканского популизма, сложного социального и национального движения. Л. Карденас, Ж. Т. Варгас и Х. Д. Перон дали свои имена подобного рода явлениям — мексиканскому карденизму, бразильскому варгасизму и аргентинскому перонизму. Они составили эпоху в истории своих стран в 30—50-х гг. и не уходят с политической сцены еще и поныне. Конечно, вместе с обществом своих стран меняются и национал-популистские движения. Но что происходит с их провиденциальными лидерами: переходят ли они в Пантеон «бессмертных»?

Создатель аргентинского популизма трижды вошел в бурную реку истории своей страны и, оставаясь провиденциальным лидером, не раз менял свой образ. Он был во время второй мировой войны идеологом военно-националистической ложи и «сильной фигурой» военного режима; в послевоенный период — создателем хустисиалистского (хустисия по-испански означает социальную справедливость) государства, в годы, названные «великим перонистским десятилетием» (1946—1955 гг.); затем, после его свержения военными, в течение 18 лет находился в изгнании, будучи лишенным генеральского звания, аргентинского гражданства, президентской пенсии и отлученным папой римским от католической церкви; а в 1973 г. вернулся в страну «спасителем и национальным лидером», чтобы через год умереть в свой звездный час, заставив оплакивать себя и своих сторонников, и бывших политических противников.

Казалось бы, дело его жизни — национал-популизм — восторжествовало:

Шокина Изабелла Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

раскол аргентинского общества на хустисиалистов и антихустисиалистов канет в прошлое. Но за гробом лидера в перонистских колоннах шли противоборствующие вооруженные группировки. Их непримиримая борьба в постперонистский период погребла обломки недостроенного хустисиалистского государства. Метаморфоза перонизма продолжалась: хустисиализм — неоперонизм — постперонизм — менемизм (по имени нынешнего президента Аргентины К. Менема).

В перонистской доктрине провозглашался принцип «Нет перонизма без Перона» и «Нет Перона без перонизма». Это создало почву для перонистского фольклора, для мифа о Пероне, который имеет свои стереотипы. Литература о перонизме и его создателе обширна и пестра. Свою лепту в нее внес и сам Перон, оставив военно-исторические, геополитические и публицистические книги и мемуары².

Перон родился 8 сентября 1895 г. в центре аргентинской Пампы, небольшом городке-крепости Лобос, основанном во времена испанского завоевания. Он был типичным аргентинцем по родословной: испанско-креольской и сардинской от прадедов и баскско-французской по землевладельцу-отцу. Семья переместилась из Пампы в Патагонию, чтобы разводить там скот. Перон потом с ностальгией вспоминал свое детство, до 8 лет проведенное в суровых природных условиях и патриархальной семье среди пеонов-пастухов, и свои подвиги маленького гаучо, скакавшего, как индеец, на неоседланных лошадях со шпорами, привязанными к голым пяткам во время объездов стада или при семейных развлечениях — охоте с собаками на диких страусов.

Годы его школьной учебы прошли в Буэнос-Айресе, в доме вдовы деда по отцу Т. Л. Перона — известного врача, химика и путешественника. Он учился в знаменитом национальном гуманитарном колледже «Оливас», где увлекался разными видами спорта, а впоследствии неоднократно был армейским чемпионом по фехтованию на шпаге, но выбрал себе военную стезю. Окончив в 1913 г. армейское пехотное училище в чине младшего лейтенанта, начал службу в отдаленном гарнизоне, командуя сотней солдат и сержантов, таких же выходцев из сельской глубинки, как и он. Его ожидали казарменная муштра и медленное продвижение по армейской служебной лестнице. Но его привлекало не это, а возможность быть «водителем и воспитателем» солдат, неграмотных, оборванных и голодных. В ежедневном общении с ними он получил, по его словам, уроки патриотизма, научившись любить бедняков в «богатой стране, где поголовье скота вдвое превышало численность населения»³.

Молодой офицер принадлежал к тому военному поколению, которое начало службу в армии в 10—20-е гг., время создания полупрофессиональных вооруженных сил и перехода от доктрины освободительной армии Х. Сан-Мартина к технологии и теории прусской военной школы. С 30-х гг. шла политизация офицерского корпуса, втянутого в борьбу различных группировок правящих классов за власть. Включение армии как политического инструмента в жизнь страны началось при использовании ее для подавления народных восстаний, в том числе в Патагонии в 1919 году. Перон в «Мемуарах» не касается этого события, хотя есть сведения, что часть, в которой он служил, участвовала в расстреле восставших пеонов. Он лишь отмечал, что использование армии в репрессиях перевернуло его политические взгляды, и он стал противником либеральных гражданских правительств, заставляющих армию выполнять роль преторианской гвардии.

Непосредственное участие в большой политике 35-летнего майора армейского штаба началось с военно-государственного переворота 1930 г., свергнувшего либеральное правительство во главе с президентом И. Иригоеном. Перон описал его в своем репортаже: «Что я видел в осуществлении революции 1930 г.». Для него не было тайной, как и кем готовился переворот, ибо он находился среди преподавателей и слушателей высшей военной школы, когда в ней велись беседы относительно неспособности гражданского правительства управлять страной и необходимости вмещате-

льства армии. Он даже составил для себя диаграмму степени вовлеченности офицерского корпуса: 20% активно участвовавших и поддержавших переворот, 20% — противников, 60% остались на позиции военного профессионализма, чтобы поддержать тех, кто восторжествует. Перон был в первых рядах активистов и проявил себя среди победителей, что благоприятно сказалось потом на его служебной карьере.

Еще в 1928 г., после смерти отца, он женился на молодой музыкантше Аурелии Тисон (умерла от рака в 1938 г.), а закончив высшую военную школу, стал преподавать в ней военную историю и стратегию, а также опубликовал ряд книг. Его работы «Восточный фронт в первую мировую войну 1914—1918» (1931 г.), «Очерки военной истории» (1932 г.), два тома «Русско-японской войны» (1933—1934 гг.) привлекли внимание германского посла в Буэнос-Айресе и вызвали интерес среди аргентинских военных верхов, поклонников прусской военной доктрины.

Связям в военных верхах, в частности с его бывшим преподавателем по высшей военной школе военным министром генералом Маркесом, Перон обязан своей дипломатической карьерой. В 1934—1938 гг. подполковник Перон был военным атташе в Чили, в 1939—1941 гг. находился в европейской командировке с миссией наблюдения за подготовкой второй мировой войны и для определения соотношения сил двух международных блоков — фашистского и демократического, чтобы определить условия нейтралитета Аргентины.

Будучи уже довольно опытным профессионалом, геополитиком, дипломатом и разведчиком, Перон действовал во всех направлениях. Избрав местом пребывания Италию, посетил Германию, Францию, Испанию и Португалию, изучая ситуацию в странах с различными режимами, имел встречи в Испании и с франкистами, и с республиканцами, посетил германо-советскую границу на линии бывшего Восточного фронта в первой мировой войне и проехал по части территории со стороны Германии. После ознакомления с боевой тактикой альпийских стрелков в Италии посещал 6-месячные курсы по общественным и прикладным наукам в университетах Милана и Турина, имел беседы с Муссолини и германскими военачальниками, проявил интерес к фашизму и «русскому коммунизму». Он разделял их на «западноевропейский» и «восточный, русский» варианты социализма. Муссолини заинтересовал его как бывший социалист, ставший лидером фашистов. К заимствованию же европейских идей он относился скептически, считая, что «политика, как и ботаника, требует знания почвы и национальных особенностей». Его главный вывод относительно возможной позиции Аргентины был однозначен: сохранить нейтралитет, как и в первую мировую войну.

Полковник Перон вернулся в Аргентину в январе 1941 года. Анализ политической ситуации на европейском театре военных действий и выводы для аргентинской армии он изложил в секретном докладе военному министру. В военных верхах страны тогда не было единства взглядов относительно ее нейтралитета — прогерманского или в поддержку демократической коалиции, и доклад положили под сукно, а его автора послали инспектировать горные части в Мендосе. Полуопальный полковник уже созрел для того, чтобы применить накопленный им опыт для подготовки и осуществления военного переворота. Но план «военной революции», составленный Пероном, шел дальше, и он начал с создания своеобразной ложи полковников — Группы объединенных офицеров (ГОУ), поставившей задачу свергнуть консервативное правительство Кастильо, которое поддерживала генеральская ложа Сан-Мартина. То была тайная военная организация. Ее спецификой являлось нарушение субординации в политических вопросах со стороны низших по рангу офицеров.

Но среди членов ГОУ были сторонники и нейтралитета, и прогерманской ориентации, и продемократической. Перон принадлежал к первым, называвшимся «военными-гегемонистами», потому что они выдвигали лозунг «Аргентина — держава» и стремились к утверждению ее лидерства в Южной Америке, направленного против панамериканизма во главе

с США. Это предопределяло их позицию в отношении воюющих сторон во второй мировой войне. Перон выделялся среди организаторов ГОУ, примерно 10 полковников, своей образованностью, владением несколькими европейскими языками, способностью обобщить и выразить чужие идеи в лапидарной форме, доступной среднему аргентинскому офицеру. Он стал естественным идеологом военно-националистической фракции, стремившейся к господству в армии и в стране.

Ему принадлежал также план «национальной революции», осуществленной в 1943 г. в несколько этапов. После создания ГОУ в марте 1943 г., уже 4 июня была организована демонстрация семитысячного войска, совершившего переход из военных лагерей Кампо-де-Майо к президентскому дворцу на Майской площади. Этого было достаточно, чтобы президент Р. Кастильо покинул свой пост. Состоялись вооруженные стычки между армейскими частями и экипажем военно-морских сил, но в целом операция прошла успешно и при одобрении гражданской публики. Чтобы довести до конца переворот в пользу членов ГОУ, понадобилось последовательно сменить на посту президента трех генералов — А. Раусона, П. П. Рамиреса и Э. Х. Фарреля. Последний был на стороне полковничьей ложи и в начале 1944 г. сформировал новое правительство, поставив на ключевые посты в нем ее людей. Перон занял посты военного министра и секретаря труда и обеспечения, а затем вице-президента. Он стал «тенью» Фарреля. В правительственных и военных кругах его за глаза называли «оперным призраком», появившимся неожиданно во всех местах. Но наступил такой момент, когда Перон оказался на первом плане политической сцены.

Благодаря нейтралитету во второй мировой войне Аргентина, торгуя с обеими воюющими сторонами, значительно улучшила свое экономическое положение и из аграрно-промышленной страны превратилась в промышленно-аграрную, из должника — в кредитора. Как писал Перон, «в коридорах Национального банка нельзя было пройти из-за штабелей золотых слитков». Военные гегемонисты хотели воспользоваться этой конъюнктурой, чтобы реализовать создание «Аргентины-державы». Перон был инициатором проведения политики, разработанной английским экономистом Дж. М. Кейнсом для кризисных ситуаций: предлагалось расширить функции государства в управлении экономикой и социальными отношениями ради индустриализации страны и создания военной промышленности (идея военных профессионалов еще с 20-х годов — создать госсектор в тяжелой и энергетической промышленности).

Перон в развитие теории прусского генерала К. Клаузевица писал: «Если хочешь мира, лучшее средство сохранить его, готовясь к войне». Так он обосновывал собственную доктрину «хорошо вооруженной нации» на посту военного министра. Будучи секретарем труда, он проводил политику компромиссов во взаимоотношениях труда и капитала при арбитраже военного правительства и уступках трудящимся ради сохранения социального мира на время войны и на весь послевоенный период⁴. Как лидер национал-популизма Перон внес лепту в разработку бонапартистских методов политического руководства обществом, в политику достижения социального согласия в годы «тишины и процветания», когда капиталу было что уступать и чем делиться с трудом. А на политический прагматизм Перона заметно повлиял его военный менталитет, включая идею Клаузевица «Собрать все силы в решающий момент и в решающем месте сражения», которая определяла тактику временных блоков перонистов.

В 1944—1945 гг. был проведен ряд соответствующих мер: создание национальной системы социального обеспечения, поголовная синдикализация трудящихся, предоставление юридического лица всем профсоюзам, сотрудничавшим с секретариатом труда, перераспределение национального дохода в пользу увеличения доли трудящихся и пр. Создалась ситуация, когда аргентинский промышленный пролетариат, пополнявшийся тогда за счет выходцев из сельских провинций, улучшил условия труда и жизни, то есть пролетаризация не сопровождалась пауперизацией. Вместе с прогрессивной синдикализацией это создавало базу для национал-реформистской политики правительства.

А к концу войны, когда режим оказался в политической изоляции на международной арене вследствие того, что Аргентина одной из последних, в марте 1945 г., объявила войну странам «оси», военные верхи решили пожертвовать ГОУ и ее идеологом. Перон ожидал, после отстранения от всех постов, решения своей участи в тюрьме на о-ве Мартин-Гарсия. Только вмешательство рабочего класса спасло его от расправы.

Перон, проводя свою рабочую политику, руководствовался мнением, что неорганизованные рабочие будут представлять большую опасность для существующего строя. Эту мысль он пытался внушить своим военным коллегам и предпринимателям. «Первая мировая война вызвала коммунистическую революцию, вторая — появление народных масс на политической арене. Если мы будем держаться за прежние формы правления, республика может оказаться под угрозой насильственной революции», — считал он. Чтобы избежать «нового штурма Бастилии» и пролетарской революции, он выдвинул идею народной революции и попытался, используя опыт Октябрьской революции в России, сделать так, чтобы ее идеи овладели массами: «Ленин подготовил победу русского движения, но не воспользовался его результатами. Тогда я сказал: «Ну, ребята, идеи овладели массами, дело за нами»⁵.

В 1944—1945 гг., действуя через секретариат труда, Перон сумел методами принуждения и убеждения подчинить государственному контролю Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), в том числе с помощью профсоюзных лидеров — социалистов и анархо-синдикалистов. Время от времени они выводили на улицу массы для поддержки такой рабочей политики, а секретарь труда посещал профсоюзные собрания и выступал на митингах трудящихся. Он практиковал популистскую тактику «хождения в народ», особенно после знакомства с актрисой Евой Дуарте, которая стала первой пламенной перонисткой. «Миф Евиты» (ее партийная кличка, органически дополнявшая «миф Перона») привел к тому, что они оказались как бы блистательной парой заступников народа.

Познакомившись на благотворительном вечере в январе 1944 г. в пользу пострадавших от землетрясения в провинции Сан-Хуан, они потом уже не разлучались. Хотя полковнику было 49 лет, а ей — 24, у них было много общего: оба были выходцами из провинции Буэнос-Айрес и смешанного происхождения (от гаучо и креолов), что определило многие их привычки и вкусы. Личная судьба Евы — девушки из низов общества — такова: внебрачная дочь, не признанная отцом и отвергнутая провинциальной моралью, без каких-либо надежд на будущее, актриса на выходах, потом любовница полковника, супруга генерала, наконец первая дама, ставшая знаменем и кличем «безрубашечников» — таков путь аргентинской Золушки. Она не достигла в артистической карьере блестящих успехов: несколько вторых ролей в средних кинокартинах и мелодрамах на сцене, сериал на радио, посвященный знаменитым женщинам мира от Изабеллы Католической до мадам Чан Кайши. Но на политической арене ей выпало сыграть роль сначала подруги и соратника лидера страны, затем жены президента, его медиума в отношениях с массами, а после его смерти стать хустисиалистской святой.

По происхождению и природным свойствам личность Перона отвечала избранной им миссии «народного мессии». Наряду с импозантной внешностью и гипнотическим воздействием на слушателей, он обладал острым глазом и умом, естественностью поведения в любой среде и одежде: и парадном военном мундире, и народной блузе с шейным платком; умел не только привлекать сердца слабых женщин, прямолинейных военных коллег и профсоюзных лидеров — тертых калачей, но также убеждать их и вести за собой. А вот облик Перона в расцвете его сил, представленный далеко не его поклонником: «Он был красивым мужчиной атлетического сложения, ростом около 180 см, с шевелюрой черных волос, зачесанных назад, открывавших широкий лоб, с темнокарими, почти черными сверкающими глазами и лицом, пышавшим полнокровием от мелких вен, проступающих на его выдающихся скулах». Ева Дуарте довольно легко пала жертвой, и не первой, его обаяния.

9 октября 1945 г. произошел очередной переворот в военных верхах, на этот раз направленный на отстранение Перона. В стране возникло безвластие: после ухода сторонников ГОУ в правительстве остались лишь президент и еще два генерала. Они не знали, кому передать власть, так как политические партии никак не могли договориться друг с другом. Вооруженные силы и полиция пассивно ожидали приказаний. В стране начались демонстрации. В аристократических кварталах требовали головы Перона, в рабочих — его освобождения. Руководители ВКТ дискутировали, объявлять ли им всеобщую забастовку в защиту Перона или искать другого военного покровителя. Сам узник ожидал расправы над собой и был деморализован.

Еве он писал, что готов уйти из армии, чтобы поселиться с ней в Патагонии. Но его судьбу решили массы. 17 октября жители рабочих окраин перешли мост Риочуло, отделяющий «большой» Буэнос-Айрес от центра города. То была в основном молодежь, многие с ярко выраженными индейскими чертами. В весеннее утро они шли без пиджаков, некоторые сняли рубашки. Поэтому в сообщениях газет эту 200-тысячную толпу назвали «бунтом безрубашечников».

При пассивности полиции огромная толпа заполнила центр города, перемещаясь от военного госпиталя, куда перевели Перона по приказу президента, к дворцовой площади, куда его должны были привезти. ВКТ — гигантская организация, созданная секретариатом труда, объявила всеобщую забастовку, а толпа все прибывала с окраин и пригородов на автобусах, грузовиках и пешком. Ева, которая сопровождала освобожденного по требованию масс полковника, показала ему утренние газеты, где над демонстрантами издевались (в центре Буэнос-Айреса полиция могла задержать человека, если он появлялся без пиджака), и сказала ему: «Вот твой образ и твое дело»⁶.

Людское море волновалось в ожидании главного героя. И он появился, одетый в штатское, на балконе Розового дома вместе с президентом, своими военными соратниками и профсоюзными лидерами. «Да здравствует Перон!» — пронеслось по площади. Он заговорил со всеми модуляциями своего гипнотического голоса, характерным жестом подняв вверх обе руки: что после многих лет безупречной военной службы и накануне производства в генералы вышел в отставку, чтобы «соединить мою судьбу с вашей судьбой»; «Как простой гражданин я хочу смешаться с моими безрубашечниками», при этом снял пиджак и завернул рукава рубашки. Толпа разразилась криками «Перон — президент!».

С тех пор значение этого события подтверждается каждый год потому, что перонисты его отмечают как «День верности лидеру». Хотя историки спорят, что же произошло тогда — революционная всеобщая рабочая забастовка или народная революция, какие бы оценки ни давались этому событию, именно 17 октября 1945 г. в Аргентине появилось многомиллионное движение трудящихся и утвердилось затем на десятилетие в политике страны.

Основными действующими лицами стали Перон и массы. Массы освободили Перона, Перон же понял, что без поддержки организованного рабочего класса не сможет прийти к власти, и поставил целью сделать его ядром более широкого, национального фронта, объединив все националистические течения, включая популистское, военное и традиционно-католическое. Это ему удалось, несмотря на объединение его политических противников в Демократический союз и вмешательство американского посла С. Брэдена, пытавшегося помешать приходу к власти националистического правительства в Аргентине. Но рассчитанная на это публикация «Синей книги» госдепартаментом США о связях военного режима, ГОУ и Перона со странами фашистской оси лишь способствовала сплочению националистов вокруг кандидатуры Перона в президенты.

Он выступал на выборах от блока лаборатористской партии и хунты обновления. По совету Евы, которая стала законной супругой Перона и принимала непосредственное участие в его предвыборной кампании,

перонистский блок использовал в предвыборной пропаганде лозунг: «Брэден — нет, Перон — да!». Перон, выступавший в паре с О.-и-Х. Кихано от хунты обновления, который баллотировался на пост вице-президента, получил 54% голосов, а перонисты завоевали большинство при выборах в представительные общенациональные и провинциальные органы.

Популистские движения во главе с харизматическим лидером — вообще довольно распространенное явление в странах Латинской Америки. Они возникали в переломные моменты, как правило, совпадавшие с мировыми потрясениями — войнами или кризисами, отвечая национальным стремлениям самоопределиться и найти особый путь развития. Но они не идентичны по своей специфике и эволюции. Аргентинский политолог М. Урриса отмечал: существуют различия между аргентинским перонизмом 1945 г., бразильским трабальзмом 1930 г., боливийской революцией 1952 г., гватемальской 1944 г., перуанской 1968 г. и сандинистской 30-х и 70-х годов. Однако их объединяет выраженное в них стремление народов к национальной независимости и социальной справедливости. В графически оформленной истории Аргентины «Наш век» первое перонистское правление характеризуется как «переломный период, когда закончился цикл консервативной власти и открылся новый — авторитарной, националистической и популистской власти»⁷. На ее структуру наложили отпечаток как личность Перона, так и особенности социального поведения мобилизованных им масс.

Как государственный деятель Перон был еще очень противоречивой фигурой. Тут больше проявлялся его менталитет военного профессионала, склонность решать проблемы перестройки с помощью регламентации и уставов, подчинив гражданское общество принципам военной организации. Примером служила сама перонистская партия, созданная сверху и следующая доктрине Перона о бюрократическом централизме — «вертикализме», в котором должны раствориться все партии и группы. Для Перона, который всегда утверждал, что он стоит за организацию рабочего класса, стало неприятной неожиданностью создание после 17 октября лабористской партии на базе профсоюзов как самостоятельной рабочей партии. Поэтому он отклонил выданный ему партийный билет за № 1, и после прихода к власти профсоюзные лидеры партии С. Рейкес и Л. Гай были обвинены в заговоре против президента, арестованы, а партия фактически распущена. Ее останки вместе с хунтой обновления включили в Единую революционную партию, которая на учредительном съезде 1947 г. была переименована в перонистскую. Она так и не стала действенной партийной организацией, оставаясь сугубо партийным аппаратом, передаточным механизмом между ее лидером и низовыми организациями.

Создаваемая сверху структура хустисиалистского государства противоречила народному характеру популистского движения, хотя формально все завоеванные неродом социальные права были зафиксированы в конституции 1949 года. Тремя главными столпами этой структуры оказались глава государства, бюрократический политический и профсоюзный аппарат, организованный рабочий класс. Формы организации масс были корпоративными — Всеобщая конфедерация труда, Всеобщая экономическая конфедерация (ВЭК) и пр. Подобная пирамидальная структура замыкалась на главе государства, лидере партии и популистском вожде масс. Недаром Перона считают последователем бонапартистских традиций.

Бонапартизм был популярен среди военных латиноамериканских деятелей, начиная с генералов-освободителей Боливара и Сан-Мартина. Но они не смогли договориться между собой и завершить свои политические замыслы создания могущественнейшего единого латиноамериканского государства в форме республики или монархии. Перон же считал себя продолжателем их дела и объединителем аргентинской нации. Аргентинский левый националист, автор работ о перонизме А. Рамос считал Перона типичным представителем латиноамериканского бонапартизма в зависимых странах, подобных Аргентине: «Личная власть, осуществляемая над противоборствующими классами и от имени нации, вовне оправдывается необходимостью концентрации власти в одних руках».

Принципы взаимоотношения хустисиалистского государства и общества освящались в конституции 1949 г. как принципы «юридически организованной нации», а философами — как «организованное общество»: позиция, обоснованная самим президентом на II аргентинском философском конгрессе в Мендосе. Автаркия нации представлялась в триединой формуле: хустисиализм — нация — народ; то, что противостояло хустисиализму, считалось антинациональным и антинародным. Но доведение подобного принципа до абсолюта вызывало противоположный результат — не интеграцию общества и национальное единение, а его раскол на хустисиалистов и антихустисиалистов. Хустисиалистская конституция была принята при голосовании в конституционном собрании перонистским большинством при бойкоте его радикальной оппозицией — меньшинством.

Сам Перон был более прагматичным как политический деятель, чем как государственный деятель. Его руководящим политическим принципом была «третья позиция». Она имела универсальный характер для бонапартистского правления «над классами» внутри страны и над схватками противоположных социально-политических систем на международной арене, равно отдаленная от «капитализма из-за злоупотреблений индивидуализма в ущерб обществу» и от «социализма, подавляющего личность коллективом». Как говорил главный идеолог перонизма, «мы избираем третью позицию подобно движению маятника по своей вертикальной оси между индивидуализмом и обобществленной личностью». В другом контексте эта позиция интерпретировалась как «третий путь» для развития Аргентины, «не капиталистический и не социалистический, а национальный: в политике — уравнивающий права индивидуума с правами общества; в социальных отношениях — утверждающий социальную справедливость; в экономике — создающий социальную экономику, ставя капитал на службу благосостоянию общества»⁸.

В хустисиалистской доктрине нашли свое отражение в националистическом разрезе некоторые господствующие в современном мире идеи — капиталистические, социалистические, синдикалистские. Национальная идея была основополагающей в той философии, которую Перон представил на философском конгрессе как альтернативу загнивающим либерализму и консерватизму. Философия хустисиализма, которая характеризовалась как «простая, практичная, народная, глубоко гуманная и христианская», противопоставлялась потерпевшим крах консерватизму и либерализму. Историческая же концепция развивалась в русле националистической школы, по линии ревизии истории и теории существования двух Аргентин — креольской и космополитической, национальной и либеральной.

Но, в отличие от тех идеалов, которые эта школа видела лишь в прошлом, Перон делал ставку на будущее великой аргентинской нации. У католических националистов им была взята идея «политического суверенитета» и восстановления великой Аргентины в пределах вице-королевства Ла-Плата. Радикалы-националисты подсказали ему идею экономической независимости с преодолением колониального прошлого и отставания в развитии. В социальной хустисиалистской доктрине нашли отражение все господствовавшие в современном мире идеи, собранные эклектически, а прагматически приспособленные к условиям послевоенного развития Аргентины.

Для народа предлагался катехизис перонизма из 20 заповедей, торжественно освященный на народной ассамблее 17 октября 1950 года. Завершающим этапом народной национальной революции, согласно плану Перона, должны были стать институционализация и доктринизация, под которыми подразумевалась перонизация общества. Заглавную роль в этом играла Ева Перон. Брак Евы и Хуана — гражданский после 17 октября и церковный во время предвыборной кампании — приобрел и сугубо перонистское освящение как союз военного и «безрубашечницы». «Евита» выступала как партийный функционер, деятель профсоюзов, лидер перонистской женской партии, а также как первая дама, совершая дипломатические поездки доброй воли по странам Европы и предлагая продажу в кредит

аргентинской пшеницы. Она вмешивалась в дела кабинета, железной рукой расправляясь с политическими или профсоюзными бюрократами. Ее влияние на Перона трудно переоценить. Но вера масс в нее была еще более безусловной. Однако когда кандидатура «Евиты» на пост вице-президента была выдвинута в 1951 г. массовыми организациями — 5-миллионной ВКТ и многотысячной женской партией, ей пришлось отказаться от своих честолюбивых замыслов, так как военные коллеги ее супруга пригрозили организовать государственный переворот в случае ее избрания.

Национал-реформистская политика перонистского правительства достигла наибольших успехов в годы первого президентского срока, 1946—1951 гг., в условиях более благоприятной внешнеполитической и мировой торговой конъюнктуры. Благодаря государственному контролю над очень прибыльной внешней торговлей, финансами и инфраструктурой, проводились пятилетние планы индустриализации, создания тяжелой промышленности и энергетики, колонизовались пустующие государственные и помещичьи земли. «Третья позиция» (как и аргентинский нейтралитет во время войны) использовалась в послевоенный период для торговли со всеми странами, капиталистическими и социалистическими. В 1946 г. были

восстановлены советско-аргентинские дипломатические отношения и начала развиваться торговля между двумя странами. В Латинской Америке аргентинская перонистская дипломатия выступала в защиту принципа невмешательства во внутренние дела, против тенденции к подрыву индустриализации стран континента и ради воссоздания южноамериканского блока под руководством Аргентины.

Однако план Маршалла для Европы и межамериканский военный Рио-де-Жанейрский договор способствовали сужению возможностей внешней политики Аргентины. Напротив, они содействовали ее вытеснению с европейских и латиноамериканских рынков. Так что по мере роста финансовых трудностей началось свертывание пятилетних планов и отступление от «третьей позиции» на международной арене в пользу поддержки Запада в холодной войне с Востоком. Как заявил Перон при подписании Рио-де-Жанейрского договора в 1951 г., «в мире, разделенном на Запад и Восток, мы даже не можем выбирать и решительно выступаем на стороне первого». В свою очередь, американская администрация стала менять свое отношение к Перону, называя его теперь «великим латиноамериканским лидером» и считая, что незачем ссориться с руководителем латиноамериканской страны, имеющей самую крупную армию, и что гораздо выгоднее поддерживать с ним дружеские отношения⁹.

Правительство Перона явилось инициатором реформ, укрепивших самостоятельность Аргентины и ее позиции в Латинской Америке. Наиболее важные из них: выкуп ключевых отраслей в экономике за счет валютных средств, накопленных во время войны; продажа и аренда для крестьян по низким ценам пустующих государственных земель; расширение вмешательства государства в экономику ради индустриализации страны, включая введение элементов планирования и принятие двух пятилетних планов развития энергетики и инфраструктуры; расширение трудового законодательства, охватившего все категории трудящихся, включая даже зависимых от помещиков батраков-пеонов; поощрение сбытовой кооперации. Эти начинания пережили перонистский режим и продолжали развиваться и в последующие десятилетия. Без них было бы невозможно массовое популистское движение в Аргентине. Перонистские массы явились в результате продуктом послевоенной урбанизации и индустриализации, получив свою организацию и прочное место в экономике при режиме, созданном Пероном.

Чтобы удержаться у власти, Перону приходилось выступать во всех трех его ипостасях — главы государства, лидера правительственной партии и харизматического вождя масс. Он надеялся на свою тактику «движущегося маятника» между противоборствующими сторонами для обеспечения себе роли арбитра. В холодной же войне его стрелка явно качнулась вправо. Если в 1946 г. он в беседе с советским дипломатом говорил об освободительной, антиколониальной направленности перонизма, то теперь определял его как преграду на пути распространения коммунизма в Латинской Америке.

Не все было благополучно и в хустисиалистском государстве. «Третья позиция» не стала объединяющим фактором аргентинского общества. Напротив, она способствовала его расколу на перонистов и антиперонистов. Хустисиалистское государство поддерживали новая промышленно-финансовая буржуазия, трудящиеся городские низы и провинциальная мелкая буржуазия. В оппозиции выступали земельная олигархия и городские средние слои. Экономические трудности, с которыми столкнулось перонистское правление во второй президентский срок (1951—1955 гг.), ослабили социальный пакт ВКТ и ВЭК и способствовали распаду национального единения перонистов с военными и католическими кругами и активизации антиперонистской парламентской оппозиции.

Большим ударом для Перона в личном плане и для его связей с массами стала скоропостижная смерть Евы от злокачественной лейкемии в июле 1952 года. Хотя она завещала перонистам «умереть за лидера», породив фанатические всплески в массовом движении, среди партийной и профсоюз-

ной бюрократии усилилась борьба за власть. Адмирал А. Тесайре намеревался отстранить Перона от реальной власти, заявляя, что он лишь «правит, но не управляет», и расставлял своих людей на ключевые позиции, готовя дворцовый переворот. Партийный аппарат, действовавший ранее как связующее звено между лидером и массой, теперь стал их разъединять. Перон попытался играть на противоречиях партийной и профсоюзной бюрократии, обещая последней увеличить ее влияние в государственных делах. Тогда внутривластная оппозиция стала кричать об угрозе «синдикализации хустисиалистского государства», что отразилось на взаимоотношениях ВКТ и ВЭК в социальном пакте.

Самым же опасным для режима личной власти стал конфликт хустисиалистского государства с католической иерархией, возникший в 1953 г. по конфессиональным мотивам и из-за влияния церкви на перонистские массы. Пока не столкнулись их интересы непосредственно в политике, перонистское правительство соблюдало привилегии католической церкви, а ее иерархия проявляла лояльность в отношении хустисиализма. Но церковники не одобряли культ Хуана и Евы Перон при жизни последней, особенно введение изучения катехизиса перонизма в обучение во всех школьных ступенях, а провозглашение «Евиты» первой хустисиалистской святой и установление потом алтаря в центральном помещении ВКТ, где хранились ее набальзамированные останки, вызвали контрреакцию и аргентинской католической церкви, и Ватикана. Была образована демохристианская партия, и католические круги перешли в наступление для завоевания профсоюзных и женских перонистских организаций.

Перон попытался стать арбитром в столкновении массовых манифестаций — католической с одной стороны и рабочих перонистов — с другой, а требование ВКТ отделить церковь от государства использовать в качестве средства давления на первую. Однако католики направили свой удар лично против президента, попытавшись даже захватить президентский дворец. Перон был вынужден выслать из страны епископов (как зачинщиков антиправительственных манифестаций) в Ватикан. В ответ римский папа отлучил Перона от церкви.

Тактика «маятника» между противоборствующими сторонами не сработала и во взаимоотношениях президента с военной и парламентской оппозицией. В бой вступили военные мятежники. 8 июня 1955 г. морская авиация бомбила президентский дворец, здание ВКТ и рабочую манифестацию, собравшуюся в защиту президента, который укрылся в подвале военного министерства и фактически стал заложником военных. Среди манифестантов насчитывалось 200 убитых. От президента потребовали создания рабочей милиции для защиты хустисиалистского режима. Но Перон отказал, заявив, что защита есть его личная прерогатива как главнокомандующего вооруженными силами. Через месяц Перон заявил в Национальном конгрессе, что национальная революция закончилась, а он стал просто «президентом аргентинцев»; объявил о деперонизации системы, включая ограничение роли перонистской партии парламентскими рамками. Тем не менее, на этих условиях примирения с военной и парламентской оппозицией, как он надеялся, не произошло. Тогда Перон вновь обратился к массам, призывая их к расправе над антиперонистской оппозицией: «убивать пять оппозиционеров за каждого убитого перониста», и разрешил создать рабочую милицию.

Новая серия военных мятежей с центром в гарнизоне г. Кордовы вспыхнула 16 сентября. Против Перона объединились все военно-политические группировки — либералов, католиков, националистов. Это привело к отставке президента, принятой созданной им же военной хунтой. 20 сентября Перон покинул страну, перебравшись на канонерке «Парагвай» к соседям. Там в своем первом интервью после свержения он заявил корреспонденту агентства «Юнайтед пресс»: «Возможности нашего успеха были абсолютными, но для этого надо было продолжить борьбу, убить много народа и разрушить все, что стоило стольких трудов создать. Достаточно себе вообразить, что произошло бы, если бы оружие из арсеналов было роздано рабочим, готовым его применить»¹⁰.

Очередной государственный переворот, названный его инициаторами освободительной революцией, был направлен не только на свержение личного режима, но и на полную ликвидацию надстройки хустисиалистского государства с запрещением перонистской партии, искоренением доктрины и символов хустисиализма, установлением военного контроля над ВКТ и крупнейшими рабочими федерациями, свертыванием социальной политики. Свергнутого президента лишили аргентинского гражданства, пенсии, имущества. Против него возбудили ряд судебных исков, обвиняя в злоупотреблении властью, растрате государственных средств и мн. др. Проводя политику деперонизации, антиперонисты стремились исключить возможность Перону когда-либо вернуться к власти. Калибр использованного ими оружия как бы подтверждал характеристику перонизма как народно-революционного движения, угрожающего господствующему строю.

Последовавший за свергнутым президентом его личный секретарь Р. Мартинес в книге воспоминаний «Величие и нищета Перона: должен ли он вернуться к власти?» описывает усталого, разочарованного, не верящего никому человека, «пережившего самого себя как государственного деятеля, как выдающегося вождя и гениального революционера». Хотя в его ближайшем окружении плелись заговоры и он им даже потакал, Перон теперь в основном заботился о своей славе, чтобы остаться в истории, но не вернуться к власти. Он был вынужден переезжать из одной страны в другую — Парагвай, Бразилию, Нидерландскую Гвиану, Венесуэлу, Панаму, Никарагуа, чтобы уехать подальше от аргентинских военных правителей, постоянно угрожавших ему судом и расправой; был личным гостем диктаторов А. Стресснера и А. Сомосы, а в глазах латиноамериканской общественности — жертвой военных узурпаторов.

Его близкое окружение (финансист Х. Антонио, майор Висенте и др.) использовали его политический престиж в Латинской Америке, чтобы создать акционерную компанию для сбора средств по организации сопротивления внутри Аргентины и ради издания за рубежом книг Перона. В тесном кружке, отмечая свое 60-летие, Перон иронически заметил: единственное, что он заслужил, — это право на частную жизнь. Но и в отеле г. Колон (Панама), в котором он уединился, чтобы собраться с мыслями и написать новую книгу, появлялись его поклонники. Одна из них, аргентинка М. Э. Мартинес, подвизавшаяся в качестве танцовщицы в кабаре этого отеля, вызвалась пробовать подаваемую Перону еду, чтобы он мог избежать отравления. Так она вошла в ближайшее окружение Перона.

В 1956 г. двумя изданиями вышла его брошюра «Сила — закон зверей», написанная с целью отвести от себя все выдвинутые против него аргентинскими военными обвинения и оправдать перед историей перонистское правление, его реформы и начинания, прерванные «узурпаторами власти». Он осуждал там вообще «военную революцию» как нарушение конституции и свержение легально избранного большинством правительства. Перон утверждал, что политика деперонизации не достигнет цели: «Перонистскую доктрину можно вытеснить лишь с помощью другой, более хорошей доктрины». По его мнению, именно популистское движение и основные положения перонистской доктрины, включая катехизис, были гарантией сохранения перонизма. Антинародные репрессии лишь усилили приверженность к идеологии перонизма.

В брошюре содержались также инструкции низовым организациям, главным образом профсоюзам, которые стали осью восстановления перонистского движения (остальные его звенья были уничтожены), как действовать в нелегальных и легальных условиях, на выборах и в акциях сопротивления¹¹. То есть Перон не оставлял мысли вернуться к власти. Однако неудача проперонистского военного мятежа под руководством генерала Х. Х. Валье в июне 1956 г., кончившаяся расстрелом его участников и увольнением тысяч офицеров-перонистов из армии, отдала эту перспективу.

В 1960 г. Перон вместе с Мартинес, ставшей его женой, покинул Латинскую Америку и перебрался во франкистскую Испанию, которая

предоставила ему убежище. Как политический эмигрант он не имел права заниматься там политической деятельностью или делать публичные заявления, но продолжал поддерживать связь с родиной через своих личных представителей. Он постоянно менял их в зависимости от конъюнктуры, следуя прежней тактике «маятника», и всегда поддерживал тот сектор, течение или группировку, которые становились восходящими.

Особенность аргентинского популизма, созданного на массовой базе организованного рабочего класса, проявилась теперь в сопротивлении деперонизации. Рабочее движение в Аргентине в течение последующих десятилетий вело классовую борьбу, выступая под перонистскими лозунгами и придавая квази-пролетарский характер хустисиализму. Но перонизм нельзя заключать в рамки только классового анализа. Это движение всегда оставалось многоклассовым и националистическим. В политическом секторе преобладали буржуазные и мелкобуржуазные неперонистские партии и народные провинциальные движения под руководством местных каудильо. В профсоюзном секторе было создано перонистское политическое объединение «62»: организации, контролировавшиеся ВКТ. Перонистская молодежь двух ветвей — Перонистская университетская молодежь и Перонистская трудящаяся молодежь — превратилась в революционное крыло неперонизма.

Перон оттягивал организацию нового движения снизу, прежде всего создание рабочей партии, опасаясь преобладания одного из секторов и потери многоклассового характера перонизма. Поэтому ни один из вышеупомянутых секторов не стал основой какой-то партийной организации в оппозиции или у власти. Сохранялся аппаратный принцип «вертикализма», признание верховенства лидера над всеми секторами движения. В 1958 г. был создан Руководящий координационный совет, состав которого назначался Пероном. Каждый из перонистских секторов автономно проводил свою линию в своей социальной среде. Но общая стратегия движения определялась лидером, главным стратегом. Она доносилась на места до сведения людей его личными представителями, которые менялись в зависимости от значения представляемых ими сил. Лозунг «Возвращение Перона!» стал вскоре главным политическим лозунгом, объединившим всех перонистов. Те, кто не поддерживал лозунга (неперонизм без Перона; они добивались своей легализации любой ценой, вплоть до отказа от лидера), стремились восстановить синдикалистскую лабористскую партию. Это были вандористы, сторонники профсоюзного лидера А. Вандора. Но их вывели из игры.

Наглядный пример политики «маятника» у Перона — его «левый поворот» в стратегии и тактике на рубеже 60—70-х годов. Тогда волна революционного подъема в Латинской Америке охватила и перонистские массы, прежде всего молодежь. Стала проявляться «народная перонистская тенденция», особенно на базе профсоюзных и молодежных студенческих организаций, которые возлагали надежды на революционную потенцию перонизма и его лидеров. Их вдохновителем стал Дж. Кук, руководитель революционного перонизма 60-х годов, личный представитель Перона в период сопротивления деперонизации, стремившийся сблизить перонизм с кастроизмом. Он и сам перебрался на Кубу, и предлагал Перону переменить место его жительства на Гавану, от чего тот, однако, отказался.

Намечалось прямое сопротивление в виде всеобщей забастовки во главе с ВКТ под лозунгом «Плана борьбы», а также народные восстания в провинциях. В их числе знаменитое «кордобасо» (в Кордове) 1969 г. и вооруженные действия групп городских партизан. То были так называемые Вооруженные перонистские силы и пр.

Чтобы использовать для возвращения к власти революционный потенциал перонистских масс, Перон взял на себя идеологическое обоснование левого поворота. В 1967—1968 гг. он опубликовал две книги: «Час народов» и «Латинская Америка: сейчас или никогда». В них он представил хустисиалистскую «третью позицию» предтечей появления всего «третьего мира». Нарисованная им траектория великого национального движения («нация —

континент — третий мир») позволила ему представить хустисиализм его истоком и связать будущее с хустисиалистским лозунгом «национального социализма»: «Латинская Америка в 2000 г. будет свободной или вновь попадет в рабство», — крылатая фраза, распространявшаяся перонистскими пропагандистами на континенте.

Концепция национального социализма, сформулированная Пероном, имела своеобразную геополитическую подоплеку его противопоставления международному «догматическому» социализму. Перон объявлял себя сторонником то маоизма, то кастоизма, то любого иного национального варианта социализма: чем больше национального, тем лучше. И в этом плане он считал закономерным возникновение китайско-советского военного конфликта. Он писал тогда, что «единственным путем освобождения может быть тот, которым Фидель Кастро освободил свою страну»¹².

Подобный левый вираж патриарха латиноамериканского популизма вызвал неоднозначную реакцию, даже в рядах созданного им движения. Но перонистская молодежь приветствовала революционную метаморфозу «старика», как она его почтительно величала и как он сам смиренно называл себя в своих посланиях к молодежи. Перон стремился рассеять всякие сомнения в его революционности и отмечал, что глубоко раскаялся в своей стратегической ошибке 1955 г., когда отступил без боя. Более того, он обещал произвести смену поколений в руководстве движением. «Чудесная молодежь, которую мы имеем, рано или поздно возьмет наши знамена и, я уверен, понесет их к победе». Он в открытую поддержал тактику вооруженной борьбы против военного аргентинского режима, проводимую левыми перонистами, поскольку его глава президент генерал А. Лануссе выдвинул план национального согласия, рассчитанный на поддержку неоперонистов, но без Перона и без соглашателей из рядов профсоюзной бюрократии. Для легализации «движения без лидера» был выдвинут тезис о различии между хустисиализмом, который поддерживает законные требования трудящихся, и подпольным перонизмом, непосредственно связанным с его опальным лидером.

В течение двух десятилетий свергнутый с поста президента и лишенный гражданства, званий, состояния и всех прав, Перон был обречен на политическое небытие и печальную судьбу изгнанника. Он попытался выйти из этого лабиринта в 1964 г., вернувшись в страну без разрешения тогдашнего гражданского правительства радикалов, явочным порядком, через обычный авиарейс Мадрид — Буэнос-Айрес, но ему не удалось тогда пересечь аргентинскую границу: его задержали в Рио-де-Жанейро и вернули в Мадрид. В 1972 г., в сложившейся тогда ситуации на грани гражданской войны против военного режима, когда многие хотели возвращения в страну Перона как единственного политического деятеля, способного остановить кровопролитие и обеспечить выход из политического тупика, была сделана ставка на конституционные выборы и передачу власти гражданскому правительству.

Перон в свои 77 лет проявил тогда недюжинный талант прагматика, поклонника Макиавелли не только в национальном масштабе, но и в международном. Находясь далеко от горячих точек, он перемещал фигуры в «великом национальном согласии», противопоставив врагам план своей игры: гражданский фронт, объединивший все политические партии. Его дом в «Пуэрто де Йерро» (в Мадриде) стал Меккой для аргентинских ведущих политиков, а также тайных посланцев президента Лануссе, который был вынужден пойти на переговоры с изгнанником.

Вскоре военные власти вернули Перону звания и гражданские права, прерогативы бывшего президента, включая пенсию и охрану, генеральский чин и прочее, отнятые у него, а также принадлежавшую ему и его умершей второй жене недвижимость в Аргентине, даже останки «Евиты», украденные военными и тайно перезахороненные под чужим именем на одном из кладбищ в Милане; однако отняли право возвращения и выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах. Несмотря на то, что его кандидатуру уже выдвинули на съезде хустисиалистской партии после ее лега-

лизации и регистрации в судебной инстанции, она все же была аннулирована декретом военного правительства, запретившим участвовать в президентских выборах тем кандидатам, которые не вернулись в страну до 25 августа 1972 года.

В условиях осадного положения и из соображений личной безопасности Перон не хотел пока возвращаться в Аргентину. Но, когда определился срок будущих всеобщих выборов — март 1973 г., он выдвинул свою программу-минимум, определив в ней условия ухода военных и передачи власти гражданскому правительству.

Перон временно возвратился в страну 17 ноября 1972 г., чтобы лично довести до конца переговоры с Лануссе, а не через посредников, как было до того. В аэропорту Эсейса его окружило 30-тысячное войско с танками и пушками. Через этот кордон пропустили 300 политических и профсоюзных деятелей, артистов и спортсменов, приехавших поприветствовать Перона на родной земле. Около месяца он провел затем в интенсивных переговорах с лидерами политических партий, прежде всего с главным своим соперником Р. Бальбином, чтобы заключить тактический союз, об условиях выборов и дальнейшем, переходном периоде. Был создан предвыборный блок — Хустисиалистский фронт освобождения (ХФО) в составе 14 партий и группировок.

Но, не достигнув цели — выдвижения своей кандидатуры, Перон опять покинул Аргентину ради турне по Латинской Америке, Азии и Европе, заявив, что остается «лидером и стратегом не только хустисиалистов, но и всех аргентинцев». Вместо себя кандидатом хустисиалистского блока он назначил своего личного представителя Э. Кампору, дав ему такую рекомендацию: «Первый перонист, который станет великолепным президентом». В то же время он дал понять своим сторонникам, что очередные выборы станут лишь первым этапом к завоеванию власти. Предвыборный лозунг «Кампору в правительство, Перона — к власти!» — вот еще один тогдашний ход в его тактике¹³.

Всеобщие выборы 11 марта 1973 г. прошли при большой активности избирателей и мобилизации всех политических партий, но при отсутствии единого национального лидера. Перон говорил о нежелании мешать выборам; нужно подождать, как все образуется. ХФО получил на выборах большинство голосов в провинциальных правительствах и контроль над обеими палатами в Национальном конгрессе. Президентская пара Э. Кампора — С. Лима завоевала поддержку 49% избирателей, противники (Р. Бальбин — Де ла Руа) — 21,2%. После такой победы в перонистском движении началось обострение борьбы правого и левого крыльев, завершившееся правительственным кризисом через полтора месяца, отставкой президента Кампору и назначением новых президентских выборов.

Торжественная встреча Перона массами, которая должна была произойти при его окончательном возвращении в страну 20 июня 1973 г. в аэропорту Эсейса, была сорвана вооруженной провокацией, организованной против колонны перонистской молодежи, хотевшей занять передовые позиции перед трибуной. В результате перестрелки погибло 300 человек, еще больше было раненых, а самолет с Пероном приземлился на другом, военном аэродроме. Эта бойня, вызвавшая национальный шок, послужила сигналом для возобновления вооруженных столкновений правых и левых экстремистских групп и дестабилизировала политическую ситуацию в стране. Перон, выступив на следующий день по радио и телевидению, говорил об угрозе гражданской войны и призвал соотечественников к мирной революции. Он критиковал «горячие головы, которым казалось, что события идут слишком медленно или что ничего не происходит, если нет ни одного убитого», не указав конкретно, чьи это головы — левых или правых. В новых своих речах той поры он сделал упор на «третью позицию» между двумя экстремизмами, надеясь, что сумеет заморозить их.

Перестановки в Руководящем координационном совете перонистского движения и Хустисиалистской партии указывали все же на то, что он склонялся к поддержке умеренно-правых, а не левоцентристов, и стал

выдвигать профсоюзный сектор в пик молодежному, хотя ранее действия последнего ничем не ограничивались и даже поощрялись Пероном. А. Медина, руководивший перонистской молодежью, был заменен ортодоксом Х. Русчи, генеральным секретарем ВКТ. Правые опирались на непосредственное окружение Перона и его семью. Сюда входили, помимо его жены, одиозная для молодежи личность Л. Реги, которого называли «аргентинским Распутиным», поселившимся в мадридском доме Перонов, и члены его семьи — дочь Л. Реги Норма и его зять Р. Ластири, ставший временным президентом до новых президентских выборов.

Некоторые детали биографии Реги, этого «серого кардинала» в последний период жизни Перона, широко комментировались в оппозиционной литературе. Его послужной список включал сержантскую службу в полиции при охране одного из президентских дворцов, где жили ранее Перон с Евой, и место осведомителя военной разведки. Его рекомендовала в качестве охранника Исабель (партийная кличка Мартинес), когда она в 1968 г. нелегально приехала в Аргентину разбираться с перонистскими диссидентами. Реги прибыл в Мадрид тем же рейсом из Буэнос-Айреса и появился в «Пуэрто де Йерро» на ролях услужливого и молчаливого слуги, выгуливавшего собак и выполняющего мелкие поручения.

Потом он внушил Исабель, что обладает сверхъестественными способностями и может излечить Перона от застарелых болезней. Его как специалиста черной магии один из аргентинских писателей, Х. П. Фейнманн, назвал «темной тенью Перона». Вскоре Реги стал незаменимым человеком, везде сопровождавшим Перона и Исабель. Сам Перон в беседе с одним из посетителей, полушутя-полусерьезно, охарактеризовал Реги как домашнего агента ЦРУ: «Я предпочитаю иметь его на виду и быть в курсе его дел, а не объектом его влияния через кого-то, кого я не знаю». Подобная неразборчивость Перона в подборе своих помощников была подмечена и его бывшим личным секретарем Р. Мартинесом в вышеупомянутой книге «Величие и нищета Перона». Другую его черту отметил его мадридский друг, знакомый с «Евитой» и Исабель. Он подчеркнул большие различия между ними, говоря, что Перон всегда выставлял кого-нибудь впереди себя, но с «Евитой» у него получилось удачно, с Исабель же — полный провал. Можно добавить, что миф «Евиты» увеличивал харизму Перона, а черная тень Реги, накрывшая Исабель, пятнала образ Перона в глазах преданной ему молодежи.

Перон предложил для будущих президентских выборов пару Хуан Перон — Мария Эстела М. Перон как среднюю линию между противостоящими секторами его движения и не соглашался выдвигать свою кандидатуру, пока все ветви движения не поддержали эту пару. Ранее каждый сектор хотел видеть в паре с Пероном своего представителя. Перонистская молодежь выдвигала Э. Кампору, ВКТ — другого человека. Впрочем, дело заключалось не в личных качествах Исабель, не имевшей политического опыта, а скорее в том, что за ее спиной перегруппировывались правые силы¹⁴.

Очередные президентские выборы состоялись 23 сентября 1973 года. Пара Х. Перон и М. Перон получила 61,8% голосов — беспрецедентное большинство в условиях Аргентины и почти вдвое больше, чем в Чили президент С. Альенде в 1970 году. Умудренный опытом 1955 г. и будучи знатоком «военной революции», Перон предпринял теперь превентивные меры, чтобы помешать образованию альянса военных и средних слоев, направленного против него. Для нейтрализации внутренних оппонентов он дал указание провести чистку рядов перонизма «от проникших туда марксистов» — левых перонистов, уверовавших в то, что Перон действительно собирался строить в стране национальный социализм.

Но перонистская молодежь вовсе не собиралась развенчать миф о Пероне. Напротив, она нуждалась в его поддержке, чтобы защититься от натиска правых. Перонистской молодежью «старик» вообще рисовался как жертва «главного злодея Лопеса Реги», который воздвиг между лидером и левыми вооруженный заслон в виде Аргентинского антикоммунистичес-

кого альянса. Но в печатных органах левых перонистов — «Descamisado», «Peronista» — выражалось разочарование в связи с развязанной Пероном кампанией против марксистов: Перон оказался не тем, что мы думали о нем; он стоит не за национальный социализм, а только за хустисиализм, то есть за классовый мир, а не за революционную борьбу. Однако левые, учитывая веру в него народных масс, говорили, что не надо поворачиваться к нему спиной, а следует навязать ему политический диалог, чтобы через его популярность воздействовать на сознание масс.

Последний акт жизненной драмы Перона совершался на фоне свержения конституционно-демократических правительств и роста насилия и терроризма. Одно дело, когда он занимался ситуацией в Аргентине, находясь в мадридском отдалении, решая политические задачи за столом, и другое, когда он ступил на горящую почву родной земли, уже будучи живой легендой аргентинской нации, когда от него ожидали чудодейственных рецептов. Однако Перон вернулся уже не тем 60-летним бодрячком 1955 г., когда был вынужден покинуть родину, а «старой развалиной», как он сам себя иронически называл, с хроническими и серьезными болезнями сердца и предстательной железы и с грузом прошлого опыта как побед, так и поражений. Этот старый и больной человек, которому врачи усиленно рекомендовали отдых и минимум волнений, нуждался теперь в постоянной поддержке близких. Находясь в Мадриде, он представлял собой как бы кукольника, дергающего кукол за ниточки. Но потом одной из первых жертв этой мистической атмосферы стал он сам, изолированный своим окружением от широких масс.

Попытка перонистской молодежи превратить 1 мая 1974 г. (празднование дня Народной ассамблеи) в диалог с лидером окончилась их разрывом. Президент изменил свой имидж, появившись перед народом на балконе Розового дворца в генеральском мундире и в сопровождении Исабель, Реги и охраны. Все дальнейшие встречи лидера с массами проходили по заранее утвержденному сценарию, строго определенным образом. Перонистская молодежь обычно заполняла площади своими колоннами. Их пропускала охрана, поскольку они несли перонистские знамена и лозунги. Но, оказавшись перед президентским балконом, они развешивали знамена, на которых были написаны такие лозунги: «Если бы жива была «Евита», она вела бы себя иначе», «Кто виноват, тот виноват, в народном правительстве сидят гориллы», и т. п. Эти дерзости вызывали приступы гнева у Перона, который называл молодых перонистов «полезными дураками, но хуже врагов». Политического диалога между лидером и революционно настроенным крылом движения не получалось. В рядах движения появилась трещина, которую правые всеми средствами стремились расширить.

Наметилось планомерное вытеснение левых, принявшее с 1974 г. характер массовых репрессий в виде государственного терроризма. Рега получил повышение в комиссары полиции. Последняя внесла в черные списки демократических лидеров — и перонистов, и неперонистов. Явной провокацией, сфабрикованной в полиции, стал «международный заговор» аргентинских и уругвайских партизанских групп Монтонерос и Тупамарос в феврале 1974 г. с целью убийства президентов двух стран во время подписания ими Ла-Платского договора. Было схвачено около 40 молодых людей из Перонистской рабочей молодежи и Перонистской университетской молодежи. Стремясь избежать судьбы чилийского президента Альенде и его Народного единства, Перон укреплял «вертикализм», поставив во главе ВКТ профсоюзную бюрократию. В популистском движении это означало, что между лидером и массами образовалось непробиваемое средостение. Перон теперь резко критиковал людей, «всегда спешащих впереди исторических событий и тем самым тормозящих их»¹⁵.

Последние месяцы жизни престарелого лидера, который накануне выборов отпраздновал свое 78-летие, ознаменовались ожесточенной борьбой правых и левых за влияние на него и его окружение, за использование сохранившейся части его харизмы для контроля масс. Перон хотел укрепить центр, балансируя между жесткой и мягкой политикой ради

проведения программы националистических реформ: трехлетнего плана экономической перестройки в 1974—1977 гг., прочной опоры режима на пакт ВКТ — ВЭК, конституционной реформы во имя создания «организованного общества».

Намечались рост капиталовложений в социальные проекты, жилищное строительство и расширение экспорта аргентинских товаров с 2 млрд. до 5,8 млрд. в год, рост национального дохода до 8% в год, снижение социальной напряженности и инфляции, избежание «диких» забастовок, засилья черного рынка и критики политики правительства со стороны «большой прессы», выражавшей интересы олигархии. Газета «River Plate», представлявшая деловые круги, обвиняла Перона в навязывании государственного контроля экономике, еще более жесткого, чем это было в Чили при Альенде. Консервативная печать избрала также мишенью критики внешнеэкономический курс, сближение с восточноевропейскими странами и поддержку огромными кредитами Кубы.

Как всегда в кризисной ситуации, Перон прибег к испытанному средству — обращению к массам с просьбой о поддержке и с угрозой уйти в отставку. В эмоциональном стиле своих лучших времен он произнес речь по радио и телевидению 12 июня 1974 г., заявив, что вернулся в Аргентину, чтобы «освободить страну от иностранной зависимости» и «объединить всех аргентинцев... Если я увижу, что эта жертва была напрасной, то, не колеблясь ни на мгновение, оставлю президентский пост, передав его тому, кто справится с этим с большим успехом». Он гневно обвинял в грехах противников «социального пакта», включая бизнесменов, профсоюзную оппозицию, дельцов черного рынка, олигархическую печать и «феодалские секторы» собственного движения.

Реакция со стороны широких слоев населения, всех, поддерживавших национал-реформистскую линию Перона, была быстрой и однозначной: они потребовали от президента остаться на своем посту. ВКТ организовала 10-часовую забастовку, парализовавшую деловую жизнь в Буэнос-Айресе, и 100-тысячную демонстрацию перед правительственным домом на Майской площади. Перон согласился остаться президентом, заявив, что будет выполнять свой долг «до последнего дыхания». Члены кабинета ушли в отставку, чтобы президент мог реорганизовать правительство. Обретя опять всестороннюю решительную поддержку, Перон, однако, скончался от сердечного приступа 1 июля 1974 года. В своей последней речи 12 июня, обращаясь к массам, он сказал: «Моим единственным наследником будет народ». Это было затем воспринято всеми фракциями перонизма как политическое завещание.

В своей книге «Политическое руководство» Перон писал, сравнивая роль традиционного вождя с ролью современных политических лидеров, что первый вынужден был действовать в заданных ему исторических обстоятельствах, лишь импровизируя, и его дело обрывалось с его смертью, в то время как новые лидеры действуют по намеченному плану, изменяя условия его осуществления, а их дело переживает их смерть, воплощаясь в созданных ими новых условиях жизни. «Смерть Перона означала собой окончание исторического этапа, начавшегося в 1930 г.», — писал А. Горовиц в книге «Четыре этапа перонизма». Исторический парадокс заключался в том, что в популизме каждая из его составных частей считала себя подлинным представителем народа и, согласно политическому завещанию лидера, его преемником. Вот почему в постперонизме и его эволюции нашли отражение все те различные ипостаси, которые были присущи Перону. А историки перонизма, касаясь последней главы долголетней политической биографии Перона, пишут о трагедии престарелого лидера, вернувшегося в страну на пороге своего 80-летия в момент такого кризиса, выход из которого уже нельзя было найти в «третьей позиции».

Аргентинцы прощались с Пероном, как с национальным героем (как это было ранее с легендарным исполнителем танго К. Гарделем — «выразителем духа аргентинцев» и с «самой любимой и самой ненавидимой женщиной в Аргентине» Евой Перон). Останки Перона и Евы были воссоединены, чтобы воздвигнуть в их честь грандиозный Пантеон, выше «Ста-

туи свободы» в США. Но после свержения перонистского правительства в 1976 г. останки Евы опять перезахоронялись. Католическая церковь посмертно простила Перону его политические грехи. Во время отпевания аргентинский примас кардинал А. Кахьяно назвал его истинным «христианином, гуманистом и врагом насилия». Все главы американских государств почтили его память. Во многих латиноамериканских странах был объявлен траур. Так Перон посмертно получил подтверждение своего значения в качестве континентального лидера. Тогдашний президент США Р. Никсон заявил 1 июля по поводу кончины Перона: «Он был источником вдохновения своих соотечественников»¹⁶.

Дальнейшая траектория перонизма как национал-популистского массового движения, но уже без его создателя и лидера, определялась многими и подчас противоположными факторами, действовавшими в едином русле. Сохранились такие главные идеи Перона, как национализм и реформизм, социальное согласие под протекцией государства. До поры, до времени никакие попытки слева и справа, равно как и новая волна деперонизации со стороны военного авторитарного режима 1976—1983 гг., не могли заставить перонизм свернуть с этой линии. А сегодня национал-популизм стал составной частью бытия уже многих латиноамериканских лидеров, стремящихся решить современные проблемы посредством солидарных действий.

Примечания

1. El Espectador, Bogotá, 1989, N 316.
2. GODIO J. La caída de Perón: de junio a septiembre. Buenos Aires. 1973; EJUSD. El último año de Perón. Bogotá. 1974; TERRAGNO A. H. Los 400 días de Perón. Buenos Aires. 1974; CHAVEZ F. Perón y el peronismo en la historia contemporánea. Buenos Aires. 1975; RAMOS J. A. La Era del peronismo. Buenos Aires. 1982; FEINMANN J. P. Lopez Rega: la cara oscura de Perón. Buenos Aires. 1987; El Justicialismo: su historia, su pensamiento y sus proyecciones. Buenos Aires. 1983; HOROWICZ A. Los cuatro peronismos. Buenos Aires. 1985; PERÓN J. El pueblo quiere saber de que se urata. Buenos Aires. 1944; EJUSD. Conducción política. Buenos Aires. 1952; EJUSD. Doctrina peronista. Buenos Aires. 1949; EJUSD. Comunidad organizada. Buenos Aires. 1974.
3. PERÓN J. El Fronte Oriental de la guerra mundial de 1914—1918. Buenos Aires. 1931; EJUSD. Apuntes de la historia militar. Buenos Aires. 1932; EJUSD. La guerra rusa-japonesa. Tt. 1—2. Buenos Aires. 1933—1934.
4. CHAVEZ F. Op. cit., p. 307—308, 321—324.
5. PERÓN J. Doctrina peronista, p. 78; CHAVEZ F. Op. cit., p. 311.
6. HOROWICZ A. Op. cit., p. 115; BARNES Jh. Eva Perón. Buenos Aires. 1987, p. 100; CHAVEZ F. Op. cit., p. 310.
7. 1945—17 de Octubre — 1985. Buenos Aires. 1985; URRIZA M. El peronismos.— Movimiento e partido en Nueva Sociedad, San Jose, 1984, N 37, p. 69—73; Nuestro siglo, Buenos Aires, s. a., N 1, p. 1.
8. RAMOS J. A. Op. cit., p. 137; PERÓN J. Doctrina peronista, p. 370; PERÓN J. La fuerza en el derecho de las bestias. Santiago de Chile. 1956, p. 24.
9. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976, с. 74—85; PERÓN E. La razón de mi vida. Buenos Aires. 1952, p. 116; LUX-WURM P. Le peronisme. P. 1963, p. 200.
10. GODIO J. La caída de Perón; PERÓN J. La fuerza, p. 13.
11. MARTINEZ R. Grandezas y miserias de Perón. México. 1956, p. 191; PERÓN J. La fuerza, p. 26.
12. PERÓN J. D. La Hora de los pueblos. Madrid. 1968, p. 68; PERÓN J. D. La América Latina: ahora o nunca. Montevideo. 1967, p. 115.
13. PERÓN J. D. La Hora de los pueblos; PERÓN J. D. La América Latina, p. 115.
14. GILLESPIE R. Soldados de Perón. Buenos Aires. 1982; Argentina and Perón 1970—75. N. Y. 1975, p. 68, 87; FEINMANN J. P. Lopez Rega.
15. SUKUP V. El peronismo y la economica mundial. S. a. S. 1., p. 70; BARNES Jh. Op. cit., p. 9—17; GODIO J. Op. cit., p. 92.
16. GILLESPIE R. Op. cit., p. 187; Argentina and Perón, p. 115—117.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней)

От редакции:

Начиная с этого номера журнал «Вопросы истории» приступает к публикации учебника для высшей школы «История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки», подготовленного кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов под редакцией члена-корреспондента Российской академии наук А. А. ИСКЕНДЕРОВА. Он же является автором публикуемого ниже Введения. Автор первого раздела — доктор исторических наук, профессор П. И. ПУЧКОВ.

Введение

Окончательное крушение некогда могущественных колониальных империй и образование на их развалинах десятков новых независимых государств, в которых проживает более полутора миллиардов человек — одно из главных событий второй половины XX века. Долгим и трудным путем шли народы колониального мира к свободе и национальной независимости. Но их многочисленные жертвы и страдания не были напрасными: сбросив тяжкое бремя колониального гнета, народы Азии, Африки и Латинской Америки вышли на широкую дорогу самостоятельного развития, стали активными творцами своей жизни.

Что объединяет эти страны и народы, роднит их исторические судьбы? При всем различии пройденных ими путей, в их развитии, в их прошлом и настоящем немало общего. Сходство между ними обнаруживается уже на стадии древнейших цивилизаций и становления так называемых традиционных обществ. Однако решающим фактором, сблизившим пути их развития, явился колониализм, который поставил эти страны в зависимость, хотя и неодинаковую, от ведущих капиталистических держав. Даже те немногие страны этого обширного региона, которым удалось избежать прямого колониального господства над собой, косвенно испытали влияние колониальной системы, побудившей их встать на путь хозяйственной автаркии и создания замкнутой, самообеспечивающей экономики. Во многом сходные задачи пришлось решать народам этих стран и в постколониальный период, когда остро встала проблема решительного преодоления колониального прошлого, а также неоколониализма.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что указанные сходные черты в общественном развитии этих стран было бы неверно абсолютизировать и бо-

лее того лишь к ним сводить все содержание пройденного ими сложного исторического пути. Различия между ними отражают сущностное своеобразие социально-экономической, политической и духовной эволюции этих стран. Нельзя абсолютизировать и региональные общности, поскольку даже в пределах одного континента или группы близких по характеру государств часто проявляются весьма существенные различия, обусловленные разными типами цивилизаций, неодинаковыми темпами прохождения тех или иных стадий общественного развития, а также спецификой политического и государственного строя, особенностями духовной жизни, культурных и национальных традиций.

Специфичность истории и культуры каждого народа и каждой страны подробно рассматривается в учебнике. Здесь же необходимо упомянуть лишь главные моменты, указывающие на эти отличия. Так, в частности, азиатский регион являет собой классический пример традиционных обществ, выросших из недр древнейших и древних цивилизаций. Именно Азия в наибольшей степени воплощает отличительные черты и особенности Востока, о которых обычно говорят, когда описывают главные различия между Западом и Востоком. Жизнь народов Африки в значительной мере связана с трайбализмом и его последствиями, которые в других регионах в основном преодолены. Здесь особенно остро сказывается незавершенность процесса социального расслоения и формирования наций, что нередко становится причиной политической нестабильности и жестоких межэтнических конфликтов. Весьма специфична история латиноамериканского региона, в котором испанской и португальской колонизации предшествовал пока недостаточно изученный период самобытных очаговых цивилизаций, пребывавших на разных стадиях общественного развития. Специфичен и сам процесс латиноамериканского этногенеза, испытавшего сильнейшее испано-португальское влияние, что проявилось, в особенности, в сложном переплетении различных форм экономических отношений, громоздкости социальной структуры, большом своеобразии культурной и духовной жизни. Оказавшись под колониальным игом раньше других стран, Латинская Америка первой пробилась брешь в колониальной системе. Уже в начале XIX века здесь развернулась активная борьба за независимость, приведшая к образованию самостоятельных государств.

Происходящие в странах Азии, Африки и Латинской Америки глубокие перемены и преобразования давно перешагнули региональные рамки и обрели воистину всемирно-историческое значение. Уже сейчас ощутим их вклад в решение крупнейших глобальных проблем, а в будущем этим народам предстоит сыграть еще более важную роль в судьбах всего человечества. Социальный облик нашей планеты, благополучие и безопасность живущих на ней народов во многом будет зависеть от того, каким путем будут идти эти страны, какими они станут в зримой и отдаленной перспективе, какие тенденции в их развитии окажутся определяющими, как будут развиваться отношения между новыми независимыми государствами и их бывшими метрополиями. Велика роль стран Азии, Африки и Латинской Америки в совершенствовании системы международных отношений, в установлении такого мирового порядка, при котором между народами полностью исключались бы дискриминация, диктат, насилие. Не менее важно и освоение богатого культурного наследия народов этих регионов, особенно достижений их духовной культуры.

Вступление народов бывшей колониальной периферии на авансцену всемирной истории выдвинуло перед ними грандиозные по масштабам и глубокие по социальным последствиям задачи, решение которых предполагает огромные усилия не только их самих, но и всего мирового сообщества. Это диктует насущную потребность внимательного изучения, всестороннего учета и реальной оценки происходящих здесь перемен, сложных и неоднозначных процессов и явлений. Многие возникающие в связи с этим проблемы приходится решать впервые, они не имеют исторических аналогов. Отсюда неослабевающий общественный интерес к этому миру, к его настоящему, прошлому и будущему.

Приступая к работе над учебником «История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки», авторский коллектив в полной мере отдавал себе отчет в сложности и ответственности задачи создать труд, который бы давал научно объективную картину развития этих стран на протяжении всей их истории и при этом был свободен от политической и идеологической предвзятости. Особенно важно было преодолеть односторонний подход к изучению истории этих стран, когда она рассматривалась почти исключительно под углом зрения так называемого «мирового революционного процесса», в котором едва ли не основная роль отводилась регионам Азии, Африки и Латинской Америки. Такой подход практически исключал всестороннее изучение и объективную оценку явлений и тенденций, присущих собственному, органическому развитию этих стран, прошедших длительную полосу самостоятельного движения по пути прогресса еще до того, как они оказались под гнетом колонизаторов. Для преодоления этой односторонности необходимо было значительно расширить источниковую базу и критически переосмыслить многие ранее господствовавшие в исторической литературе, а ныне устаревшие взгляды, стереотипы и концепции.

Речь при этом идет не только о тех работах, авторы которых тенденциозно освещали прошлое этих стран с позиций европоцентризма, принижая их вклад в общечеловеческую цивилизацию, но и о тех сочинениях, преимущественно догматического характера, в которых механически переносились в историю освободившихся стран категории и модели развития, сформировавшиеся в иных социальных и культурных условиях. В результате принижались, а зачастую и просто игнорировались реальная специфика, национальные и социальные особенности, историко-культурные традиции, своеобразие менталитета, религиозных верований, нравов и обычаев народов Азии, Африки и Латинской Америки, то есть практически весь их действительный образ жизни. И в том и в другом случаях всячески приуменьшались исторические заслуги народов этих стран, искажалась их история как в доколониальный период, так и в длительный период колониальной зависимости от Запада. Необходимо было преодолеть эту односторонность и показать их историческое развитие с учетом реальной взаимосвязанности рассматриваемых стран и одновременно во взаимодействии с народами всего мира.

Таким образом, перед авторами стояла задача выработать оригинальную научную концепцию учебника, свободную от какой-либо предвзятости в подходе к обширному и во многом еще не вошедшему в научный оборот фактическому материалу, а также и к достижениям современной мировой науки. Авторы широко использовали курсы лекций, многие годы читаемые ими в Российском университете дружбы народов, а также научные разработки, ведущиеся на кафедре всеобщей истории. Однако потребовались и специальные изыскания в области наименее изученных проблем, долгое время находившихся вне поля зрения историков.

Важно было преодолеть и всякого рода легенды, мифы и вымыслы, бытовавшие во многих работах по истории этих стран. Особенно мифологизирована специфика их многовековой эволюции. Едва ли не самым распространенным является миф об изначальной отсталости стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки, об их якобы органической неспособности к созиданию чего-либо нового, выходящего за рамки извечных традиций, к саморазвитию и в то же время их мнимой приверженности к разрушительному воздействию на другие цивилизации. Даже в новейшей литературе можно встретить утверждения о будто бы тупиковом характере их исторического пути, не ведущего к социальному и научно-техническому прогрессу, об их многовековой обреченности на социальную и культурную стагнацию и застой. И все это объясняется, если верить авторам, придерживающимся указанных мифов, тем, что культура этих народов в силу своей специфики не способствовала раскрепощению личности, раскрытию возможностей ее творческого роста, реализации достижений человеческого разума, активному отношению личности к окружающей среде. При этом допускается имеющая принципиальное значение методологическая ошибка,

когда проблема специфичности историко-культурной эволюции народов Азии, Африки и Латинской Америки сводится исключительно к их отсталости, трактуемой, как правило, с европоцентристских позиций. Между тем объективная научная оценка уровней развития различных регионов ойкумены требует всестороннего учета специфики условий, направленности и содержания их эволюции.

Убедительным доказательством несостоятельности мифа об извечной отсталости народов Азии, Африки и Латинской Америки является прежде всего то, что многие из них уже в древности, когда европейцы пребывали еще на стадии варварства, создали высочайшие по своему уровню образцы материальной и духовной культуры, обогатив мировую цивилизацию выдающимися достижениями в различных областях человеческой деятельности. Полную несостоятельность этого мифа доказывает и пример послевоенного развития некоторых из них. Показательна в этом отношении Япония (да и не только она), достигшая впечатляющих результатов в экономике и научно-техническом прогрессе. Современная эпоха выявила, какими колоссальными потенциями и резервами располагают восточные общества, способные в определенных условиях развиваться не менее динамично, чем западные.

Несостоятелен и миф о невероятном закреплении, крайней скованности личности на Востоке, чуть ли не абсолютной невозможности ее свободного саморазвития и активного творческого взаимодействия с окружающим миром. И здесь происходит подмена методологических понятий: не учитываются особенности историко-культурного развития этих народов, своеобразие их менталитета. На самом же деле, и об этом свидетельствует вся их история, творческие возможности живших здесь людей, их социальная и духовно-нравственная активность нисколько не уступали западному миру, а в чем-то, пожалуй, и превосходили его. Показательно в этом отношении достаточно широкое распространение восточных философских и этических учений и воззрений в современном западном мире.

Предлагаемый вниманию читателя учебник представляет собой попытку систематизированного изложения истории и культуры народов Азии, Африки и Латинской Америки с древнейших времен до наших дней. Конечно, огромный по своему объему и крайне разнообразный по содержанию материал, рассматривающий судьбы десятков стран и сотен народов, охватывающий все исторические эпохи, невозможно изложить с исчерпывающей полнотой в рамках сравнительно небольшого объема этой книги. Приходилось в ряде случаев жертвовать полнотой изложения, порою лишь кратко упоминать о многих интересных фактах, событиях, выдающихся личностях. Делалось это в расчете на то, что заинтересованный читатель обратится к специальной литературе.

В основу изложения легло стремление дать комплексную характеристику главных историко-культурных процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки, определивших магистральную линию их многовекового развития, выявить то общее, что было присуще народам, населявшим эти регионы, и вместе с тем показать особенное и единичное, самобытное и неповторимое в их истории и культуре, которые являются составной частью мировой истории и культуры и без которых нет полной истории человечества, раскрыть специфику их эволюции не в отрыве, а на фоне взаимосвязанности с историей других регионов нашей планеты. Авторы старались следовать мудрому совету Н. В. Гоголя, который в свое время предостерегал историков, чтобы под их пером всеобщая история не превращалась в «собрание частных историй всех народов и государств без общей связи, без общего плана, без общей цели», не выглядела бы как «куча происшествий без порядка, в безжизненном и сухом виде»¹.

История народов, населяющих Азию, Африку и Латинскую Америку, рассматривается в учебнике не как некая механическая сумма отдельных национальных (или региональных) историко-культурных потоков, а как их совместное движение, совершающееся по определенным общим законам и имеющее свои внутреннюю логику и смысл. Именно выявление связей

и взаимозависимостей национальных и региональных историко-культурных процессов помогает не только полнее и глубже постигать общий смысл истории этих регионов, но одновременно и точнее определить историко-культурную специфику отдельных стран и народов. Различия между ними отчетливо просматриваются именно на фоне общих черт и закономерностей в истории человечества. Осознание своей принадлежности к всемирной общности, своей причастности к судьбам всего человечества (которое нередко приписывают исключительно европейцам) проявлялось, и при том в очень ярких формах, и у народов изучаемых регионов. Естественно, в различные эпохи и у разных народов эта принадлежность к всемирной истории осмысливалась по-разному, в неодинаковых масштабах и формах. Она ощущалась народами, жившими в Азии, Африке и Латинской Америке, с различной степенью остроты и глубины.

Обращаясь к прошлому этих народов, авторы внимательно подходили к проблеме общего, особенного и единичного в их общественном развитии, стремились как можно глубже изучить и максимально учесть национально-региональную специфику историко-культурных процессов, быть предельно осторожными и точными при обращении к глобальным схемам всемирной истории. Авторы в полной мере отдавали себе отчет в том, что игнорирование национально-региональных особенностей обедняет и наши представления об общеисторических процессах и их закономерностях. Они стремились проследить сложный и противоречивый процесс «встречи» различных культур и цивилизаций, повлиявший на их развитие и нашедший отражение в истории и культуре изучаемых народов, попытались раскрыть диалектику взаимовлияния и взаимообогащения различных культур и цивилизаций Азии, Африки и Латинской Америки как на региональном, так и на всемирном уровне.

Многие издавна укоренившиеся в историографии схемы и концепции мировой, региональной и национальной истории не выдержали испытание временем, обнаружили свою теоретическую несостоятельность и несоответствие действительному ходу общественного развития. Обнаружилась и их идейно-политическая заангажированность. В большинстве случаев этим стереотипам и схемам присуще упрощение истории, изображаемой как прямолинейное движение, идущее исключительно по восходящей линии, притом непременно от «худшего» к «лучшему». Преодоление этих схем и концепций потребовало заново решить ряд принципиальных теоретических вопросов, и прежде всего вопрос о периодизации истории стран Азии, Африки и Латинской Америки. Необходимо было максимально приблизить ее к действительным условиям и факторам, определявшим многовековое развитие их народов. Естественно, от этого во многом зависела структура и композиция учебника, внутренняя логика изложения материала.

Вовлекаясь в возникающие время от времени, в ходе развития исторической науки, неизбежные дискуссии о сущности, принципах периодизации, различных ее аспектах и типах, историки зачастую больше бывают озабочены тем, чтобы найти способ, как всю многовариантную историю человечества подвести под один знаменатель, втиснуть в единую для всех стран и народов схему, игнорируя многокрасочность, многоликость, глубину и драматизм реального исторического процесса. Нередко при этом из всемирной истории выпадают весьма существенные периоды и эпизоды из национальных историй, не вписывающиеся в эти искусственно сконструированные схемы. Для современных поисков в области периодизации истории характерно стремление во все большей степени учитывать специфику социального и культурного развития народов и регионов. Все более очевидной становится бесплодность попыток подчинить историю народов некоей единой и общей жесткой периодизационной схеме, базирующейся на каком-либо единственном, пусть даже и весьма существенном критерии (и потому неизбежно выражающем в конечном счете лишь одну из линий развития общества). Сейчас уже ясно, что любые претензии на универсальную и абсолютную истину в толковании исторического процесса обречены на неудачу.

Долгое время в основе периодизации, используемой в отечественной

историографии, лежала достаточно жесткая схема прогрессивно сменяющих друг друга общественно-экономических формаций. Творчески мыслящие историки давно уже ощущали узость и идеологическую заданность такой трактовки развития человеческого общества, основанной исключительно на смене способов производства и представлениях о прогрессивной роли классовой борьбы как движущей его пружине. И дело не только в том, что смена общественно-экономических формаций в разных странах, регионах и континентах не совпадала по времени. В реальной исторической действительности ни одна из формаций вообще не существовала в чистом виде, а большинство прошлых, как и нынешних обществ по своей социально-экономической характеристике многоукладны. К тому же формационная схема не имела прочной теоретической основы, а используемые ею категории и структурные модели не только не поддавались четкому определению, но во многом просто не соответствовали исторической реальности. Пригодные в какой-то мере для характеристики истории одних стран, они оказывались неприменимы к истории других государств.

Формационный подход не способен охватить все многообразие исторической действительности, всю совокупность наиболее существенных факторов и условий развития общества, оценить степень их реального воздействия на формы, ступени и этапы историко-культурной эволюции. Многие народы не прошли через все общественно-экономические формации, предусмотренные марксистской схемой (например, миновали стадию развитого рабовладения). В других длительное время господствовали отношения, вообще трудно соотносимые с утвердившимися в нашей историографии благодаря господству этой схемы типами социальных отношений. Именно такими, выпадающими из марксовой формационной схемы, были некоторые из так называемых традиционных обществ Азии, Африки и Латинской Америки в доколониальный период, существенно отличавшиеся от известных европейских моделей, на базе которых собственно и была выработана эта схема.

Основываясь преимущественно на экономических факторах, формационная схема практически вела к недооценке, а то и просто игнорированию значения других, не относящихся непосредственно к экономике, сторон жизни и деятельности людей: многие аспекты социальной жизни, не вписывающиеся в рамки классовых отношений — природно-географические факторы, культура, психология, менталитет народа и другие сферы духовной жизни. Фактически схема общественно-экономических формаций во многом исходила из экономического детерминизма (нередко в весьма вульгарной форме). Это существенно ограничивало ее теоретико-познавательные возможности при обращении к конкретной истории. Ведь экономика, при всей ее важности для развития общества, является лишь частью совокупности факторов, определяющих ход истории; она одна не в состоянии объяснить всю сложность духовной и социальной жизни народов.

Авторы учебника не случайно подчеркивают значение культурного фактора в истории. Они исходят из того, что именно в сфере культуры с наибольшей полнотой воплощается единство и целостность процесса развития человечества, осмысливается причастность народа, этноса, социума и самой личности к ходу истории, принадлежности ко всему человеческому сообществу. Изучение культуры во всем ее многообразии, охватывая широчайшие исторические пространства, регионы и эпохи, помогает выявлению того общего, что объединяет народы и страны. Историко-культурный подход ставит в центр внимания исследования человека с его стремлениями, верованиями, убеждениями, деятельностью. Даже основоположники формационной теории не раз заявляли, что экономические отношения не могут служить «единственно определяющим моментом» истории, признавая, что у них самих «не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» факторов общественного развития².

Экономический детерминизм и недооценка духовной сферы в жизни

общества крайне сужают поле зрения историка, обедняют и искажают представления о реальном историческом процессе, ограничивая его содержание искусственными, и по большей части абстрактными, социологическими схемами. Не отрицая познавательных возможностей формационного подхода, для которого главными критериями и пружинами развития общества являются материальное производство, экономические отношения и классовая борьба, современная историческая наука при построении схем периодизации истории все чаще обращается к комплексному, историко-культурному, так называемому цивилизационному подходу, чтобы полнее охватить совокупность факторов, влияющих на жизнь и деятельность людей: природных, экономических, политических, социальных, духовных, нравственных. Авторы учебника не связывали себя жесткой формулой «базис-надстройка». Они пытаются учесть реальную значимость различных объективных и субъективных факторов при изложении конкретной истории народов и стран Азии, Африки и Латинской Америки, стараются максимально использовать исследовательские возможности, заключенные в разных методологических системах.

Современный подход к изучению истории требует серьезного переосмысления взаимодействия, взаимопереплетения, взаимопроникновения и взаимосвязи объективных и субъективных факторов. Материалистическому монизму (особенно в его вульгаризованной форме) было присуще абсолютизирование роли факторов «объективных», в ущерб субъективным и личностным. Конечно, историко-культурный процесс нельзя сводить только к характеристике отдельных личностей, в нем участвовавших, пусть и выдающихся. Но неверно и недооценивать их роль в истории. Дело не только в том, что великие личности, и это хорошо видно на примере истории изучаемых стран, придают историческим событиям, говоря словами Г. В. Плеханова, «индивидуальную физиономию»³, выражая тем самым направленность общественного развития, но главным образом в их непосредственном воздействии на массы людей, делающих историю, на весь социальный менталитет. История народов Азии, Африки и Латинской Америки дает немало примеров того, как при определенных условиях деятельность великих личностей ускоряла или же, напротив, замедляла ход общественного развития.

Недооценка субъективных факторов превращает историю в некий прямолинейный процесс, имеющий чуть ли не фатальную предопределенность, лишенный какой-либо альтернативности и вариантности. Нельзя также сводить проблему роли личности в истории к деятельности только великих полководцев, правителей или мыслителей. Историк должен не в меньшей степени проявлять интерес и к деятельности рядовых людей, также преследующих определенные цели, к их общественному поведению, отношению к окружающему миру. Мотивы их действий могут быть как рациональными, так и иррациональными. Только при обстоятельном учете субъективных факторов раскрываются органически присущие реальной истории драматичность, непредсказуемость, а иногда загадочность и даже парадоксальность.

Авторы стремились к тому, чтобы историко-культурный процесс представлялся в неразрывном единстве всех его сторон. Недостатком многих трудов по истории является искусственное расчленение социальной, политической и культурной истории, игнорирование взаимосвязанности и взаимозависимости всех ее сторон. Вопросам культуры в подобных трудах отводится, как правило, второстепенное место, как своего рода добавлению к основным разделам — об экономике, классовой борьбе, политической жизни. При таком подходе значительно обедняется содержание культурного развития народов, оно сводится, по существу, к перечислению достижений в области науки, техники, литературы и искусства. Между тем в реальной истории отношение человека к окружающей среде, к другим людям и обществу в целом, как и стремление осмыслить самого себя органически взаимосвязаны.

Большое место в учебнике занимает освещение роли религий в истории,

которые предстают не только как питающие духовно-нравственные истоки, но и как формирующие — во многом — сам образ жизни народов. Эта проблема долгое время замалчивалась, либо трактовалась извращенно. Между тем религия всегда занимала важное место в жизни общества, влияя на его нравственное состояние, на социальную психологию всех слоев населения, а стало быть и на поведение людей. Религия воздействовала и на характер взаимоотношений между обществом и государством с момента возникновения последнего. В наше время влияние религиозного фактора отчетливо проявляется в общественно-политической жизни многих стран Азии, Африки и Латинской Америки. Представители духовенства активно включаются в политическую жизнь и кое-где даже пытаются подчинить себе государственную власть. Некоторые из этих стран переживают ныне своеобразный «религиозный ренессанс».

Авторы стремились как можно разносторонне и объективно показать действительное положение религии и ее роль в истории стран Азии, Африки и Латинской Америки, конкретно рассмотреть ее влияние на общество, определить сущность и социально-политическую направленность различных движений и организаций, выступающих под религиозным флагом. Особенно ярко религиозный фактор проявился в мусульманских странах. И хотя действия различных политических сил под лозунгами ислама всегда были одной из характерных особенностей истории этих стран, нынешнее бурное возрастание роли этой религии оказалось неожиданным и непонятным для историков, тем более, что в прошлом некоторые мыслители не раз предрекали скорый конец исламу. Так, в свое время Гегель утверждал, что «ислам уже давно сошел со всемирноисторической арены и вновь возвратился к восточному покою и неподвижности»⁴.

Анализируя роль религии и церкви в историческом процессе, в становлении различных цивилизаций и развитии культуры, авторы стремились рассмотреть различные стороны религиозной деятельности, сопоставить основные религиозные учения, выявить причины подъемов и спадов религиозной активности, проследить эволюцию сил и движений, выступающих под знаменем религии. В учебнике показано, в частности, что активизация религии, выход ее на авансцену истории происходили и происходят на фоне нарастания кризисных тенденций и обострения противоречий в политическом и социально-экономическом развитии изучаемых стран.

Серьезное значение для понимания истории рассматриваемых стран, особенно азиатского региона, имеет проблема «Запад-Восток». Она с древности пронизывает всю мировую историографию. Европейские историки пытались осмыслить прошлое народов Азии, Африки и Латинской Америки в терминах и категориях европейской истории. Противопоставление европейцев народам Азии и Африки чаще всего сопровождалось стремлением утвердить идею превосходства первых над вторыми. Парадоксально, что по мере обогащения человечества знаниями о жизни и культуре всех стран и народов нашей планеты это противопоставление становилось все более резким. В эпоху колониализма указанная проблема превратилась в одну из наиболее трудно решаемых. Существует она и в наше время, порождая острые споры и дискуссии.

В подходах к этой проблеме и в ее трактовке четко обнаруживаются две крайности. Одни считают понятия «Восток», «Запад», «Европа», «Азия», «Африка» чисто условными и надуманными, не отражающими исторической реальности, всегда выступавшей как единый и целостный процесс. Сторонники другой, тоже крайней точки зрения убеждены в прямо противоположном. Противостояние Запада и Востока, утверждают они, есть реальность, и связано оно с глубоким различием в историческом и культурном развитии этих двух миров. Поэтому говорить о какой-то их общности не приходится. Загадочные и таинственные восточные общества, по их мнению, вообще недоступны пониманию европейцев.

Многие ученые, в том числе и российские, неоднократно задавались вопросом: почему при несомненных единстве и взаимосвязанности всех субъектов всемирной истории Восток не вписывается в нее всеми своими

проявлениями и предстает в ней все же как нечто особое? Можно ли утверждать, что разделяет их и даже противопоставляет друг другу нечто неизмеримо большее, чем то, что объединяет? Конечно, между западной и восточной цивилизациями есть немало существенных различий, которые заслуживают самого пристального внимания и тщательного изучения. Но признавая их, авторы учебника стремились к тому, чтобы возможно более полно раскрыть единство и взаимосвязанность историко-культурных процессов, протекавших на Западе и Востоке.

Расхождение западного и восточного путей развития обозначилось уже в глубокой древности. По мнению одних ученых, оно обнаружилось еще на рубеже, пролегающем между эпохой «неолитической революции» и древнейших цивилизаций и последовавшей за ней эпохой «железной революции», мировых империй и мировых религий. Другие полагают, что противостояние Запада и Востока началось со времени греко-персидских войн (V и IV вв. до н. э.). В средние века заметно усилились европоцентризм и востокофобия, в основе которых нередко лежало противоборство христианства и ислама. Но наиболее непримиримые формы это расхождение приобрело тогда, когда Запад резко вырвался вперед в экономическом развитии и начался раздел мира между ведущими капиталистическими державами. С ликвидацией же колониальной системы постепенно меняются и представления о своеобразии исторического пути Востока. Уходит в прошлое убеждение о его будто бы извечной отсталости и все больше утверждается понимание взаимосвязанности и взаимозависимости развития разных регионов.

Не трудно заметить, что уже в самом противопоставлении Востока и Запада подспудно, а иногда и явно дает о себе знать идея мироцелостности и единства всемирной истории, стремление к сопоставлению разных ветвей его эволюции. Показательно, что на всем протяжении истории человечества явственно просматривается своеобразная эстафета в передаче лидерства — от Древнего Востока к Древним Греции и Риму, затем к мусульманскому Востоку и от него к раннекапиталистической Европе. В наше время ведущее положение по ряду показателей вновь переходит к некоторым странам Востока. Взаимосвязанность Востока и Запада обнаруживается и в характере стыковых, синкретических по своей сути цивилизаций — криго-микенской, карфагенской, эллинистической, византийской.

Специфика исторического пути народов Востока может быть понята только с позиций историзма и комплексного подхода к изучению его истории и культуры. Первая и очень существенная особенность восточных или азиатских цивилизаций состоит в том, что они намного древнее западных, европейских. Именно поэтому их опыт, как справедливо отмечал российский востоковед В. М. Алексеев, «часто больше и глубже, чем опыт Запада»⁵. К сожалению, еще недостаточно изучено, в какой мере этот опыт учитывался и усваивался всем человечеством, в том числе и Западом. Недостаточно принимается во внимание это обстоятельство и при разработке общих теорий и концепций всемирной истории. Между тем это имеет принципиальное значение для понимания ее смысла и содержания, а значит, и истории каждого народа и каждого государства. Изучение древних восточных обществ представляет не только чисто познавательный интерес, но имеет и важное теоретико-методологическое значение, ибо обогащает систему категорий и понятийный аппарат исторической науки, ее теоретические основы. Знание и понимание исторического опыта Востока помогло бы избежать некоторых слишком категоричных и жестких (как правило, основанных на европейском опыте) схем всемирной истории, под которые долгое время подгонялось развитие народов всех континентов.

Вторая особенность Востока заключается в своеобразии и длительности существования здесь докапиталистических отношений. Когда Европа вступала в полосу капиталистического развития, ознаменовавшего начало нового времени, в странах Азии, Африки и Латинской Америки еще не проявились сколько-нибудь серьезные признаки того, что и они пойдут по этому же пути. Весьма продолжительное существование «восточного фе-

одализма» наложило заметный отпечаток на многие явления и процессы, происходившие в этом регионе. Специфичен был, и авторы пытаются это показать, и сам феномен «восточного феодализма», что повлияло на ход образования здесь централизованных государств и процесс формирования наций. Во многом эти явления отличались от аналогичного процесса, происходившего в Европе в эпоху зарождения и утверждения капиталистических отношений.

В этом смысле исторический опыт Востока побуждает рассматривать такую ступень всемирной истории, как феодализм, с точки зрения его внутренней динамики и саморазвития, а не только как состояние абсолютного покоя и неизменности общественного строя. Такой подход к «восточному феодализму» позволяет отойти от некоторых устаревших представлений о феодальной общественно-исторической формации как одном из самых мрачных и жестоких периодов всемирной истории, когда общество пребывало чуть ли не в абсолютно застывшем состоянии. В книге приводится конкретный материал, убедительно свидетельствующий, что и при феодализме развивалось производство, расцветала духовная и материальная культура, бурлила общественная мысль, да и сами феодальные отношения, как и воплотившие их социальные структуры постоянно эволюционировали.

Третья особенность связана с влиянием колониализма на различные стороны жизни азиатских, африканских и латиноамериканских обществ. Разумеется, государственные, политические и иные структуры, равно как духовная и культурная сферы, испытали на себе колониальное иго в разной степени. Да и формы колониализма в разных странах и регионах, не говоря о его последствиях, были различны. К тому же достаточно большие территории с проживавшим там многочисленным населением, а то и отдельные страны по тем или иным причинам оказались вне непосредственного воздействия колонизаторов. Бесспорно, однако, что в результате колониализма и в этих странах был нарушен естественный ход их общественного развития. Колониализм насильственно вводил капиталистические порядки, напластовывая их на традиционные, докапиталистические общества, и тем самым деформируя их развитие. Историки спорят, насколько велика и глубока была степень этого воздействия, что превалировало в нем: негативные или объективно прогрессивные тенденции.

Вместе с тем нельзя не признать, что колониализм сблизил между собой страны и народы Азии, Африки и Латинской Америки и открыл перед ними «окно в Европу», дав возможность ближе и полнее познакомиться с плодами европейской цивилизации. Однако это сближение не привело к нивелировке уровней развития Запада и Востока и преодолению различий и противоречий между ними.

Существенная особенность восточных обществ заключается также в специфике, которая особенно четко проявилась в положении личности и отношении к ней общества и государства. Эта специфика обнаруживается уже в эпоху древних цивилизаций. Ее основными чертами были: государственно-общинная система с верховной собственностью на землю, на производимый на ней продукт и на самого работника, преобладание коллективного начала над личным, индивидуальным, растворение личности в определенной социально-культурной общности (например, касте), резко выраженное социальное неравенство, практически ничем не ограничиваемая эксплуатация общинников деспотической верховной (царской, жреческой) властью. Востоку на протяжении всей его истории свойственна была очень сильная тенденция к сакрализации неограниченной власти правителей, сложнейшая иерархия правящей элиты, бюрократический произвол. Все это тормозило развитие гражданского общества, предполагающего единство прав и обязанностей всех людей, и явственно отражалось на духовной культуре стран Азии, Африки и Латинской Америки, системе принятых в традиционных обществах нравственных ценностей, характере религиозных воззрений, политических и философских взглядах и т. д. Но наряду с этим в менталитете народов этих стран всегда присутствовали

и присутствуют понятия, присущие всему человечеству, всем народам, населяющим нашу планету. Это обнаруживается в представлениях об устройстве общества, о жизни и смерти, о мироздании, о природе и месте человека. Мифы и легенды народов Востока, разделяемые ими нравственные ценности, при всех их существенных отличиях от европейского образа мышления, оригинальности и самобытности, в главном и основном совпадают с теми, что существовали у других народов мира.

В отличие от европейского рационализма, восточное да и древнеамериканское мышление глубже проникает в сферу подсознания, настроений и переживаний людей, оно непосредственнее и более эмоционально воспринимает духовное в человеке, теснее ощущает связь с природной средой и склонно бережнее относиться к ней. Не случайно в религиозно-философских системах народов Востока и доколумбовой Америки столь важное место занимает именно чувственное (а не рациональное) начало, склонность к созерцательности и медитации. Своеобразие, присущее духовной сфере традиционных обществ, оказало свое влияние на историко-культурное развитие этих народов.

В соответствии с принятой авторами периодизацией учебник состоит из пяти разделов. Каждый из них посвящен определенному историческому этапу в развитии стран Азии, Африки и Латинской Америки, крупным историческим эпохам: первобытности, возникновению древних цивилизаций, становлению и развитию доколониальных традиционных обществ, эпохе колониализма и, наконец, периоду, начавшемуся после обретения народами бывших колоний и полуколоний национальной независимости (продолжающемуся поныне). Такая структура изложения отвечает основному авторскому замыслу: представить историко-культурный процесс в странах Азии, Африки и Латинской Америки как целостный, внутренне единый и, несмотря на важные национальные различия, имеющий немало общих черт, которые и позволяют выделить перечисленные выше исторические этапы в развитии этих стран, определить главные тенденции и основные особенности их исторического пути.

Первый раздел, описывающий период, самый продолжительный по времени, посвящен становлению человечества, формированию рас, древнейшим миграционным потокам. Афро-азиатский мир относится к числу древнейших мест обитания человека. И хотя палеоантропологические и археологические материалы пока не позволяют с абсолютной достоверностью говорить о точном времени и месте появления первого человека на Земле, все большее число исследователей, основываясь на уже имеющихся фактах, склоняются к выводу, что это произошло на африканском континенте не позже чем 2—2,5 млн. лет тому назад. Именно здесь обнаружены древнейшие каменные орудия, изготовленные первобытным человеком. В учебнике рассматриваются основные точки зрения и новейшие концепции по данной проблеме, существующие в мировой исторической науке.

Во втором разделе характеризуются древние цивилизации, существовавшие в изучаемых регионах. Приводимый в учебнике фактический материал свидетельствует о высоком уровне хозяйственной и культурной жизни народов Азии, Африки и Латинской Америки в древности. Здесь развивались земледелие и ремесло, велась оживленная торговля, возникали города, процветали различные виды искусств, зарождались научные знания, формировались целостные религиозные системы и общественно-политические воззрения. Как и в других регионах нашей планеты, шел процесс естественно-исторической эволюции социально-экономических отношений, политических и государственных структур, культуры с присущими данным регионам особенностями.

Выявление и осмысление процессов, связанных со становлением и развитием в Азии, Африке и Латинской Америке так называемых традиционных обществ, а также со спецификой феодальных отношений, их генезисом, ролью государства составляют основное содержание третьего раздела. Раскрывая специфические черты и особенности традиционных обществ,

авторы показывают своеобразие их культурных и нравственных ценностей, рассматривают их как общества, развивавшиеся на основе собственных, органически присущих им, а не привнесенных извне, законов и тенденций (что, конечно, не исключало внешних влияний, сила которых на протяжении веков не была одинаковой). Знание и учет этих особенностей помогают преодолеть ряд догматических стереотипов и схем, относящихся к характеристике традиционных обществ и «неевропейского феодализма». Содержащийся в этом разделе материал свидетельствует, что задолго до того, как в Западной Европе был завершен процесс образования централизованных государств и сложились нации, далеко за пределами «Старого Света» уже существовали сильные государственные структуры, игравшие решающую роль в экономическом, социально-политическом и культурном развитии своих стран. Становление централизованных государств и формирование наций происходили здесь не в период разложения и ликвидации феодализма, как на Западе, а в условиях расширения и укрепления феодальных отношений. Это наложило свой отпечаток на многие стороны жизни государств Востока, в которых традиционные формы организации общества оказались более жизнестойкими и долговечными.

Деформация традиционных обществ в эпоху колониализма рассматривается в четвертом разделе учебника. Как уже отмечалось, наложение западного капитализма на традиционные общества протекало крайне болезненно и имело неоднозначные последствия. Насильственное внедрение капиталистических методов ведения хозяйства, европейских государственных форм и образа жизни, искусственное форсирование общественного развития по западным моделям были сопряжены с разрушением традиционных институтов и структур, складывавшихся на протяжении многих веков и далеко не исчерпавших ко времени прихода колонизаторов своих потенциальных возможностей. Однако колониализм не смог ликвидировать их полностью. Как правило, элементы традиционного общества либо оттеснялись на второй план или загонялись на малодоступную периферию, либо продолжали существовать в потаенном или законсервированном (часто при содействии самих колонизаторов) виде. Но они не утратили своей жизнеспособности, что и обнаружилось после краха колониальной системы. Вместе с тем многие элементы западной цивилизации и европейской системы ценностей, постепенно осваиваемые населением колоний, становились составной частью их культуры и образа жизни. Европейская колонизация объективно способствовала развитию мировой торговли и средств коммуникаций, взаимопроникновению и взаимообогащению культур Запада и Востока, сближению народов мира, расширению связей и контактов между ними.

Если насильственный аспект колониальной политики ведущих капиталистических держав вызывал у народов Азии, Африки и Латинской Америки вполне понятное и оправданное сопротивление и становился причиной массового антиколониального движения, то с другим ее аспектом дело обстоит сложнее, поскольку наряду со слоями, категорически отвергавшими все проявления европейской цивилизации, было здесь и немало ее приверженцев. Авторы стремились рассмотреть колониализм конкретно-исторически, во всей его многоплановости и противоречивости. Они старались объективно проанализировать исторические формы колониализма, методы и приемы, которые применяли колониальные державы на разных этапах и в разных странах, выявить отличительные особенности английского, французского, германского, американского, испанского, португальского и других колониализмов.

Колонизаторы осуществляли свою «цивилизаторскую» миссию с невероятной жестокостью и свирепостью, огнем и мечом прокладывая путь к несметным богатствам Азии, Африки и Латинской Америки. Одна работорговля унесла десятки миллионов человеческих жизней. Поэтому (и это показано в учебнике) утверждения, будто только с приходом европейских колонизаторов начался прогресс в социально-экономическом и культурном развитии этих народов, не имеют под собой оснований и преследуют

совершенно определенные политические цели. В свое время Е. В. Тарле справедливо заметил, что жизнь колониальных народов изображалась как бы в кривом зеркале. Заморский эксплуататор, который появлялся здесь с целью грабежа, сам же описывал, как реагировали на это те, кого он грабил. «В таком состоянии,— заключал ученый,— находится история не только миллионов американских индейцев и африканских народов, но также и таких народов, как индейцы, подчиненных в течение двух столетий власти европейского капитала»⁶.

Авторы уделили значительное внимание истории героической борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки против чужеземных колонизаторов, которым удавалось на какое-то время подавить их сопротивление. Но они так и не могли окончательно уничтожить волю народов к освобождению от колониального ига, к свободе и независимости. Отстаивая свою честь, национальное достоинство и право на самостоятельное развитие, эти народы вели неравную, но справедливую борьбу, которая никогда не прекращалась. Нередко после того, как они терпели поражение, эта борьба как-будто затухала, но затем снова разгоралась с еще большей силой. Колонизаторы никогда не чувствовали себя полновластными хозяевами на захваченных ими территориях.

Справедливая борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки, их стойкость и мужество подготовили почву для появления политических организаций и выдвижения выдающихся деятелей национально-освободительного движения. Росли и крепки патриотические силы и движения со своими яркими лидерами, политическими платформами и программами, требованиями и целями. Этим силам и движениям предстояло сыграть важнейшую историческую роль в освобождении своих народов от колониальной зависимости. Развитие капитализма в колониях и зависимых странах ускоряло процесс вызревания социально-экономических, политических и духовных предпосылок, способствовавших пробуждению угнетенных народов и развитию их национального самосознания.

Развертыванию национально-освободительных движений и революций в огромной степени способствовали и глубокие изменения на политической карте мира. Первая и вторая мировые войны резко ослабили позиции колониальных держав, обострили противоречия между ними. Подъем революционного и общедемократического движения в России и ряде других стран, разгром фашизма и укрепление сил мира, демократии и прогресса после второй мировой войны открыли новые возможности перед народами Азии, Африки и Латинской Америки, вселив в них уверенность в скором освобождении и полной ликвидации одного из самых позорных явлений в истории человечества — колониализма и неоколониализма.

Развитию стран Азии, Африки и Латинской Америки в условиях обретенной независимости посвящен заключительный, пятый раздел учебника. В нем рассматриваются реальные достижения этих стран и столь же очевидные трудности, с которыми они сталкиваются и которые лежат главным образом в экономической сфере. Авторы рисуют объективную картину современного состояния изучаемых стран, не приукрашивая его и не упрощая.

В Азии, Африке и Латинской Америке — и это еще больше сближает их исторические судьбы — происходят очень серьезные и неоднозначные сдвиги: изменяются общественные отношения, рушатся колониальные и неоколониальные структуры, утверждаются новые институты власти и вместе с тем возрождаются многие исконные традиции и ценности. Стремительными темпами идет размежевание социальных и политических сил, часто неожиданным и резким изменениям подвергается внутривнутриполитическая ситуация, порождая глубокие политические кризисы, которые нередко отягощаются значительной активизацией различных экстремистских сил, в том числе и откровенно реакционных. Все это, как и живучесть многих архаичных структур и отношений, питает политическую нестабильность, которая, в свою очередь, мешает этим странам успешно решать насущные проблемы своего развития. В этих условиях единство демократических и прогрессив-

ных сил, их сплоченность во имя достижения национального согласия и укрепления государственного суверенитета, социально-экономического и культурного прогресса приобрели не менее важное значение, чем в годы, непосредственно предшествовавшие обретению независимости, когда именно такое единство патриотических, антиколониальных, демократических сил обеспечило им историческую победу. На нынешнем этапе развития непосредственная цель народов Азии, Африки и Латинской Америки состоит в том, чтобы воплотить в жизнь свою мечту о социальной справедливости, экономическом преуспевании и расцвете национальной культуры.

Совершенно естественно, что в учебнике уделено большое внимание современному периоду в развитии этих стран. Ситуация во многих из них зачастую складывается так, что негативные тенденции нередко берут верх над позитивными. Примеры успешного социально-экономического подъема некоторых стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки пока еще скорее лишь исключение из общего правила. Поэтому в пятом разделе достаточно подробно рассказывается о тяжелом положении, прежде всего экономическом, в котором оказались многие из этих стран, резком обострении социальных конфликтов и внутривластной напряженности. На этом этапе стало сказываться и неодинаковое понимание различными политическими силами тех задач, которые предстояло этим народам решать по достижении независимости.

В ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки кризисные тенденции в экономике усугубляются растущим разрывом между уровнями экономического развития бывших колоний и метрополий, а также катастрофическим падением темпов экономического роста в ряде постколониальных обществ, которым присуща многоукладность экономики, когда налицо сосуществование различных типов хозяйствования и общественных отношений, когда сохраняются архаичные структуры в социально-экономической, общественно-политической и духовной сферах. Все это требует от лидеров этих стран очень трезвого и осторожного отношения к традиционным, веками выработавшимся формам и укладу жизни, государственным и общественным институтам, нравам и обычаям.

Стремление же любой ценой форсировать социальные процессы, игнорируя при этом специфические исторические и культурные условия развития этих стран, неизбежно оборачивается обострением противоречий между традиционалистами и приверженцами модернизации, а стало быть еще большей нестабильностью и конфликтами. Надежды на быстрое обновление общества и преодоление экономической отсталости для многих из них оказались тщетными в значительной мере и потому, что главные их ожидания возлагались на помощь извне, нередко при почти полном пренебрежении к внутренним условиям и возможностям. Многие серьезные ошибки и просчеты, допущенные лидерами стран Азии, Африки и Латинской Америки, были связаны именно с необоснованными упованиями на стремительное освобождение от пут колониальной и неоколониальной зависимости, верой в возможность быстрого рывка к экономическому прогрессу. Многие из этих лидеров ориентировали свои народы, правда, не без влияния извне, на относительно легкую победу на этом пути без серьезного учета исторической и национальной специфики.

Крушение этих надежд вызывает разочарование не только в самих освободившихся странах, но и у тех политических деятелей как на Западе, так и на Востоке, кто ориентировал молодые государства на легкую победу в борьбе за подъем национальной экономики и жизненного уровня. Теперь эти деятели говорят о своей непричастности к тем трудностям и страданиям, которые приходится переносить этим народам. Есть и такие, кто пытается представить страны Азии, Африки и Латинской Америки этакиими иждивенцами, содержание которых слишком дорого обходится мировому сообществу. При этом вина за неудачи и провалы многих проектов, планов и программ также возлагается на эти страны, а не на тех, кто усиленно навязывал им свои модели и концепции развития. Слышатся и запоздалые

признания в том, что для этих стран не подходит ни одна из известных миру моделей общественного развития. Авторы учебника стремились особенно взвешено и трезво, без излишней эйфории и без мрачного пессимизма, проанализировать и оценить путь, пройденный этими народами за годы независимости.

Значительное место в учебнике уделено роли России в исторических судьбах стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки. Будучи евразийским государством не только в силу своего географического положения, но и потому, что она синтезировала в своем развитии элементы западной и восточной цивилизаций, Россия с давних времен являлась для многих из них фактором политической стабильности. Она не раз выступала за добрососедские отношения с ними, основанные на взаимопонимании и взаимоуважении. Лучшие представители российской интеллигенции, как до, так и после 1917 года, не только горячо и глубоко сочувствовали чаяниям и устремлениям народов этих стран, но и лично участвовали в борьбе за освобождение их от всех форм колониальной зависимости и укрепление их национального достоинства.

Излагая богатую и своеобразную историю народов Азии, Африки и Латинской Америки, раскрывая особенности их самобытной культуры, авторы учебника стремились за отдельными историческими фактами, событиями и явлениями увидеть глубинные процессы, но главное — передать читателю чувство глубокого уважения к этим народам, к их истории и культуре. Разумеется, не все проблемы удалось осветить в одинаковой степени. Некоторые вопросы только поставлены и нуждаются в дальнейшем специальном исследовании. Авторы исходили из того, что любой исторический труд, а таковым является и данный учебник, тогда только может претендовать на научную объективность, когда в нем не замазываются «неудобные» моменты прошлого, а рассматриваются самые разные, в том числе и негативные, стороны истории и культуры народов.

Расчитанный на студентов, избравших изучение истории своей профессией, учебник адресован и более широкому кругу читателей, которым обращение к прошлому народов Азии, Африки и Латинской Америки, их уникальной культуре поможет лучше понять их настоящее и яснее представить их будущее. Авторы искренне надеются, что тем самым их труд послужит благородной цели укрепления дружбы и взаимопонимания между народами и будет содействовать упрочению дела мира, демократии и прогресса.

Примечания

1. ГОГОЛЬ Н.В. О преподавании всеобщей истории. Собрание сочинений. Т. 7. М. 1984, с. 35.
2. См. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 37, с. 394, 396.
3. ПЛЕХАНОВ Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. М. 1956, с. 333.
4. ГЕГЕЛЬ Г. Сочинения. Т. 8. М. 1935, с. 339.
5. См. АЛЕКСЕЕВ В. М. Наука о Востоке. М. 1982, с. 194.
6. ТАРЛЕ Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М. 1965, с. 15.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

От возникновения человека до образования древнейших государств

Глава 1. Африка и Азия как место возникновения и ранней эволюции человека

1. Проблема прародины человека и времени начала антропогенеза. Географическая среда, благоприятствовавшая появлению человека. Более столетия идет спор, где произошел человек — в Африке или Азии, и тем не менее этот вопрос до сих пор не получил своего окончательного решения. Большинство исследователей, занимающихся данной проблемой, все же склонны считать, что человек делал свои первые шаги в Африке.

Именно в Восточной и Южной Африке обнаружено наибольшее число ископаемых находок, относящихся к раннему этапу антропогенеза, причем, и это особенно важно, они представляют практически все стадии этого этапа. Здесь, в частности, найдены наиболее древние представители семейства гоминид (латин. «homo» — человек) — подсемейство австралопитеков (латин. «australis» — южный и греч. «питекос» — обезьяна). Первая из таких находок была сделана еще в 1924 г. южноафриканским антропологом Раймондом Дартом в Таунге (Капская провинция современной ЮАР). Позже им и другими учеными были обнаружены аналогичные остатки и в иных местах. Австралопитеки были прямоходящими приматами, вели наземный образ жизни, имели относительно крупный объем головного мозга, колебавшийся в большинстве случаев в пределах 500—550 куб. см. Помимо обычной для обезьян растительной пищи, они ели также и мясо, охотясь на павианов и других некрупных животных с помощью палок, камней, рогов, костей. Выдвигались предположения, что они использовали и огонь, однако достаточно веских аргументов в пользу этого найдено не было.

Австралопитеки представлены рядом разных форм, которые иногда объединяют в два рода: собственно австралопитек и парантроп (от греч. «пара» — около и «антропос» — человек). Для первого характерно грацильное (латин. «gracilis» — тонкий, нежный), т. е. миниатюрное строение, для второго — массивность. В 1994 г. в Эфиопии были обнаружены остатки австралопитека (возраст — 4,5 млн. лет), который был по-видимому, древнейшим непосредственным предком человека (*Australopithecus garhi*).

Некоторые зарубежные исследователи, в частности семья выдающихся английских археологов и антропологов, работавших в Кении, — Луис, Мэри и Ричард Лики, выделяют ряд восточноафриканских ископаемых форм, признаваемых обычно австралопитеками, в вид *Homo habilis* (человек умелый), от которого они ведут прямую эволюционную линию к человеку современного вида. Их находки произвели настоящую сенсацию в антропологической науке.

В 1959 г. Мэри Лики, ведя в Кении, в Олдувайском ущелье, вместе с другими членами своей семьи раскопки, обнаружила остатки похожего на найденного Р. Дартом австралопитека существа. Возраст этой находки, названной зинджантропом (Зиндж — древнеарабское название Восточной Африки) был позже определен в 1,75 млн. лет. В 1960 г. в Олдувайском ущелье, в несколько более древних слоях (1,85 млн. лет) Луис и Мэри Лики и их старший сын Джонатан нашли фрагменты черепа, нижнюю челюсть, кости руки и ноги и ключицу другого более прогрессивного по своему строению существа, названного вначале презинджантропом (предшествующим зинджантропу), а затем *Homo habilis*.

Такое название было дано ему в связи с тем, что вместе с его костными остатками были обнаружены примитивные рубящие орудия из слегка под-

работанных галек. Сходные галечные орудия были раскопаны и в других районах: в долине реки Омо на юге Эфиопии, в Мелка-Контуре к югу от Аддис-Абебы и в Кооби-Фора на восточном берегу озера Рудольф (Туркана). Среди этих орудий встречаются и более древние, чем обнаруженные в Олдувайском ущелье. Возраст древнейших из орудий в долине реки Омо — 2,1 млн. лет, а в Кооби-Фора — даже 2,6 млн. лет. Таким образом, последние являются самыми древними из всех орудий, найденных к настоящему времени на Земном шаре. Можно полагать, что галечные орудия олдувайского типа в долине Омо и в Кооби-Фора были оставлены *Homo habilis*.

Созданная *Homo habilis* Олдувайская археологическая культура — наиболее ранняя (2,6—1,2 млн. лет) из культур нижнего палеолита (греч. «палайос» древний и «литос» — камень). Важнейшими орудиями были грубо обработанные гальки: оббитые с одной стороны — чопперы или с двух сторон — чоппинги. Кроме того, применялись отщепы, скребла, острия и другие мелкие орудия, также изготовлявшиеся из галек. Имелись и простейшие костяные орудия. Возможно, уже существовали жилища типа шалашей и ветровых заслонов, о чем свидетельствуют круговые выкладки из камней. Огонь *Homo habilis* еще, по-видимому, не использовал. Его основным занятием была охота на диких быков и лошадей, антилоп, кабанов, бегемотов. Определенную роль в добывании пищи, вероятно, выполняло и собирательство.

Многие ученые считают, что *Homo habilis* был древнейшим человеком на нашей планете. В то же время немало исследователей полагают, что *Homo habilis* это тупиковая, позже вымершая ветвь в эволюции человека. Некоторые ученые, хотя и признают, что *Homo habilis* — одна из ступеней эволюции, приведшая к возникновению человека, но самого его считают не человеком, а всего лишь «предчеловеком». Согласно же точке зрения, высказанной Лорингом Брейсом и Милфордом Уолпоффом, эволюция человека, в отличие от эволюции животных, вообще не знала «вилок» и в любое время не могло существовать более одного вида гоминид. Этот вид мог эволюционировать в другой вид, но сосуществовать вместе с другим видом был не в состоянии. В 1975 г. Р. Лики, однако, сумел опровергнуть эту, получившую на какое-то время популярность гипотезу, найдя черепную крышку так называемого олдувайского питекантропа, жившего одновременно с *Homo habilis*.

Право называться прародиной человека оспаривает у Африки Азия. Существует несколько вариантов гипотезы об азиатской прародине человека. Это связано, в частности, с тем, что в Азии весьма широко представлены дриопитеки (греч. «дрис» — дерево), ископаемые человекообразные обезьяны, которых многие палеоантропологи рассматривают в качестве предшественников австралопитеков. Да и следующая за австралопитеками и *Homo habilis* стадия в эволюции человека — питекантропы — в Азии представлена достаточно широко. Учитывается и то, что Азия, и прежде всего ее центральная часть, была своего рода очагом эволюционных импульсов для многих ветвей живого мира.

И все же накопленный к настоящему времени палеоантропологический и археологический материал склоняет чашу весов в сторону африканской прародины человечества, хотя такое решение проблемы не может считаться окончательным и бесповоротным.

На ранней стадии антропогенеза большое влияние на ход эволюции оказывала природная среда. Наиболее же благоприятные условия для жизни высших приматов существовали в тропических, либо в примыкающих к ним субтропических регионах Земного шара. Некоторые ученые утверждают, что в качестве импульса для совершенно обязательных при эволюционном развитии мутаций необходим повышенный радиационный фон, который обычно наблюдается во время процесса горообразования. Данные исторической геологии свидетельствуют, что примерно за полмиллиона лет до того момента, как в Восточной Африке появились первые изготовители каменных орудий, в районе огромного озера площадью 130 тыс. кв. км,

которое тогда существовало на месте долины Серенгети в современной Танзании, отмечалась высокая вулканическая активность.

2. *Питекантропы и неандертальцы на территории Африки и Азии. Культуры нижнего и среднего палеолита в африканском и азиатском регионах.* Если в отношении *Homo habilis* у некоторых исследователей существуют определенные сомнения, было ли это существо в полном смысле человеком, то по поводу следующего эволюционного звена — питекантропов (греч. «питекос» — обезьяна, «антропос» — человек) таких сомнений не возникает.

Первый питекантроп был обнаружен голландским ученым Эженом Дюбуа во время раскопок около Триниля в долине реки Соло на острове Ява в 1890—1893 гг., когда из земли были извлечены черепной свод, зубы и левая бедренная кость. В 1936—1941 гг. голландский ученый немецкого происхождения Густав фон Кенигсвальд раскопал в Моджокерто на востоке Явы и недалеко от Триниля у Сангирана остатки еще нескольких особей питекантропов. Находки питекантропов на Яве были сделаны и некоторыми другими учеными.

Возраст разных индивидуумов питекантропов колеблется от 500 тыс. до 1,6 млн. лет. Объем внутренней полости черепной коробки у яванских питекантропов составлял в среднем 900 куб. см, что на 300 куб. см превосходит объем, определенный для *Homo habilis*. В то же время для питекантропов характерны отдельные черты, по которым они ближе стоят к обезьянам, чем *Homo habilis*: низкий свод черепа, покатый лоб, большой надбровный валик. Это свидетельствует о том, что путь эволюции не был прямолинейным, и наряду с общим прогрессом в какой-то момент в каких-то отдельных чертах мог наблюдаться и регресс.

Питекантроп в целом был по сравнению с *Homo habilis* новой ступенью в эволюции человека, но весьма сильно уступал по своему развитию современному человеку. Так, у него отсутствовал подбородочный выступ, что свидетельствовало об ограниченных возможностях развития речи. Бедренная кость питекантропа также имела некоторые примитивные черты, что делало его походку менее совершенной, чем у современного человека.

Хотя яванский питекантроп жил в окружении животных, которые вполне могли быть объектом его охоты (слоны, бегемоты, кабаны, дикие быки, тапиры, антилопы, олени и др.), нет никаких данных о том, на каких из этих животных он охотился. Живя в окружении вечнозеленых лесов, питекантроп, по-видимому, наряду с охотой занимался и сбором плодов, корней и других даров леса.

Среди яванских находок выделяются черепа, найденные у Нгандонга, которые отличаются крупными размерами, достигая 1200 куб. см. Хотя они по своему строению близки черепам других питекантропов, большой объем дает повод некоторым исследователям сближать их с черепами неандертальцев и даже, что уж совсем маловероятно, с черепами «архаических» людей современного вида.

Еще одной группой, приближающейся к питекантропам (иногда ее рассматривают как вариант питекантропов), являются синантропы (позднее латин. «Sina» — Китай), обнаруженные в пещере Чжоукоудянь, недалеко от Пекина. Первые находки остатков синантропов были сделаны в 1927 г., но раскопки продолжались и в последующие годы. В результате их были извлечены фрагменты скелета более чем 40 индивидуумов. По сравнению с яванским питекантропом синантропы, жившие 300—400 тыс. лет назад, обладали более прогрессивными морфологическими чертами. Объем мозга у них в среднем составлял 1050 куб. см, что на 150 куб. см выше среднего объема мозга у питекантропов. Лоб у синантропов менее покатый, чем у питекантропов. Судя по костям ног, синантропы имели более устойчивую походку. Некоторые особенности строения мозга у синантропов позволяют предположить, что речь у них стала членораздельной. Вместе с тем, как и питекантропы, синантропы имели такие примитивные черты, как малая высота черепного свода (хотя и несколько большая, чем у питекантропов), сильно выступающий надбровный валик, отсутствие подбородочного выступа.

Синантропы жили в условиях степных и лесных ландшафтов. Климат был более мягким и влажным, чем в современном Северном Китае. Основным их занятием являлась охота на оленей, антилоп, диких козлов и лошадей, буйволов, носорогов, медведей и других животных. Широко использовался огонь, о чем свидетельствуют следы кострищ в пещерах, где обитали эти древнейшие люди.

Несколько раньше, чем синантроп (500—700 тыс. лет назад), жил на современной территории Китая (в провинции Шэньси) близкий питекантропам ланьтяньский (от названия уезда — Ланьтянь) человек, остатки которого (нижняя челюсть, фрагменты лицевого скелета, черепной свод и зуб) были обнаружены во время раскопок 1963—1964 годов.

Ряд форм, близких яванским питекантропам, найден и в Африке.

В 1949 г. в Сварткрансе (на территории современной ЮАР) была раскопана нижняя челюсть, место которой в эволюционном ряду из-за фрагментарности находки спорно. В 1954—1955 гг. в песчаном карьере Тернифина в Алжире обнаружены три плохо сохранившиеся и отличающиеся примитивным строением нижние челюсти и теменная кость. Ископаемая находка была названа атлантропом (от гор Атлас в Алжире и Марокко). Наконец, большой интерес представляют находки в Восточной Африке так называемых олдувайских питекантропов (череп, найденный в Олдувае, а также три черепа, обнаруженные в районе Кооби-Фора). Временной разброс этих находок весьма велик. Если олдувайский череп (так называемый Олдувай II) имеет возраст примерно 300 тыс. лет, то три черепа из Кооби-Фора пролежали в земле 1,2—1,5 млн. и более лет, причем один из них, возможно, гораздо дольше. Таким образом, питекантропы обитали в Восточной Африке на протяжении более миллиона лет.

Место, занимаемое питекантропами в эволюции человека, вызывает среди ученых споры. Многие зарубежные и российские антропологи считают питекантропа особым родом в составе семейства гоминид, выделяя в этом роде то или иное число видов. Так, В. П. Алексеев выделил в составе питекантропов 6 видов: *Pithecanthropus erectus* (питекантроп прямоходящий); *Pithecanthropus pekinensis* (питекантроп пекинский); *Pithecanthropus soloensis* (питекантроп солоский); *Pithecanthropus leakeyi* (питекантроп ликский); *Pithecanthropus rudolfensis* (питекантроп рудольфский); *Pithecanthropus heidelbergensis* (питекантроп гейдельбергский)¹. К первому виду относятся все яванские находки, кроме черепов из Нгандонга, ко второму — китайские находки, к третьему — черепа из Нгандонга, к четвертому и пятому — большинство африканских находок, к шестому — атлантроп из Северной Африки и несколько европейских находок.

Однако среди многих ученых распространена точка зрения, что всех людей, начиная с *Homo habilis*, следует относить к одному роду. В соответствии с такой точкой зрения все питекантропы (включая синантропов и атлантропов) объединены в один вид *Homo erectus*, в составе которого выделяют подвиды.

Для питекантропов характерна ашельская культура (названа по имени Сент-Ашеля, предместья города Амьена во Франции, места первой находки), хронологически следующая за олдувайской культурой *Homo habilis*. В отличие от олдувайской культуры в ашельской наблюдаются заметные локальные различия. Так, для каменного инвентаря африканского ашеля наиболее типичны рубила, колуны, чопперы, различные орудия, изготовленные из отщепов. С помощью техники ретуши рабочий край орудия заострялся. Орудия из дерева (дубины, копья, палки-копалки и др.) по-видимому, тоже были широко распространены, однако из-за нестойкости материала плохо сохранились. Население занималось охотой (на павианов, кабанов, бегемотов, диких быков и других животных) и собирательством (фруктов, орехов и т. п.).

В Азии четко заметны два варианта ашельской культуры. На западе этой части света, как и в Европе, наиболее приметным орудием было ручное рубило, на востоке — чоппер. Граница между двумя ранними историко-культурными областями в южной части Азии проходила, вероятно, где-то

на Деканском плоскогорье. Таким образом, уже на столь ранней стадии эволюции человека появились локальные различия в технике обработки камня, своего рода культурная специфика. Главными хозяйственными занятиями в эту эпоху в Азии, так же как и в Африке, были охота и собирательство, о характере которых в Восточной и Юго-Восточной Азии говорилось выше. Сходный характер имели и хозяйственные занятия в западной части Азии, где объектами охоты служили носороги, бегемоты, свиньи, олени, лани, газели, косули, дикие быки и лошади и др. животные.

Следующая ступень в эволюции человека — неандертальцы (называемые так по месту первой находки в долине реки Неандер в Германии, вблизи Дюссельдорфа). Люди неандертальского типа были особенно широко представлены в Европе, однако в ряде районов Азии и Африки остатки неандертальцев также были обнаружены.

Некоторые азиатские и африканские неандертальцы были похожи по своим морфологическим особенностям на европейских (череп Схул IX и Табун I из Палестины, череп Джебель-Ирхуд I и II из Марокко), другие же весьма специфичны. Так, определенный комплекс прогрессивных признаков (сравнительно развитые лобные доли мозга, относительно высокий череп, слабо выраженный надбровный валик, относительно развитый подбородочный выступ) имеют череп Схул IV и V, Зуттиех, Джебель-Кафзех VI из Палестины, а для черепов Брокен-Хилл из Замбии, Салданья из ЮАР и Бодо из Эфиопии, наоборот, характерен ряд архаичных черт (меньший объем мозга, сильно развитый надбровный валик и т. д.). Ряд азиатских неандертальцев по строению черепа занимают промежуточное положение между отмеченными выше «прогрессивными» палестинскими и европейскими неандертальцами (Амуд I из Палестины, Шанидар I и V из Ирака, Тешик-Таш из Узбекистана). Некоторые из найденных в азиатском регионе черепов не могут быть отнесены к какой-либо группе из-за своей фрагментарности (например, череп из Мапа в Китае).

Далеко не все из отмеченных здесь палеоантропологических находок безоговорочно относят к неандертальскому типу. Так, из-за примитивных черт так называемого родезийского человека (Брокен-Хилл, Салданья) некоторые исследователи рассматривают его как переходную форму от питекантропов к неандертальцам, другие же ученые, исходя из того, что этот человек жил сравнительно поздно, относят его (как и человека из Бодо в Эфиопии), наоборот, к архаическим формам человека современного вида. Такой же формой считают иногда также человека из Джебель-Ирхуд в современном Марокко.

Нет единства среди палеоантропологов и в понимании места неандертальца в эволюции человека. Если большинство российских ученых, как и некоторые зарубежные антропологи, считают, что неандертальцы, или по меньшей мере многие из них, были предками современного человека, то ряд зарубежных исследователей, исходя из того, что по отдельным признакам неандертальцы стояли даже дальше от современного человека, чем архантропы (например, надбровный валик у некоторых неандертальцев был большим, чем у питекантропов), полностью исключают эту ветвь гоминидов из эволюционной линии, приведшей к возникновению современного человека, и рассматривают ее как тупиковую. В то же время в последнее время приобретает все большее число сторонников точка зрения, что неандертальцы не представляют собой отдельного вида, а являются подвидом *Homo sapiens* (*Homo sapiens neanderthalensis*).

Какая же археологическая культура соответствовала неандертальцам Азии и Африки? Как известно, в Европе для ранних неандертальцев (как и для архантропов) была характерна ашельская культура, для поздних — культура мустье (названа по пещере Ле Мустье на юго-западе Франции, где были найдены относящиеся к этой культуре орудия), которой присуще значительное уменьшение величины ручных рубил и появление таких новых орудий, как скребла и остроконечники, а также костяные шилья и проколки. Культура мустье в других частях Старого Света изучена пока плохо. На огромных территориях порой совершенно не обнаружены памятники этой

культуры. Тем не менее, имеющиеся находки позволяют говорить об определенной специфике мустьерских орудий азиатского и африканского регионов. Наиболее напоминают европейские орудия те, что найдены в Юго-Западной Азии, на Кавказе и в Средней Азии. Что же касается Северной Азии (Сибири) и Центральной Азии, то в эпоху мустье здесь продолжали употребляться крупные орудия архаического типа. В Африке, особенно к югу от Сахары, не было резкого перехода от ашеля к мустье.

Основой хозяйства в эпоху мустье продолжала оставаться охота. Некоторое усовершенствование орудий повысило ее эффективность. На крупных животных (слона, носорога) охотились путем загона. Появившиеся еще в предыдущие эпохи жилища получили в мустье более широкое распространение.

Глава 2. Появление в Азии и Африке человека современного вида и его ранние культуры

1. *Процесс сапиентации. Концепции моноцентризма и полицентризма.* Процесс сапиентации, т. е. становление человека современного вида, таит в себе многие не разрешенные до сих пор загадки. Неясного остается много: это и основные импульсы процесса сапиентации, и время появления *Homo sapiens*, и место, где он возник, и, наконец, вопрос о том, была ли у человека современного вида одна исходная предковая форма или же их было несколько.

В качестве основной движущей силы процесса сапиентации в нашей антропологической литературе еще недавно почти безоговорочно принималось усиление у человека его социальных качеств, что, в свою очередь, напрямую связывалось с развитием передних отделов головного мозга. Однако в последние годы некоторые российские антропологи, и прежде всего В. П. Алексеев, стали отмечать односторонность этой гипотезы и высказывать предположения, что сапиентация, скорее всего, была обусловлена не одной какой-либо причиной, а комплексом факторов: повышением уровня ассоциативного мышления, развитием социальных качеств, грациализацией (уменьшением общей массивности скелета, продольного диаметра черепа и т. д.).

Время появления *Homo sapiens* часть антропологов относила к верхнему палеолиту, другие считали, что архаичные формы людей современного вида появились гораздо ранее. К таким архаичным формам иногда относят людей из Сванскомба в Англии и Фонтешевада во Франции, древность которых, по мнению некоторых ученых, достигает 200—300 тыс. лет. В результате возраст *Homo sapiens* очень сильно увеличивается. И хотя аргументация в пользу причисления этих находок к *Homo sapiens* некоторыми исследователями оспаривается, оснований для категорического утверждения, что возраст человека современного вида не может превышать 40 тыс. лет, тоже нет. Если же относить неандертальца к *Homo sapiens*, то к процессу сапиентации придется отнести и время эволюции этой формы.

Не удалось окончательно решить и вопрос о месте происхождения *Homo sapiens*. В российской литературе в качестве основного региона сапиентации чаще всего указывается Юго-Западная Азия. Это связано прежде всего с тем, что предками современного человека большинство наших антропологов обычно признает палестинских неандертальцев. В зарубежной же антропологической литературе эту точку зрения разделяет сейчас меньшинство ученых. Некоторые из них склонны видеть в качестве предковой формы человека современного вида африканских гоминид, считая древнейшим *Homo sapiens* человека, остатки которого были обнаружены в долине реки Омо в Эфиопии. Возраст этой находки был определен в 60 тыс. лет, однако как сама датировка найденных в долине Омо остатков человека, так и их отнесение к человеку современного вида подвергаются сомнению. Большинство

западноевропейских и американских ученых вообще считают, что очагов сапиентации было несколько. Эта сформулированная работавшим в Германии и США антропологом Францем Вайденрайхом гипотеза получила название полицентризма, в отличие от концепции возникновения человека в каком-то одном месте ойкумены, именуемой моноцентризмом. В нашей стране позиций полицентризма придерживался Г. Ф. Дебец. Признавал более основательной аргументацию полицентристов по сравнению с доводами моноцентристов и В. П. Алексеев.

Хотя спор между моноцентристами и полицентристами окончательно еще не решен, тем не менее в пользу наличия нескольких очагов сапиентации свидетельствует ряд фактов. Это — определенный параллелизм в расселении рас современного человека и форм более древних людей, известная преемственность культур среднего и верхнего палеолита и т. д.

Какие же формы ископаемых людей послужили основой, согласно гипотезе полицентризма, для современных человеческих рас? «Кандидатами» на роль предков европеоидной расы выступают европейские неандертальцы или более ранние европейские формы, на роль предков негроидов — люди из Брокен-Хилла, на роль предков монголоидов — синантропы и их потомки. Что касается австралоидов, то часть ученых, подчеркивая морфологическое сходство их с негроидами, объединяет обе эти расовые группы. Другие же исследователи, отмечая близость некоторых особенностей зубной системы (лопатообразная форма резцов и т. д.) и кожных узоров на ладонях (сравнительно большая частота завитков на концевых подушечках пальцев) у австралоидов и монголоидов, полагают, что обе эти расы имеют общие корни.

2. *Верхнепалеолитические и мезолитические культуры западной части Азии. Синхронные с европейским и западноазиатским верхним палеолитом и мезолитом культуры восточной части Азии и Африки.* Верхний палеолит Юго-Западной Азии во многих местах плавно «вырастает» из среднего палеолита, о чем, в частности, свидетельствует сосуществование на ряде стоянок этой эпохи мустьерских орудий с верхнепалеолитическими. Во многих своих чертах переднеазиатский верхний палеолит напоминает европейский, и прежде всего ориньякскую культуру (названа по имени пещеры Ориньяк во Франции). В Восточном Средиземноморье распространен так называемый левантийский ориньяк. Важнейшими каменными орудиями в верхнем палеолите были скребки, резцы, наконечники, в эпипалеолите² — микропластинки и геометрические микролиты³.

Основными хозяйственными занятиями населения Юго-Западной Азии оставались, как и в эпоху мустье, охота и собирательство, однако ряд областей этого региона имел в конце позднего палеолита — начале мезолита свою хозяйственно-культурную специфику. В северных областях Восточного Средиземноморья охота сочеталась с рыболовством, а в южных степных областях главную роль в добывании пищи играло собирательство. На территории современного Ливана преобладала охота на ланей и безоаровых козлов. В горах Загроса, на территории современного Ирака, были сильно развиты как охота, так и собирательство. Охотились на безоаровых козлов, муфлонов, оленей, кабанов. Широко распространен был сбор диких злаков с помощью специальных жатвенных ножей. Такой сбор практиковался и в других местах Юго-Западной Азии. В начале мезолита (греч. «мезос» — средний, «литос» — камень) в некоторых областях Юго-Западной Азии на базе высокоспециализированного собирательства возникло производящее хозяйство.

Верхний палеолит Азии беден палеоантропологическими находками. Тем не менее для Юго-Западной Азии две таких находки все же известны. Это обнаруженные еще в 1890 г. Г. Цумоффеном в пещере Антелиас (Мугарет-эль-Билени) на территории современного Ливана остатки восьмимесячного плода человека современного вида и найденный в соседнем гроте Кзар-Акил целый скелет ребенка 7—8 лет, также относящегося к человеку современного вида⁴. В расовом отношении население региона принадлежало к европеоидам.

Верхний палеолит и мезолит Кавказа во многом сходен с соответствующими эпохами Юго-Западной Азии. Среди каменных орудий преобладали скребки, резцы, разного рода острия. Главным занятием населения была охота. Охотничье оружие — копья, дротики, гарпуны — изготовлялись как из кремня, так и из кости. В мезолите образ жизни кавказского населения изменился мало. Из каменного инвентаря весьма характерны кремневые и обсидиановые вкладыши, которыми оснащались деревянные и костяные орудия.

Верхний палеолит Средней Азии представлен, в частности, Самаркандской стоянкой. В каменном инвентаре, найденном на ней, выделяются рубящие орудия, изготовленные из узких галек. Орудия такого типа можно было как захватывать руками, так и прикреплять к рукояти. Обитатели этой стоянки охотились на диких лошадей, оленей, баранов, диких верблюдов. Верхнепалеолитические стоянки обнаружены также в других местах Узбекистана, в Таджикистане, Туркменистане, долине реки Бухтармы в Казахстане. Если на Самаркандской стоянке преобладает галечная техника, то на территории современного Таджикистана — пластинчатая.

По своей верхнепалеолитической индустрии южные районы Средней Азии обнаруживают черты сходства с Юго-Западной Азией и Южной Европой, Казахстан же имеет параллели с Сибирью и Монголией. В Средней Азии, как и в Юго-Западной, верхний палеолит тесно связан с предшествующей ему мустьерской культурой. На Самаркандской стоянке вместе с археологическим материалом обнаружены нижние челюсти двух индивидуумов, принадлежавших к европеоидной расе.

В мезолите Средней Азии, на побережье Каспийского моря и по берегам рек, значительное развитие получило рыболовство. Рыбу ловили с помощью крючковой снасти, вершей, били гарпунами. Основным объектом охоты был джейран. Для каменного инвентаря весьма характерны геометрические формы. На Памире в мезолитическую эпоху население занималось преимущественно охотой. Местные жители широко использовали как микролитические наконечники стрел, так и грубые рубящие орудия.

Верхний палеолит Южной Азии обнаруживает связи с верхним палеолитом ряда областей Юго-Западной Азии (прежде всего нынешней территории Ирака). Самые характерные орудия южноазиатского верхнего палеолита — резцы, узкие ножевидные пластинки, скребки, проколки. Известны также костяные орудия. Мезолит Южной Азии, как и многих других регионов мира, развился на основе местного верхнего палеолита. Как и для мезолита Европы, Северной Африки, Юго-Западной Азии, южноазиатскому мезолиту была свойственна микролитическая индустрия. Наиболее часто встречающиеся формы микролитов — трапеции, треугольники, полумесяцы. По каменному инвентарю от других областей Южной Азии несколько отличается остров Шри-Ланка, для которого характерно наличие наряду с микролитами геометрических форм мелких каменных наконечников, изготовленных с помощью отжимной ретуши.

Верхнепалеолитические и мезолитические обитатели Южной Азии занимались охотой (на кабанов, оленей и прочих животных), собирательством (плодов, орехов, других даров леса, а также продуктов моря, прежде всего моллюсков). Возможно, в эпоху мезолита получило развитие и рыболовство. В Южной Азии — на западе современной территории Индии, — найдены остатки людей мезолитической эпохи, имевших в основном европеоидный облик, хотя и обладавших рядом негроидных или австралоидных черт.

Верхний палеолит Северной Азии (Сибирь) сильно отличается от других азиатских регионов. Если исключить две стоянки в Восточной Сибири — Мальту и Буреть, для которых характерны каменные и костяные орудия, в чем-то сходные с орудиями европейского ориньяка, то для остальных местонахождений характерно наличие среди каменных орудий архаических форм (встречаются чопперы, примитивно сработанные наконечники). Средства для существования верхнепалеолитическим людям

Сибири давала охота на мамонтов, носорогов (до их истребления), медведей, бизонов, диких лошадей, оленей, антилоп, косуль, сайгаков, а в конце эпохи — и на птиц. Кое-где получила развитие специализированная охота на северных оленей. На заключительной стадии верхнего палеолита значительную роль начинает играть рыболовство.

Единственной палеоантропологической находкой в Сибири являются остатки ребенка, обнаруженные на стоянке Афонтова гора II недалеко от города Красноярска (часть лобной кости с носовым отростком и обломки костей рук). Хотя фрагментарность находки затрудняет определение ее расовой принадлежности, было высказано предположение, что этот ребенок принадлежал к монголоидной расе. Разумеется, единичность находки не позволяет судить о расовом облике всего населения такой огромной территории, как Сибирь. Не исключено, что верхнепалеолитическое население других сибирских регионов принадлежало к европеоидной расе (основания для такого предположения дает палеоантропологический материал последующих эпох).

Мезолит в Сибири представлен слабо: верхний палеолит здесь обычно плавно развивается в неолит. Даже те единичные стоянки, которые можно условно назвать мезолитическими, содержат отдельные шлифованные орудия, т. е. свидетельствуют о зарождении неолитической техники.

В Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии верхний палеолит в еще большей степени, чем в северном регионе, отличается от верхнего палеолита западной части Азии и Европы. Верхнепалеолитические местонахождения на территории современных Монголии, Кореи и Северного Китая напоминают синхронные стоянки Сибири. В Монголии в эпоху, соответствующую европейскому верхнему палеолиту, преобладали галечные орудия (чопперы, скребла и др.), в Северном Китае наряду с галечными рубящими орудиями довольно рано появляются и каменные орудия, имеющие верхнепалеолитические черты, а также костяные и роговые изделия.

В разных местах северокитайского региона хозяйственные занятия были различными. В Шаньдиндуне (Верхняя пещера Чжоукоудянь вблизи Пекина) обитатели занимались главным образом рыболовством и собирательством речных моллюсков. Меньшее значение имела охота на степных животных (кабанов, оленей и т. д.). Жили шаньдиндунцы в пещерах, одежду шили из шкур животных. В других, более западных районах, где было меньше водоемов, охота на степных животных играла главную роль. В Северном Китае, в той же Верхней пещере Чжоукоудянь, а также в Дуньдяньяне обнаружены черепа человека современного вида, обладающие определенным комплексом монголоидных признаков. Мезолитических стоянок на севере Китая открыто немного, и они плохо изучены. На стоянках обнаружены микролитические орудия.

Синхронные европейскому и западноазиатскому верхнему палеолиту культуры в Южном Китае и в Юго-Восточной Азии имеют весьма своеобразный характер и несколько напоминают аналогичные культуры Африки. Орудия похожи на каменный инвентарь нижнего палеолита, они сделаны из расколотых и оббитых галек, грубы, часто массивны. Это чопперы, чоппинги, грубо обработанные скребла и т. п. Костяные изделия редки.

Характеристика некоторых синхронных европейскому верхнему палеолиту культур Юго-Восточной Азии вызывает затруднения. Сангиранская культура на Яве и Сулавеси, по мнению некоторых ученых, может быть отнесена как к среднему, так и к верхнему палеолиту. Есть приходящиеся на эпоху верхнего палеолита местонахождения, каменная индустрия которых во многом напоминает олдувайскую культуру (преобладают крупные гальки с несколькими сколами). И вместе с тем именно на такой стоянке — в пещере Ниа на Калимантане (в Сараваке) — найден череп человека современного вида, напоминающего по своему типу современных австралоидов. Возраст находки превышает 40 тыс. лет, и по мнению некоторых исследователей это древнейший череп *Homo sapiens*. Более поздние по возрасту черепа из Ваджака на юге Явы и Табона на филиппинском острове Палаван также принадлежат протоавстралоидам.

Типичные элементы позднепалеолитического комплекса появляются в некоторых областях Юго-Восточной Азии с большим запозданием — иногда только в неолите. Верхнепалеолитическое население Юго-Восточной Азии занималось собирательством и охотой. Собирали различные дары леса (плоды, ягоды и т. д.), а также птичьи яйца и моллюсков, объектами охоты были олени, носороги, слоны и другие животные.

Своеобразны в Юго-Восточной Азии памятники мезолитической культуры. Для этой культуры, именуемой по одному из местонахождений во Вьетнаме — хоабиньской, характерны минимально обработанные массивные орудия из галек. Орудия из кости встречаются редко, каменные и костяные наконечники отсутствуют. По-видимому, каменные и костяные орудия часто заменялись орудиями, изготовленными из бамбука. Как и в верхнем палеолите, в мезолите население Юго-Восточной Азии занималось собирательством моллюсков, плодов, корней, а также охотой на оленей, кабанов, черепах и других животных, причем первое занятие преобладало над вторым. Некоторое развитие получило и рыболовство.

Население большей части Юго-Восточной Азии в мезолите, как показывают палеоантропологические находки, продолжало оставаться в основном австралоидным, хотя на крайнем севере региона, по-видимому, уже появились южные монголоиды, о чем свидетельствует череп из Тампонга в северной части Лаоса.

В Африке эпоха мустьерской культуры фактически не сменилась верхним палеолитом, а продолжала существовать в форме так называемого постмустье, в основном сохраняющего мустьерские традиции (появляются лишь отдельные элементы европейского верхнего палеолита). По-видимому, широко использовалось и дерево. Население этой эпохи в Южной и Центральной Африке занималось охотой (мужчины) и собирательством (женщины и дети). Объектами охоты были павианы, антилопы, буйволы, кабаны, бегемоты и другие животные, которыми изобиловал африканский лес. Он же давал плоды, ягоды, корни. Были развиты также рыболовство, сбор моллюсков. Жилищем часто служили пещеры, многие из которых использовались на протяжении тысячелетий.

В период, синхронный концу европейского верхнего палеолита, на севере африканского континента существовала оранская (от города Оран на северо-западе Алжира) культура (14—9-е тыс. до н. э.). Наиболее характерные орудия этой культуры — скребки и резцы, а также проколки, пластины с затупленным краем. На поздней стадии появляются микролиты. Главным занятием была охота (на антилоп, оленей, медведей и других животных). Селились носители оранской культуры как в пещерах, так и в открытых местах.

Оранскую культуру сменяет капсийская (от города Гафса, или Капса, на юго-западе Туниса) культура, относящаяся к самому концу верхнего палеолита и мезолиту (9—5-е тыс. до н. э.). Орудиями, характерными для капсийской культуры, были ножевидные пластины (ножи, пилки), скребки, сверла и микролиты, использовавшиеся как наконечники стрел или в составных орудиях. Найдены и костяные орудия. Население занималось охотой на диких быков, газелей и мелкую дичь, а также собирательством плодов, корней и моллюсков. Носители капсийской культуры оставили огромные кучи из раковин моллюсков (кухонные отбросы), что свидетельствует об определенной их оседлости. В кучах находят обломки скорлупы страусовых яиц, служивших сосудами и иногда покрывавшихся орнаментом. Капсийцы оставили и наскальные изображения.

На северо-востоке Африки, в бассейне Нила, сложилась себильская (от стоянки Себиль на юге Египта) культура (15—10 тыс. лет назад). В начальный ее период орудия имели мустьерские черты, на поздней же стадии появляются ножи с затупленным краем, скребки и микролиты, т. е. орудия, характерные для верхнего палеолита и мезолита. Основными занятиями населения были охота и собирательство.

К югу от Сахары в период, соответствующий европейскому верхнему палеолиту, возник ряд культур, из которых отметим наиболее распрост-

раненные и известные. В Экваториальной Африке, в бассейне реки Конго, развивается читольская культура, названная по стоянке Читоль в Анголе. На стоянках этой культуры, несмотря на ее сравнительно поздний характер, можно встретить весьма архаичные орудия (чопперы и ручные рубила), хотя шире представлены прогрессивные типы орудий (геометрические микролиты — главным образом трапециевидной формы и двусторонне обработанные остря). Как и прежде, основными занятиями населения были охота и собирательство, по берегам водоемов получило развитие рыболовство. В Южной Африке из различных культур рассматриваемого периода отметим следующие друг за другом культуры смитфилд и уилтон (названы по именам стоянок). Из орудий для этих культур особенно характерны скребки разной формы (так называемый утиный клюв, зубчатые, выпукловогнутые). Население Южной Африки занималось рыболовством и собирательством (в том числе сбором моллюсков). Особое место занимает распространенная на севере Южной Африки начикуфская культура (названа по стоянке в пещере Начикуфу на севере Замбии), в основном мезолитическая, но с отдельными элементами неолита. Среди каменного инвентаря выделяются микролиты (в виде сегментов, полукругов), а также крупные скребки, использовавшиеся для обработки дерева. Известны также каменные топоры, лезвия которых подвергались шлифовке. На стоянках, относящихся к поздней стадии развития начикуфской культуры, встречаются обломки керамических сосудов, зернотерки. Некоторые исследователи считают, что в реликтовой форме эта культура сохранилась вплоть до начала европейской колонизации.

Несмотря на отмеченную выше архаичность африканского каменного инвентаря эпохи, синхронной европейскому верхнему палеолиту, он, вне всякого сомнения, принадлежал людям современного вида. Палеоантропологических находок было сделано на территории Африки сравнительно немного, и, за исключением двух, все они принадлежат Южной Африке (Флорисбад, Бодер, Спрингбок, Боскоп, Кейп-Флэтс, Фиш-Хок и др.). Только находка из Фиш-Хока (хронологический возраст около 36 тыс. лет) имеет полностью сохранившийся лицевой скелет. Человек с этой стоянки имел уже достаточно выраженные признаки негроидной расы: очень широкий нос при малом его выступании, прогнатный вертикальный профиль. Что же касается двух находок вне пределов южноафриканского региона, то о находке Омо I уже говорилось, находка же из Синги в Восточной Африке обладает определенной спецификой. Однако ее единичность не позволяет судить о наличии среди африканских верхнепалеолитических людей каких-то локальных расовых вариантов.

Примечания

1. АЛЕКСЕЕВ В. П. Становление человечества. М. 1984, с. 123—124. Erectus по латыни буквально означает выпрямленный. Остальные наименования даны либо по названиям географических объектов, около которых были обнаружены палеоантропологические остатки, либо по фамилии ученого, сделавшего открытие (Л. Лики).
2. Эпипалеолит (греч. «эпи» — после) — заключительная стадия верхнего палеолита.
3. Микролиты (греч. «микрос» — малый) — мелкие кремневые орудия в форме треугольников, сегментов, ромбов, трапеций, используемые в качестве вкладышей в составных орудиях.
4. Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л. 1978, с. 147, 150—151.

Неизвестная война

Б. Шнайдер

О второй мировой войне, согласно каталогу библиотеки конгресса США, вышло более 20 тыс. публикаций, от романов и мемуаров многочисленных полководцев до исследований, и на первый взгляд кажется, что сегодня, спустя полвека, едва ли можно чем-то дополнить это море информации. Но это — обманчивое впечатление.

«Что еще не сказано о войне в вашей стране? — спросил я как-то у писателя Григория Бакланова. — То, чем была война для простого солдата», — ответил он. И я не мог с ним не согласиться. С этой неизвестной войной я столкнулся почти случайно. Как стипендиат фонда Т. Ф. Гуггенхайма я два года провел, беседуя о войне более чем с сотней ведущих советских и американских писателей, журналистов и историков из числа тех, кто воевал: ведь это их произведения определяют то, какой образ величайшего в истории конфликта запечатлется в памяти последующих поколений.

Однако для того, чтобы задавать вопросы со знанием дела, мне пришлось обратиться не только к мемуарам участников войны, в которых кое-что уже отсеяно временем, но и к психологическим исследованиям. Тут-то и начались трудности. У американцев вышли десятки специальных работ по психологии солдата на войне (самая объемная из них — двухтомный портрет американского солдата, подготовленный по материалам сотен армейских психологов военного времени А. Стоуффером и коллективом¹. С советской же стороны подобных свидетельств обнаружено не было. Во время войны в Красной Армии не служил ни один психолог. Роль их выполняли в какой-то мере работники политотделов. Воспоминания же рядовых участников войны, печатавшиеся в газетах или в юбилейных сборниках, повествуют скорее о подвигах и великих битвах, а не о военных буднях.

Опереться было не на что: художественная литература в этом отношении столь же ненадежна, как газетные и другие публикации, насквозь пропитанные пропагандой. Чтобы восполнить этот пробел хотя бы применительно к задачам работы, которая мне предстояла, я решил исходить из положения западных психологов о том, что поведение человека на войне обусловлено его биологической сущностью и у людей во всем мире в общем одинаково.

Собирательный портрет американского солдата, составленный на ос-

---

Шнайдер Богуслав — чешский историк и литератор, автор книги «Тысяча обликов мужества» и других.

новании свидетельств десятков тысяч людей в военной форме, кое в чем помог мне и в Советском Союзе, послужив своеобразным зеркалом, при помощи которого можно было выяснить, чем отличались мечты, ожидания и переживания американских пехотинцев и их советских собратьев.

Такой подход вызвал у ряда советских историков, с которыми я беседовал, возражения методологического характера. Им казалось, что исследование, не основанное на изучении документов, уже не является в строгом смысле историческим, а вторгается скорее в сферу психологии. На практике, однако, споры о том, как квалифицировать указанную проблему, беспредметны и несущественны. Не подлежит сомнению, что каждый военный историк при характеристике какой-либо войны или битвы обязан принимать во внимание не только поведение и побудительные мотивы целых армий, но также индивидуальные черты и точку зрения отдельных участников событий. Непонятно, почему оценки и опыт генералов и маршалов, отраженные в их мемуарах, должны изучать историки, а позицию и поведение рядовых солдат — психологи.

Особенно английские специалисты по военной истории подчеркивают в этой связи, что исследования в данной области слишком часто сводятся к описанию боевых действий, при котором за стрелками на карте не видны конкретные личности, исключая командующих. На этом фоне заслуживают внимания работы Альфреда Воу, Джона Коннела ² и в первую очередь новаторские монографии британских военных историков Джона Кигана и Ричарда Холмса ³, посвященные месту рядового солдата в современной войне: его подготовке, побудительным мотивам, поведению, надеждам и ожиданиям, ощущениям раненных и контуженных. Примечательно, что оба эти историка ссылаются на Л. Н. Толстого, который, исследуя лицо войны в философском плане, писал, что на войне его интересуют не маневры великих армий, а то, что происходит в душе у человека, одетого в военную форму.

Следует надеяться, что этот психологический аспект вскоре привлечет также внимание историков Великой Отечественной войны. Ведь, например, при анализе высокой боеспособности гитлеровской армии именно в последние ее годы, в год разгромов нельзя больше отделяться идеологическими ярлыками или ссылками на традиционную прусскую дисциплину. Мотивация человеческого поведения в экстремальных условиях реально всегда сложнее. Так, американский представитель обвинения на Нюрнбергском процессе Тэлфорд Тэйлор в частности отметил, насколько сковывала возможное сопротивление немецких офицеров Гитлеру, присяга, принятая ими в 1934 г., после смерти фельдмаршала Гинденбурга, в которой они клялись на верность не абстрактному германскому государству, а непосредственно фюреру.

В свою очередь Ги Сэйер, описывая настроения немецких пехотинцев, подчеркивает, как важно было для них в самых безнадежных ситуациях чувство товарищества ⁴. Напротив, Эдвард Шилз и Джон Яновиц ⁵ избрали объектом изучения немецких дезертиров, выясняя причины, побудившие их покинуть ряды вермахта. Странно предполагать, что все это должно остаться вне поля зрения историков второй мировой войны только потому, что подобные исследования относятся частично тоже к области человеческой психики.

Беседовать с людьми в России, на Украине, в Белоруссии — при включенном магнитофоне — было потрясающе интересно, в том числе и в человеческом плане. В США я чуть ли не наперед знал ответы, получаемые на большинство своих вопросов. Беседы же, записанные в Советском Союзе, часто противоречили друг другу. По ряду вопросов тут не сложилось сколько-нибудь единое мнение, так как некоторые аспекты прошлого вообще никогда публично не обсуждались. Поэтому каждый участник войны исходил лишь из собственного опыта, а он-то у всех выглядел совершенно по-разному. Те, которым выпало воевать среди северных болот, голодали, а украинский фронт проходил по плодородным и густонасе-

ленным местам. Солдаты с передовой помнили не то, что артиллеристы, чьи части дислоцировались в тылу. Рассказы тех немногих, которые пережили отступление первых двух лет войны и после ранения были демобилизованы, ничем не напоминали впечатления тех, кто надел форму в сорок четвертом и прошел победным маршем по Восточной Пруссии.

Таким образом, я скоро пришел к выводу, что ощущения и впечатления советских и американских солдат, участвовавших в войне с общим врагом, часто почти несопоставимы. Это вызывало сомнения: так ли одинаково у людей во всем мире отношение к войне, как это кажется западным историкам, опиравшимся почти исключительно на исследования, которые проводились в Западной Европе и в Северной Америке?

Любят ли мужчины войну? «Думаю, большинство мужчин, которые побывали на войне, положив руку на сердце, признает, что в глубине души они любили войну больше всего в жизни — той, какая была у них до того, как они пошли воевать, и после того, как они вернулись», — сказал бывший главный редактор «Newsweek» Уильямс Бройлс на конференции в Колорадо-Спрингс, посвященной изображению войны в литературе, прессе и учебниках истории, участвовать в которой был приглашен и я. «Только мы стыдимся этого и никогда не станем говорить об этой любви вслух: все наше воспитание восстает против этого; такая любовь — это насмешка над ценностями, за которые мы воевали, она жестока, антигуманна и реакционна», — продолжал он.

Отчасти любовь к войне возникает оттого, что это сильное чувство позволяет удовлетворить извечную человеческую жажду острых ощущений и стремление к подвигу.

«Война приостанавливает бег времени и обостряет чувства настолько, что это граничит с исступлением, она открывает бескрайние просторы неизведанного, позволяет снова вспомнить любимые детские игры... Война — это бегство от повседневности в особый мир, в котором человек стряхивает с себя бремя обыденных забот и глубже, чем когда-либо в прежней и последующей своей жизни, ощущает братскую любовь к своим товарищам. Любовь к войне вырастает из корнящегося глубоко в нас переплетения секса и насилия, прекрасного и ужасного, любви и смерти. Война — это, может быть, единственное, что погружает человека в темные глубины его души. В некотором страшном приближении она дает мужчине чувство, похожее на то, какое испытывает женщина при рождении ребенка. Это — приглашение принять участие в таинстве жизни и смерти, приглашение приподнять краешек космического одеяла и посмотреть, что там под ним».

Война прекрасна, считает У. Бройлс, ветеран боев во Вьетнаме, и живописует симметрию красных, желтых и оранжевых трасс летящих во тьме пуль, огненные шары напалма и многоцветье сигнальных ракет, спускающихся с неба на парашютах. «Большинство мужчин, побывавших на войне, и женщин, соприкоснувшихся с ней, вспоминает, что никогда в жизни они не ощущали столь острого полового влечения. Желание женщины — это обратная сторона страшного одиночества солдата, который, надев военную форму, чувствует себя отрезанным от всего того, что делает его неповторимой человеческой индивидуальностью.»

Эти слова ни у кого на конференции не вызвали возражений, так как они ни в чем не противоречили опыту остальных присутствующих — а среди них было двое полковников авиации, четыре преподавателя истории и несколько писателей, сплошь американцы с военным прошлым. Не противоречили они и утверждению психологов, что на протяжении тысячелетий война притягивала и воодушевляла мужчин. Слова эти имели лишь один недостаток: вопреки убеждению американцев оказалось, что это — не всеобщая закономерность. Из бесед в Советском Союзе вырисовывалась совсем иная картина. Отличия касались в основном четырех аспектов.

«*War lovers*». Этот термин для обозначения человека, который любит войну, в русском языке отсутствует. Подобный тип человека олицетворяет, например, сержант Крофт из романа Майлера «Нагие и мертвые». Еще об

одном любителе войны, летчике, писал Джон Херси. О людях, которых притягивает война, говорит и У. Бройлс.

Разумеется, ощущения американского солдата во Вьетнаме несравнимы с ощущениями даже американского же солдата времен второй мировой войны. Борьба с Гитлером была для большинства американцев «доброй войной», как показал в одноименной книге, вобравшей в себя свидетельства сотен американских ветеранов, С. Тэркел⁶. Но как бы то ни было, многие американцы в беседах со мной без стеснения признавали, что участие во второй мировой войне принесло им по крайней мере некоторое удовлетворение. Почти все они стали на войне увереннее в себе, и почти все вынесли ощущение, что выжили благодаря своим качествам, отваге и мужеству. Понятие «супермен» оказывается в данном смысле довольно близким к истине.

Писатель Курт Воннегут рассказывал: «Никогда в жизни я не испытывал такого наслаждения, как по дороге на фронт. Я бы сравнил это с тем, что чувствует женщина при рождении ребенка: мне говорили, что при этом наступает величайший оргазм, какой только может ощущать женщина. Боже, как я был счастлив! Дивизия была моей семьей, за плечами у нас была совместная подготовка, и теперь на грузовиках нас везли на фронт. Я ни капли не боялся; мы верили друг в друга и в то, что все вместе выстоим!»

Высказывания американских ветеранов подтверждают выводы исторических, антропологических и психологических исследований, посвященных отношению человека к войне. Здесь нет возможности подробнее остановиться на причинах, которые, по мнению западных специалистов, приводят к тому, что война чем-то притягивает мужчин. Стоит отметить лишь, что, согласно этой теории, поведение солдата на поле боя оказывается в зависимости от сложного комплекса биологических и культурных норм, которые в течение столетий побуждали людей славить воина как героя, олицетворяющего мужскую доблесть.

В отличие от американцев, советские ветераны отвечали на тот же вопрос единодушно «нет». Война не принесла им удовлетворения, и никто не вспоминает, чтобы кто-то любил ее. Причина такой противоположной реакции угадывалась без труда. Она коренилась не только в различии культурных традиций (связанных, в частности, и с меньшей степенью индивидуализма), но и в самом характере войны на востоке. Средняя продолжительность жизни лейтенанта во время наступления составляла восемь дней, жизнь рядового обычно была еще короче. Поэтому вместо восхищения собственной смелостью кое у кого из моих собеседников проскальзывал фатализм. Ведь при массированном наступлении, которое зачастую — особенно в первые два года войны — предпринимали не считаясь с потерями, выживание зависело не от личных качеств бойца, а от случая.

Генерал Максим Петрович Корабельников, во время войны — командир роты пулеметчиков, участник сотен таких атак, говорил: «Потери у нас были огромные. Сейчас уже даже официально объявлено, что под Старой Руссой погибло 270 тысяч. Каждое утро к нам поступало человек 50—70 пополнения, а к ужину из них оставалось 20—30. А наутро — новое пополнение и новый бой. Когда мы наступали под Ленинградом, из девяти батальонов остался один, из десяти тысяч солдат — всего тысяча, а точнее сказать, сотни четыре: тысяча — это считая с тыловыми офицерами, а ведь в атаку поднимались стрелковые и пулеметные роты».

Герой Советского Союза Владимир Карпов: «Попав в штрафбат, я много раз ходил в атаку. Мне повезло — я даже не был ранен. Первая рота полегла вся, из 198 бойцов в живых осталось шестеро. Потом полегла и вторая рота, но я опять уцелел. Нас бросали на самые опасные участки, посылали почти на верную смерть, поначалу даже без артиллерийского прикрытия. Потом стало получше, штрафные роты поднимались в атаку уже вместе со всеми, но шли впереди».

Вячеслав Кондратьев: «Ночью мы прибыли на передовую и на другой

же день пошли в атаку — необстрелянные, в незнакомой местности! То, что я увидел, сильно отличалось от учебных атак: поле, полное неубранных трупов, непродуманное, неподготовленное наступление... Нас гнали на пулеметы, по минам. От нашей бригады уже через два месяца ничего не осталось — и это при том, что в атаку мы ходили всего три раза».

Анатолий Генатулин: «Я был рядовым и, конечно же, боялся. Как-то командир послал меня на открытый участок только для того, чтобы выяснить, где установлен вражеский пулемет. Я знал, что иду на верную смерть, но должен был выполнить приказ, иначе командир застрелил бы меня на месте. Встав во весь рост, я пошел — и все ждал, когда пулемет откроет огонь. Потом командир приказал мне вернуться. Я повернулся кругом и ждал, что получу очередь в спину. Не знаю, как мне удалось уцелеть».

Марс и Венера. Война и женщины, насилие и секс были неразрывно связаны друг с другом уже со времен античности. Сколько баллад и поэм, начиная с эпоса Гомера, повествует о том, как мужчины отправляются на битву, а верные жены ждут их домой! Как утверждают ученые, половое влечение и стремление к сохранению рода — один из основных животных инстинктов, который в определенных обстоятельствах может пересилить даже инстинкт самосохранения.

Это имеет и некоторые практические последствия. С древних времен в интересах всякой действующей армии было как-то разрешить проблему секса — иначе такие явления, как дезертирство, изнасилования, да и вспышки венерических заболеваний грозили бы ослабить боевой дух воинов и восстановить против них гражданское население. К примеру, во время первой мировой войны в австралийских и канадских частях венерическими болезнями заразилось 15 солдат из каждой сотни. Немногим ниже был этот показатель в германской армии. Результатом этого, кроме переполненных госпиталей, являлось падение боеспособности личного состава. Вот почему и в первую, и во вторую мировую войну в большинстве армий поощряли или по крайней мере терпели существование борделей.

Для американских солдат времен второй мировой войны самой частой темой бесед являлись именно женщины. Нат Френкель в специальном исследовании, изданном в 1971 г., например, констатирует, что средний американский солдат в Европе за период от высадки десанта в Нормандии в июне 1944 г. до конца войны переспал с 25 женщинами. Во многих случаях это были проститутки, но не всегда только они⁷.

«Это помогало справиться с отчаянием и приносило удовлетворение, а начиналось все, как правило, с болезненного, неодолимого влечения, причем чувство это было глубоким и многосторонним. Оно возникало не только из естественной половой потребности организма, а скорее из неизбежного желания преодолеть собственное одиночество. Это была тоска не только по женскому телу, но и по чувству любви, близости и нежности, стремление побороть в себе страх и забыть об опасностях и одиночестве, снять напряжение войны. Эта страсть проявлялась одинаково сильно у мужчин в военной форме и у таких же одиноких женщин, чьи мужья или возлюбленные надолго ушли на войну».

— Каково было отношение советских солдат во время войны к сексу? — спрашивал я у десятков своих собеседников в Москве. Те поначалу обычно удивлялись, потом задумывались... В итоге я получил ряд неожиданных, даже обескураживающих ответов.

Василь Быков: «На передовой людям было совсем не до этого. К примеру, я никогда не загадывал дальше, чем до вечера. Я мечтал только дожить до темноты, когда бой стихал. После этого можно было перевести дух, расслабиться. В такие часы хотелось только спать, даже голод не так ощущался — лишь бы забыться... Думаю, в основной массе солдаты были настолько подавлены, что и в более спокойной обстановке не вспоминали о женщинах. И потом, в пехоте были совсем юные бойцы. Те, кто постарше, кому было по 25—30 лет, у кого уже была семья и какая-то профессия, попадали в танкисты или устраивались шоферами, на кухню, в денщики,

в сапожники и могли остаться в тылу. А семнадцати-восемнадцатилетним давали в руки ружья и отправляли их в пехоту. Эти юнцы, вчерашние школьники, еще не достигли того возраста, когда человек хочет и может жить активной половой жизнью. Миллионы таких полегли, так и не зная женщины, а некоторые — даже не испытав радости первого поцелуя».

Виктор Некрасов: «В немецкой армии, какая бы она ни была, солдаты регулярно получали отпуска; были там и бордели, так что солдат мог где-то расслабиться, заняться любовью. У нас же — ни увольнительных, ни публичных домов. Офицеры жили с медсестрами, со связистками, а рядовому оставалось только заниматься онанизмом. В этом отношении советскому солдату тоже было очень нелегко».

Генерал М. П. Корабельников, доктор психологических наук: «Когда я пришел в армию, мне еще не было и двадцати и я еще никого не любил — тогда люди взрослели позже. Все время я отдавал учебе и до сентября 1942 г. даже не помышлял о любви. И это было типично для всей тогдашней молодежи. Только в двадцати один или в двадцать два года просыпались чувства. А кроме того... очень уж тяжело было на войне. Когда в сорок третьем — сорок четвертом мы стали наступать, в армию начали брать женщин, так что в каждом батальоне появились поварахи, парикмахерши, прачки... Но надежды на то, что какая-нибудь обратит внимание на простого солдата, почти не было».

Однако самый потрясающий ответ я услышал от генерала Николая Антипенко, который во время войны был заместителем маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского по вопросам тыла. Он рассказал, что летом 1944 г. с согласия Верховного командования открыл в Красной Армии два публичных дома. Я не верил своим ушам: даже от самых осведомленных военных историков я не слышал ничего подобного! Само собой, эти публичные дома назывались иначе — домами отдыха, хотя служили они именно этой цели и предназначались только для офицеров. Претенденток нашлось немало. Эксперимент, однако, завершился трогательно — и очень по-русски. Первая группа офицеров провела свой трехнедельный отпуск по плану. Но после этого все офицеры вернулись на фронт и всех своих подруг взяли с собой. Новых уже не набирали.

Сколько миллионов погибших? По данным американских психологов, собранным после высадки десанта в Нормандии, период полной боеспособности солдата на войне составлял примерно 60 дней. К аналогичным выводам пришли также британские психологи. Кривая, отражающая боевые качества новичка на фронте, в течение первых десяти дней резко идет вверх: солдат набирается боевого опыта. Пик боеспособности приходится на время между пятнадцатым и тридцать пятым днем, после чего наступает стадия чрезмерной уверенности в себе, предвещающей последующий упадок сил. Дней десять солдат подвергает себя большему риску, чем можно считать оптимальным для его возможностей, но воюет все еще неплохо. Примерно же на сорок пятый день у него наступает упадок душевных сил: он быстро впадает в апатию и действует чисто механически. После 60 дней боев его боеспособность ниже, чем у необстрелянного новичка, который впервые попал на фронт.

Эти наблюдения психологов подтвердили боевой опыт, полученный еще в ходе первой мировой войны. По расчетам британского Генерального штаба, во второй мировой пехотинец должен был выдержать в среднем 400 дней боев. Поэтому, чтобы каждый солдат воевал с максимальной отдачей, британские командиры после двенадцати дней на фронте предоставляли своим людям хотя бы четырехдневный отдых. Американцы держали солдат на передовой по 30—40 дней, а в исключительных случаях — и дольше, но после этого также отпускали их отдохнуть. При этом во всех армиях, кроме советской, следили, чтобы в ходе самых тяжелых боев солдаты регулярно получали увольнения. Помимо этого, психологи подсчитали, что боеспособность солдата возрастает, если после ранения он возвращается в прежнюю часть, к товарищам, которых он хорошо знает.

В Красной Армии на все это не обращали никакого внимания, и мы

никогда не сможем выяснить, сколько солдат было убито лишь потому, что у них не было возможности вовремя отдохнуть: потери, которые нес личный состав из-за наступавшей у солдат усталости и апатии, не отражены ни в одной статистике. От переутомления опытный летчик мог совершить в воздушном бою ошибку начинающего и не вернуться на базу, разведчик — пропасть без вести, пехотинец — неосторожно высунуть голову из окопа. Некоторые из моих бесед подтвердили, что такая апатия имела место.

Корабельников: «У меня был друг на Северо-Западном фронте, командир роты, позже — комбат, человек исключительной храбрости и мужества. В сорок четвертом он вдруг стал говорить мне: «Максим, недолго нам осталось быть вместе». — «Не дури, Иван Васильевич», — отмахивался я. А он все свое: «Убьют меня...» — «С чего ты взял?» — спрашиваю. А он «Я это чувствую — устал я, и все мне опостылело...» И действительно его убили».

Солдаты Красной Армии все время находились в страшном психическом напряжении, какое не имело прецедентов в истории войн. Если американцы, англичане и даже немцы время от времени имели возможность забыть о фронте, то в советских вооруженных силах не только рядовые, но и офицеры все четыре года войны не получали отпуска. Зная о том, какие на фронте потери, большинство из них и не надеялось выжить — так, по крайней мере, они годы спустя говорят. Подчиненные должны были беспрекословно исполнять любые приказы, какими бы нелепыми они ни казались. В критических ситуациях командиры вправе были расстреливать своих солдат без трибунала. Почта ходила редко и нерегулярно, так что миллионы людей в военной форме четыре года не знали ничего о своих семьях. Усталость и психическое истощение перешагнули все мыслимые границы. В беседах со мной ветераны в один голос говорили, что в первые минуты они даже радовались ранению: в госпитале можно было хотя бы всласть выспаться.

Так как же после всего этого вычислить, сколько из тех двадцати, а может быть, и тридцати миллионов советских людей, которые погибли во второй мировой войне, заплатило жизнью не за тактические или стратегические ошибки, без каких не обходится ни одна война, а за пренебрежение элементарными человеческими потребностями? Сотни тысяч? Миллионы?

Но не только прямые потери возникали от того, что советские солдаты воевали без отпуска. Демографы еще не подсчитали, сколько миллионов жизней страна потеряла из-за снижения рождаемости в годы войны, в то время как и в Соединенных Штатах, и даже в побежденной Германии, несмотря на все жертвы, понесенные на фронте, численность населения росла. По предварительным оценкам, это цифра порядка десяти миллионов.

У миллионов советских женщин в память о погибшем на войне муже не осталось даже ребенка, и впереди их ждала одинокая жизнь. Это тоже не могло не сказаться на жизни страны.

Чувство долга. «Почему вы все время пишете о войне?» — спрашивал я при первой же встрече у бывших советских военных корреспондентов. Тут контраст с американцами был особенно заметен. Если большинство американцев о второй мировой войне забыло и в последние 30 лет романы о ней появлялись скорее как исключение, то для ряда советских писателей и бывших военных корреспондентов война стала главной темой их жизни. Характерным примером здесь могут служить К. М. Симонов или В. В. Быков.

Так я впервые услышал о чувстве долга живых перед мертвыми.

«Стоит мне закрыть глаза, как я вижу поле, усеянное мертвыми», — говорил мне один из бывших корреспондентов. И образ этот, видоизменяясь, возникал и в других беседах, сопровождаемый всякий раз выводом: нужно сделать все, чтобы война не повторилась; нужно вновь и вновь напоминать людям об ее ужасах — это наш долг перед теми, кто не дождался победы. И хотя у советских военных писателей были, конечно, и другие стимулы (в частности, солидные гонорары), искренность этих слов не вызывала сомнений.

В конце концов я обнаружил подобное же чувство долга перед погибшими и у американца, бывшего морского пехотинца. Весь его взвод остался лежать на Окинаве, где потери некоторых подразделений превзошли все пережитое американцами во время второй мировой войны.

Рассказывает писатель Уильям Мэнчестер: «Это так страшно, что нет слов. Помните, как кончается книга «На западном фронте тишина?» Герой возвращается домой, но долго там не выдерживает, потому что ему не хватает боевых товарищей. Он приходит обратно в свою часть — и тут его убивают. Со мной то же самое. Эти люди были моей семьей, три года я проводил среди них по 24 часа в сутки. Собственных родителей я не знал так, как их. Мне все о них было известно: какая у кого девушка, какая жена; я был посвящен в самые интимные подробности их жизни. Они не выходят у меня из головы. Это страшно, но воспоминания о мертвых во мне до сих пор сильнее, чем отношение к живым». Об этом же У. Мэнчестер пишет и в своей книге военных воспоминаний «Прощай темнота»⁸.

О чувстве долга не говорится ни в одном психологическом исследовании о поведении человека на войне. Кажется, подобное чувство возникает лишь после того, как потери превысят определенную меру. Как бы то ни было, это чувство бывает очень сильным.

Длинная тень войны. Половое влечение, любовь к войне, чувство долга... Вопреки тысячам романов и рассказов и сотням докторских диссертаций мне порой казалось, что о поведении человека на войне мы знаем страшно мало. Рассказы советских ветеранов заставляли поставить под сомнение многие основополагающие работы по психологии солдата на поле боя, которые выходили на Западе.

Однако последствия войны не ограничиваются только прошлым. История знала не один период, когда происходила коренная ломка человеческого сознания. Эпидемии чумы в XIV в., возможно, еще в большей степени, чем великие географические открытия, способствовали кризису средневекового мышления, основой которого была вера в то, что страдания — это кара за грехи. От «черной смерти» не спасали ни молитвы, ни сожжения еретиков, ни еврейские погромы. Чума косила грешников наравне с безгрешными. В Италии и Франции, Германии и Скандинавии вымирали целые города. Из чувства страха и неуверенности, охватившего народы Европы, поднялись, однако ростки нового мышления, которые предвещали конец эпохи средневековья. Точно так же ужасы Тридцатилетней войны, в результате которой население многих стран Центральной и Восточной Европы сократилось вдвое, породили веротерпимость.

Такой же ломкой сознания обернулась и первая мировая война с ее десятью миллионами жертв. Она открыла век не только тотальных войн, но и тотальных идеологий, породила фашизм и нацизм, а в конечном счете привела к власти и российских большевиков. Следует полагать, что, в отличие от западных стран, для которых первая мировая война означала большее потрясение, чем вторая, в России картина оказалась обратной: первая мировая война померкла перед второй. Это, возможно, имело более глубокие последствия в области мышления, чем обычно считают.

Во время второй мировой войны в американской армии на одного солдата на фронте приходилось десять в тылу. В советской — упор делался на храбрость, исполнение приказов, готовность умереть за родину. Не случайно в Красной Армии за всю войну не побывал ни один психолог. Системе, которая не собиралась ни перед кем отчитываться о количестве понесенных потерь, они были не нужны. «Гениальный стратег» в Кремле лучше всех знал, что хорошо для его солдат. Он оперировал массами, отдельные же люди для него были лишь винтиками в гигантском механизме. А у винтиков, как известно, особых запросов нет.

Генерал Антипенко незадолго до смерти рассказывал мне, как при быстром наступлении на Украине целые армии оказались отрезаны от снабжения, так что им грозил голод. Когда положение стало невыносимым, один из его подчиненных вспомнил, что в полях все еще стоят хлеба, несжатые из-за военных действий, и вот в глубоком снегу десятки тысяч

солдат косили колосья, которые тут же мололи и пекли грубый армейский хлеб. Верховное же командование пренебрегало всем, что не было непосредственно связано с боевыми операциями. Здесь, как и в промышленности, масштабы битвы полностью подавляли заботу о мелочах. Сталин как полководец не мог мыслить и действовать иначе, чем во время насильственной коллективизации или при захвате всей власти в стране: жестоко, расчетливо, стремясь парализовать инициативу остальных.

Только с учетом всех этих фактов мы сможем до конца оценить истинное величие подвига советских людей и их поразительную стойкость. Усталые, часто голодные, не получая вестей из дома, солдаты Красной Армии сумели пройти от Сталинграда до Берлина. Они победили не благодаря Сталину, а вопреки ему, как заключил в беседе со мной генерал Дмитрий Волкогон. И все же вопрос о том, почему при этом потери с советской стороны в 7 раз превысили немецкие, никогда не потеряет своей остроты.

Война окончилась, но тень ее не исчезла. Остается только догадываться, как изменила война сознание тех, кто выжил: привычкой терпеть лишения, всегда смотреть в глаза смерти, беспрекословно и бездумно исполнять любые приказы, подавлять в себе всякую инициативу, а стрессы снимать с помощью водки. Миллионы детей выросли без отцов. Миллионы женщин, оставшихся в одиночестве, старели, не имея возможности дать начало новой жизни. И миллионам мужчин даже через 30 лет после войны продолжали сниться кошмары, когда они вновь и вновь переживали самые страшные минуты прошлого.

Победа в войне как будто доказала правильность применявшихся ранее методов. В стране окончательно восторжествовал командный стиль руководства — и в экономике, и в других областях человеческой деятельности. Советские экономисты уже указывали на абсурдность такой модели экономики, когда одна страна стремится превзойти остальные по объему добычи угля или выплавки стали, не заботясь о том, насколько эффективно используются эти ресурсы.

В Советском Союзе все возрастающие расходы на производство электроэнергии осуществлялись за счет средств на развитие новых технологий, которые бы позволили данную энергию сэкономить. Погоня за большими цифрами подавляла стремление к бережливости, незначительная экономия выглядела смехотворной на фоне гигантских строек, упор на количество заставлял забывать о деталях. Результатом всего этого стало катастрофическое разбазаривание природных богатств, загрязнение окружающей среды и — отождествление бережливости с мелочностью, в том числе и в бытовом смысле.

Последствия войны сказывались во всех сферах жизни. Чувство долга перед погибшими несли в себе не только мои собеседники — писатели и бывшие военные корреспонденты, которые и через четыре десятка лет видели поле, усеянное трупами, но, должно быть, и тогдашние полковники и подполковники, из которых со временем вышли генералы и маршалы.

Многие стратеги на Западе не понимали, как одни и те же люди могли говорить о мире и накапливать вооружения, размер которых во много раз превышал разумные потребности обороны. В результате появлялись рассуждения о тайных планах Москвы, сомнения в искренности советских мирных инициатив, что лишь подстегивало яростную гонку вооружений. Не рискуя слишком упростить картину, можно предположить, что и здесь, помимо геополитических интересов и идеологии, давал о себе знать опыт войны, в том числе — по крайней мере отчасти — и чувство долга перед погибшими. Об этом, кстати не раз чуть ли не напрямую говорил Н. С. Хрущев.

Так же, как те, чье ремесло — слова, множили число книг о войне, чтобы отдать долг памяти павшим и не допустить повторения ее ужасов, — их сверстники с маршальскими звездами на погонах множили число танков и ракет с ядерными боеголовками. Война научила их полагаться лишь на силу, поэтому именно в наращивании вооружений, а не в нормальном

функционировании экономики они видели гарантию безопасности. И этим они отдавали долг павшим товарищам.

Не случайно, быть может, что переход от гонки вооружений к дипломатии и новое мышление, ставящее выше приказов человеческую инициативу, оказались возможными лишь с появлением первого поколения советских руководителей, которые не были в окопах.

В архивах о том, что здесь сказано, документов нет. В свое время никто не обращал на это внимания. Но это не значит, что современным историкам об этом не надо думать.

Примечания

1. STOUFFER A. et al. The American Soldier. Vols. I, II. Princeton. 1965.
2. VOUGH A. A History of Militarism. N. Y. 1950; CONNEL J. Writing about Soldiers.— Journal of the Royal United Services Institute, August 1963.
3. KEEGAN J. The Face of Battle. Lnd. 1976; HOLMES R. Acts of War. The Behaviour of Men in Battle. N. Y. 1987.
4. SAJER G. The Forgotten Soldier. S. I. 1971.
5. JANOWITZ J. The Professional Soldier. Toronto. 1964.
6. TERKEL S. The Good War. An Oral History of World War II. N. Y. 1984.
7. FRANKEL N. and SMITH L. Patton's Best. N. Y. 1978.
8. MANCHESTER W. Goodbye Darkness. N. Y. 1982.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XIII. *Восточный, Северный и Западный фронты в конце 1919 и в начале 1920 гг.*

К осени 1919 г. положение на противобольшевистских фронтах было таково.

На Восточном фронте армии адм. Колчака с конца апреля находились в полном отступлении¹. 26 мая оставлена была Уфа, и сибирские армии, задержавшись на линии Уральского хребта, до конца июня вели на ней борьбу за горные проходы.

К этому времени в рядах их находилось до 103 тыс. бойцов: силы большевиков были приблизительно такие же.

3 июля пал Екатеринбург, и Сибирская армия, во главе которой вместо чеха Гайды стал ген. Дитерихс, совершенно расстроенная не столько боями, сколько пропагандой соц.-рев., уведена была в глубокий тыл. Попытки Западной армии (ген. Сахарова) удержаться на высоте Челябинска — жел.-дор. узла, от которого отходила единственная линия, связывавшая с сибирской магистралью Южную армию, отступавшую от Оренбурга, окончились неудачей. Южная армия, со взятием большевиками Челябинска (12 июля), была отрезана, и с огромным трудом кружным путем, после двухмесячного похода, остатки ее пробились к Петропавловску (западнее Омска).

Остальные армии² были остановлены между р. Тоболом и Ишимом.

Отсюда в середине августа Восточный фронт, приведя в некоторый порядок свои войска, перешел в контрнаступление, вначале удачное: большевики были отброшены за Тобол. Месяц сентябрь был временем нового подъема и расцвета надежд на перелом боевого счастья... Но к началу октября фронт вновь и неудержимо покатился на восток.

22 октября в Омске состоялся ряд совещаний для разрешения вопроса: защищать или бросить Омск? Главнокомандующий, ген. Дитерихс, принимая во внимание состояние войск и считая сопротивление на линии Иртыша безнадежным, высказался за дальнейший отход, который к тому же на севере фактически уже начался. Командующий 3-й армией, ген. Сахаров настаивал на необходимости удерживать во что бы то ни стало этот рубеж и политический центр Сибири. В результате Дитерихс ушел и Сахаров был назначен главнокомандующим. Новый главнокомандующий силою обстоятельств вынужден был начать свою деятельность дальнейшим отходом.

1 ноября большевики заняли Омск. Остатки сибирских армий свершали свой беспримерный в истории поход в Забайкалье³ по бесконечным, тяжелым сибирским

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—12.

дорогам, частью тайгою без всякой дороги, в жесточайшие морозы, по территории, объятай восстаниями, змеившейся изменой и предательством.

Причины крушения Восточного фронта глубоки и многообразны, и многие из них с трагическим однообразием повторяются в истории всех противобольшевистских фронтов. О них скажут участники и историки. Я приведу лишь несколько эпизодов, рисующих глубину развала всего государственного организма Сибири, определившего безнадежность вооруженной борьбы на Востоке и выход из состава действенных противобольшевистских сил столь крупного фактора, каким являлся Восточный фронт.

От Томска до Великого океана с ноября вся сибирская магистраль была во власти чешских эшелонов. В своем стремлении на Восток, спасая животы свои и награбленное добро, захватывая все поездные составы, они парализовали все движение, отрезав сибирские армии от базы, снабжения и пополнений, обрекая на страдания и гибель — раненых и больных воинов и поднявшиеся волны беженства. Чехи увозили с собою огромное количество золота, меди, серебра, машин, хлопка и т. д., и т. д. И, чтобы дать моральное оправдание этому беспримерному преступлению, политические руководители чешского воинства Б. Павлу и д-р Гирса обратились к представителям союзных держав с меморандумом, широко распространяя его по Сибири: они уходят потому, что дальнейшее пребывание их на территории Сибири невозможно. «Охраняя железную дорогу и поддерживая в стране порядок, войско (их) вынуждено (было бы) сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось...»

Так говорили они, вносившие величайший произвол, не знавшие сами ни закона, ни милосердия.

По Сибири пронеслась волна крестьянских восстаний, вызванных, вероятно, в равной мере как преступлениями местной власти, так и воздействием рассосавшихся по краю красногвардейцев, советской и соц.-рев. пропагандой. Восстания эти чередовались с жестокими усмирениями карательных отрядов. Восставшие не имели ни ясных лозунгов, ни определенных целей. Писали иногда на знамени своем такие кабалистические изречения, как «за царя и советскую власть», но были одинаково враждебны к существовавшей власти. Тяжелое положение армий побудило к активным действиям организации соц.-рев. — этих роковых предтеч большевизма, прочно обосновавшихся в Сибири, по собственному признанию употребивших все усилия для свержения сибирской власти и теперь поднявших вооруженные восстания во Владивостоке, Иркутске, Красноярске и друг. пунктах. Во имя прекращения гражданской войны и примирения с большевиками.

Армия быстро разлагалась, начиная с верхов. И в то время, когда члены нового кабинета Пепеляева⁴ — одни разъехались по неотложным делам, другие вели переговоры с иркутскими соц.-рев. о полной капитуляции и передаче им власти, глава кабинета, совместно со своим братом, генералом, командовавшим 1-й армией, учинили военный мятеж, арестовав и свергнув главнокомандующего ген. Сахарова...⁵ Командир корпуса той же армии ген. Зиневич поднял мятеж в Красноярске, требуя свержения Верховного главнокомандующего и передачи власти «народным избранникам». Оба мятежника — и Пепеляев и Зиневич — не в силах были удержать в пределах соц.-рев. аспираций поднятую ими солдатскую массу, которая в несколько дней приняла вполне большевистский облик. Пепеляев бежал и скрылся, Зиневич был арестован солдатами и заключен в тюрьму.

К началу января 1920 года советские армии наступали от Ачинска. Между Ачинском и Красноярском сосредоточились остатки сибирских армий, под общей командой ген. Каппеля. У Красноярска им преграждал путь восставший корпус Зиневича. Далее, у Нижнеудинска находились поезда Верховного правителя, отрезанные и от армий, и от Иркутска, затерявшиеся среди сплошной ленты враждебных чехословацких эшелонов. В Иркутске — новом местопребывании правительства адм. Колчака, революционная демократия с преобладанием соц.-рев., под именем «Политического центра»⁶ объявила себя источником всесибирской суверенной власти. При полном содействии чехов и французского «главнокомандующего» ген. Жанена и непротивлении представителей других союзных держав (кроме японцев) «Центр» вел торг со своими пособниками и единомышленниками — чехословацкими властями о выдаче головой Верховного правителя и русского золота. В Забайкалье стояли еще отряды атамана Семенова, фактически независимого и враждеб-

ного адм. Колчаку — отряды, хотя и боеспособные, но парализованные противодействием союзников.

На Юге оперативные сводки Восточного фронта получались крайне нерегулярно и с большим опозданием. Непосредственно из Омской ставки и от английской миссии. Первые определяли положение хотя и весьма серьезным, но далеко не безнадежным. Английские же сводки уже с июля месяца считали успех дальнейших военных действий на Востоке совершенно сомнительным. Настолько, что в начале сентября английское правительство пришло к решению: «Хотя политика Его Величества не изменилась, но является необходимость прекратить поддержку адмирала Колчака, собрав всю энергию на помощь Вооруженным силам Юга России...» Это решение, впрочем, в отношении Востока имело лишь психологическое значение, так как с осени сообщение Владивостока с Омском почти прервалось, а в отношении Юга ни в какую реальную форму оно не вылилось.

Так же безнадежно смотрел на положение Востока русский Париж. Военный представитель Верховного главнокомандующего ген. Щербачев 26 ноября писал мне, что, учитывая изменение взгляда союзников на значение Сибири и Юга, «надо учитывать возможность наступления момента, когда в интересах дела может потребоваться перенесение Верховной власти на Юг...»

22 декабря в г. Нижнеудинске Верховный правитель адмирал Колчак, признав положение власти безвыходным, издал следующий указ:

«Ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти главнокомандующему вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной окраине оплота государственности, в началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины, объединенной Российской Верховной властью.

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семенову образовать органы государственного управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный Правитель, адмирал Колчак,

Председатель Совета Министров, В. Пепеляев».

Северный фронт, в силу отдаленности своей, дикости природы Приморья и трудности сообщения с ним, невзирая на усиление прибывшими из Англии в мае 1919 г. войсками, являлся всегда театром второстепенным. Он не вызывал ни особенных надежд в других противобольшевистских станах, ни особенных опасений со стороны Москвы⁷. Участие англичан придавало известную солидность его политической базе, но самый факт направления сил их в такую даль и глушь свидетельствовал скорее об экономической заинтересованности англичан⁸, нежели о серьезности их военного предприятия. Ведь при желании Англии принять активное участие в войне против советской России к ее услугам были отличные и близкие базы, как, например, Ревель, находящийся в нескольких днях морского пути от английских берегов и в 350 верстах от Петрограда.

Во главе соединенных сил севера стоял англ. ген. Аронсайд, русскими командовал — с большими ограничениями — ген. Марушевский, военным министром был ген. Миллер, входивший в состав либерального правительства Зубова⁹. В конце апреля это правительство признало верховную власть адмирала Колчака, вследствие крайней трудности сообщений проявлявшуюся фактически весьма мало.

Оказывая сильнейшее давление на адм. Колчака в отношении выбора им северного операционного направления (на Котлас), англичане ту же идею проводили на Северном фронте. По крайней мере в ноте от 21 июня ген. Хольман передавал мне сообщение имперского ген. штаба: «Несмотря на отступление на Сибирском фронте, ген. штаб надеется, что ... окажется возможность добиться соединения армии адм. Колчака с Архангельской армией, в виду чего ген. Аронсайду предписано британским кабинетом начать наступление». Ни по общему стратегическому положению, ни по условиям данного направления такая операция иметь успеха не могла. И, согласно с общей переменной курса английской политики, уже в июле 1919 г. был решен окончательно вопрос об эвакуации английского экспедиционного корпуса. Во главе фронта стал тогда генерал Миллер, отвергнувший предложение

Аронсайда эвакуировать и русские войска... К концу сентября закончилась эвакуация англичан.

Еще до ухода английских войск, и с небольшой их помощью, русские войска Северного фронта перешли в наступление в общем направлении на Вологду и одержали успехи в долине Онеги и на линии Северной ж. д., в районе станции Плесецкой. Конец 1919 г. и начало 1920 года прошли в боевых действиях, хотя и успешных зачастую для войск Северного фронта, но имевших лишь местное, локальное значение: линия фронта испытывала небольшие колебания, а 6-я советская армия, силами 10—15 тыс., противостоявшая войскам генерала Миллера, держалась пассивно и не отвлекала от главных театров на свой сколько-нибудь серьезных подкреплений.

Положение Северного фронта становилось, между тем, и в силу внешней обстановки, и по внутренним причинам все тяжелее. Уход англичан не мог не отразиться подавляюще на духе войск; большевистская пропаганда, внутренние неурядицы и ряд военных мятежей подтачивали силы армии; усилившаяся борьба неизменных пособников большевизма — социалистических партий и организаций подрывала авторитет власти.

И когда в феврале, покончив с Западным и Восточным фронтами и отбросив Южный за Дон, советское главное командование двинуло 6-ю армию, подкрепленную подвезенной с запада бригадой пехоты, в наступление, успех его был быстр и решителен.

4 февраля началось наступление большевиков, а 18-го покинули Архангельск последние корабли, носившие Андреевский флаг.

В середине июня 1919 г. Северо-западная армия к моменту наибольшего своего выдвижения занимала линию от Финского залива до района Пскова, отстоявшую на севере в 90—100 верст. от Петрограда, в центре подходившую на 30 верст от Луги и продвинувшуюся на Юге на 20 верст вперед от Пскова. В своих рядах армия насчитывала до 13 тыс. бойцов.

На флангах Северо-западного фронта — у моря и в Псковском направлении — располагалось по одной дивизии эстонцев, боевая деятельность которых ограничивалась обороной подступов к этнографической Эстонии.

Против этих сил стояла 7-я советская армия, силою разновременно от 15 до 23 тысяч, и южнее ее 15-я, имея правое крыло против Пскова и фронт против эстонских и латышских войск.

С июля месяца сначала в Ревеле, потом в Нарве обосновался со штабом своим ген. Юденич, носивший звание «главнокомандующего фронтом», имевший за собою признание адмирала Колчака и союзников. В его подчинении находилась всего одна армия, которой с мая командовал самостоятельно ген. Родзянко. Это нагромождение властей и совмещение функций было одной из серьезных причин крупных столкновений на верхах: ген. Родзянко находился в постоянной оппозиции к главнокомандующему, в то время как другой видный начальник, кондотьер русской смуты, «батько» Булак-Булахович¹⁰, совместно с Н. Н. Ивановым¹¹, при содействии эстонских властей, строил козни против обоих, готовя переворот в свою пользу.

Армия, владевшая весьма малой «русской» территорией, по-прежнему испытывала страшнейшую нужду во всем. Почти единственным источником ее снабжения были трофеи, захватываемые у большевиков, а питания — организация Хувера. В то же время английские транспорты снабжали обильно армию «Эстонской республики». Только в августе англичане начали подвозить снабжение и русской армии.

Между тем, в течение лета 7-я советская армия, перейдя в наступление, заставила Северо-западный фронт сильно податься назад: на севере был брошен Ямбург, и войска отошли за р. Лугу; на юге, оставив Псков, они ушли к Псковскому озеру. В обладании Северо-западной армии находился уже только маленький клочок Петроградской губ., ограниченный с фронта линией большевистских войск, с тыла — Наровой, озерами и... густо заплетенной рядами колючей проволоки границей Эстонской республики.

Последнее обстоятельство имело тем более грозное значение, что взаимоотношения с Эстонией носили характер полнейшей неопределенности. Все усилия русских деятелей привлечь эстонские войска к широким активным операциям против большевиков успеха не имели. Известные общественные круги и английские представители в Прибалтике приписывали это обстоятельство, главным образом,

нетерпимости Омска и Екатеринодара в вопросе о лимитрофах и требовали от ген. Юденича и состоявшего при нем «Политического совещания» полного и безоговорочного признания независимости Эстонии.

28 июля помощник английского военного представителя в Прибалтике генерал Марч собрал к себе в Ревеле членов Политического совещания и особо приглашенных им лиц и в формах необыкновенно грубых, ссылаясь на катастрофическое положение фронта, предложил им в течение 40 минут «образовать в своем составе правительство Северо-Западной области» — по распределению, им составленному. Чрезвычайно характерно, что главную роль в создании этого «правительства» играл г. Маргулиес — тот самый, который весной 1919 г. совместно с полк. Фрейденбергом устраивал переворот в Одессе в пользу французской оккупации и создал там «правительство Андро — Маргулиес — Шварц...»¹².

Северо-Западное правительство обязывалось немедленно особым актом признать полную независимость Эстонии¹³. В случае несогласия приглашенных, ген. Марч от имени всех союзников угрожал прекратить немедленно всякую помощь и снабжение Северо-Западной армии.

После отказа некоторых из намеченных лиц и частичного изменения списка, созданное таким необычным способом «демократическое» правительство Лианозова объявило на другой день о своем существовании эстонскому правительству и союзным миссиям особым «заявлением», которое «первым актом в интересах нашей родины» признавало «абсолютную независимость Эстонии».

Все это случилось в отсутствие ген. Юденича, бывшего на фронте и поставленного неожиданно перед совершившимся переворотом: его единоличная власть перешла к «правительству», в котором он должен был занять пост военного министра, оставаясь в то же время главнокомандующим. О противодействии ген. Юденича Марч не особенно беспокоился, предполагая в этом случае сместить его с поста и заменить генералом Родзянко или Булак-Булаховичем, протезируемым английской миссией.

Старшие начальники армии отнеслись к перевороту крайне отрицательно, но примирились с ним, рассчитывая со временем изменить положение. Между армией и правительством стала сразу стена непонимания и отчужденности. И правительство без территории, без власти, вначале и без денег¹⁴ — не признаваемое, а только терпимое армией — обратилось, главным образом, к декларативной деятельности, не влияя на ход событий.

Правовое положение новой власти представлялось весьма оригинальным: 1) Суверенное правительство, в состав которого входил ген. Юденич, и 2) Главнокомандующий — генерал Юденич, подчинявшийся адм. Колчаку не только как Верховному главнокомандующему, но и Верховному Правителю.

Адм. Колчак продолжал сноситься с ген. Юденичем, игнорируя правительство.

То — самое важное, без чего Марч считал невозможным продолжение борьбы и для чего он снабдил русские вооруженные силы Запада правительством — «военная кооперация с эстонцами» — так и осталось в области пожеланий.

Заготовленный Марчем проект договора, взамен за признание, предусматривал «оказание эстонским правительством немедленной поддержки русской Северо-Западной области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губ. от большевистского ига...» Эстонцы приняли «с удовлетворением» признание своей независимости, но от обязательств совместного наступления уклонились, не подписав договора. Английские представители, проявлявшие колониальные приемы в отношении русских организаций, не пожелали принять существенных мер в воздействии против эстонского правительства, находившегося ведь также в сильнейшей материальной зависимости от англичан.

Между тем, через неделю после образования северо-западного правительства (18 августа), Чичерин обратился к Эстонии по радио с предложением начать мирные переговоры для определения границ и разрешения других вопросов, связанных с признанием Эстонской республики. Эстонское правительство ответило согласием, заверив Чичерина, что «военные действия вызваны были исключительно вторжением большевиков и перенесены на русскую территорию не с аннексионными целями, но единственно ради самозащиты».

Советское правительство обратилось вслед за сим с предложением мира к другим прибалтийским лимитрофам, и на конференции их, состоявшейся 1 сентября

в Ревеле, выяснилось отношение к предложению: сдержанное со стороны Финляндии, отрицательное — Литвы и весьма неопределенное — Эстонии и Латвии.

Такие обстоятельства предшествовали осеннему наступлению Северо-Западной армии. Английские запасы, хотя и прибыли, но снабжение ими и организация армии были далеко не закончены. Содействие эстонцев не было обеспечено, отряды Бермонта и Вырголича, сформировавшиеся в Латвии и Литве, отказывали в подчинении ген. Юденичу. Марч, между тем, требовал немедленного перехода в наступление, обещая содействие английского флота для занятия Красной Горки и Кронштадта. Эстонское правительство уверяло, что если до зимы не состоится наступление, то правительство не в силах будет воспрепятствовать народным настроениям, требующим мира с большевиками. Бездеятельность в течение зимы привела бы к разложению войск и к истощению запасов. Общая обстановка казалась также благоприятной, так как Южные армии подходили уже к Орлу.

Эти и другие, чисто внутренние причины побудили Северо-Западное командование предпринять операцию на Петроград. Силы армии к сентябрю определялись в 17 тыс.; силы 7-й советской армии — в 24 тыс., при возможности подхода к ней значительных подкреплений. План операции заключался в том, чтобы, нанеся удар противнику в Лужском и Псковском направлениях и обеспечив себя с этой стороны, главными силами ударить быстро на Петроград, одновременно прервав сообщения его с Москвой.

15 сентября началось наступление южной группы, увенчавшееся полным успехом: разгромом двух советских дивизий, продвижением к Пскову, взятием Луги. Не менее успешно пошло наступление главных сил, которые 3 октября заняли Гатчину и подошли затем к Пулкову, Лигову и Красному Селу. Петроград переживал дни величайшего волнения, которое охватило население (по различным, часто противоположным побуждениям) и красную армию и отражалось ярко в речах и призывах Зиновьева и Троцкого. Мировая пресса с лихорадочным вниманием следила за исходом операции, предвещая события и видя в них близкое разрешение российской трагедии.

Но 10—12 октября наступил резкий перелом. Почему? Участники называют много причин: несоразмерность сил и средств, отказ от борьбы английского флота, пассивность эстонцев, рознь на верхах командования¹⁵, отсутствие надлежащего управления, стремление начальников, вместо исполнения диспозиции — самостоятельно первыми ворваться в Петроград, стратегические ошибки, в особенности — неисполнение одним из начальников директивы о перерыве Николаевской жел. дор., дурное управление занятой территорией и т. д. и т. д.

Большевики с большой энергией сосредотачивали средства обороны, подвезли сильную группу Харламова в район Колпино и стянули к Пскову части 15 армии, ослабив совершенно свой фронт против бездействовавших эстонцев (южной группы) и латышей. Под концентрическим ударом этих групп с северо-востока и юга, Северо-Западная армия покатила назад и к 1 ноября очутилась вновь у Наровы.

В дальнейшем ее ждало позорное разоружение, концентрационные лагеря, физические лишения и моральные издевательства — на территории Эстонской республики, которая 21 декабря 1919 г. заключила перемирие и вслед за сим весьма выгодный для текущего момента мир с большевиками.

Этому событию предшествовали непосредственно два официальных заявления союзных нам держав: Франции (Бертело) — о том, что Верховный Совет примет меры в отношении Эстонии, если она пойдет на мир с советской Россией; и Англии (Ллойд-Джордж), что держава эта не препятствует заключению мира¹⁶.

По иронии судьбы в момент наивысших успехов Северо-Западной армии под Петроградом, 8 октября, другие русские войска, под начальством именовавшего себя полковником Бермонта, повели атаку на ... Ригу, что отозвалось весьма печально на Петроградской операции.

Мы знаем, что в Курляндии в начале 1919 г., с ведома союзников, сформирован был германский корпус генерала гр. фон-дер-Гольца, который освободил от большевиков большую часть Латвии и 22 мая взял Ригу¹⁷. Дальнейшее движение его на север для занятия всей Латвии было приостановлено. Политика союзников, на почве опасения германского влияния в Прибалтике, вновь круто изменилась. Под давлением английского представителя, ген. Гофа, угрозы английского флота и наступления эстонских и латвийских войск, одержавших успехи над немцами под Венденом, фон-дер-Гольц вынужден был отступить в район Митавы.

В Риге восстановлено было социалистическое, антантофильское правительство Ульманиса; прежнее — правое, германофильское правительство Недра ушло вместе с германскими войсками, продолжая сотрудничать с ними в качестве «латышского комитета».

Великая борьба между европейскими державами продолжалась, и в орбиту ее в качестве бессильных пешек вовлекались русские и балтийские элементы.

Еще во время благосклонного отношения союзников к германской оккупации, при содействии возникшего в Берлине «Русского комитета Северо-Западного края»¹⁸, из русских военнопленных, находившихся в Германии, образованы были немецким командованием в Митаве и Шавлях отряды Бермонта¹⁹ и Вырголича²⁰. Войска эти именовались первоначально «1-м имени гр. Келлера корпусом». К осени состав этих отрядов колебался между 6—10 тыс.

В июле — августе, когда вновь обострились отношения, союзники потребовали немедленного ухода германских войск из Прибалтики. Немецкое командование отдало соответственный приказ и приступило к частичной эвакуации, под всякими предложениями задерживая ее. Между тем, немецкие солдаты, обманутые правительством Ульманиса, обещавшим им земельные наделы (декабрь 1918 года) за освобождение Латвии, подняли бунт. Многие части категорически отказались покинуть Курляндию. В течение сентября-октября державы Согласия громили Берлин суровыми нотами, угрожая новой блокадой, прекращением кредита и подвоза. Носке оправдывался своим бессилием заставить повиноваться «мятежные войска», отозвал фон-дер-Гольца и слал войскам приказы — серьезно или для виду только — угрожающие всякими карами. «Мятежники» не повиновались. В результате германское правительство «отреклось» от своих войск и они, также как и балтийский ландвер²¹, в качестве добровольческих частей вошли в состав «Западной Добровольческой армии», прекрасно снабженной и насчитывавшей после этого до 30—35 тыс. Главнокомандующим этой армии стал Бермонт, вдохновителями же и фактическими руководителями Бермонта, армии и событий были германцы, представленные при штабе армии майором Бишоф.

Насколько пестр был состав армии, настолько же разнообразна была ее идеология. Германские верхи шли за сохранение своего влияния в Прибалтике и на защиту баронских латифундий, за сохранение российского рынка и укрепление будущих связей с противобольшевистской Россией, если советская Россия, с которой также устанавливались дружественные отношения, окажется поверженной. Германские солдаты шли за обещанную им прежде Ульманисом, потом Бермонтом землю. Балтийское дворянство дышало мстью к латышам и беспокоилось за участь своих поместий. Авантюристы ловили момент, открывавший неограниченные и неповторимые возможности. Просто русские люди шли в Западную армию, как и в другие белые армии, зачастую не отдавая себе ясного отчета, куда и какими путями ведут их.

В начале сентября Берлинское совещание придало армии «Западное русское правительство», во главе с гр. Паленом. Первоначальная территория его была определена в воззвании Бермонта от 20 сентября, в котором он заявил: «по уходе (!) немецких войск я, как представитель русской государственной власти, 21 августа принял на себя управление и защиту Латвийской области...» Дальнейшая территория должна была определиться обстоятельствами. Предприятие принимало более широкие размеры, не имея ни малейших шансов даже на временный успех, ввиду той зависимости от держав Согласия, которая сковывала поверженную Германию.

Параллельно с «Западным правительством», другая группа правых в Берлине организовывала «русское правительство» — Бискупского — Дурново, также взыскующее германских средств и также вступающее в «договорные отношения» с Германией... Успех Бермонта, впрочем, скоро отодвинул Бискупского на задний план.

Все настойчивые требования союзных представителей и ген. Юденича о выводе Бермонтом русских войск на фронт, встречали отпор со стороны последнего²². И ген. Юденич через голову Бермонта слал воззвания «корпусу гр. Келлера», приглашая идти на Петроград. Немцам не улыбалась перспектива отделения русских отрядов, лишавшая их всякого предлога для оккупации Курляндии. Идти же самим на фронт, носивший явно антантофильский характер, оторвавшись от своей страны и источников снабжения и имея в тылу ярко враждебную им Латвию, казалось, очевидно, слишком опасным и политически нецелесообразным.

Изолированное положение Бермонтовской армии среди национальных противобольшевистских сил вызывало недоверие к ней извне и порождало сомнения в рядах русских ее участников. Бермонт, под предлогом неприемлемости политики Юденича, допускавшей «расчленение России», и сочувствия идеям ее «единства и неделимости», снесся с Верховным Правителем и послал в Таганрог делегацию ген. Давыдова с ходатайством о подчинении Западной армии главному командованию Юга.

Я не принял делегацию и приказал выслать делегатов из пределов территории Юга ²³.

Верховный Правитель ответил приказом «безусловно и во всех отношениях подчиниться ген. Юденичу...» «В противном случае,— телеграфировал адм. Колчак,— Вы (Бермонт) не можете считаться русским подданным и офицером русской армии».

Тем не менее, Бермонт по своим соображениям, как увидим ниже, подчеркивал несуществовавшую связь свою с Югом, вводя в заблуждение общественное мнение запада и создавая нам политические затруднения: в английской прессе начали раздаваться настойчивые голоса, требовавшие прекращения снабжения Колчака и Деникина, находившихся, якобы, в сговоре с германскими правящими кругами.

8 октября Бермонт неожиданным ударом на латышей, прикрывавших Ригу, разбил их и отбросил за Двину. Это выступление вызвало большое волнение в кругах союзных представителей, в Эстонии и Польше. Эстонские и латышские части с большевистского фронта начали стягиваться к Риге, обнажая Псковское направление (Юденича), для борьбы против Бермонта. Ген. Юденич, поставленный в большое затруднение и подозреваемый также союзниками и лимитрофами в тайном соучастии с Бермонтом, телеграфировал: «Категорически объявляю, что никогда не имел и не имею никакого отношения к ген. Бискупскому и германофильским организациям в Берлине. Объявляю Бермонта изменником и посылаю против него в помощь латышам часть артиллерии...»

В своем резком ответе по этому поводу ген. Юденичу Бермонт объяснил свое выступление необходимостью создать обеспеченный тыл, а нежелание подчиниться — тем обстоятельством, что ген. Юденич не является у себя «хозяином положения» и его армия «подвергается невыносимому для русской части обращению (со стороны союзников и эстонцев)». Одновременно Бермонт телеграфировал мне о своих успехах и выражал надежду «в близком будущем атаковать большевиков с запада и этим облегчить победоносное наступление (южных) армий...» В простран-ных нотах он предлагал мир Латвии, признавал «полный суверенитет литовского народа» и, считая, по-видимому, поляков союзниками армий Юга, заверял польское правительство в том, что «руководствуясь стремлениями и директивами (!) генерала Деникина», он — Бермонт «стремится рука об руку с польскими войсками вступить в бой против общего противника — большевиков».

Взять Ригу Бермонту не удалось. Предложение мира Латвия отвергла. В течение полутора месяцев продолжалась бомбардировка Риги и бесплодные попытки Бермонта форсировать Двину. Между тем, союзники от угроз перешли к фактической блокаде Германии. Эстонские и латышские войска начали наступление и при помощи мощного огня английского флота, столь пассивного в отношении большевиков, нанесли Бермонту ряд поражений.

21 ноября пала Митава, и русские войска Западной армии частью рассеялись, частью эвакуировались совместно с немецкими отрядами в Германию.

Так Германия и Согласие, Гоф — Марч и фон-дер-Гольц — Бишоф сводили между собою исторические счеты, играя русскими головами и губя русское дело.

На юго-восток от латышей, в двинском направлении маленькая л и т о в с к а я а р м и я, ввиду угрозы с тыла, со стороны отряда Вырголича (Шавли) и отступавших из-под Митавы русско-германских войск, проявляла на противобольшевистском фронте полную пассивность.

Далее на восток от Двинска до Полоцка и от Полоцка до Каменец-Подольска шел фронт п о л ь с к о й а р м и и, на котором, в силу заключенного осенью тайного соглашения с большевиками, военные действия фактически приостановились.

Я привел этот схематический очерк событий на противобольшевистских фронтах для уяснения той внешней военно-политической обстановки, среди которой протекал финальный период борьбы Вооруженных сил Юга.

Решительное наступление Северо-Западной армии началось 15 сентября, достигло наивысшего успеха 8-го октября, закончилось 1 ноября сдачей Ямбурга и 21 декабря разоружением и интернированием армии.

Восточный фронт, приостановивший, было, в середине августа свое стихийное отступление, к началу октября покатылся окончательно к Великому океану.

Северный фронт, ослабленный, лишившийся главной своей опоры — английских войск, закончивших эвакуацию 26 сентября, с тех пор переживал медленную агонию, завершившуюся исходом 18 февраля 1920 года.

На фоне этих событий, лишенных на первый взгляд единства и внутренней связи и полных глубокого трагизма, начертаны и судьбы Вооруженных сил Юга. С весны 1919 г. восходящая кривая боевых успехов Юга достигает к 1 октября наивысшей своей точки (Орел) с тем, чтобы в ближайшие дни упасть вниз... и, проведя армии Юга через горнило тягчайших испытаний в последующей пятимесячной упорной, кровавой борьбе, привести их в марте 1920 года к берегам Черного моря.

Глава XXIV. Операции В. С. Ю. Р. в октябре — ноябре 1919 г.

В начале октября советские армии Южного и Юго-Восточного фронтов, приведенные в порядок и пополнившиеся, располагались ²⁴:

Южный фронт:

12-я армия, до 25 тыс., по обе стороны Днепра от Мозыря, огибая Житомир, и по Десне на Чернигов до Сосницы ²⁵.

14-я армия, 28 тыс., от Сосницы до Кром (вблизи Орла).

13-я армия, 18 тыс., от Кром до р. Дона (у Задонска, близ Воронежа).

8-я армия, 18 тыс., между Задонском и Бобровом.

Конный корпус Буденного, 6 тыс., — в резерве, восточнее Воронежа.

Итого: 90 тыс. на фронте Житомир — Киев — Орел — Воронеж.

Юго-Восточный фронт:

9-я армия, 20 тыс., — от Боброва до устья Медведицы.

10-я армия, 15 тыс., — от устья Медведицы, севернее Царицына до Волги.

11-я армия, 15 тыс., — в районе Астрахани, имея операционные направления вверх по Волге против Царицына, на юг и на восток по Каспийскому морю против Северного Кавказа и Гурьева (уральцев).

Итого 50 тыс. на фронте Воронеж — Астрахань.

Всего, следовательно, против В. С. Ю. Р. большевики выставили 140 тыс., имея две сильные ударные группы: 1) западнее Орла ²⁶ и 2) против Воронежа. Так как в октябре и ноябре большевики подвели еще 5 пех. и 1 кав. дивизию, то силы их возросли до 160 тыс. По большевистским источникам, лучшими войсками считались 14 армия и группа Буденного; хуже 8-я, 11-я и 13-я; а 12-я «являла признаки расстройств и разложения».

Вооруженные силы Юга располагались:

Войска Киевской области (ген. Драгомиров), 9 тыс., впереди Киева и по Десне у Чернигова (включ.).

Добровольческая армия (ген. Май-Маевский), 20¹/₂ тыс., от Чернигова к Орлу и до Дона (у Задонска).

Донская армия (ген. Сидорин), 50 тыс., от Задонска до устья Иловли.

Кавказская армия (ген. барон Врангель), 14¹/₂ тыс., — в районе Царицына, имея часть сил против Астрахани, на обоих берегах Волги.

Отряд из состава войск Сев. Кавказа (ген. Драценко), 3—5 тыс., — против Астрахани с юга и юго-запада.

Всего на противобольшевистском фронте Киев — Орел — Воронеж — Царицын — Астрахань мы имели 98 тыс. против 140—160 тыс. большевиков ²⁷. Боевая ценность наших частей была далеко не одинакова, и поэтому численный эквивалент не выражает идеи развертывания ²⁸. Наиболее крепкая духом Добровольческая армия наступала на Орел — Тулу — Москву, и этим фактом обуславливалось главное направление удара. В характеристике Добровольческой армии, как «самой стойкой» и «безудержно стремившейся вперед», сходятся и официальные источники нашего противника.

Что касается резервов, то не только они, но, как увидим ниже, и часть сил

действующих армий к тому времени была отвлечена на «внутренние фронты» для усмирения восстаний, поднятых Махно и другими «атаманами» и заливших большие пространства Украины и Новороссии. В частности Добровольческая армия была ослаблена выделением сил и на внутренний, и на Киевский фронт, под Чернигов. Часть сил Киевской области вела борьбу с петлюровцами и повстанцами.

После неудачи августовского наступления, советское командование изменило план операции. «В середине октября (нов. ст.), — пишет Бронштейн²⁹, — была закончена подготовка для решительного контрудара. Образованы были две группы: одна — из резерва главкома и части 14-й армии к северо-западу от Орла для действия на Курско-Орловскую жел. дор.; вторая — к востоку от Воронежа, из конного корпуса Буденного, который должен был разбить противника под Воронежем и ударить в тыл Орловской группе противника в направлении на Касторную».

Таким образом, в предстоящем новом общем наступлении главный удар с двух сторон был занесен против Добровольческой армии, выдвинувшейся к Орлу. Стратегически этот удар преследовал идею разобщения Донской армии от Добровольческой и разгрома последней, политически — разъединение Добровольчества и казачества.

Группировка сил противника не была для нас тайной; но, ввиду отсутствия у нас резервов, парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей перегруппировкой войск. Удар с линии Орел — Севск, выведивший противника на фронт Корниловской и Дроздовской дивизий, не внушал мне опасений. Угроза же со стороны Воронежа левому флангу Донской армии была более серьезна. Поэтому я, не приостанавливая наступления Добровольческой армии на линию Брянск — Орел — Елец, 17 сентября вновь предписал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на своем левом фланге, против Лиски и Воронежа³⁰. В состав Донской армии передана была конница ген. Шкуро, находившаяся в Воронежском районе.

Выполнение этих планов сторонами приводило к встречным боям, развернувшимся в генеральное сражение на пространстве между Десной, Доном и Азовским морем — сражение, которому суждено было решить участь всей кампании.

Конная группа Буденного, усиленная пех. дивизией 8-й армии (12—15 тыс.), отбросив донцов к югу, повела наступление на Воронеж. После 9-дневных боев с переменным успехом, конница ген. Шкуро³¹ вынуждена была оставить Воронеж и отойти на правый берег Дона. Переправившись через Дон в свою очередь, Буденный с боями вышел к Нижнедевицку, угрожая Касторной и тылу 1-го (Добровольческого) корпуса.

Между тем, с 1 октября началось наступление западной ударной группы большевиков.

На 500-верстном фронте от Бахмача до Задонска шли тяжелые бои Добровольческой армии против втрое превосходившего ее силами противника (20 тыс. против 50—60)³².

Ослабив свое правое крыло и сосредоточив главные силы в Брянском направлении, ген. Май-Маевский успел нанести ударной группе 14-й советской армии ряд поражений под Севском и Дмитровском³³, в то время как войска его на Орловском³⁴ и Тульском³⁵ направлениях успешно отбивали наступление 13-й сов. армии. Но общая обстановка у Воронежа заставила армию оставить Орел и Ливны. Встречая сопротивление лишь тонкой линии Марковской дивизии, 13-я сов. армия продолжала наступление, и несколько полков ее в двадцатых числах прорвались к Фатежу и Щиграм, угрожая Курску. В то же время группа Буденного с 24-го октября атаковала Касторную, встречая сильный отпор занимавшего ее Марковского полка и конницы Шкуро.

В результате 30-дневных кровавых боев, непрестанно маневрируя, одерживая не раз частные успехи³⁶ и неся большие потери, войска Добровольческой армии отошли на линию Конотоп — Глухов — Дмитриев — Касторная.

На Донском фронте в течение октября происходили встречные бои с переменным успехом. Нанеся частное поражение левому флангу 8 сов. армии у Боброва и Таловой и частям 9 сов. армии на берегу Хопра, Донская армия в дальнейшем отошла правым флангом за Дон и центром за Хопер, удерживаясь за этими реками и на линии Лиски — Урюпино.

На западе войска Киевской области ген. Драгомирова, против ожидания весьма

мало пополнившие свой состав, с трудом выполняли свою задачу — очищения правого берега Днепра и левого — Десны. Во второй половине сентября, усиленные частями Добровольческой армии, киевские войска имели крупные успехи на Десне и овладели Черниговом. Но в то же время правый фланг 12-й сов. армии, освобожденный от угрозы со стороны поляков вследствие заключенного ими перемирия, неожиданно перешел в наступление от Житомира и, не встретив надлежащего отпора, овладел Киевом.

Трое суток на улицах города происходили бои, после чего противник был отброшен обратно за р. Ирпень. Между тем, левобережные части киевских войск после ряда боев очистили от большевиков весь левый берег Десны и разбили противника, наступавшего на Чернигов. Но к концу октября новое наступление по всему фронту 12-й сов. армии заставило нас отдать Чернигов и Макошинскую переправу³⁷, а 5 ноября большевики заняли Бахмач, что составило уже прямую угрозу левому флангу Добровольческой армии.

Еще хуже складывалась обстановка в тылу.

После весеннего разгрома, понесенного Махно, он бежал с небольшим конным отрядом в район Александровска. Там вокруг него собрались спасшиеся за Днепр его мелкие отряды, присоединилась часть повстанцев Григорьева и красноармейцев разбитой советской крымской группы.

Теснимый с востока нашими частями, Махно подвигался вглубь Малороссии; в августе, задержавшись в районе Елисаветграда — Вознесенска, он был снова разбит правым крылом ген. Шиллинга и к началу сентября, продолжая уходить к западу, подошел к Умани, где попал в полное окружение: с севера и запада — петлюровцы, с юга и востока — части ген. Слащева.

Махно вступил в переговоры с петлюровским штабом, и обе стороны заключили соглашение: взаимный нейтралитет, передача раненых махновцев на попечение Петлюры и снабжение Махно боевыми припасами. Доверия к петлюровцам у Махно, однако, не было никакого, к тому же повстанцев тянуло неудержимо к родным местам... И Махно решился на смелый шаг: 13 сентября он неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка ген. Слащева, двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение это совершалось на сменных подводах и лошадях с быстротой необыкновенной: 13-го — Умань, 22-го — Днепр, где, сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешел через Кичкасский мост и 24-го он появился в Гуляй-Поле, пройдя в 11 дней около 600 верст.

В ближайшие две недели восстание распространилось на обширной территории между нижним Днепром и Азовским морем. Сколько сил было в распоряжении Махно, не знал никто, даже он сам. Их определяли и в 10, и в 40 тыс. Отдельные банды создавались и распылялись, вступали в организационную связь со штабом Махно и действовали самостоятельно. Но в результате в начале октября в руках повстанцев оказались Мелитополь, Бердянск, где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь — в 100 верстах от Ставки (Таганрога). Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе — нашей артиллерийской базе... Случайные части — местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной стражи, выставленные первоначально против Махно, легко разбивались крупными его бандами.

Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. В районе Волновахи сосредоточены были Терская и Чеченская дивизии и бригада Донцов. Общее командование над этими силами³⁸ поручено было ген. Ревизинову, который 13 октября перешел в наступление на всем фронте. Наши войска в течение месяца наносили один удар за другим махновским бандам, которые несли огромные потери и вновь пополнялись, распылялись и воскресали, но все же катились неизменно к Днепру. Здесь у Никопольской и Кичкасской переправ, куда стекались волны повстанцев в надежде прорваться на правый берег, они тысячами находили смерть. К 10 ноября, весь левый берег нижнего Днепра был очищен от повстанцев.

Но в то время, когда наши войска начинали еще наступление, Махно с большой бандой, перейдя Днепр, бросился к Екатеринославу и взял его... С 14 по 25 октября злополучный город трижды переходил из рук в руки, оставшись в конце концов за Махно.

Между тем, успех на фронте войск Новороссии дал мне возможность выделить из их состава корпус ген. Слащева ³⁹, который к 6 октября начал наступление против Екатеринослава с юга и запада от Знаменки и Николаева. Совместными действиями право- и левобережных войск Екатеринослав был взят 25 ноября, и контратаки Махно, врывавшегося еще трижды в город, неизменно отбивались.

Переправы через нижний Днепр были закрыты и тыл центральной группы наших армий, таким образом, до известной степени обеспечен. Но затяжные бои с Махно в Екатеринославской губ. продолжались еще до середины декабря, т. е. до начала общего отступления нашего за Дон и в Крым.

Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время.

Как бы ни были серьезны события, разыгравшиеся на левом фланге и в тылу центральной группы армий, не они определяли грозность общего стратегического положения. С начала октября стало ясным, что центр тяжести всей операции перенесен на Воронеж — Харьковское направление... Только разбив ударную группу 8-й армии и корпуса Буденного, мы приобретали вновь инициативу действий, возможность маневра и широкого наступления. Для этого необходимо было собрать сильный кулак, что по условиям обстановки можно было сделать лишь за счет Донской и Кавказской армий.

Попытки образования конной ударной группы на Воронежском направлении, отражая сложные воздействия стратегии, политики, психологии и личных взаимоотношений, служат весьма образным показателем тех условий, в которых протекала деятельность Ставки.

Начиная с 1919 г., все мои директивы ⁴⁰ требовали от Донской армии растяжки фронта и сосредоточения сильной группы к левому флангу на Воронежском направлении. Это стремление разбивалось о пассивное сопротивление донского командования, и Донской фронт представлял линию, наиболее сильную в центре — на Хопре, где сосредоточена была половина всей донской конницы ⁴¹, и слабую — в Лискинском районе ⁴², почти исключительно пехотного состава ⁴³. Это развертывание отвечало стремлению удержать и прикрыть возможно большую часть Донской области, но в корне расходилось с планом операции. По-видимому, на стратегию донца Сидорина и российского профессора Кельчевского производила сильнейший нажим психология донской казачьей массы, тяготевшей к родным хатам.

В ударную группу Дон выделил полуразвалившийся после тамбовского набега 4-й корпус генерала Мамонтова, насчитывавший к 5 октября 3¹/₂ тыс. сабель ⁴⁴. После настойчивых требований Ставки к середине ноября донское командование включило в ударную группу пластунскую бригаду (пехотную) — 1500 шт., кавал., не казачью дивизию — 700 сабель и направило в 4-й корпус пополнения. Не донские направления общего театра войны представлялись чем-то самоудовлетворяющим. Ген. Сидорин считал и такое ослабление чисто донского фронта чрезмерным, выражая опасение, что «при дальнейшем нажиме противника армия не будет в состоянии удержаться на берегу Дона».

Не менее сложно обстояло дело на фронте Кавказской армии. Нанеся в начале октября под Царицыном сильный удар и северной и южной группам противника, ген. Врангель доносил, что достигнут этот успех «ценою полного обескровления армии и последним напряжением моральных сил тех начальников, которые еще не выбыли из строя». Но обстановка складывалась грозно и требовала нового чрезвычайного напряжения и новых жертв от всех армий. И начальник штаба ген. Романовский 16 октября запросил ген. Врангеля, какие силы он может выделить в ударную группу в центр... «или же Кавказская армия могла бы немедленно начать активную операцию, дабы общим движением сократить фронт Донской армии и дать ей возможность вести операцию на северо-запад». Ген. Врангель ответил, что развитие операции Кавказской армии на север невыполнимо «при отсутствии железных дорог и необеспеченности водной коммуникации». Что касается переброски, то «при малочисленности конных дивизий переброска одной, двух... не изменит общей обстановки, и не разбитый, хотя бы и приостановленный противник, оттеснив донцов за Дон, будет иметь возможность обрушиться на ослабленную выделением частей Кавказскую армию...» Барон Врангель предлагал «крупное решение», взять из состава Кавказской армии 4 дивизии (при этом условии он не предполагал

оставаться во главе ее), и, сведя остающиеся силы в отдельный корпус, поручить его ген. Покровскому.

Картина состояния Кавказской армии, нарисованная ген. Врангелем, была угнетающей, а потеря Царицына в то время, когда центр армии находился еще впереди Харькова, чреватой тяжелыми последствиями. Поэтому я считал возможным взять из Кавказской армии только 2-й кубанский корпус ⁴⁵.

И когда через некоторое время ген. Врангель принял Добровольческую армию и из Кавказской взята была еще одна дивизия, заместитель его ген. Покровский телеграфировал барону: «С переброской трех четвертей всей конницы армии и отнятием боевых пополнений, направляемых с Кубани только вам... обессиливание Кавказской армии перешло уже все пределы».

Между тем, в начале ноября ударная группа Буденного, отбросив конницу Шкуро, взяла Каптурную, выйдя в тыл нашей пехоте. Под ударами 13-й, 14-й сов. армий и группы Буденного Добровольческая армия, неся большие потери, особенно на своем правом фланге, с упорством отстаивая каждый рубеж, медленно отходила на юг.

К середине ноября мы потеряли Курск, и фронт Добровольческой армии проходил через Сумы — Лебединь — Белгород — Новый Оскол, дойдя приблизительно до параллели Донского фронта (Лиски). В ближайшем тылу ее, в губ. Харьковской, Полтавской разрастались восстания; банды повстанцев все более нагнали, и для усмирения их требовалось выделение все новых и новых сил. Донская армия была прикована к своему фронту и не могла развить широкого наступления: левый фланг ее был отброшен от Лисок, центр и правый удерживались еще на Хопре и Доне.

Конная группа Шкуро, потом Мамонтова ⁴⁶, действовавшая в стыке между Добровольческой армией и Донской, не могла противостоять большевистской ударной группе — по малочисленности своей, разрозненным действиям и внутренним недугам: кубанцы жаловались на развал и утечку в донском корпусе, донцы говорили то же о кубанцах...

Ко второй половине ноября в районе Волчанск — Валуйки путем большого напряжения сосредоточены были подкрепления, которые, вместе с основным ядром Мамонтовской группы, составили отряд силою в 7 тыс. саб., 3 тыс. штык. и 58 орудий, снабженный танками, бронепоездами и авиационными средствами ⁴⁷.

На него возлагались большие надежды...

Вместе с тем, последние подкрепления с Северного Кавказа и с Сочинского фронта двинуты были на север.

В начале ноября, будучи в Ставке, ген. Врангель предложил образовать из собиравшейся группы отдельную конную армию, с ним во главе, перебросив для управления ею штаб Кавказской армии. Незначительность сил группы не оправдывала необходимости расстройств существовавших соединений и создания нового штаба для Царицынского направления; отсутствие третьей меридиональной жел. дор. не давало возможности вклинить новую армию между Добровольческой и Донской. Принимая во внимание обнаружившиеся недочеты ген. Май-Маевского и желая использовать кавалерийские способности генерала Врангеля, я решил упростить вопрос, назначив его командующим Добровольческой Армией, со включением в нее конной группы Мамонтова.

Май-Маевский был уволен.

До поступления его в Добровольческую армию я знал его очень мало. После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении Май-Маевского, и мне два-три раза приходилось делать ему серьезные внушения. Но теперь только, после его отставки открылось для меня многое: со всех сторон, от гражданского сыска, от случайных свидетелей посыпались доклады, рассказы о том, как этот храбрый солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся, но не поборовавший его, ронял престиж власти и выпускал из рук вожжи управления. Рассказы, которые повергли меня в глубокое смущение и скорбь.

Когда я впоследствии обратился с упреком к одному из ближайших помощников Май-Маевского, почему он, видя, что происходит, не поставил меня в известность об этом во имя дела и связывавшего нас боевого содружества, он ответил:

— Вы смогли бы подумать, что я подкапываюсь под командующего, чтобы самому сесть на его место.

Май-Маевский прожил в нищете и забвении еще несколько месяцев и умер от разрыва сердца в тот момент, когда последние корабли с остатками белой армии покидали Севастопольский рейд.

Личность Май-Маевского перейдет в историю с суровым осуждением...

Не отрицаю и не оправдываю...

Но считаю долгом засвидетельствовать, что в активе его имеется, тем не менее, блестящая страница сражений в каменноугольном районе, что он довел армию до Киева, Орла и Воронежа, что сам по себе факт отступления Добровольческой армии от Орла до Харькова при тогдашнем соотношении сил и общей обстановке не может быть поставлен в вину ни армии, ни командующему.

Бог ему судья!

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. См. главу VIII.
2. После переформирования: 1-я (ген. Пепеляева), 2) (ген. Лохвицкого), 3-я (генерала Сахарова). Главнокомандующим фронтом был назначен ген. Дитерихс. 3-я армия шла вдоль магистрали, прочие — севернее.
3. От Кургана до Верхнеудинска около 3000 верст.
4. Сменил Вологодского.
5. Конец ноября.
6. Областной комитет соц.-рев., при участии бюро земств, професс. союзов и соц.-дем. меньшевиков.
7. За исключением самых первых месяцев (осень 1918 г.), когда советское правительство чрезвычайно беспокоилось.
8. Английские «стоки» в Архангельске и русские северные леса.
9. Заместитель Чайковского.
10. Позже был арестован генералом Родзянко, но бежал к эстонцам.
11. Петроградский прис. пов.
12. Маргулиес, пробыв два дня в составе одесского правительства, спешно отбыл в Париж, после чего перебрался в Ревель.
13. Лично и Родзянко и Юденич выражали готовность признать Эстонию, но такая персональная форма признания не удовлетворяла эстонское правительство.
14. Финансовые ресурсы Северо-Западного правительства заключались впоследствии в выпуске собственных денежных знаков, в небольших суммах, вырученных за продажу вывезенного за границу сырья, и в предоставленном Верховным Правителем генералу Юденичу кредите в размере 900 тыс. фунт. стерл.
В особом объявлении Северо-Западного правительства указывалось, что денежные знаки его «обеспечены всем достоянием государства Российского» и будут оплачиваться впоследствии петроградской конторой Государственного банка по расчету 40 рублей за фунт стерлингов.
15. Во время операции ген. Юденич удалил от командования армией ген. Родзянко, назначив его своим помощником, и сам стал во главе армии.
16. Первым посредником между Эстонией и советами был англичанин, профессор Гуд.
17. См. т. IV, гл. IV. В состав его входил и балтийский ландвер.
18. Позднее именовался «Русским политическим совещанием в Берлине». Организация параллельная «Политическому совещанию» в Гельсингфорсе и конкурировавшая с ним и с Парижским совещанием. Инициатива и средства — из германских правых кругов. Состав — крайне-правые русские и остзейские элементы.
19. По прохождению службы Бермонт был: капельмейстером Приморского драгунского полка, прапорщиком одного из Забайкальских казачьих полков, корнетом Петербургского уланск. полка и, после отставки, во время мировой войны — личным адъютантом командира корпуса, ген. Мищенко. Принимал участие в формировании так наз. Южной армии. Именовал себя до сентября 1919 г. Бермонтом, в сентябре Аваловым-Бермонтом, в октябре князем Аваловым-Бермонтом.
20. До чина поручика служил во Владимирском уланском полку, затем недолго в пограничной страже, потом в жандармском корпусе (охранное отд.).

21. Ландвер по требованию Антанты находился на латышском противобольшевистском фронте, где и оставался во время происходивших в Курляндии событий.
22. На военном совете в Риге 26 августа, под давлением ген. Марча, военные представители Эстонии, Латвии, Литвы, Сев.-Западной армии подписали протокол, которым распределялась линия фронта между армиями. Бермонту надлежало выдвинуться через Двинск на Великие Луки. (Из статьи Бережанского).
23. В качестве добровольного ходатая за Бермонта прибыл в Екатеринодар и ген. Д. Гурко. Принят не был. Указывал штабу на большую опасность со стороны «деклассированного элемента, по существу ландскнехтов», каким являются германские солдаты Бермонта, в случае, если они, не признанные нами, предложат свои услуги большевикам.
24. Численность красной армии взята из советских источников.
25. Часть фронта ее (около 5 тыс.) направлена была на запад, против поляков. Сосница — на жел.-дор. линии Гомель — Бахмач.
26. В Брянском направлении.
27. В расчет не входят войска Новороссии, боровшиеся против Петлюры.
28. Группировка противников к началу октября (у нас и у большевиков): на фронте войск Киевской области соответственно 9 тыс и 15 тыс.; на фронте Добр. армии 20 и 46 тыс. (первонач.); на фронте Донской армии 50 тыс. и 49 тыс.; на фронте Кавказской армии 14,5 тыс. и 20 тыс.
29. «Как вооружалась революция».
30. В дальнейшем Донская армия должна была развивать удар в сторону Балашова.
31. 4-й Донской корпус и 3-й конный корпус, ослабленный выделением Терской дивизии против Махно. Командующий 4-м Донским корпусом ген. Мамонтов был в отпуску, почему во главе группы стал ген. Шкуро.
32. Кроме 13-й и 14-й армии, части 8-й и группа Буденного.
33. Дроздовцы, Самурцы и конница 5 кавк. корпуса.
34. Корниловцы.
35. Марковцы.
36. Главным образом 1-й корпус (Добров.) ген. Кутепова.
37. На пути Гомель — Бахмач.
38. Кроме указанных частей, входили 3 полка, 3 запасных батальона и др. мелкие части.
39. Войска его после ликвидации Махно предназначались для усиления Добровольческой армии.
40. 19 августа, 17 сентября, 14 ноября, 29 ноября.
41. 2-й корпус, 17^{1/2} тыс., из них 9700 конницы.
42. 3-й корпус, 14 тыс., из них 2200 конницы.
43. Донскую пехоту нач. штаба армии ген. Кельчевский характеризовал так: «Пешие части совершенно не приспособлены к пешему бою и так же легко сдают, как и красноармейская милиция». За немногими исключениями это определение было верно.
44. Но и эти силы были ослаблены отвлечением части их на поддержку лискинской группы, так что в группе ген. Шкуро под Касторной оставалось одно время только 1800 сабель 4-го Донского корпуса.
45. Одна бригада Кавказской армии находилась в то время в Екатеринодаре, ввиду событий в Раде. Кубанские дивизии имели состав 500—800 сабель и только одна 3-я имела 1350 сабель. Она входила ранее в состав 2-го корпуса, но была заменена кавказским начальством 4-й.
46. Шкуро уехал в отпуск по болезни.
47. Состав частей приведен по боевому расписанию от 5 ноября, так как последующие не сохранились.

В состав конного отряда входили: 4-й донской корпус, 3-й конный корпус (без одной бригады), 2-й кубанский корпус, Сводная кавалерийская дивизия и 2 пластунская бригада.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Из воспоминаний

Г. В. Вернадский

О жизненном пути и научном творчестве Георгия Владимировича Вернадского (1887—1973) читатель может узнать из вступительной статьи к публикации его очерка «Соединение церквей» в исторической действительности» в № 7 «Вопросов истории» за 1994 год. Текст воспоминаний Вернадского публикуется по «Новому журналу» (литературно-политическому изданию, основанному М. Аядановым и М. Цетлиным и выходившем в Нью-Йорке с 1942 г. под редакцией М. Карповича, Р. Гуля, Ю. Денике и др.), 1970, № 100; 1971, №№ 104, 105; 1972, № 108.

Годы учения. С. Ф. Платонов

1

Я окончил Московскую 5-ую классическую гимназию с золотой медалью весной 1905 года. Среди моих учителей было несколько выдающихся педагогов. Были, конечно, и посредственные. Я больше всего ценил уроки Якова Лазаревича Барскова, ученика Ключевского. Он преподавал историю в старших классах. Барсков добивался того, чтобы ученик не только знал предмет, но вдумывался в него, научился самостоятельно мыслить об историческом процессе.

Среди моих товарищей-одноклассников оказалось несколько юношей, близких мне по духу. Как-то естественно мы объединились в «кружок» и поставили себе целью «самоусовершенствоваться» — беседовать о «смысле жизни» (!), обсуждать этические проблемы, литературу, искусство и т. д. В состав этого кружка вошли Вася (Василий Григорьевич) Сахновский, Володя (Владимир Андреевич) Фаворский, Миша (Михаил Владимирович) Шик и два брата Вольф — Юлий и Вильгельм. Юля был очень болезненный и умер, еще не кончив гимназии. Его смерть как-то еще крепче сблизила остальных. Собирались по вечерам на дому у каждого по очереди. Сахновский образовал среди гимназистов не только нашего, но и более старшего класса еще другой кружок иного характера и с бóльшим количеством членов — кружок драматического искусства. После окончания университета Сахновский работал в одной из театральных студий, а потом стал одним из главных режиссеров Московского Художественного театра.

Человек кипучей энергии и большого напора, Вася первенствовал в нашем кружке. Володя Фаворский, вдумчивый и глубокий, еще будучи в гимназии, начал серьезно заниматься рисованием и живописью и неуклонно шел в дальнейшем по

этому пути. Он и стал впоследствии знаменитым художником-гравером. В искусстве и искусствоведении он нашел выход своему творческому исканию.

Летом 1902 г. (между пятым и шестым классом гимназии) Сахновский, Фаворский, Шик и я совершили интересную экскурсию в Суздальско-Владимирский край, чтобы осмотреть старинные церкви и другие памятники древнерусского искусства, набрались много ярких впечатлений. Поздней весной или летом 1903 г. (между 6-м и 7-м классом) мы той же компанией решили отправиться на паломничество к Л. Н. Толстому. Оделись соответственно: рубахи-косоворотки (на Сахновском было что-то вроде толстовской блузы), высокие сапоги.

Пришли в Ясную Поляну, кажется, часа в четыре дня. Подошли к дому — видим на балконе София Андреевна с несколькими гостями, пьют чай. Мы полезли было прямо на балкон. София Андреевна послала к нам навстречу какого-то молодого человека. — «Кто вы такие? Что вам нужно?» — «Гимназисты из Москвы. Нам необходимо поговорить с Львом Николаевичем». — «Он болен, нельзя его видеть». — «Пожалуйста, спросите его. Мы не надолго, не утомим. Нам очень нужно!»

Толстой велел нас пустить к нему. Когда мы вошли в его комнату, он лежал на постели под простыней, без одеяла. Вероятно, у него был жар. Я был поражен его маленьким ростом. Как многие, не видевшие его раньше, я представлял его себе чуть ли не великаном. Второе мое впечатление было его жесткие, пронзительные, почти можно сказать — злые глаза.

«Зачем пришли?» — сказал он сердитым голосом. Вася Сахновский начал объяснять, немного волнуясь и от этого стараясь говорить громко и почти развязно. После нескольких ответов Толстого на Васины слова, начали задавать вопросы или вставлять замечания и остальные трое. Сколько помню, Толстой в сжатой и краткой форме выражал нам свои основные мысли, с которыми мы были знакомы по его сочинениям, но которые в живой его речи производили более сильное впечатление.

Приехав домой, я сразу, по своей памяти, записал все сказанное Львом Николаевичем. Эта запись, к моему сожалению, затерялась в моих бумагах.

Мы возвращались в Москву в приподнятом и взволнованном состоянии. Но толстовцами мы не сделались.

По мере роста в России революционного движения, среди гимназистов и нашей и других гимназий начал подыматься интерес к политическим и общественным вопросам. Никто из нашего основного кружка не имел склонности к революции и террору. Но появилась потребность обсуждать эти вопросы, чтобы постараться понять что происходит.

К концу 7-го класса гимназии (весна 1904 г.) Фаворский, Шик и я начали посещать беседы у гимназистов братьев Липеровских (их было, кажется, четверо, один из них наш одноклассник). Вероятно, родители их жили не в Москве и наняли сыновьям квартиру. Разговоры были и о гимназических делах, и о литературе, и об общественном движении. Узнав, что существует социал-демократический кружок среди гимназистов 7-ой гимназии (кажется, один из Липеровских учился в 7-ой гимназии), мы решили устраивать иногда общие заседания с этим кружком для ознакомления с их взглядами. Эти собрания продолжались и осенью 1904 года.

Собственно, только руководители кружка 7-ой гимназии были социал-демократы, остальные же члены кружка, насколько помню, еще не сделали выбора между партиями. Главным руководителем был студент с.-д. Платон Лебедев. Помощником его был гимназист Валерьян Оболенский (его партийный псевдоним был Осинский). У него был холодный, какой-то озлобленный ум. По выходе из гимназии Осинский стал быстро выдвигаться в большевицкой партии. Впоследствии он был расстрелян во время сталинских чисток.

Чего мы не знали, по крайней мере, в начале нашего знакомства, что кружок 7-ой гимназии был в связи с «Северным союзом учащихся средних школ» в Петербурге. «Союз» этот зародился в гимназии Я. Гуревича. Осенью 1904 года устроено было собрание представителей этого союза от разных петербургских школ. «Разумеется, представители были все самозванные», как тогда же написал своему отцу С. О. Гессен, один из членов кружка гимназии Гуревича. Собрание было арестовано полицией. Несколько участников собрания (в том числе Гессен) были исключены из гимназии. (См. И. В. Гессен «В двух веках». Берлин. 1937, стр. 189—191).

На этом я и заканчиваю мои гимназические воспоминания. Оглядываясь на эти

годы, хочу только еще упомянуть о том значении, которое имели в моем духовном и умственном развитии мои отец и мать — мать еще с детства. Отец подошел ко мне ближе, когда я подрос, стал понимать отвлеченные разговоры и начал, сперва по-отрочески, интересоваться наукой. Под его влиянием я, будучи, кажется, еще в 5-ом классе гимназии, заинтересовался геологией. Позже это увлечение сменилось интересом к истории. Отец был человек необыкновенного размаха, пытливого мысли и широты научных исканий. В круг его интересов входила и история. Когда он заметил, что у меня намечается склонность к истории, он сразу обратил на это внимание. Вероятно, разговоры об истории у нас начались, когда я ему рассказывал свои впечатления от уроков Барскова. Как бы то ни было, когда я кончал гимназию, я уже решил поступить на историко-филологический факультет Московского университета.

2

Из-за бурных событий осени 1905 года регулярные занятия в Московском у-те стали невозможны. Посоветовавшись с отцом, я решил весной 1906 г. поехать в Германию, сначала в Берлин подучиться немецкому языку, осмотреться, и на лето поступить студентом в один из немецких университетов.

Холодный казенный Берлин мне не понравился. Холодный он тогда был не только духовно, но и физически — я приехал туда в конце марта, а дома с дешевыми комнатами — такую только я мог себе позволить — не отапливались.

Наведя справки у знающих людей, я решил поступить во Фрейбургский университет в Бадене. Туда же направился и Миша Шик. Мы приехали во Фрейбург за несколько недель до матурикуляции. Обставлена она была торжественно. Большой зал, в глубине которого на возвышении длинный стол для начальства. Секретарь вызывал студентов по одному, в алфавитном порядке фамилий. Студент кланялся начальству и получал удостоверение о приеме. Одного из студентов звали Юлиус Цезарь. Вышел невзрачный маленького роста немчик. Все дружно захохотали.

Я записался на три курса — Георга фон Белова («город немецкого средневековья»), <Г.> Риккерта (философия истории) и Фридриха Мейнеке (сколько помню, английская история середины XIX века). Все трое были крупные ученые. Лекции их были очень содержательны (а курс Риккерта особенно давал толчок мысли), но меня поразила странная для меня манера преподавания в немецких университетах. Профессора буквально «читали» лекции по своим запискам, а студенты старательно записывали. Когда им нравилась какая-нибудь остроумная фраза (или шутка) профессора, они в знак одобрения громко стучали ногами об пол (так как руки были заняты писанием).

Фрейбург и окрестности были необыкновенно привлекательны, особенно в это время года. Мы с Мишей Шиком по воскресеньям обыкновенно отправлялись пешком по соседним местам. Во время каких-то летних праздников мы совершили большую прогулку по Шварцвальду. Ездили и в Гейдельберг. К нам иногда присоединялся Володя Фаворский, который в это время учился в художественной студии венгерца Холлоши в Мюнхене. Во Фрейбургском университете, кроме меня и Шика, было довольно много русских студентов. Из них я подружился с пасынком И. В. Гессена, Семеном Ильичем Штейном, изучавшим раннее средневековье. Его сводный брат Сергей Осипович Гессен (о котором я уже упомянул выше, говоря о гимназических кружках), поступил в Гейдельбергский университет, где занимался философией. Он довольно часто наезжал во Фрейбург, и я с ним тоже подружился.

К сентябрю 1906 г. я вернулся в Москву. Занятия начались, но революционное меньшинство студенчества все еще бурлило. Часто собирались общие сходки в одной из аудиторий без разрешения университетских властей. Произносились громовые речи. Инакомыслящие не давали говорить. Однако, большинство студенчества хотело заниматься ученьем и постепенно стало давать отпор, чем дальше, тем с большей энергией. Это привело к тому, что в следующем учебном году (1907—1908), после правильно проведенного референдума общая сходка была отменена значительным большинством поданных голосов, и избран для обсуждения студенческих дел центральный орган с пропорциональным представительством от каждой политической группы или партии (была представлена и группа беспартийных). Крайне-левые (большевики и левые эсеры) оказались в меньшинстве и на некоторое время притихли.

Составляя план своих занятий в университете, я решил уделить достаточно времени и сил на всеобщую историю, хотя меня определенно тянуло уже к русской истории. По всеобщей истории я выбрал курсы и семинары Д. М. Петрушевского (средние века) и А. Н. Савина (XVII—XVIII века). Слушал также лекции Р. Ю. Виппера. По русской истории наслаждался, конечно, лекциями Ключевского (семинаров в мое время он уже не вел). Очень полезны были для меня лекции и семинары М. М. Богословского. Работал также в семинаре А. А. Кизеветтера и просеминарах Ю. В. Готье и А. И. Яковлева. Очень содержательны были лекции М. К. Любавского (в семинарах его я не работал).

Общение студентов с профессорами не ограничивалось посещением лекций и участием в семинарах. По окончании лекции беседа профессора со студентами часто продолжалась в коридоре. При семинарской работе почти каждый участник семинара заходил к профессору на дом для выбора темы своего доклада, а позже — просить советов при разработке темы. Иногда такие деловые посещения переходили в беседу уже на общие темы.

Многие из профессоров, у которых я учился, настаивали на необходимости для каждого серьезно занимающегося студента пополнять университетские занятия самостоятельным чтением в области истории, чтобы ознакомиться с классиками русской исторической науки и быть в курсе новых трудов. Я старался, насколько хватало времени, следовать этому совету. Большое впечатление на меня произвели труды С. Ф. Платонова и я тогда уже проникся глубоким уважением к нему.

В студенческой среде у меня с самого поступления в университет оказалось много друзей — бывшие товарищи по гимназии, родственники и друзья, так сказать, по наследству от родителей — дети их друзей «приютинцев»¹. (О «Приютине» и «приютинцах» см. мои статьи в «Новом Журнале», книги 93, 95, 96 и 97). Из близких мне гимназических товарищей поступили в Московский университет Фаворский, Шик и Сахновский. Фаворский вернулся из Мюнхена в 1908 г. и поступил на вновь открытое при историко-филологическом факультете отделение искусствоведения. Из родственников упомяну прежде всего мою двоюродную сестру Софию Марковну Любоцинскую. Соня училась в Алферовской гимназии (кончила ее в мае 1908 г.). Я познакомил ее с моими гимназическими товарищами, и она вошла в наш дружеский круг, а потом, уже когда я поступил в университет, познакомилась и с моими университетскими друзьями.

Еще когда я был в старших классах гимназии, приехал в Москву и поступил на юридический факультет мой троюродный брат Игорь Владимирович Ильинский, а затем две его сестры — Екатерина (поступившая в консерваторию) и Нина (поступившая на Высшие женские курсы). Их отец, военный врач Владимир Никанорович Ильинский, был учеником Бородина по Военно-медицинской академии. Бородин же привлек его к «Могучей кучке». У Владимира Никаноровича, по всем воспоминаниям, был чудный баритон, и он артистически исполнял на собраниях «Кучки» все новые романсы Мусоргского и других «кучкистов». Он умер еще молодым. Музыкальность его передалась и его детям.

Игорь был необыкновенно талантливый и привлекательный человек. Душа общества, — где бы он ни появлялся. Пел русские песни, аккомпанируя себе на гитаре, был замечательный рассказчик, играл в любительских спектаклях как настоящий актер, имел большие способности к писательству. Вместе с тем он серьезно занимался юридическими науками. По окончании университета он решил стать адвокатом и сделался помощником присяжного поверенного у А. Р. Ледницкого. Через Ильинских я познакомился с их земляком по Тульской губернии студентом-юристом Николаем Александровичем Суриковым. Мы с ним быстро подружились.

Из детей «приютинцев» поступили в московские высшие учебные заведения дети Дмитрия Ивановича Шаховского (Илья, Наталия и Анна) и сын Сергея Федоровича Ольденбурга — Сергей. Илюша Шаховской поступил на математическое отделение естественного факультета, Сережа Ольденбург — на юридический факультет. У Сережи с детства был туберкулез, и одну зиму он пролежал в санатории в Швейцарии. И у Сережи, и у Илюши было — у каждого по-своему — какое-то внутреннее отталкивание от «приютинского» духа. Илюша был человек замкнутого характера. Он не любил делиться своими мыслями и переживаниями, но чувствовалось, что переживает он все очень глубоко. Он любил математику — и стихи. Он и сам писал стихи, которые он мне изредка читал. Напечатаны они никогда не

были. Общественными «вопросами» и политикой Илюша совершенно не интересовался. По окончании университета Илюша поступил на службу в Пулковскую астрономическую обсерваторию и, повидимому, был удовлетворен своей работой. Тем не менее в 1914 году он пошел добровольцем в действующую армию и погиб на войне.

Сереза Ольденбург был человек совершенно другого склада. Политикой он очень интересовался, но в противоположность «приютинцам» был убежденный монархист и студентом еще поступил в умеренно-правый «Союз 17 октября». Живо помню его выступления на общих сходках. Он спокойно выходил на трибуну, поправлял пенсне (был близорук), и спокойно, но твердо заявлял: «Я, как представитель Союза 17 октября...» — сейчас же начинался дикий вой и крики «Долой!» Сереза оставался невозмутимым и, когда собрание немного успокаивалось, повторял то же заявление — и опять тот же вой.

Но с этим у Серезы сочеталась другая — более интимная — сторона его духовной жизни — любовь к поэзии. Он знал наизусть и отлично декламировал стихотворения нового тогда направления — символистов и декадентов. Сам он тоже писал стихи, но друзьям читал их очень редко, за исключением шуточных экспромтов. Позже, уже за рубежом, он прислал мне несколько своих стихотворений, написанных им в Берлине в начале 1920-х годов. Не знаю, были ли они где-нибудь напечатаны. Что он охотно читал друзьям, это своеобразные поэтические сказки, написанные прозой. В этих сказках почти не было фактического содержания — только настроения и оттенки настроений. Описывались большей частью маленькие девочки.

Много позже, в 1930-х годах, когда Сереза с женой и детьми жил в Париже, он рассказывал на ночь своим двум старшим девочкам такие же сказки, может некоторые из них те же самые, что он нам читал в Москве. Старшая девочка, Зоя, стала потом знаменитой французской писательницей. Думаю, что Серезины сказки дали первый толчок развитию ее таланта.

Не помню, как я познакомился с Михаилом Алексеевичем Бакуниным (племянником анархиста). Вероятно, он зашел к моим родителям (они знали некоторых из его дядей и двоюродных братьев). Михаил Алексеевич окончил Поливановскую гимназию в Москве, после чего уехал в Германию и поступил в университет в Галле. Вернулся в Москву в 1906 или 1907 году и поступил на естественный факультет Московского у-та. В это время он уже был владельцем родового имени Бакуниных «Прямухино» Новоторжского уезда Тверской губернии. Он был старше меня (родился в 1880 г.). Живой и деятельный, немного застенчивый с малознакомыми людьми, твердый в своих убеждениях. Как все Бакунины (этой линии) он впитал в себя лучшие традиции земского либерализма. Мы с ним очень сблизились.

Вероятно, через Илью Шаховского я познакомился со студентом-математиком Всеволодом Александровичем Кудрявцевым (пасынком Кизеветтера) и его сестрами Натальей (Кудрявцевой) и Екатериной (Кизеветтер). Обе они поступили на Высшие женские курсы. Все эти новые друзья перезнакомились со старыми.

Почти все были любители театра — и оперы и драмы. В драме и комедии это было время продолжавшегося яркого цветения Малого театра и расцвета Московского Художественного театра.

При всем том нам еще хватало времени и сил на просветительскую деятельность среди рабочих. Кажется, два раза в неделю Аня и Наташа Шаховские, Нина Ильинская и я ходили преподавать на рабочие курсы в Дорогомилове. К некоторому нашему удивлению, к нам присоединился и Сереза Ольденбург — за компанию, и чтобы набраться новых для него впечатлений. Кажется, он учил слушателей и слушательниц правилам русской грамматики. Как все, что он делал, он преподавал отчетливо и основательно. Я кроме того осенью 1908 г. месяц или два ездил в Мытищи читать лекции по русской истории на тамошних воскресных курсах для рабочих. Слушателей у меня было человек сорок. Слушали они с напряженным вниманием и после лекции задавали много вопросов.

Каждую зиму наш тесный кружок друзей увлекался ходьбой на лыжах по отрогам Воробьевых гор и за ними. Иногда ходили довольно далеко. Это были чудесные освежающие прогулки. Весной и осенью мы ходили осматривать старинные барские дворцы и старые церкви в окрестностях Москвы или ездили по железной дороге по Московскому уезду с той же целью. Много из того, что мы видели, мы хорошо изучили.

Принимал я участие и в политической жизни студенчества. Я вступил в студенческую фракцию Партии народной свободы (конституционно-демократической, в просторечии «к.-д.», или кадетской партии). Туда же вошел Цуриков. Кроме Цурикова вошло еще довольно много юристов. Среди лидеров фракции, кроме Цурикова, было еще несколько выдающихся людей — Борис Михайлович Овчинников, Е. А. Ефимовский, А. А. Котельников, Фельдштейн. Овчинников и Ефимовский по окончании университета пошли в адвокатуру, став помощниками присяжного поверенного у Ледницкого.

Фракция успешно боролась с тиранией общей сходки и в конце концов добилась организации студенчества на демократических началах, как об этом я уже кратко упоминал. В этой борьбе умеренные меньшевики и правые эсеры поддерживали кадетов.

Представители фракций вошли в центральный орган по пропорциональному принципу. Наибольшее количество голосов (но не абсолютное большинство) получили кадеты (за них голосовали и многие умеренные беспартийные). Их делегация не только была самая многочисленная, но и самая блестящая интеллектуально. Следующие по численности были социалисты-революционеры (среди них были и правые и левые эсеры). Делегации меньшевиков и большевиков, сколько помню, были приблизительно одинаковы по числу. Октябристы получили всего двух представителей в центральном органе (один из них — Сергей Сергеевич Ольденбург).

Самый видный из правых эсеров был Михаил Михайлович Карпович. С ним я быстро подружился. Талантливый и обаятельный человек, Миша был необыкновенно общителен. У него были друзья в самых разнообразных кругах. Почему-то он не любил смешивать эти круги и не любил в одном кругу говорить о других. Один из этих его кругов был эсэровский, другой — музыкальный. Миша был хорошо знаком с Гнесиными, у которых была очень известная музыкальная школа.

В ноябре 1908 г. я женился на Нине Владимировне Ильинской. К тому времени она уже окончила Высшие женские курсы по историко-филологическому факультету, специализировавшись по истории. Но историей она не собиралась заниматься. Ее влекло к музыке, пению и литературе. Она начала брать уроки пения. Для заработка взяла на год место учительницы в одной из московских городских школ. Ученики любили ее преподавание. Она довольно часто водила их на экскурсии — в зоологический сад или в музей. Потом они должны были писать в классе отчет о своих впечатлениях. Некоторые такие сочинения были очень живо написаны. У Нины был уже педагогический опыт. Одну зиму еще до замужества она была учительницей в сельской школе в Чернском уезде Тульской губернии, недалеко от имения ее матери «Воронцовка».

При школе была маленькая комната, где она жила. Учила она с увлечением, но жить было неудобно. Вскоре после ее приезда стала протекать крыша. Она вызвала старосту и пожаловалась ему. Староста отнесся к делу равнодушно.

— Ишь, что выдумала! Да у кого ж не тьякёт? и у меня тьякёт, и у попа тьякёт, и у псаломщика тьякёт. У всех тьякёт.

Крышу он все-таки немного подправил.

Работа в городской школе навела Нину на мысль написать воспоминания о школе сельской. Она показала их Александру Александровичу Корнилову, который был тогда одним из членов редакции журнала «Русская мысль». Корнилову воспоминания понравились, и он передал их, со своим одобрительным отзывом, редактору журнала Петру Бернгардовичу Струве. К сожалению, рукопись затерялась в редакции, а копии у Нины не было.

На Рождество 1908 г. Михаил Алексеевич Бакунин пригласил к себе в Прямухино целую компанию своих друзей (они все были и наши друзья). Из приглашенных смогли поехать мы с Ниной, моя двоюродная сестра Соня Любоцинская, Нинина сестра Екатерина («Киса»), Фаворский, Шик, Сахновский, Овчинников, Ефимовский и курсистка княжна Анна Мамина.

Для меня, как историка, особенно интересно было побывать в Прямухине, так как это было одно из тех родовых дворянских гнезд, которые сыграли такую видную роль в истории русской интеллигенции (Прямухино — особенно в 1830—40-х годах). Мать Михаила Алексеевича, Мария Николаевна (рожденная Мордвинова) встретила нашу ораву очень приветливо. Нас с Ниной и трех девиц (Кису, Соню и Анну Мамину) поместили в верхнем этаже дома, а мужчин этажом ниже.

Все мы тогда были в расцвете молодости и сил: Целые дни проводили вне дома — катались на ледянках по крутой горе к реке Осуге, ходили по окрестностям, по снежным дорогам. Погода стояла морозная, но солнечная. По вечерам сидели дома, играли в «почту» или какие-нибудь другие салонные игры. Под Новый год гадали, лили воск. На бортик таза с водой сажали «верхом» записки с отрывками стихов, пословицами, пожеланиями. Затем пускали в воду ореховую скорлупу с зажженной свечой — чью записку она поджигала, того желание и должно было исполниться.

Общее настроение было несколько омрачено, когда Михаил Алексеевич и Соня, катаясь на ледянке, потерпели аварию — на повороте перед самой Осугой от быстроты движения их выкинуло и они свалились в сруб, который предохранял устой моста от льдин во время ледохода. У Михаила были порваны связки на щиколотке одной ноги, он ковылял на костылях. Соня ударилась правым бедром о сруб. Ее дня три носили в плетеном кресле, переноса то в столовую, то в гостиную. В 1909 г. Михаил женился на Соне.

3

Когда я был на четвертом курсе (1909—1910 гг.), мне предстояло решить, как дальше наладить жизнь и научную работу. Было две возможности. Или просить профессора по специальности об «оставлении при университете для подготовки к профессорскому званию», или начать заниматься самостоятельно, а затем, когда уже будут доказательства серьезной работы — первые научные труды, тогда и обратиться к соответствующему профессору просить его руководства при подготовке к магистерским экзаменам и писанию диссертации. Первый путь был для меня закрыт, так как я у Любавского в семинаре не работал, и у меня не было оснований просить об оставлении. Приходилось идти вторым путем.

Темой своих занятий я избрал историю Сибири. Отец, с которым я советовался по этому поводу, одобрил мой выбор. Кажется, я советовался и с М. М. Богословским. Громадный, тогда еще сравнительно мало разработанный, материал находился в московском архиве Министерства юстиции за Девичьим Полем. В этот материал я с увлечением и погрузился. Плодом моих занятий были три статьи — предварительная вводная заметка «О движении русских на восток» («Научно-исторический журнал», II, 1914), общий исторический очерк «Против солнца. Распространение русского государства к востоку» («Русская мысль», 35, 1914) и «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири 17-го века» («Журнал Министерства народного просвещения», 55, 1915). Это было уже основательное исследование.

В 1911 г. Московском ун-ту пришлось пережить большое потрясение. Министр народного просвещения Л. А. Кассо, грубо нарушив университетскую автономию, устранил от должности ректора и проректора университета. В виде протеста большое количество профессоров и преподавателей, в том числе и мой отец, ушли из университета. Многие из них нашли себе применение в только что тогда открытом городском университете имени Шанявского и других высших учебных заведениях Москвы.

Мой отец еще в 1909 г. был избран экстраординарным академиком, и Академия наук настаивала на его немедленном переезде в Петербург, обещая предоставить ему возможность создать там свою лабораторию и подобрать сотрудников. Отец медлил — ему трудно было оторваться от Московского ун-та и учеников. Теперь вопрос решился сам собой, и родители мои переехали в Петербург. В 1912 г. отец был избран ординарным академиком. В связи с этим изменилось и мое положение. Не говоря уже об уходе отца, из Московского ун-та ушли и двое из моих учителей — Д. М. Петрушевский и А. А. Кизеветтер. Любавский и Богословский остались. Любавский сохранил за собой кафедру русской истории и был назначен ректором университета. Богословский получил вторую кафедру русской истории. При создавшихся условиях для меня, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы возобновить связь с Московским ун-том, хотя мы с Ниной продолжали еще жить в Москве.

Обдумав положение, я решил обратиться к Сергею Федоровичу Платонову с просьбой разрешить мне готовиться к магистерским экзаменам и писать диссертацию под его руководством. Платонов вызвал меня к себе и, после долгого откровенного разговора, согласился. Начиная с 1912 г. я начал регулярно ездить

в Петербург для исполнения всех требований подготовки и магистерским экзаменам. Мне полагалось изучить четыре специальных вопроса — по русской истории (Платонов), по древней истории (М. И. Ростовцев); по средневековой (И. М. Гревс) и по новой (Н. И. Кареев). По русской истории требовалась также так называемая «клаузурная работа» (тема которой заранее не объявлялась). Ее надо было писать без всяких пособий в одной из подвальных комнат университета. В эту комнату клались письменные принадлежности и, в запечатанном конверте, тема. Данная мне Платоновым была «Послание Вассиана к Ивану III».

После моего прихода сторож запер комнату снаружи на ключ. Случилось так, что как раз в это утро Нева вздулась, и началось наводнение, о ходе которого давалось знать пушечными выстрелами. Я побаивался, что мне предстоит судьба княжны Таракановой, но наводнение не пошло достаточно высоко.

Для специальных вопросов надо было, по соглашению с соответствующим профессором, наметить тему, на которую написать сочинение. Это сочинение надо было потом представить профессору на одобрение, а затем выдержать коллоквиум в присутствии еще одного или двух членов факультета, каждый из которых имел право задавать вопросы. Сколько помню, по русской истории Платонов дал мне тему о Земских соборах XVII-го века; Ростовцев — о римской финансовой администрации; Гревс — об аграрном строе раннего средневековья; Кареев — о положении крестьян во Франции в XVIII-ом веке.

На последнем коллоквиуме произошел забавный инцидент. Кроме Кареева за столиком сидело еще два члена факультета — Гревс и кто-то еще (не помню уже теперь кто). И вот, когда я отвечал Карееву на один из его вопросов, его куда-то вызвали. Я остановился. Гревс, который знал меня с детства, удивительно умел передразнивать голоса и манеру людей говорить. Гнусавым голосом Кареева он наставительно сказал мне: «Ну, что же вы остановились? Продолжайте, продолжайте»... Я едва удержался от смеха и чуть не сбился. Кареев вернулся, и все кончилось благополучно.

Теперь мне предстоял выбор темы для магистерской диссертации. Сперва я думал было взять тему по истории Сибири, для чего у меня была уже довольно прочная основа. Против этого было, однако то, что главные фонды материалов находились в Москве, а я уже чувствовал себя связанным с Петербургским ун-том. Пришлось бы все время ездить в Москву наводить справки и запасаться материалами, а теперешней техники фотографической репродукции рукописей тогда еще не существовало.

Платонову, видимо, хотелось, чтобы я взял тему из близкой ему Московской эпохи. Мне, однако, захотелось через работу над диссертацией освоиться с более новым периодом русской истории — с XVIII-ым веком. Я советовался с отцом, с А. С. Лаппо-Данилевским и с моим гимназическим учителем Яковом Лазаревичем Барсковым. Для меня было счастливым обстоятельством, что я опять встретил Барскова — он был в это время одним из старших научных сотрудников Государственного архива в Петербурге. Главным научным интересом Барскова была история старообрядчества (он сам был старообрядец), но он вообще хорошо был осведомлен о хранящихся в Государственном архиве материалах и XVII и XVIII веках. В числе этих материалов он обнаружил и переписку московских масонов последней четверти XVIII века. Он издал ее в 1915 году.

Лаппо-Данилевский советовал мне написать биографию видного елизаветинского сановника и дельца графа Петра Ивановича Шувалова на фоне его правительственной и коммерческой деятельности. Это был хороший совет, но мне, не знаю почему, не захотелось основать диссертацию на биографии хотя бы и крупного государственного деятеля.

Барсков убеждал меня взять темой историю русского масонства при Екатерине II. Он сказал мне, что в Государственном архиве и в рукописном отделе Публичной библиотеки есть много ценного рукописного материала по масонству, а что в самой Публичной библиотеке я найду драгоценное собрание книг XVIII века, и русских и иноязычных, которые также будут мне необходимы для разработки темы.

Обдумав все, я решил остановиться на теме о масонстве. Я не масон и никогда масоном не был, но меня заинтересовали широкие международные связи русского масонства и возможность исследования его на фоне истории европейской умственной жизни. На эту сторону вопроса обратил мое внимание и мой отец, посоветова-

вший мне взять эту тему. Одобрил ее и Лаппо-Данилевский, который, как и Барсков, в дальнейшей моей работе оказал мне ценное содействие. Платонов предпочел бы, чтоб я взял темой биографию Шувалова, но все же согласился и на масонство. Этим он наглядно показал широту своих взглядов и свое внимательное отношение к интересам своих учеников.

Приняв решение, я энергично взялся за работу и прежде всего поставил себе целью выяснить главнейшую литературу вопроса и характер и местонахождение важнейших источников.

Осенью 1913 г. мы с Ниной переехали в Петербург. Сняли квартиру в большом благоустроенном новом доме на Большом проспекте Васильевского острова, кажется, на третьем этаже. В Петербурге мы сразу обжились и полюбили его (не разлюбив и Москву). У нас было там довольно много родственников. Родители мои жили в большой квартире, в доме, принадлежавшем Академии наук. С ними жила моя двоюродная сестра (племянница отца) Анна Сергеевна (Нюта) Короленко, хорошо игравшая на арфе. В это время она уже была тяжело больна. В Петербурге же жил мой дядя Павел Егорович Старицкий (брат моей матери), выдающийся инженер, директор Балтийского завода. Упомяну еще мою тетку, сестру моего отца, Ольгу Ивановну Алексееву.

Довольно часто бывали мы по вечерам у Родичевых. Жена Федора Измайловича Родичева, Екатерина Александровна, была родная сестра Нининой матери и двоюродная — моей матери. Федор Измайлович был бессменный депутат всех четырех Государственных Дум и один из лидеров Партии народной свободы. У них всегда толпилась масса народа, обменивались последними политическими новостями, спорили. Из двух их дочерей, старшая, Софья, была замужем за Георгием Фердинандовичем Бернацким, принадлежавшим к с.-д. партии. Про Софью поэтому шутили, что она по отцу кадетка, а по мужу эс-дечка. Младшая дочь, Александра, была правоверная кадетка. Двоюродной сестрой приходилась моей матери и Мария Сергеевна Гревс. У Гревсов мы также довольно часто бывали. Там собиралась публика другого характера, главным образом коллеги и ученики Ивана Михайловича Гревса по университету и Высшим женским курсам. Дочь Гревсов, Екатерина, страстно любила музыку. Она училась у одной из лучших преподавательниц игры на рояле (не помню ее фамилию). Катя особенно любила Баха и могла часами его играть. Мы с Ниной любили слушать ее игру.

Нина продолжала брать уроки пения, перепробовала нескольких преподавателей (Ирецкая, Морской, Алчевский). Ни один ее не удовлетворил (больше других — Алчевский). Она, однако, сделала большие успехи. Только в 1919 г. в Крыму она нашла себе идеальную преподавательницу — камерную певицу Анну Михайловну Ян-Рубан. После смерти Анны Михайловны (она скончалась в 1955 г. в Париже) Нина ярко описала ее поэтический образ и пение в своих воспоминаниях о ней (напечатаны в 1965 г. в 157-ой книге журнала «Возрождение»).

Довольно часто Нина ходила на симфонические концерты (мне почти не было времени на них бывать) и — обыкновенно с Катей Гревс — на фортепианные. Изредка оба мы бывали в опере.

Из наших московских друзей немного раньше нас переселился в Петербург Сережа Ольденбург. По окончании университета он получил хорошее место в Министерстве финансов. В 1915 г. он женился на Аде Дмитриевне Старынкевич, дочери инженера Дмитрия Сократовича Старынкевича, очень даровитого человека, но неуравновешенного и с большими странностями. Нам Ада сразу очень понравилась. Мы бывали у них (они поселились в Царском Селе), а они у нас на Большом проспекте.

Однажды они пришли к нам в марте 1916 г. — Ада уже давно была беременна, и мы побаивались, что она разродится у нас в квартире. И действительно, как только они вернулись в Царское Село у них родилась старшая их дочка Зоя.

На зиму 1913—1914 гг. приехал из Москвы Михаил Михайлович Карпович, еще не кончив формально университет. В Петербурге жила его мать с ее вторым мужем, а также ее брат, Мишин дядя, историк Александр Евгеньевич Пресняков. В эту зиму Мина написал свою кандидатскую работу об Александре I и Священном Союзе. Весной 1914 г. он выдержал государственные экзамены и окончил Московский ун-тет с дипломом первой степени. К этому времени его политические взгляды стали более умеренными. Он отошел от партии с.-р. и примкнул к Партии народной

свободы. По окончании университета Миша получил место помощника ученого секретаря Московского Исторического музея. У него оставалось довольно много досуга, и он начал готовиться к магистерским экзаменам под руководством М. М. Богословского. В 1915 г. — на второй год войны — Миша, для отбытия воинской повинности, поступил чиновником в Военное Министерство. После Февральской революции он ушел с этой службы. В апреле 1917 г. случайная встреча с Борисом Александровичем Бахметевым на Невском проспекте круто повернула ход Мишиной жизни. Бахметев тогда только что был назначен послом в Вашингтон, и ему нужен был личный секретарь, на которого он мог бы вполне положиться. Бахметев, с своего детства в Тифлисе, хорошо знал семью Карповичей — его отец был другом Мишиного отца. Миша был ошеломлен неожиданным предложением Бориса Александровича и в первую минуту заколебался. Решать надо было сразу. Миша согласился. В мае он уехал с Бахметевым в Америку.

4

Предвоенные годы и первые годы войны были периодом необыкновенного расцвета русской культуры — литературы (особенно поэзии), искусства и науки, в частности, исторической науки. Петербург тогда был на гребне этого подъема. Только уже зима 1916—17 г. наложила на всех печать тревоги и предчувствие надвигающейся катастрофы.

Я принимал участие в заседаниях нескольких ученых обществ, посвященных истории и истории литературы. На этих заседаниях читалось много интересных докладов, сопровождавшихся оживленными прениями, часто не менее интересными, чем самые доклады. На этих заседаниях я познакомился с несколькими историками литературы и литературоведами, как например, Н. К. Пиксанов, Е. А. Ляцкий, В. П. Семенников, В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский, также и с мистиком и оккультистом Н. П. Киселевым, интересовавшимся мистическими течениями в масонстве.

Весной 1914 г. я прочел пробную лекцию и получил звание приват-доцента. При Петербургском ун-те было тогда очень много приват-доцентов, но лекции и семинары только немногих из них давали студентам право зачета в прохождении университетского курса. По представлению Платонова, факультет отнес мои лекции к «зачетной» категории. Это для меня было очень важно, так как, во-первых, было больше шансов, что хоть несколько студентов запишутся на мои лекции, и во-вторых, за такие лекции полагался гонорар, хоть и скромный.

С одобрения Платонова, я объявил два курса (каждый по два часа в неделю) по истории Сибири и по истории русского масонства. На эти курсы каждый год записывалось от трех до пяти студентов. Ввиду малого их количества эти мои курсы были нечто среднее между лекциями и семинарами. На курс по истории Сибири каждый год записывались один или два сибиряка — якуты или буряты. На курс по истории масонства один год записался Андрей Грабар, будущий выдающийся исследователь византийского искусства.

Платонов пригласил меня приходить на его «среды». Не помню, бывали ли эти вечера у него раз или два в месяц. Эти собрания были чрезвычайно интересны, и я старался не пропустить их. Там бывали многие бывшие ученики Платонова, а в это время — его коллеги по университету или другим высшим учебным заведениям Петербурга — С. В. Рождественский, А. Е. Пресняков, М. А. Полиевктов, П. Г. Васенко. Отдельную группу составляли более молодые ученики Сергея Федоровича, еще не получившие магистерской степени — А. И. Андреев, С. Н. Валк, А. А. Введенский, А. И. Заозерский, П. Г. Любомиров, Б. А. Романов и В. В. Саханев. Их называли «кружок молодых историков». Они дружелюбно приняли меня в свою компанию.

Гости сначала сидели или стояли в гостиной и там беседовали. Когда почти все завсегдаги собралось, переходили в обширную столовую, где уже накрыт был стол. Стоял большой самовар, расставлены бутерброды с ветчиной, колбасой и сыром и всякие сладкие печенья. Все это гости сами передавали друг другу. За самоваром сидела супруга Сергея Федоровича Надежда Николаевна. Ей помогала их старшая дочь — Надежда Сергеевна, ученица своего отца по русской истории.

Разговаривали сосед с соседом или через стол, обмениваясь научными и житейс-

кими новостями. В таких разговорах участвовал и сам Сергей Федорович. Иногда он овладевал ходом беседы, и разговор становился общим. Под конец вечера кто-нибудь из присутствующих просил Сергея Федоровича рассказать что-либо из его воспоминаний. Довольно часто он рассказывал о своих поездках по старым городам и монастырям в поисках древних рукописей. Рассказывал он необыкновенно ярко и увлекательно.

Иного характера были вечерние приемы (кажется, по понедельникам) у акад. Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. Тула приходило обыкновенно всего по несколько человек. Разговор носил характер чисто научных бесед. Александр Сергеевич обыкновенно беседовал с каждым гостем отдельно по очереди — другие в это время были предоставлены самим себе. Потом бывал и общий разговор. Под конец вечера горничная приносила чай с сухарями. Супруга Александра Сергеевича, кажется, никогда не появлялась, но мы с Ниной видали ее у Гревсов. У Лаппо-Данилевского были широкие связи с иностранными учеными. Он довольно часто ездил за границу. В 1913 г. он участвовал в Международном историческом конгрессе в Лондоне и прочел там доклад о развитии идеи государства в России от Смутного времени до реформ XVIII века. В Европе его считали как бы представителем русской исторической науки. Когда, благодаря этому, кто-либо из иностранных историков приезжал для занятий в Петербург, он прежде всего обращался к Александру Сергеевичу, и тот налаживал для него знакомства с русскими коллегами и заведующими нужными ему архивами или библиотеками. Таким образом и я познакомился на вечерах у Александра Сергеевича с иностранными историками, в том числе с двумя американцами — Франком Гольдером (занимавшимся историей Сибири) и Р. Г. Лордом (занимавшимся польской историей). С Гольдером я подружился (он хорошо говорил по-русски). Он довольно часто приходил к нам с Ниной обедать.

У Лаппо-Данилевского была необыкновенная широта охвата всего течения русской истории. Его первая большая научная работа была о скифских древностях. Затем он занялся Московским периодом. Его магистерская диссертация была по финансовой истории Московского государства XVII века. Потом он перешел к XVIII веку и написал несколько ценных монографий по экономической истории, истории крестьянства и истории кодификации в России. Большое значение Лаппо-Данилевский придавал методологическим вопросам. Его книга «Методология истории» вышла в двух томах в 1910—1913 годах. Он работал также по сфрагистике и археографии (дипломатике частных актов). Я говорю здесь обо всем этом, чтобы показать, как много знаний, навыков и идей могли приобрести — и приобретали — от общения с Александром Сергеевичем не только начинающие историки как я, но и вполне сложившиеся ученые.

Я старался не пропускать ни одного из вечеров у Лаппо-Данилевского, но не всегда это удавалось. Разумеется, я с ним беседовал главным образом о ходе моей работы над диссертацией и советовался по некоторым вопросам, которые мне самому еще не были ясны. Постоянным посетителем бесед у Лаппо-Данилевского был и С. Н. Валк, с которым я познакомился на «средах» Платонова. Валк учился археографии у Лаппо-Данилевского — прошел через его семинар — и совещался с ним относительно своей дальнейшей работы в этой области. Часто приходил и историк русского права Михаил Александрович Дьяконов. Остальных обычных посетителей этих вечеров сейчас не помню.

Из других, живших тогда в Петербурге русских историков (не бывавших ни у Платонова, ни у Лаппо-Данилевского), я ближе всего познакомился с Михаилом Дмитриевичем Приселковым, занимавшимся историей русского летописания и русской церкви Киевского периода. Приселков был талантливый историк с большим чутьем к подноготной исторических источников, но иногда слишком смелый в своих гипотезах. Его магистерская диссертация «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» вышла в свет в 1913 году. Защищал он ее уже в 1914 году. Я присутствовал на диспуте в публике. Диспут был очень интересен и прошел довольно бурно. Главным оппонентом Приселкова был один из его учителей А. А. Шахматов, автор «Разысканий о составе древнейших летописных сводов», основоположного труда для нового подхода к исследованию русского летописания. В этой книге Шахматов дал свою реконструкцию многих летописных текстов.

На диспуте Шахматов, признавая в общем ценность книги Приселкова, довольно резко возражал против некоторых его толкований и выводов.

— Помилуйте, Алексей Александрович,— возопил Приселков,— да это же я из вашей реконструкции летописных текстов взял.

В публике раздался смех.

— А вот этого вы и не должны были делать,— убежденно ответил Шахматов.— Вы должны были исходить из текста как он сохранился в рукописях. А затем уже критически рассмотреть мои выводы и или подкрепить их вашими собственными соображениями и тогда принять, или же отвергнуть.

После официальных оппонентов говорило несколько человек из публики. Один из них, византинист Безобразов, резко осудил книгу Приселкова и назвал его методы «гибельными для науки». Факультет большинством голосов присудил Приселкову степень магистра русской истории.

Из других русских историков я много общался с Александром Александровичем Корниловым, другом моих родителей, а когда я подрос, ставшим и моим другом. О моей работе по масонству я с ним мало разговаривал, а беседовал обыкновенно о его собственных трудах и о ходе новейшего периода русской истории, приведшего к современному положению. Корнилов был в это время секретарем Центрального комитета Партии народной свободы, но продолжал заниматься и русской историей... Жил он в Ковенском переулке (Литейной части) с женой (сибирячкой) Екатериной Антиповной. Она была скромная и тихая женщина, беззаветно преданная мужу. У них была прелестная маленькая дочка Талочка (Наталья). Я часто у них бывал по вечерам. Сначала мы сидели с Александром Александровичем в его кабинете, обрамленном полками с книгами и папками с рукописями. Беседы с ним всегда бывали для меня интересны и поучительны. Екатерина Антиповна в это время готовила ужин и потом, уложив Талочку спать, ужинала с нами.

Перехожу теперь к писанию моей диссертации. Кроме моего отца и Лаппо-Данилевского я советовался о плане моей работы и об источниках для нее с Яковом Лазаревичем Барсковым. Я изучил большое количество материалов по истории масонства в Публичной библиотеке; в Государственном архиве; в библиотеке, рукописном ее отделе и архиве Конференции Академии наук и в Морском архиве в Петербурге; в Историческом музее и Румянцевской библиотеке в Москве и в Тверской Ученой архивной комиссии. Кажется, в начале 1915 г. Вера Александровна Пыпина-Ляцкая предложила мне издать в виде книги с моими примечаниями и дополнениями статьи ее покойного отца академика А. Н. Пыпина по истории русского масонства XVIII и первой четверти XIX века. Я охотно согласился, так как эта работа могла быть (и оказалась) очень полезна для подготовки моей диссертации.

В 1870 г. Пыпин сам стал готовить издание своих статей (переработав их), но за множеством своих занятий так и не собрался это сделать (он умер в 1904 г.). Я снабдил книгу обширными примечаниями, основанными на новейших трудах о масонстве. Составленный Пыпиным список масонских лож мне пришлось переработать. Некоторые сведения оказались неверными, и их я выбросил. Список я значительно дополнил. Все это потребовало много усилия. Книга вышла в 1916 г. под заглавием: «Русское масонство. 18-ый и первая четверть 19-го века». Пиксанов написал на нее очень одобрительную рецензию, подчеркнув ценность моей редакторской работы.

В своей диссертации, которую я озаглавил «Русское масонство в царствование Екатерины II», я поставил себе задачей изучить масонство как явление духовной культуры русского общества той эпохи, определить главные нити этого движения и выяснить соотношение элементов рационализма и мистицизма в развитии русского масонства. В общем, рационалистические настроения преобладали в первую половину царствования Екатерины, а мистические — в 1770—1780-ых годах. Во введении к моей книге я дал обзор источников и литературы предмета, в 1-ой главе обрисовал организацию русского масонства, во 2-ой — идеологию масонства, в 3-ей главе я охарактеризовал их социально-политические взгляды, а в последней (4-ой) — их роль в общественной жизни (масонская филантропия и масонская политика). Параллельно с писанием диссертации я составил, с помощью Нины, карточный каталог имен всех мне известных русских масонов XVIII-го и первой четверти XIX века. Издать этот каталог я уже не успел и оставил картотеку в рукописном отделении библиотеки Академии наук.

В 1916 г. редактор готовящегося к изданию очередного тома «Русского биографического словаря» предложил мне написать биографию Н. И. Новикова.

Деятельность Новикова была тесно связана с масонством, я хорошо изучил ее во время писания диссертации, и мне было интересно обрисовать полнее его личность и жизненный путь. Я согласился. Закончил я эту статью и сдал в редакцию «Русского биографического словаря» в 1917 г., незадолго до большевицкого переворота. После октябрьского переворота издание словаря было прекращено, но некоторые имевшиеся уже в портфеле редакции статьи, в том числе и моя, были изданы отдельными книжками (моя в 1918 г.).

В первый день февральской революции умерла моя двоюродная сестра Нюта Короленко. Родители мои предложили нам с Ниной переехать к ним в ее комнату, что мы и сделали.

Закончив писание диссертации, я заявил об этом Платонову, показав ему рукопись моего труда. По его представлению, факультет принял мою будущую книгу в серию своих «Записок». Декан Федор Александрович Браун определил номер тома, в котором моя диссертация должна была появиться. Ляцкий указал мне хорошую и сравнительно дешевую типографию, и я напечатал книгу на свой счет. Книга вышла в свет в мае 1917 года. Оказалось, что я сделал большой промах, который чуть не испортил мои отношения с Платоновым. Я не понял, что перед сдачей моей диссертации в печать я должен был получить на это окончательное формальное разрешение и Платонова и декана. Когда я принес экземпляр книги Платонову, он страшно взволновался: «Что вы наделали, как я об этом доложу декану?» Но Федор Александрович Браун отнесся к происшедшему с философским благодушием и успокоил Платонова.

Кроме Платонова, факультет назначил моими официальными оппонентами С. В. Рождественского и И. А. Шляпкина. Защита диссертации назначена была на 22 октября. Платонов заботился и о дальнейшем моем устройстве. Кажется в июле он сообщил мне, что в Омском Политехническом институте учреждена кафедра русской истории, и объявлен на нее конкурс. Я послал туда полагающееся заявление и довольно скоро получил ответ, что я избран на кафедру. Приехать туда надо было к середине сентября. Я оговорил, что на вторую половину октября мне необходимо будет съездить в Петербург для защиты диссертации.

В начале сентября мы с Ниной выехали в Омск, но доехали только до Перми, где нас задержала железнодорожная забастовка, конца которой не предвиделось. Мы остановились в гостинице. Я познакомился с профессорами Пермского университета, которые отнеслись ко мне с большим дружелюбием. Им как раз оказался нужен профессор новой русской истории (древнюю читал Б. Д. Греков), и они предложили мне эту должность. Я, конечно, с радостью согласился, опять-таки оговорив, что на конец октября должен буду съездить в Петербург. Мы легко нашли себе небольшую квартиру и поселились в Перми. В Омск я телеграфировал о случившемся.

В Петербург я поехал один, оставив Нину в Перми налаживать жизнь там. Я приехал дня за два до защиты диссертации. Петербург произвел на меня мрачное впечатление. Все жили в предчувствии надвигающейся катастрофы. Люди боялись ходить по улицам, особенно по вечерам, когда орудовали всякого рода бандиты. Продукты быстро исчезали. Временное правительство было уже совершенно бессильно.

Я остановился, конечно, у родителей. Большая радость была повидать их. Обдумывая, что мне нужно приготовить, чтоб явиться на защиту диссертации, я сразу натолкнулся на затруднение. По русской университетской традиции, защищающий диссертацию должен был быть во фраке. У меня же был только сюртук. Ничего не оставалось, как нарушить традицию. Впрочем, тогда было уже такое время, что о традициях стали забывать. Я боялся, что из-за начавшейся разрухи мало кто сможет прийти на диспут. Дни были уже короткие, в Петербурге уже очень рано темнело, и выходить на улицу было рискованно. Не решился прийти Барсков. Все же пришло довольно много народа.

Платонов в своих замечаниях указал мне на несколько мелких ошибок и неточностей в моей книге и задал мне несколько вопросов, на которые я смог ответить. В общем, он признал ценность моего труда. Замечания Шляпкина были в сущности библиографическими дополнениями к использованным мной источникам. Тон его был очень благожелательный. Рождественский говорил кратко, сделал несколько мелких замечаний, а в общем одобрил мой труд. Из публики несколько интересных

соображений о мистических течениях в русском масонстве высказал Н. П. Киселев. Сказали несколько слов и еще два-три человека. Факультет единогласно присудил мне степень магистра.

После диспута я пригласил к себе в квартиру родителей моих оппонентов и нескольких друзей. Шляпкин просил его извинить и поехал к себе домой. Кроме Платонова и Рождественского пришли Приселков, Пресняков, кажется, почти в полном составе «кружок молодых историков» и еще несколько человек. К нашему приходу мать моя приготовила угощение — чай, бутерброды, сладости, вино. Было даже шампанское. И отец и мать принимали участие в оживленной беседе. Атмосфера была дружеская и теплая. Но под этим невольно чувствовалось, что все мы — и вся Россия — на самом краю бездны.

Я пробыл в Петербурге еще два дня и 25 октября утром пустился в обратный путь. Меня провожали до вокзала моя мать и ее брат, инженер Павел Старицкий — в его распоряжении был автомобиль с шофером от Балтийского завода. Доехали до вокзала благополучно. На улицах попадались кучки красногвардейцев, но это было и в предыдущие дни. Вокзал был набит солдатами-дезертирами с фронта и гражданской публикой. Поезд не был подан к платформе. Носильщик взялся провести меня к запасным путям. Я простился с матерью и дядей. (Позже я узнал, что, когда они ехали назад, красногвардейцы реквизируют их автомобиль, и они еле добрались домой).

Носильщик с трудом впихнул меня в вагон III-го класса, набитый уже солдатами. Поезд долго еще стоял, наконец, тронулся. Я залез на верхнюю полку и почти всю дорогу на ней пролежал. Доехал до Перми совершенно измученный. Нина встретила меня уже как чудесно спасенного — я только от нее узнал о перевооте 25 октября.

Платонова мне больше не суждено было видеть. В 1927 г. я послал ему в Ленинград из Нью-Хэвена недавно тогда вышедшую мою книгу «Начертание русской истории» — в ответ я получил от него открытку, в которой он благодарил меня за книгу и написал, что с интересом спешит за новыми течениями в исторической науке. В 1932 г. советское правительство исключило Платонова из числа членов Академии наук. Сергей Федорович был арестован и после допроса сослан в Самару. Жить ему там пришлось в чрезвычайно тяжелых условиях, без книг и без возможности заниматься наукой. Здоровье его было уже надорвано. Он умер 10 января 1933 года.

Пермь — Москва — Киев

Как было уже сказано, с октября 1917 года мы с Ниной обосновались в Перми — я был избран исполняющим должность профессора русской истории Пермского университета. В Перми нам с самого начала очень понравилось. В университете шла серьезная преподавательская и научная работа и с большинством профессоров и их семей мы сдружились.

Многие профессора были петербуржцы. Ректором был астроном Покровский. Из других петербуржцев был профессор средневековья Николай Петрович Отакар (ученик Гревса) и профессор древней истории литовец Вольдемарас (ученик Ростовцева; впоследствии, когда образовалась самостоятельная Литовская республика, он стал ее первым президентом). Я читал курс новой русской истории (XVIII—XIX вв.). Древнюю русскую историю читал москвич Б. Д. Греков. Древнюю русскую литературу читал бывший профессор Варшавского университета Арсений Петрович Кадлубовский, глубокий историк русских святых, сам искренно верующий православный. Ближайшими нашими с Ниной друзьями сделались профессор истории церкви Александр Петрович Дьяконов (кажется перед тем профессор Петербургской Духовной академии) и его жена Вера Ивановна. Дьяконов был выдающийся историк древней церкви, знаток сирийского языка, верующий православный, но противник чрезмерной власти архиереев в церковной жизни, считающий, что белое духовенство (священники) составляют основу церкви. У Веры Ивановны был хороший голос, они часто с Ниной пели дуэты у них дома (в наших маленьких комнатках нельзя было устраивать сборища) или на музыкальных профессорских вечерах в университете. Нина там и соло с успехом пела. В Перми тогда жила и сестра Веры Ивановны —

Мария Ивановна Арнольд, необыкновенно талантливая сказительница всяких житейских, былинных и тайственных историй, например, как узнать ведьму (если женщина пройдет по комнате и пол не скрипнет — значит ведьма). Часто у нас бывал минералог Владимир Владимирович Ламанский, любитель-филолог, яростный защитник старого русского правописания, талантливый человек. Бывали специалисты филологи Буга и Бугаевский. Очень мы подружились с молодыми братом и сестрой Порецкими — Вадимом (кажется он был приват-доцентом или ассистентом по какой-то отрасли естествознания — не ботаники ли?) и Наташей (художественной натурой, любившей поэзию и искусство).

В Перми — на пороге Сибири — возобновился мой интерес к Сибири, хотя я научно ею не успевал заниматься. Но я начал заниматься татарским языком у местного муллы.

Пермь — преддверье Сибири и в смысле природы. В Сибирь нам с Ниной не удалось попасть, там по всем рассказам и описаниям природа еще величественнее, но и в Перми мы полюбили могучую северную русскую природу. Полноводная красавица Кама, девственные хвойные темные леса, на полях весной и летом яркие цветы, земляника, в лесах малина, черника, морошка, брусника, грибы — все в изобилии.

При университете образовалось «Общество исторических, философских и социальных знаний», в котором принимали участие, кроме профессоров и городская интеллигенция (учителя гимназий, судебные деятели, члены Пермской ученой архивной комиссии и др.). Общество устраивало заседания, на которых читались доклады. Некоторые из них были напечатаны в «Сборнике» Общества (при мне вышел первый такой сборник, в котором помещены были две мои статьи). Многие из профессоров были любители музыки и сами хорошие музыканты. Создали музыкальный кружок, устраивались вечера камерной музыки и пения (Нина иногда выступила и там). Местное пермское общество поразило нас своей культурностью, включая и музыкальной. Был превосходный городской симфонический оркестр. Программы были серьезные и интересные.

Мы с Ниной поселились в трех небольших, но уютных (и теплых зимой) комнатах, которые мы сняли в квартире Николая Александровича Вечтомова, служившего в Пермском отделении Волжско-Камского банка. Во дворе дома (как во многих домах в Перми) была баня, которой мы с удовольствием пользовались. Жена Вечтомова, сколько помню ее звали Мария Васильевна, — была учительницей в городской школе. У них же мы и столковались. В Перми еще было изобилие продуктов и все было сравнительно дешево. Николай Александрович держал в строгости и свою жену и свою собаку Неро — датского дога. Он иногда интересно рассказывал о прошлом. Отбывал он воинскую повинность во время убийства Александра II и был в составе караула, окружавшего место казни убийц Александра II. «Мы каждую минуту ждали, что нагрянут революционеры с бомбами, чтобы освободить преступников. Мы их и боялись и ненавидели. Если бы они сделали попытку напасть на нас, мы бы их всех сразу перебили».

В политическом отношении до середины зимы Пермь (и Пермская область) управлялась местным Советом рабочих и солдатских депутатов и была автономна. Некоторые из декретов советского правительства принимались, другие отвергались. Большевики были в меньшинстве в Пермском совете, большинство были эсэры и меньшевики. Так продолжалось до января 1918 года.

12 ноября состоялись выборы в Учредительное собрание. В Перми они прошли в полном порядке. Мы с Ниной конечно тоже голосовали (вообще же говоря я в Перми политической деятельностью не занимался) — голосовали за кандидатов Партии народной свободы. От Пермской области было выбрано несколько депутатов к-д. Большинство получили эсэры. Большевики получили гораздо меньше голосов, чем эсэры, но, если не ошибаюсь, не меньше чем меньшевики. Такие же результаты дали выборы по всей России. Когда Учредительное собрание собралось, большевики его, как известно, разогнали.

Это был переломный момент, приведший к гражданской войне. Большевики тогда захватили власть и в Перми. Жизнь сразу резко переменилась. Продукты начали исчезать с рынка. Чека начала развивать свою деятельность.

В конце февраля был опубликован декрет о создании Красной Армии, первоначально из хорошо оплачиваемых добровольцев, обученных офицерами старой

армии. Когда первый отряд дисциплинированной новой армии появился на улицах Перми, контраст с распущенной солдатней, выбиравшей до этого депутатов в Пермский совет, был разительный. Николай Александрович Вечтомов сразу проникся уважением к новой власти. «Ну, эти видно всё подтянут».

Я уже упоминал о моих коллегах — профессорах Пермского университета. Теперь о студентах. Поразительна была тяга молодежи к образованию, проявившаяся в России в это смутное время. Это я наблюдал и позже в Симферополе. Большинство студентов занималось с энтузиазмом. Я плохой лектор, но меня слушали очень внимательно. Семинар я вел лучше. Многие студенты оставались еще после лекции или семинара и задавали вопросы, беседовали.

Нина получила место библиотекаря в гимназии. Тогда в одном здании учились и мальчики и девочки. Многие, когда брали книги, любили разговаривать с Ниной, у нее установились дружеские отношения с детьми.

При библиотеке открылся литературно-музыкальный кружок, устраивались вечера в память композиторов и писателей. Очень дружно и весело работали. К суровой пермской зиме мы не сразу приспособились. Старожилы нас предупреждали, что когда мороз с ветром, чтобы мы тепло одевались и мазали лицо, щеки и уши гусиным жиром. Когда бывал мороз градусов 25 по Реомюру, мы говорили — да это и в Москве. „Не говорите,— отвечали нам,— это в городе, а на Каме с ветром наверно уж 40°”. Пошли на набережную, вдруг вижу у Нины уши совсем побелели от мороза. Стал ей растирать уши варежками, но они у нее довольно долго еще пухли и болели. С тех пор в сильные морозы намазывали лицо гусиным жиром.

В Перми я, можно сказать, вернулся к церкви. Во время моего студенчества в Москве и позже до 1917 года я как-то отошел от религии и церкви, хотя и не сделался атеистом и почти всегда ходил на 12 Евангелий и на Пасхальную заутреню. Нина же выросла в среде религиозных и церковных семей и от церкви не уходила, ходила на многие службы, особенно на страстной неделе и на Пасху. Но и ее религиозное чувство стало к 1917 году менее горячо.

Вероятно большевистский переворот обратил меня к церкви и оживил Нино религиозное чувство. Из наших московских друзей так было и с Наташей и Аней Шаховскими. У Миши еще до революции началось тяготение от еврейства к православию, но он не хотел креститься, пока еврейство было бесправно. Только после того как Временное правительство дало равноправие евреям, Миша счел для себя морально возможным креститься (позже он женился на Наташе Шаховской и стал священником). Мишины письма к нам в Пермь поддерживали и нас в возвращении к церкви.

Пермь была религиозным городом. Архиепископ Андроник (грузин) был верующим человеком и хорошо совершал церковные службы. Хорошо служили и в других церквях. Наш домохозяин Вечтомов был любителем и знатоком церковных служб и мы с ним часто ходили в церковь. Кажется в первый раз в жизни я был на страстной неделе на утрени Великой субботы, которая в Перми совершалась в два часа ночи. На Богоявление (6 января) совершался большой крестный ход из Перми в рабочее предместье — Егошиху, где на ручье устраивалось водосвятие; при нас, несмотря на большевистский режим, был многолюдный и торжественный крестный ход на Егошиху, мы тоже ходили. Большевики не вмешивались.

Не помню точно, когда это было — кажется еще в декабре 1917 года (а может быть уже в январе 1918 года) в Перми некоторое время в Королёвских номерах жил инкогнито великий князь Михаил Александрович. Раз мы с Ниной пришли на всенощную в одну из пермских церквей и заметили (не сразу), что в стороне от других стоит Михаил Александрович и, очевидно, его адъютант (оба в штатском). В церкви было необычно много так называемых салопниц (богомольных купчих или богатых мещанок в салопах). Служба еще не кончилась, как несколько их подошли ко мне (не знаю почему они именно ко мне обратились) и сказали: «Видишь сколько нас здесь. Мы великого князя не выдадим. Веди нас на помощь ему». Я ответил: «Да что же мы можем сделать? Ему легче уехать и скрыться одному». Вскоре великий князь уехал в сопровождении офицера, который (как рассказывали потом) взялся его вывезти через Сибирь на Дальний Восток, но вместо того предал его и большевики его расстреляли.

Вероятно, вскоре по издании декрета об отделении церкви и государства

и в связи с этим о конфискации церковного имущества и сдаче в наем церковью обществам верующих (прихожанам) архиепископ Андроник произнес в соборе резкую проповедь против советского правительства. О его намерении заранее сделалось известным. Верующие собрались на службу в большем чем обычно количестве, чтобы предотвратить предполагавшийся арест владыки. Мы с Ниной были в церкви. Большевики не решились арестовать Андроника при выходе его из церкви, но арестовали по возвращении его в архиерейский дом. Владыка Андроник наложил интердикт на все церковные службы и требы в его епархии. Это распоряжение оказалось неосуществимым. Верующие не могли оставаться без церкви и обратились к викарному епископу. Тот своей властью отменил интердикт. Большевики посадили Андроника в тюрьму, а позже убили (убили, вероятно, уже после нашего отъезда из Перми, так как там мы об этом не слышали).

Кажется в мае 1918 года друзья меня предупредили, что ЧЕКА собирается меня арестовать. Большевистский административный аппарат еще не был как следует налажен — все делалось, так сказать, кустарным способом. Пермским интеллигентам удалось устроить своего человека под видом служащего ЧЕКА. Ему и удалось многих предупредить. Мы с Ниной решили на лето поехать в какую-нибудь глухую деревню в пермском уезде, чтобы там укрыться на некоторое время. По чьему-то совету выбрали для этого деревушку Быковку, затерянную в лесах, но с небольшим пространством распаханной земле около деревушки. Там был посеян овес. В лесах росли в изобилии грибы и ягоды всякого рода. Протекала речка с ледяной водой. Только Вадим и Наташа Порецкие знали о том где мы находились. Они помогли нам переехать. Взяли мы минимум вещей. Надо было ехать минут сорок по железной дороге, а потом идти пешком несколько верст.

Мы сняли на лето за гроши в стороне от деревни просторную избу какого-то древнего старика-вдовца. Он был три раза женат, пережил всех трех жен. «Я трех старух издержал», объяснил он нам. Старик согласился переехать на лето в деревню к одной из своих внучек. Деревня действительно была глухая. Мы сначала не привезли тарелок — спросили одну девушку в деревне, не может ли она одолжить две тарелки. Она ответила: «Я не знаю каки таки живут талерки». Изба оказалась полна клопов. Мы на всякий случай привезли серы и решили прокурить избу прежде чем в ней поселиться. Старик пришел смотреть, с ним несколько баб и детей. Все неодобрительно качали головами: «Ишь что выдумали». Вдруг из избы послышалось чье-то чиханье. Все заахали. Одна баба закричала: «Да это кошка его (забыл имя старика) там осталась. Пропадет сердешная». Вдруг через некоторое время из какой-то дырки под полом избы вылезает красивая кошка (трехцветная — в Перми называют их «богатки»). Отчихалась и стала ко всем ластиться. Эта кошка сделалась нашим другом на все лето.

Наташа Порецкая довольно часто приезжала нас проведать и ночевала у нас. Наслаждалась природой. Один раз Нина рискнула поехать в город привезти еще кое-каких вещей. Обрато Вадим ее провожал. Эта поездка чуть не кончилась трагично. В это время требовалось разрешение на поездку по железной дороге даже на маленькие расстояния. Но как раз в это утро в местной пермской большевистской газете появилось сообщение, что на близкие расстояния разрешения не нужны. Нина уже взяла разрешение, а Вадим, прочтя газету, не взял. Нина рассказала об этом в своих воспоминаниях (рукопись).

«Влезли мы с вещами в невероятной давке в вагон. Оба стояли на площадке, вещи пропихали внутрь вагона. Вдруг большевистский страж, мальчишка лет шестнадцати, спрашивает разрешение». Нина, не желая подвести Вадима, решила не показывать своего разрешения и стала спорить с мальчишкой, что разрешения отменены, что это она читала сегодня в газетах — как же он не знает своих законов. Он поспорил немного и сказал: «Выходите». — «Не выйдете?» И тогда я увидела в его руке револьвер, который направил на меня. Вадим загородил меня. Мальчишка не выстрелил. Я испугалась за Вадима и поскорей достала свое разрешение. Пришлось бедному Вадиму остаться, а мне мучиться одной с вещами. В Быковке было скудно с продовольствием. Главной пищей нашей были грибы и ягоды. В деревне было всего вдоволь, но нам даже яйца и молоко бабы не соглашались продавать за бумажные деньги, а вещей в обмен у нас почти не было. Когда подошло время жать овес, бабы мне сказали — «Вот, помоги жать, дадим и яиц и молока». Я довольно хорошо косил в молодости, но жать не умел. Пришлось

попробовать. Мне дали в руки серп, показали какие движения надо делать (левой рукой захватывать колосья в охапку, правой жать). Старуха — знаменитая жнея — меня поставила самым последним в ряду. Я старался главное не отстать от баб и в азарте очень скоро срезал кусок кожи с мясом с мизинца левой руки. Брызнула кровь, я бросил серп, побежал к речке и долго держал руку в ледяной воде. Когда вынул, кровь унялась, можно было перевязать палец. Шрам оставался на левом мизинце много лет и лишь постепенно затянулся. Так мы и остались без молока и яиц.

В конце июля сменился начальник пермской ЧЕКА и благожелатели сообщили мне, что я могу без риска вернуться на несколько дней в Пермь, а затем на остаток лета уехать куда-либо подальше, например, в Москву, а потом уже вернуться в Пермь к началу занятий в университете. В Перми, помнится в самом начале августа, мы быстро подготовились к поездке в Москву. Заплатили Вечтомову за комнаты до 1 октября. Вещи оставили в наших комнатах, кроме самого необходимого. Так оставили в Перми письма Бородина и других композиторов «Могучей кучки» к Нининому отцу, также Нинины альбомы с фотографиями институток ее класса (училище св. Елены в Петербурге). Ректор университета Покровский выдал мне свидетельство, что я командируюсь на шесть недель в Москву для научных занятий и еду с женой. Забыл раньше сказать, что когда мы приехали в Пермь. Покровский выдал нам новые паспорта взамен «царских». Паспорта эти мы конечно тоже взяли с собой. Благожелатели нам объяснили, что на вокзале агенты ЧЕКА проверяют отпускные свидетельства и паспорта. Нас предупредили, чтобы мы к нему не подходили, а предъявили бы свидетельство ректора университета коменданту станции (тоже большевику, но не ревностному). Так мы и сделали и благополучно сели в поезд.

Москва

Поезд от Перми в Москву прошел без всяких приключений. Ехало не очень много пассажиров. В нашем вагоне сидело несколько матросов красного флота, довольно благодушных; на больших станциях я доставал кипяток для чаю, но насчет сахара было скудно. По приезде в Москву Нина поселилась на станции Московско-Ярославской железной дороги — Хотьково (по дороге к Сергиеву Посаду), где жила ее мать и сестра Киса. Я кажется там провел только одну ночь (помещение было тесное), а сам поселился в Москве, где — не помню (вероятно, у Любошинских). Нина часто приезжала. Разыскали некоторых старых друзей, в том числе Наташу и Аню Шаховских и Мишу Шика. Володя Фаворский пригласил нас к себе обедать. Хотя в Москве в это время было трудно доставать продукты, Володя накормил нас сытным обедом (вероятно, потом сам день или два ничего не ел).

Родители мои в это время были в Киеве. Украина была под немецкой оккупацией, но существовало и украинское правительство с гетманом Скоропадским во главе. Друг моего отца проф. Н. П. Василенко вызвал отца из Полтавы в Киев для организации Украинской Академии наук. Отец был избран ее первым президентом (см. его воспоминания, английский перевод которых напечатан в XI книжке «Annals» Вольной Украинской Академии в Нью-Йорке в 1968 г.). И вот, когда я пробыл уже некоторое время в Москве, я получил известие от матери, что отец серьезно болен. Я решил съездить его навестить. Граница между Советской Россией и Украиной была официально закрыта, но известно было, что люди на свой риск ездят из Москвы в Киев и переходят границу без всяких разрешений. Нужно было только найти предлог, чтобы выехать из Москвы в смежную с Украиной область. Один из моих знакомых Н. С. Родионов, заведовавший в это время каким-то кооперативным институтом или союзом кооперативов, выдал мне свидетельство, что я командируюсь в смежную с Украиной область для выяснения возможности закупок продуктов для московских кооперативов, или что-то в этом роде. По этому свидетельству мне на вокзале в кассе продали билет до ближайшей к Украине станции. Все получившие билеты писали химическим карандашом порядковый номер на правой руке. Без этого не пускали на поезд. Нина провожала меня, но на перрон ее не пустили. Поезд состоял из товарных вагонов, битком набитых людьми — мужчинами, женщинами и детьми. Все сидели или лежали прямо на полу. По утрам (иногда и в другое время)

поезд останавливался, все выскакивали из вагона, отбегали несколько шагов и тут же испражнялись, мужчины и женщины попеременно, не обращая друг на друга никакого внимания.

Когда мы наконец (дня через два) приехали на предпоследнюю станцию, все, кто хотел перебраться на Украину, вылезли из вагонов и стали осведомляться у местных людей как направляться дальше. У кого было много вещей — нанимали телегу. У меня с собой был всего один небольшой мешок и я пошел пешком. Длинный хвост идущих и едущих растянулся по дороге. Последнюю станцию (где была большевистская заграда) обошли кружной тропой. Наконец дошли до украинской границы. Там стояло несколько немецких солдат. Им почти все совали бумажные деньги (большой частью советские — не понимаю, зачем они им могли быть нужны). Я тоже дал советские бумажные деньги (говорили, что немцы охотно брали царские деньги, дореволюционные, но у меня их не было). Иногда немец не хотел пропускать, украинский пограничник переводил разговор. Так как я заговорил по-немецки, меня без разговоров пропустили. Перейдя границу я пошел на ближайшую железнодорожную станцию (не помню какую, но помню, что там был буфет). Резкий переход в прошлое благополучие — чистота, порядок, в буфете изобилие вкусной еды, на которую я набросился. Сквозь все это — унижительное чувство, что находишься под немецкой оккупацией. Как тогда говорили, «шкура радуется, а дух скорбит». Здесь уже, конечно, не принимали советские деньги. Очевидно у меня были немецкие марки или украинские карбованцы, купленные в Москве на черном рынке. Из этих денег я заплатил и за железнодорожный билет. В поезде тоже чистота и порядок. Через несколько часов я приехал в Киев.

Киев

Добравшись до Киева, я, конечно, отправился прямо к родителям. Они снимали три комнаты у профессора гигиены Добровольского на Тарасовской улице дом 7 (уточняя это по воспоминаниям моей сестры). Ярко помню радостное чувство свидания с родителями и сестрой. Отец мой к этому времени уже поправился и почти выздоровел. Не могли наговориться, я рассказывал о нашей жизни в Перми, а они о своей жизни в Полтаве и потом в Киеве.

В Киев приехало много видных общественных деятелей из Петрограда и Москвы. Добрались они разными путями. Некоторых, как Милюкова, я знал раньше. Приехали и Родичевы — Федор Измайлович и Екатерина Александровна (сестра Нининой матери). Я в политике тогда уже никакого участия не принимал. Я познакомился с некоторыми профессорами Киевского университета, главным образом историками — Довнар-Запольским (русская история), Кулаковским (византистом), не помню еще с кем. В это время шла речь об открытии Екатеринославского университета. В Симферополе предполагалось открыть филиал Киевского университета. Нужны были кандидаты в профессора. Мне предложили выставить мою кандидатуру. В России уже начиналась гражданская война, подымалось против большевиков донское казачество, образовалась Добровольческая армия во главе с Деникиным. При таких условиях нельзя было думать о возвращении в Пермь и я решил вызвать Нину в Киев и остаться на юге. Отец одобрил мое решение. Я предпочел Симферополь Екатеринославу. Историко-филологический факультет Киевского университета избрал меня профессором Симферопольского филиала. Затем этот филиал превратился в самостоятельный университет, названный Таврическим.

Я написал Нине письмо (послал с верной okazji в Москву), сообщил о моем плане и просил ее приехать в Киев как можно скорее (раньше, по моему приезду в Киев, я подробно написал Нине, как я перебрался через границу, так что она знала, как это делается). И вот дней через десять Нина появилась — съела шесть котлет, повалилась на кровать и сразу же заснула. Потом рассказала о своем путешествии. Доехала благополучно до предпоследней станции, вылезла и страшно боялась, что делать дальше и куда идти. Но скоро успокоилась, какая-то милая женщина, тоже перебиравшаяся на Украину, сказала ей: «Да чего ты боишься? Видишь народ идет — вот и пойдем за ними». Нина перешла границу без затруднений, но когда подошла к поезду, не успела до его отхода сесть в пассажирский вагон и влезла на

площадку вагона, в котором ехали немецкие солдаты — а оттуда перехода в пассажирские вагоны уже не было. Нина осталась на площадке. Один из солдат — добродетельный и благожелательный немец вышел к ней на площадку и оставался все время переезда до Киева, охраняя ее от других солдат.

После Нининого приезда мы с ней сразу начали собираться к отъезду в Крым (который, как и Киев, был под немецкой оккупацией, но местное «правительство» — бессильное — было татарско-турецкое). Выехали мы кажется в середине сентября. Немецкие власти в Киеве еще держались, но ходили слухи о том, что они шатаются и что в немецкой армии началась деморализация. Внешне, однако, все было еще в порядке. Мы доехали благополучно до станции, где была пересадка, и сели в поезд, шедший в Крым. Только что мы и другие пассажиры расселись, как вошел молодой немецкий офицер и закричал «Все — вон!» Пришлось всем вылезать и искать места в других вагонах, уже переполненных пассажирами. Кое-как устроились и доехали до Симферополя. Когда вылезли, первое, что бросилось в глаза — распущенные немецкие солдаты, шинели внакидку, ругаются и грызут семечки — то, что случилось с русскими солдатами в Петрограде после февральской революции.

(Продолжение следует)

Примечание редакции:

1. В середине 80-х гг. XIX в. — один из многочисленных народнических кружков, в который входили В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. А. Корнилов, А. М. Краснов, братья Федор и Сергей Ольденбурги, В. И. Шаховской. По предложению последнего, был преобразован в «Строгое братство». Программа его обязывала помогать друг другу в сохранении «свободы человеческой личности» как величайшей ценности. Члены «Братства» собирались во время совместного летнего отдыха; впервые — в Приютине Тверской губернии. Дружеские отношения членов «Братства» продолжали и их дети.

Курилы: биография островов

А. А. Кошкин

Некоторое время назад посольство Японии в Москве издало на русском языке брошюру «Северные территории Японии», в которой излагается японская интерпретация истории Курильских островов. «Мы считаем,— говорится в этой брошюре,— что наилучший взаимоприемлемый путь решения территориального вопроса заключается в том, чтобы оно осуществлялось на основе осознания точных фактов и по справедливому суждению об этой проблеме».

Итак, каковы же эти факты и в чем суть проблемы Курильских островов.

Русские люди появились на Курильских островах еще в первой половине XVII века. Как русские острова изображались на картах, в том числе западноевропейских. Одной из таких, дошедших до нас, является изданная в 1687 г. карта голландца Н. Витсона.

В течение XVIII в. на Курильские острова не раз направлялись русские экспедиции, которые описывали их, изучали природные ресурсы, растительность, животный мир, налаживали контакты с местным населением. В 1712 г., побывав на островах Итуруп и Уруп (южная часть Курильской гряды), есаул И. Козыревский сообщил, что тамошние люди живут «самовластно», т. е. независимо, а люди с острова Матсмая (Хоккайдо) к ним «не ходят». В 1738—1739 гг. экспедиция М. Шпанберга подробно исследовала Курильские острова. Она установила, что «под властью японского хана только один Матсмай остров, а прочие острова неподвластны»¹. Экспедицией были нанесены на карту все Курильские острова, которым были даны русские наименования². Французская газета «Газет де Франс» писала 22 февраля 1740 г.: «Открытие русскими Курил имеет для России огромное значение... Островитяне приняли экспедицию Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы».

К середине XVIII в. Россия фактически установила над этими островами права владения. Признав подданство России, туземцы как на северной, так и на южной части островов платили Российскому государству дань (ясак), приобщались к христианству, их дети обучались русской грамоте. На островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп и Итуруп были основаны русские селения, велось хозяйственное освоение этих территорий.

Эти и другие факты признают современные японские исследователи. С. Накамура указывает, что продвижение японцев на Курильские острова было осуществлено гораздо позже. Японцы впервые узнали о существовании южного острова Курильской гряды Кунашира лишь в 1754 году. Японскими источниками подтверж-

---

Кошкин Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук.

дается также, что русские появились раньше японцев и на острове Итуруп. В японских донесениях того времени указывалось, что на острове «проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты». Когда японцы впервые попали на Итуруп в 1786 г., «некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками»³.

То, как проходило открытие и освоение Курильских островов русскими, подробно описывается в фундаментальном труде японского профессора Ё. Корияма, который на основе строго научного анализа документов и фактов приходит к выводу, что Курильские острова, включая Кунашир и Итуруп, не могут считаться «исконно японскими землями». Он указывает, что в XVIII в. не только Курильские острова, но и север Хоккайдо не являлся японской территорией, о чем прямо заявил в конце XVIII в. правитель Японии Мацудайра. В документе от октября 1792 г. глава центрального правительства Японии признавал, что «район Нэмуру (северный Хоккайдо) не является японской землей»⁴. В то время Хоккайдо в большей своей части был не заселен и не освоен.

Продвижение японцев на Курильские острова осуществлялось как захват территории. С. Накамура пишет: «Высадившись 28 июля 1798 г. на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью: «Эторофу — владение Великой Японии»⁵. В 1801 г. японский вооруженный отряд пытался силой изгнать русских из их поселений на острове Уруп. Высадившись на острове, японцы поставили указательный столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: «Остров издревле принадлежит Великой Японии».

Попытки Японии силой отторгнуть Курильские острова вызывали протесты со стороны российского правительства. Прибывший в 1805 г. в Японию для установления торговых отношений Н. П. Резанов заявил японцам, что «на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений»⁶. Однако захватнические действия японцев продолжались. При этом кроме Курильских островов они стали претендовать и на Сахалин, предпринимая попытки уничтожить на южной части острова знаки, указывающие на принадлежность этой территории России.

Россия стремилась к дружественным отношениям с Японией, к развитию с нею взаимовыгодной торговли. Однако японские правители, продолжая политику самоизоляции, отвергали предложения о налаживании межгосударственных связей. Когда в 1853 г. Япония была «открыта» под дулами пушек американских военных кораблей коммодора М. Перри, там находился представитель российского правительства генерал-адъютант Е. В. Путятин, который вел переговоры о заключении торгового соглашения. В отличие от американцев представители России стремились установить отношения с японцами мирными, дипломатическими средствами. Об этом свидетельствует инструкция, данная Путятину правительством, воздерживаться «от всяких неприязненных по отношению к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами»⁷.

Наряду с задачей установления дипломатических и торговых отношений миссия Путятина должна была оформить договором границу между Россией и Японией. При этом российское правительство стремилось закрепить существовавшее территориальное разграничение, добиваясь от Японии признания своих прав на Сахалин и Курильские острова. Оно считало справедливым провести границу по исторически сложившемуся рубежу, а именно, по проливу Лаперуза и по южной оконечности Курильской гряды, в районе, отделявшем ее от острова Хоккайдо. Об этом со всей определенностью было заявлено в переданном 6 ноября 1853 г. японскому верховному совету послании, которое, в частности, гласило: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находится в полном ее заведывании»⁸.

В ответ японские правители, считая себя находящимися в более выгодном положении, решили попытаться вынудить Путятина уступить Японии часть Курильской гряды. Сначала они выдвинули претензии на все Курильские острова. При этом, понимая необоснованность своих притязаний, Япония втайне была готова согласиться на установление исторически сложившихся границ в районе Сахалина и Курильских островов. Как установил К. Е. Черевко, к началу переговоров с миссией Путятина по приказу японских властей была подготовлена «Карта важнейших

морских границ Великой Японии», на которой «линия ее границы на севере проведена жирной чертой по западному и северному побережьям о. Хоккайдо»⁹, а Курилы оставались вне японской территории.

6 января 1854 г., вернувшись из Китая, Путятин продолжил переговоры с японцами. К этому времени Россия оказалась вовлеченной в Крымскую войну (1853—1856 гг.), и ей пришлось в одиночку вести вооруженную борьбу с мощной коалицией Великобритании, Франции и Турции. В дальневосточные воды России была направлена объединенная англо-французская эскадра в составе 6 судов (212 орудий), которая неоднократно предпринимала попытки высадить десант на восточное побережье Камчатки и захватить Петропавловск.

Английские и французские военные корабли создавали постоянную угрозу и для миссии Путятина. Положение его еще больше осложнилось, когда в результате землетрясения и шторма находившийся у берегов Японии его фрегат «Диана» потерпел крушение и команда во главе с генерал-адъютантом оказалась на берегу, в полной зависимости от благосклонности японских хозяев.

Все это не могло не сказаться на ходе переговоров. Стремясь использовать благоприятную обстановку, японская сторона усилила требования о включении южной части Курил и южного Сахалина до 50° северной широты в состав своего государства. В течение всего 1854 г. японское правительство продолжало настаивать на удовлетворении своих требований. Путятин оказался перед выбором: или вернуться в Россию ни с чем, тем самым предоставив американцам практически монопольное право на выгодную торговлю с Японией и использование ее портов своими торговыми и военными судами, или пойти на компромисс. Согласие царского правительства на некоторые уступки Японии он имел...

В 1855 г. Путятин подписал Симодский трактат, по которому устанавливалось, что «границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп», а Сахалин объявлен «неразделенным» между Россией и Японией¹⁰. В результате к Японии отходили острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Эта уступка была оговорена согласием Японии на торговлю с Россией, которая, однако, и после этого развивалась вяло.

После «революции Мэйдзи» 1868 г. Япония вступила в борьбу за раздел мира. В 1874 г. она напала на остров Тайвань и стала готовиться к войне с Китаем. Одновременно японское правительство добивалось установления границы с Россией на Сахалине по линии 50° северной широты или продажи Японии южной части Сахалина. Хотя эти «предложения» отвергались российским правительством, в обстановке опасности возникновения войны в Европе и приближения очередной войны с Турцией оно искало пути к стабилизации положения России на Дальнем Востоке.

В 1875 г. царское правительство пошло на очередную уступку Японии. По подписанному в Санкт-Петербурге соглашению в «обмен» на отказ от претензий на Сахалин Япония получила в свое владение все принадлежавшие России Курильские острова вплоть до Камчатки. Как и продажа в 1867 г. американцам Аляски и Алеутских островов, уступка Японии Курильских островов была серьезной ошибкой царской дипломатии, нанесшей большой ущерб государственным интересам России на Тихом океане. «От обмена Курильских островов на Сахалин,— говорил один из царских дипломатов,— Россия не только не получила выгод, но, наоборот, попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских островов и тем пресечет сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для нее всегда открыт»¹¹.

Принципиальные изменения в вопросе о государственной принадлежности Сахалина и Курильских островов внесла русско-японская война 1904—1905 годов. Уже сам факт вероломного нападения Японии на Россию являлся грубейшим нарушением положений Симодского трактата, в котором провозглашался «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Воспользовавшись поражением царизма в войне, Япония отторгла южную часть Сахалина; закрепившим это Портсмутским договором было фактически прекращено действие «обменного» соглашения 1875 г., ибо отторжение южной части Сахалина привело к утрате смысла и содержания этого соглашения. Более того, по инициативе японской стороны в приложение к протоколам Портсмутского договора было включено положение

о том, что все торговые договоры Японии с Россией аннулируются в результате войны. Тем самым был аннулирован и Симодский трактат о торговле и границах 1855 года.

В годы вооруженной интервенции на территории советской России Япония захватила северную часть Сахалина, оккупация которой продолжалась до 1925 года. К моменту заключения 20 января 1925 г. конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией фактически не существовало какого-либо действующего двустороннего соглашения, определявшего принадлежность Курильских островов. Советское правительство не считало себя связанным и положениями Портсмутского договора в той его части, где говорилось об уступке Японии Южного Сахалина. Чтобы подчеркнуть это, советское правительство при подписании конвенции огласило специальную декларацию, в которой была сделана оговорка о том, что «признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора»¹². Конвенция таким образом не затрагивала вопроса о территориальном размежевании СССР и Японии.

В конвенции 1925 г. обе стороны провозглашали желание жить в мире и дружбе и обязались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела, воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг против друга. Однако с конца 20-х годов Генеральный штаб японской армии, определив Советский Союз в качестве одного из противников Японии, стал разрабатывать план войны против СССР. Захват в 1931 г. Маньчжурии, выход японских вооруженных сил на советскую границу на материке увеличили опасность нападения Японии на СССР. В 30-е годы активная подготовка к войне против СССР проводилась не только на территории Маньчжурии и Кореи, но и на Южном Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах. Размещенные на этих территориях японские войска должны были участвовать в захвате Северного Сахалина, Приморья и Камчатки. Во время хасанских (1938 г.) и халхингольских событий (1939 г.) эти войска находились в повышенной боевой готовности.

Вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах обсуждался на советско-японских переговорах о заключении пакта о ненападении. 18 ноября 1940 г. советское правительство заявило, что в общественном мнении СССР вопрос о таком пакте будет связываться с проблемой возвращения утраченных ранее Россией территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Было отмечено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта о нейтралитете, не предусматривающего разрешение территориальных проблем¹³. При этом советское правительство настаивало на подписании одновременно с пактом о нейтралитете протокола о ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

В конце концов правительство Японии согласилось с позицией Советского Союза, и 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете был подписан. Однако, как следует из опубликованных после войны в Японии стенограмм секретных императорских совещаний 1941 г., пакт о нейтралитете был отброшен японцами сразу же после нападения Германии на СССР. Подписавший в Москве пакт о нейтралитете министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока был первым, кто после получения сообщения о германском нападении на СССР весьма энергично стал предлагать своему императору «оккупировать Сибирь вплоть до Иркутска». Председатель Тайного совета К. Хара заявил на императорском совещании 2 июля 1941 г.: «Я полагаю, все вы согласитесь, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии... Мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен»¹⁴.

В июле японский МИД и руководство армии согласовали требования, которые предусматривалось предъявить СССР, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В нем предписывалось заставить советскую сторону прекратить помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку

от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока ¹⁵.

Одновременно спешно проводилась подготовка к проведению наступательных операций на советском Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах план войны против СССР получил шифрованное наименование «Особые маневры Квантунской армии». Вдоль границ с Советским Союзом было сосредоточено около миллиона солдат и офицеров японской армии. В боевую готовность были также приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, воинские формирования на Курильских островах. Начало военных действий было запланировано на 29 августа 1941 года ¹⁶. И Японию удержал от нападения на СССР отнюдь не пакт о нейтралитете, а наличие на его дальневосточных рубежах советских дивизий. На Дальнем Востоке и у южных границ СССР находилось около 30% общего состава Красной Армии. Это вело к затягиванию войны. Задача сковывания сил Красной Армии на Дальнем Востоке выполнялась Японией на протяжении всей Великой Отечественной войны.

Вопрос о восстановлении прав Советского Союза на южную часть Сахалина и Курильские острова обсуждался в ноябре 1943 г. на Тегеранской конференции глав союзных держав. Союзники не возражали против возвращения этих территорий СССР, считая позицию советского руководства по этому вопросу обоснованной. На Ялтинской конференции (февраль 1945 г.) лидеры СССР, США и Великобритании окончательно договорились о том, что после завершения войны с Японией южная часть Сахалина и Курильские острова перейдут к Советскому Союзу. Эта договоренность была закреплена в специальном документе глав великих держав по вопросам Дальнего Востока. В нем подтверждалось «восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: — возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; — передача Советскому Союзу Курильских островов» ¹⁷.

Обоснованность этого решения признавалась руководителями великих держав. У. Черчилль заявил: «Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесенных Россией в русско-японской войне» ¹⁸. О том же говорил на Ялтинской конференции Ф. Рузвельт, отметив, что «русские хотят вернуть только то, что у них было отторгнуто» ¹⁹. На конференции в Ялте руководители трех великих держав договорились о том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз, идя навстречу своим союзникам, вступит в войну против Японии на их стороне.

Стремясь избежать такого развития событий, японское правительство искало возможность «заинтересовать» Советский Союз. В качестве «разменной монеты» среди других уступок фигурировали южный Сахалин и Курильские острова ²⁰. Таким путем японские лидеры рассчитывали, вернув острова, «откупиться» от СССР.

Готовясь к войне с Японией, Советский Союз действовал в соответствии с нормами международного права. 5 апреля 1945 г. его правительство заявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, который был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. В заявлении говорилось: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл и продление этого Пакта стало невозможным» ²¹.

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство фактически информировало Японию о возможности участия СССР в войне против нее. 26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация. Главы находившихся в состоянии войны с Японией государств (США, Великобритания и Китай) призвали японское правительство к немедленной безоговорочной капитуляции и предупредили, что «иначе Японию ждет быстрый и полный разгром». Советское правительство присоединилось к этой декларации. В восьмом ее пункте говорилось: «Японский суверенитет будет ограничен о-вами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем». Таким образом условия капитуляции исключали удержание Японией не входящих в метрополию территорий, в том числе Южного

Сахалина и Курильских островов. 8 августа 1945 г. правительство СССР объявило Японии войну. В Ялтинском соглашении по поводу возвращения СССР Южного Сахалина и Курильских островов говорилось: «Главы Правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией»²². Сменивший Ф. Рузвельта на посту президента США Г. Трумэн не возражал против перехода Южного Сахалина и Курильских островов под контроль СССР, что было закреплено в Общем военном и военно-морском приказе № 1 Главнокомандующего союзными войсками: «Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Маньчжурии, Кореи — севернее 38° северной широты, Карафутто (Сахалина) и на Курильских островах должны сдаться Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке»²³.

В ходе военных действий против Японии Красная Армия при поддержке военно-морского флота провела Южно-Сахалинскую и Курильскую десантные операции, преодолела упорное сопротивление японских войск (особенно на о. Шумшу) и принудила их к капитуляции. 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. В обращении к советскому народу И. В. Сталин, в частности, заявил: «Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»²⁴.

В изданном 29 января 1946 г. Меморандуме главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии были исключены все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа о-вов Хабомаи (Хапомандзё), включая о-ва Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также о-в Шикотан»²⁵. 2 февраля 1946 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР, который установил, что вся земля с ее недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР.

По инициативе США в 1951 г. в Сан-Франциско состоялась международная конференция, на которой был предложен американско-английский проект мирного договора с Японией. Так как проект не содержал гарантий против восстановления японского милитаризма, не предусматривал вывод из Японии оккупационных войск, а также по ряду других причин Советский Союз, Китайская Народная Республика, Индия, Бирма и несколько других государств не сочли возможным подписать этот договор. В выступлении на конференции первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко было заявлено: «Пытаясь грубо нарушить суверенные права Советского Союза в отношении Южного Сахалина с прилегающими к нему островами и Курильских островов, уже в настоящее время находящихся под суверенитетом Советского Союза, проект ограничивается лишь упоминанием об отказе Японии от прав, правооснований и претензий на эти территории, умалчивая об исторической принадлежности этих территорий и о бесспорной обязанности Японии признать суверенитет Советского Союза на эти части территории СССР».

Советский представитель внес предложение изложить соответствующий пункт договора в следующей редакции: «Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалина со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории»²⁶. В условиях обострения обстановки на Дальнем Востоке, вызванного войной в Корее, США не были заинтересованы в урегулировании советско-японских отношений, а потому выдвинули тезис о том, что отказ Японии от Сахалина и Курильских островов был якобы произведен не в пользу СССР. Представители США стали утверждать, что хотя в Сан-Франциском мирном договоре и зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, но в тексте договора, мол, не указано в чью пользу произошел этот отказ. Тем самым закладывались основы для предъявления территориальных претензий к Советскому Союзу.

Опасаясь подрыва всего комплекса договоренностей о послевоенном урегулировании, в том числе в Европе, США сочли все же целесообразным внести в договор,

вытекавший из Ялтинского соглашения, пункт о лишении Японии прав на Южный Сахалин и Курильские острова. В подписанном японским правительством Сан-Францисском мирном договоре указывается: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору 1905 года». Таким образом Япония еще раз подтвердила свое согласие с условиями безоговорочной капитуляции.

В начале 50-х годов в Японии имелось понимание необоснованности предъявления СССР каких-либо территориальных претензий. Пограничное размежевание, хотя и не было оформлено в виде советско-японского мирного договора, тем не менее считалось вопросом разрешенным. Заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура 6 октября 1951 г. сделал в палате представителей парламента заявление: «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным». 19 октября 1951 г. на заседании специального комитета по мирному договору палаты представителей парламента Японии он уточнил понятие «Курильские острова», заявив: «Я считаю, что территориальные пределы Курильских островов, о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Курильские, так и южные Курильские острова»²⁷.

1 июня 1955 г. в Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Сначала в японские планы входило выдвижение требования о подписании договора на условиях «возвращения» Японии Курильских островов и Южного Сахалина. Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка ревизовать итоги войны обречена на провал и приведет лишь к обострению двухсторонних отношений. Это затруднило бы процесс принятия Японии в Организацию Объединенных Наций. Поэтому японское правительство, продолжая оспаривать принадлежность всех Курил и Южного Сахалина Советскому Союзу, решило «ограничить» свои территориальные претензии южной частью Курильских островов, заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора. Для «обоснования» этой позиции был использован давно отвергнутый самими японцами и неоднократно ими нарушенный Симодский трактат 1855 года. Речь шла об островах Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан, общая площадь которых 5 тыс. кв. км составляет около половины площади всех Курильских островов (10,6 тыс. кв. км).

Компромиссные условия удалось выработать только в 1956 году. Советско-японские отношения были нормализованы подписанием Совместной декларации. Актом доброй воли стало решение советского правительства передать Японии расположенные поблизости от Хоккайдо два острова. В декларации говорилось: Советский Союз, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора»²⁸.

В дальнейшем Советский Союз действовал в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями: отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приеме в ООН. После ратификации Совместной декларации, по свидетельству тогдашних руководителей Сахалинской области, из Москвы были получены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию. Одновременно подтверждалась линия на развертывание хозяйственного развития остальных островов Курильской гряды.

Испытывая сильное давление со стороны США, которые открыто противились полной нормализации советско-японских отношений, правительство Японии стало, однако, отходить от зафиксированных в Совместной декларации соглашений, затягивая решение вопроса о заключении мирного договора. Оно вновь выдвинуло требования о передаче Японии четырех островов Курильской гряды. Все это сводило на нет договоренность об островах Хабомаи и Шикотан. Заключение в 1960 г.

направленного против СССР и КНР японо-американского «договора безопасности» еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложившейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановке любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками.

Столкнувшись с нежеланием японского правительства выполнять положения Совместной декларации и расценив подписание японо-американского «договора безопасности» как враждебный акт, советское руководство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после второй мировой войны уже решен соответствующими международными соглашениями. Предпринимаемые японской стороной попытки пересмотреть итоги войны, вынудить Россию пойти на территориальные уступки не имеют каких-либо международно-правовых оснований.

Примечания

1. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1, М. 1973, с. 50, 51.
2. См. ПОЛЕВОЙ Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982, с. 70—71.
3. НАКАМУРА СИНТАРО. Японцы и русские. Токио, 1978, с. 48, 59 (на яп. яз.).
4. КОРИЯМА ЁСИМИЦУ. Исследование истории японо-русских отношений в период бакумацу. Токио, 1980, с. 9, 231 (на яп. яз.).
5. НАКАМУРА СИНТАРО. Ук. соч., с. 105.
6. Проблемы Дальнего Востока, 1981, № 3, с. 129.
7. История второй мировой войны 1939—1945, т. 11. М. 1980, с. 162.
8. ФАЙНБЕРГ Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М. 1960, с. 155.
9. ЧЕРЕВКО К. Е. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII—XX вв.). М. 1987, с. 74.
10. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1, с. 112.
11. Письмо Н. Распопова — А. Н. Щеглову от 7/19 августа 1882 г. Цит. по: «Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики». М. 1994, с. 190.
12. Документы внешней политики СССР, т. VIII. М. 1963, с. 77.
13. ТИХВИНСКИЙ С. Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г.— Новая и новейшая история, 1990, № 1, с. 28.
14. Путь к войне на Тихом океане. Приложение: сборник документов. Токио, 1963, с. 464—466 (на яп. яз.).
15. История войны на Тихом океане, т. 4. Токио, 1972, с. 98 (на яп. яз.).
16. Квантунская армия. Токио, 1974, с. 22—23 (на яп. яз.).
17. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. 3. М. 1947, с. III.
18. CHURCHILL W. The Second World War. Vol. VI. Lnd. 1953, p. 341.
19. Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 32.
20. КУДО МИТИХИРО. Исследование японо-советского пакта о нейтралитете. Токио, 1985, с. 219—220. (на яп. яз.)
21. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 166.
22. История войны на Тихом океане, т. IV. Пер. с яп. яз. М. 1958, с. 261, 259.
23. Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии). 1943—1946 гг. 2-й Дальневосточный отдел МИД СССР, 1947, с. 38—42.
24. Правда, 3.IX.1945.
25. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М. 1993, с. 139.
26. Правда, 7.IX.1951.
27. ЧЕРЕВКО К. Е. Ук. соч., с. 97—98.
28. Правда, 20.X.1956.

Индийский легион в фашистской Германии

А. В. Райков

В годы второй мировой войны в фашистской Германии было создано немало военных формирований из представителей различных национальностей, которые использовались как непосредственно в военных операциях на различных фронтах, так и для выполнения специальных заданий разведывательного или диверсионного характера. Одним из таких формирований был Индийский легион, просуществовавший с 1942 по 1945 год. История его практически не известна. Даже в Индии только совсем недавно изданы воспоминания одного из офицеров легиона.

Идея создания воинской части из индийских солдат, служивших в английской армии и попавших в плен к немцам, принадлежала одному из видных деятелей индийского освободительного движения Субхасу Чандре Босу, который в 1942 г. бежал из Индии в Германию в надежде получить помощь в борьбе против английских колонизаторов. Вскоре по прибытии в Берлин он узнал, что немецкое командование предвосхитило его идею, создав специальную воинскую часть из пленных индийцев в составе полка «Бранденбург». Около 100 солдат проходили подготовку для участия в диверсионно-разведывательных операциях в казармах Мезериц близ Франкфурта на Майне под руководством капитана В. Харбига. Их учили прыгать с парашютом, радиоделу, методам саботажа, сбора разведывательной информации, готовили к ведению боевых действий в горных условиях. Один из причастных к работе с индийцами чиновников германского МИД А. Верт писал, что командование намеревалось использовать их «в беспокойных районах Северо-Западной пограничной провинции Индии»¹.

Бос посетил Мизериц, где обсуждал с Харбигом и другими немецкими офицерами вопрос об организации индийского легиона. Он вынашивал честолюбивую мысль о создании многочисленных и хорошо вооруженных индийских воинских частей, которые должны были начать освобождение своей страны извне, а затем стать ядром армии независимой Индии. Его особенно привлекала при этом возможность использовать высоко ценимые им методы военной подготовки и оружие вермахта.

Получив согласие немецкой стороны, он разработал условия формирования легиона, окончательно сформулированные после длительных переговоров. Согласно этим условиям

Райков Алексей Васильевич — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Липецкого педагогического института.

Германия предоставляла персонал для обучения и необходимые средства (в виде займа, подлежавшего возвращению после освобождения Индии) для содержания легиона, который не мог быть включен ни в какую воинскую часть Германии. Легионеры должны были получать то же снабжение, что и немецкие солдаты. Большое значение Бос придавал условию, предусматривавшему, что индийские солдаты «не будут посланы ни на какой участок фронта для ведения боевых действий, а только в Индию — для борьбы против английских вооруженных сил»². Индийские авторы подчеркивают, что Бос особенно возражал против возможной отправки легиона на советско-германский фронт. Бос считал, что эти условия гарантируют индийских солдат от использования их в качестве пушечного мяса. На самом же деле командование вермахта приняло эти условия лишь на словах, рассчитывая использовать легион в своих целях.

Всего войсками Роммеля в Африке было пленено 15 тыс. индийцев, которых затем доставили в Германию. Бос посещал лагеря, где они находились, и, апеллируя к их патриотическим чувствам, призывал вступать в легион. Он уверял их, что нет ничего зазорного в том, чтобы использовать в борьбе за свободу родины помощь Германии, Италии и Японии, поскольку «враг нашего врага — наш друг»³.

Индийские авторы неизменно подчеркивают, что набор в легион велся на основе добровольности. Но идея вступления в него отнюдь не привлекала индийских солдат, уже испытавших горечь поражения и побывавших в плену. Большинство их происходило из крестьянских семей, часто они не имели никакого образования, были даже неграмотны. Вступление в легион могло лишить их пенсии, которую они надеялись получить по возвращении на родину после войны, а кроме того, вообще было чревато непредсказуемыми последствиями. Но вместе с тем многие из них уже знали о деятельности Индийского национального конгресса, испытали на себе влияние его патриотической пропаганды. Бос также стремился укрепить их патриотические чувства: напоминал о славном прошлом Индии, об истории ее порабощения Англией, убеждал их в том, что в условиях войны у Индии появилась уникальная возможность вырваться на свободу.

И все же индийские пленные не спешили вступать в легион. За полгода удалось набрать всего 300 человек. Но положение менялось. Ход войны, казалось, подтверждал слова Боса. Англия терпела поражения, в 1942 г. японская армия перешла границу Индии. Это изменило настроение пленных, и численность легиона стала быстро расти. К концу 1942 г. по данным Х. Тоя в нем было уже 3155 солдат, по данным же капитана легиона Г. С. Мангата — 4,5 тысячи⁴. Последняя цифра, возможно, преувеличена.

Конечно, далеко не все вступавшие в легион повиновались зову любви к родине. Легион давал шанс избежать рабского труда и бесчеловечного отношения к пленным в немецких концлагерях. Неслучайно после окончания войны английские следователи разделили всех попавших в плен легионеров на «черных», которые вступали сознательно, с убеждением бороться до конца и оставшихся непримиримыми, «серых», вступивших добровольно, но не проявлявших энтузиазма, и «белых», которые вступили под давлением или по принуждению и раскаялись в этом⁵.

К декабрю 1942 г. было сформировано три батальона. Для их обучения использовались казармы Мезериц и новый тренировочный центр в Франкенберге близ Лейпцига, откуда затем легионеров перебросили в небольшой городок Кёнигсбрюк недалеко от Дрездена. Легионеры носили серо-зеленую форму вермахта с окрашенной в три цвета индийского национального флага эмблемой, на которой был изображен прыгающий тигр. Этот символ был на знаменах армии Типу — султана, правителя индийского княжества Майсур в конце XVIII в., мужественного и стойкого борца с английскими завоевателями. Сикхи, кроме того, могли носить свой традиционный головной убор — тюрбан.

Непосредственное командование легионом осуществлял оберфюрер СС Г. Бертлинг, обучением руководил капитан Харбиг. Для обучения легионеров командование вермахта выделило 300 офицеров. В своих предисловиях к воспоминаниям бывших тогда в Германии индийцев немецкие офицеры превозносят дух товарищества, братство по оружию, взаимопонимание, якобы царившие между немцами и индийцами. А. Зайфриц назвал даже легион «инструментом укрепления индогерманской дружбы». На самом деле офицеры вермахта о ней и не

помышляли, добросовестно отрабатывая свое освобождение от отправки на Восточный фронт и занимаясь бесконечной муштровкой индийцев. Даже соратник Боса Н. Г. Ганпули, обычно хвалебно отзывавшийся о немецко-индийском «сотрудничестве», резко критически оценивал «прусскую муштру», которой подвергались legionеры. В дополнение ко всему индийцев задевал высокомерный тон, свойственный немецким офицерам в обращении с ними ⁶.

При формировании легиона выявились острые противоречия между Берлином и Римом, поскольку Италия тоже создала так называемый Индийский военный центр, в котором проходили подготовку 300 пленных индийцев. Но немцы не могли согласиться с существованием конкурирующей с легионом воинской части. Состоялось специальное совещание с участием представителей министерств иностранных дел и верховного командования обеих стран, принявшее решение о передаче находившихся в Италии индийских пленных легиону ⁷. Индийцы, плененные в Африке, теперь должны были доставляться в Германию, минуя Италию.

При формировании батальонов Бос не принимал во внимание религиозные, национальные и кастовые различия, разделявшие индийцев. Он смешивал в ротах сикхов и мусульман, раджпутов и джатов, гархвалийцев и маратхов. Ломая вековые традиции, он ввел общие кухни для солдат, что было немыслимо в англо-индийской армии. Патриотическая пропаганда, призывы к тесному единению всех индийцев в общей борьбе давали какой-то эффект. Но, конечно, в большей степени этому способствовало то, что legionеры находились в экстремальной ситуации на чужбине, а это благоприятствовало их сплочению вопреки строгим религиозным и кастовым правилам.

Положение экзотической воинской части так же, как и самого Боса в Германии, было исполнено противоречий. Бос мог сколько угодно говорить о любви к родине и грядущей борьбе за ее освобождение, а легионом распоряжались те, на чьи средства он содержался. В решающие моменты фашисты не оставляли Босу ни малейшего шанса, чтобы проявить самостоятельность. Это со всей очевидностью обнаружилось, когда 16 августа 1942 г. генерал-лейтенант вермахта Краппе в присутствии Боса привел legionеров к присяге, гласившей: «Перед лицом Бога принимаю эту священную присягу в том, что буду послушен главе германского государства и народа, командующему германскими вооруженными силами Адольфу Гитлеру в борьбе за свободу Индии, руководителем которой является Субхас Чандра Бос, и как храбрый солдат я выражаю желание, выполняя эту присягу, пожертвовать своей жизнью» ⁸. Имя Боса было упомянуто здесь лишь ради проформы. Находясь вдали от родины, legionеры клялись в верности не ей и не Босу, а нацистскому фюреру.

Мангат отмечал, что фраза о верности Гитлеру в присяге была неприятна legionерам, что Бос написал бы другой ее текст. Уже после войны Харбиг писал, что «двойная верность» (хотя присяга ее не обеспечивала) являлась будто бы «гарантией того, что легион будет введен в действие только тогда, когда будут поставлены на карту общие индогерманские интересы» ⁹. Но ясно, что об интересах Индии правители фашистской Германии и не помышляли. Гитлер с legionерами, присягнувшими ему на верность, не встречался. Правда, в одной из книг, вышедшей в Индии в 1946 г., есть упоминание о том, что фюрер посетил штаб легиона в Дрездене и даже выступил перед индийцами с речью, но это просто выдумка. Зато вполне достоверна оценка Гитлером легиона как «опереточного представления». В марте 1945 г., как сообщает западногерманский историк Й. Х. Фогг, Фюрер заявил: «Индийский легион — это шутка. Есть индийцы, которые скорее дадут себя сожрать, но не смогут убить даже вошь. Они не смогут убить ни одного англичанина» ¹⁰.

У немецкого командования были вполне конкретные планы на использование легиона. В книге офицера абвера П. Леверкюна говорится, что в случае прорыва вермахта через Кавказ предполагалось перебросить legionеров на самолетах к границам Индии, чтобы вызвать там всеобщее восстание и таким образом расчистить дорогу немецким войскам ¹¹. Однако поражение вермахта сначала под Москвой, а затем под Сталинградом перечеркнуло эти планы.

В начале 1943 г. Бос отправился на Дальний Восток. Перед отъездом он 27 января выступил перед legionерами. Но его возвышенная риторика не могла помешать немецкому командованию, которое отдало двум батальонам приказ отправиться на голландское побережье для участия в его обороне на случай возможной высадки союзников по Антигитлеровской коалиции. Этот приказ вызвал у индийцев возмущение. Мангат писал, что «в легионе появи-

лись признаки мятежа». В литературе сообщаются противоречивые сведения об этом. Вслед за прессой ГДР и в советских газетах в свое время появились публикации о том, что десять легионеров были даже расстреляны немцами за неповиновение. Но, по-видимому, наиболее достоверные данные приведены в книге Мангата. Возмущенные легионеры действовали организованно и поначалу дисциплинированно. Они послали к своему руководству в Берлине делегацию из пяти человек, членом которой был и Мангат. Делегаты хотели узнать, исходит ли приказ о направлении легионеров в Голландию от Боса, а если нет, то одобрен ли им и какова цель отправки туда индийских батальонов. Самым важным и принципиальным был последний вопрос: поскольку отправка легионеров на службу вне Германии противоречит четко сформулированному условию о том, что легион будет бороться только с врагами Индии и на ее территории, то почему это условие нарушается? А. К. Н. Намбиар, которого Бос оставил своим заместителем в Берлине, пытаясь успокоить делегатов, заявил: Бос-де считает, что поскольку Индия имеет протяженные морские границы, то легионеры должны учиться их защищать. Такое объяснение не удовлетворило делегатов, но они пришли к выводу, что неповиновение «было бы гибельным для каждого». Индийцы осознавали, что их может ожидать, а поэтому были вынуждены подчиниться. Однако сделали это не все. Непокорные были возвращены в лагерь военнопленных или подвергнуты дисциплинарным взысканиям.

Попытки вызвать возмущение солдат легиона были и позже. Солдат С. Р. Бхонсле был схвачен во время беседы с легионерами, так как говорил им, что индийские руководители в Германии являются немецкими приспешниками и что Россия начала против Германии самое крупное наступление (по-видимому, имелись в виду результаты битвы на Курской дуге). Бхонсле был приговорен к смертной казни, замененной потом пожизненным заключением. Командование легиона создало даже специальный лагерь тюремного типа для содержания зачинщиков и недовольных.

В июне 1943 г. два батальона, а позже и третий, были переброшены сначала в Бельгию, а затем в Голландию, где несли службу на побережье. Здесь легионеры под влиянием местного населения стали проникаться антифашистскими настроениями. Появились случаи дезертирства, а двое солдат — Д. Б. Сингх и Ф. Хан намеревались с оружием в руках перейти к партизанам, но были схвачены и по приговору военного суда расстреляны¹².

В августе 1943 г. все три батальона были переброшены во Францию — в Бордо, Нант и Биарриц, где также несли службу по охране побережья, по ночам патрулируя с собаками свои участки. Индийские солдаты таким образом высвобождали немецкие войска для ведения боевых действий против войск Антигитлеровской коалиции. Главнокомандующий немецкими войсками в Западной Европе генерал-фельдмаршал К. Р. Г. Рунштедт посетил позиции первого батальона и выразил удовлетворение подготовкой легионеров, а генерал-фельдмаршал Э. Роммель инспектировал укрепления, которые защищали легионеры, и также похвалил их.

Но чаша весов уже склонялась в пользу армий Антигитлеровской коалиции, что не могло не сказаться на настроениях индийских солдат. По данным Мангата, у легионеров были контакты с французскими партизанами, даже имелась договоренность о непричинении вреда друг другу. После высадки войск союзников в 1944 г. во Франции легион отступал вместе с немецкими войсками. У него было несколько стычек с партизанами и частями французской армии. Было столкновение и с американской частью, стоившее легиону 40 человек убитыми и ранеными¹³.

Потеряв при отступлении в общей сложности 100 человек убитыми, ранеными и дезертировавшими, легион пересек германскую границу и был переброшен в южную Германию. Накануне капитуляции нацистского рейха командование легиона вело переговоры со швейцарскими властями об интернировании его на территории Швейцарии, но не успело их завершить. В ночь на 30 апреля 1945 г. второй и третий батальоны сдались подошедшим американским войскам, а первый, находившийся в Тироле, сдался 3 мая.

Летом того же года легионеры были отправлены морем в Индию. В условиях нарастания освободительной борьбы английские власти не прибегли к репрессиям. Уже весной 1946 г. «белых» и «серых» освободили, а вскоре отпустили и «черных». Однако даже опытные офицеры легиона не были взяты на службу в армию добившейся независимости Индийской республики.

Примечания

1. A Beacon across Asia. New Delhi. 1973, p. 133.
2. BHATTACHARYA S. N. Subhas Shandra Bose in Self-Exile. Delhi. 1976, p. 64.
3. MANGAT G. S. The Tiger Strikes. Ludhiana. 1986, p. 67.
4. TOY H. The Springing Tiger. Cassel-Lnd. 1959, p. 115; MANGAT G. S. Op. cit., p. 101.
5. MANGAT G. S. Op. cit., p. 217.
6. GANPULEY N. G. Netaji in Germany (a Little Known Chapter). Bombay. 1964, p. XV; p. 106.
7. SELTER G. Zur Indienpolitik des faschistischen deutschen Regierung während des Weltkrieges. Leipzig. 1965, s. 180—184.
8. BHATTACHARYA S. N. Op. cit., p. 66.
9. Цит. по: WERTH A. Netaji in Germany. Calcutta. 1970, p. 55.
10. SOPAN. Netaji Subhas Chandra Bose. Bombay. 1946, p. 282; VOIGT J. H. Hitler und Indien.— Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte. Stuttgart. 1971, Hf. 1, S. 62.
11. LEVERKÜHN P. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Kriege. Frankfurt am Mein. 1957, S. 178.
12. MANGAT G. S. Op. cit., p. 129, 135, 137, 140—141, 145—146.
13. GANPULEY N. G. Op. cit., p. 164.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Т. АНИСКОВ. *Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны.* Новосибирск. 1993. 254 с.

Доктор исторических наук В. Т. Анисков (Ярославский университет) известен своими трудами по истории крестьянства Сибири в период Великой Отечественной войны. В рецензируемой монографии, изданной Институтом истории Сибирского отделения РАН, он на основе привлечения ряда новых, в том числе и недавно рассекреченных документов (в частности, Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС и бюджетных обследований крестьянских хозяйств Сибири) воссоздает реалистическую и масштабную картину воистину жертвенного подвига крестьянства во имя Победы. При этом он отнюдь не замыкается рамками Сибирского региона, раздвигая горизонты своего исследования и на другие тыловые районы, страну в целом.

Среди исследуемых автором проблем и такие традиционные для советской историографии как перестройка сельского хозяйства на военный лад, состояние сельскохозяйственного производства региона, трудовой и патриотический подъем крестьянства (гл. I, II). Эти сюжеты излагаются в основном на базе прежних разработок автора, установившейся в науке периодизации и методологии, что вполне оправданно.

Новизной и по постановке и по раскрытию вопросов отличаются третья и четвертая главы, в первой из которых анализируются быт и духовная жизнь крестьян, во второй — взаимоотношения крестьян с государством и партией. Характеризуя хозяйства колхозников Сибири, автор оперирует данными нескольких таблиц, составленных им на основе бюджетных обследований ЦСУ колхозных дворов Алтайского края и Новосибирской области за первые полугодия 1941 и 1944 гг. (с. 138—1942). К сожалению, Анисков ограничился «самыми краткими комментариями», предоставляя читателю «самому поразмыслить над этими столь

уникальными, сколь и печальными сведениями» (с. 137).

По примерной прикидке автора, в 1944 г. на одного члена крестьянской семьи названных территорий расходовалось в день на питание 225—280 г. хлеба. «Ни одна категория населения, находившаяся на нормированном государственном снабжении, — делается вывод, — не получала столь мизерного пайка» (с. 140). В 1943—1944 гг., сообщает автор, «на весь денежный доход на душу колхозного населения, полученный за целый год, можно было купить на рынке 5—7 кг. хлеба или 2—3 кг. мяса. В то же время «продажа на колхозном рынке одного ведра картошки могла перекрыть всю годовую выплату на трудодни на весь наличный двор колхозника» (с. 124). «В деревне, — пишет Анисков, — скопилась довольно значительная масса» обесцененных денег; лишённые стимула к целевому денежному накоплению колхозники охотно подписывались на военные займы, приобретали билеты денежно-вещевых лотерей, вносили деньги в фонд обороны и т. п. (с. 125—126).

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) выручали, а нередко и прямо спасали колхозников от голода. В книге говорится о расширении личных участков колхозников многоземельных районов Сибири до 0,5, а иногда и до 1 га (с. 115—116). Вместе с тем в ряде районов Сибири многие крестьянские семьи голодали (с. 144—147). Приводимые в таблицах данные о крайне низком обеспечении колхозников хлебом и другими продуктами питания (с учетом поступлений и из ЛПХ), на мой взгляд, не могут претендовать на точность, поскольку при бюджетных обследованиях записи делались со слов самих крестьян, которые, по ряду причин (в том числе и в связи с налогообложением), были заинтересованы в приуменьшении этих показателей, а строгая

документальная проверка, в отличие от выплат по трудодням, практически была невозможна.

Автор затрагивает и ряд демографических проблем, в том числе и ранее не изучавшихся — массовые депортации в Сибирь «спецпереселенцев» из Республики немцев Поволжья, Калмыкии, Северного Кавказа, Прибалтики (с. 14, 150—151, 163—167). Не обойдены вниманием вопросы здравоохранения, просвещения и образования.

В заключительной главе анализируется ряд документов о хлебозаготовительной политике государства, формах и методах ее проведения. В них по сути дела отразилось функционирование тоталитарной системы в деревне во время войны. Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 ноября, а также СНК от 6 декабря 1942 г., открыли широкий простор для массовых жесточайших репрессий против так называемых «саботажников хлебозаготовок», в том числе и с «партийными билетами в кармане». В ноябрьском постановлении они были названы «злейшими врагами родины, советского народа и партии» со всеми вытекающими отсюда последствиями (с. 211—213). В декабрьском постановлении было категорически запрещено собирать данные о фактическом (амбарном) урожае зерна в колхозах и предлагалось впредь пользоваться только данными ЦСУ о видовой урожайности, определяемой накануне уборки. «Пользование данными об «амбарном урожае» ведет к укрытию хлеба от поставок государству, расхищению и разбазариванию», — говорилось в этом документе. Эти указания были подтверждены постановлениями правительства и Госплана СССР в 1943 и 1944 гг. (с. 78).

Беспредел в заготовках, пишет автор, неизбежно вел к неоднократным сокращениям, а то и полному прекращению выдачи хлеба на трудодни (с. 68). Изъятия колхозной продукции продолжались на всем протяжении войны, что лишало колхозы возможности осуществлять не только расширенное, но даже простое воспроизводство.

По мнению Анискова, в условиях войны был необходим жесткий централизм в управлении страной. Вместе с тем он осуждает уродливые его проявления, которые были «не редки и сродни чудовищной практике 1937—1938 гг.». Небывалая централизация квалифицируется в книге как «государственно-партийный тоталитаризм» (с. 196). Только с конца 1943 — начала 1944 г. под давлением с мест (и, добавим, в связи с улучшением положения на фронтах) центр пошел на некоторое ослабление военно-государственного пресса, определенную корректировку своей аграрной политики (с. 222).

С ноября 1941 по май 1943 г. действовали политотделы МТС и совхозов — необычайные органы партии в деревне. Думается, автор явно преувеличивает их значение как защитников интересов колхозов и колхозников. Спорной представляется и его точка зрения о «преждевременности» упразднения этих органов (с. 206). И в 30-х годах

политотделы МТС существовали короткое время. А причины их ликвидации были по сути дела теми же, что и в 1934 г.: постоянные конфликты между этими чрезвычайными органами и райкомами партии, нарушавшие сложившуюся систему партийного единовластия в районах¹. Что же касается политотделов совхозов, действовавших в довоенный период до марта 1940 г., то они с середины 30-х гг. фактически утратили чрезвычайный характер, полностью вписавшись в систему райкомов партии. Поэтому вряд ли правомерно говорить, как предлагает автор, о «воссоздании» политотделов в 1941 г. (с. 201).

Анисков резко возражает Г. Е. Корнилову, характеризующему партийные кадры военных лет как «послушных исполнителей» постановлений, указаний и инструкций вышестоящих органов. Некоторые аргументы Анискова в этой связи заслуживают внимания, однако, порой они весьма противоречивы. Так, на с. 222 читаем: «уровень критики и самокритики не поднимался... выше областного или республиканского уровня. Соответствующие пожелания в адрес центра просматривались лишь в многочисленных просьбах... Даже снимавшиеся с руководящих постов работники в «последнем слове» обычно сетовали лишь на то, что не оправдали доверие ЦК, благодарили за преподнесенный урок и выражали согласие исправить ошибки на любом другом участке», который им поручат.

Спорен и тезис о «наложении и переплетении традиционно-российского и набиравшего силы советского патриотизма» как источника «беспрецедентного единения еще недавнего бедняка и середняка, местного зажиточного крестьянина и оказавшегося в Сибири не по своей воле переселенца» (с. 17—18). Правомерно задаться вопросом: как в данном случае быть с настроениями поголовно депортированных народов? В другом месте автор пишет: «Если в гражданскую (войну), рассуждая по известной упрощенной схеме, Советская власть и рабочий класс защищали крестьянство, скажем, от опасности возвращения помещика..., то в Великую Отечественную, опять-таки выражаясь несколько условно, не столько Советская власть (и даже не рабочий класс) защищали жизнь и будущее нашей деревни, сколько наоборот. Ибо 70% личного состава армии 1941—1945 гг. представляли «разбронированные» сельские жители» (с. 234). А на с. 11 говорится, что «не менее 70% мобилизованных на фронт составляли выходцы из сельских районов, прежде всего крестьяне». Эта цифра — округленный показатель переписи 1939 г. о соотношении городского и сельского населения (соответственно 33 и 67%). Однако если обратиться к данным той же переписи о социально-классовом составе населения, то картина будет иной: крестьяне-колхозники и кооперированные кустари составляли 47,2%, крестьяне-единоличники и некооперированные кустари — 2,6%, итого — 49,8%, а на

рабочих и служащих приходилось 50,2%². Таким образом, крестьяне составляли менее половины населения страны, но в деревне жило немало «разбронированных» представителей рабочего класса (рабочие совхозов и МТС, перерабатывающих предприятий и др.), сельской интеллигенции (учителя, врачи и т. д.). Хорошо известно, что основная часть рабочих городских предприятий была мобилизована или ушла на фронт добровольцами, а их место за станками заняли подростки.

Положительный ответ автора на риторический вопрос, стоило ли или нет бросить на чашу исторических весов 30 млн человеческих жизней (с. 231—232) можно понять и так, что он как бы оправдывает эти колоссальные жертвы. В другом месте уточняется, что, став жертвой своей же преступной близорукости, высшее руководство страны стремились добиться победы «любой ценой», т. е. за счет максимальных жертв (с. 131). Оба этих тезиса нуждаются в пояснении, более четком изложении.

Достойно сожаления, что автор не счел возможным хотя бы в общей форме оценить состояние разработки данной темы в 80-х — начале

90-х гг., выделить направления и наиболее актуальные проблемы ее дальнейшего изучения. Следовало бы в той или иной мере учесть в книге пожелания и замечания рецензентов на такие обобщающие труды последних лет, как 3-й том «Истории крестьянства Сибири» (1985 г.), 3-й том «Истории советского крестьянства» (1987 г.), монографии историков-аграрников Урала³.

К сожалению, автору не удалось избежать некоторых некорректных выражений в адрес оппонентов, многочисленных редакционных огрехов (с. 3, 5, 212, 213, 227 и др.).

И. Е. ЗЕЛЕНИН

Примечания

1. Отечественная история, 1992, № 6, с. 56—57.
2. Народное хозяйство СССР в 1969 г. М. 1970, с. 7, 30.
3. См. Вопросы истории, 1986, № 11; История СССР, 1989, № 3; История СССР, 1991, № 6, и др.

В. И. ГОЛДИН. *Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918—1920.* М. Издательство Московского университета. 1993. 200 с.

Автор этой книги — декан исторического факультета Архангельского педагогического института В. И. Голдин — использовал как уже опубликованные в России и за рубежом материалы, так и периодику тех лет и архивные источники. К сожалению, он не мог привлечь материалы из архивов США, Великобритании и Финляндии.

В советской историографии интервенция на Севере России в 1918—1920 гг. обычно изображалась как некая колониальная экспедиция, совершавшаяся под прикрытием марионеточных контрреволюционных правительств, возникших в результате заговора международного империализма. Внутренний же потенциал антибольшевистских сил, как правило, недооценивался. В свою очередь зарубежные авторы рассматривали вооруженную интервенцию с позиций «своих» ее участников, также недооценивая роль антибольшевистского движения в самой России.

Голдин подчеркивает, что северные антибольшевистские правительства в основном держались на военной силе интервентов, но при этом не упускает из виду и внутренние механизмы развития северного антибольшевистского движения, выявляет его потенциал (а заодно и противоречия), показывает, что у него имелась значительная, хотя и неустойчивая социальная база. На первых этапах это движение не было контрреволюцией, являясь продолжением российской революции, начавшейся

в феврале 1917 года. Этот этап закончился крахом участвовавших в нем сил, и к власти пришел правый, антисоциалистический лагерь, опиравшийся на офицерство и пользовавшийся большей поддержкой интервентов. Думается, автору удалось показать распределение ролей и сил в антибольшевистском лагере и происходившие в нем изменения.

Автор утверждает, что «именно Русский Север стал первым плацдармом и своего рода испытательным полигоном военно-политического союза держав Антанты и антибольшевистских сил» (с. 4). Северная область, замечает он, «стала своего рода экспериментальной базой для апробации особой демократической модели антибольшевистского движения» (с. 180). Однако единый антибольшевистский фронт здесь не сложился. Элементы, которые были призваны образовать подобную коалицию «были органически несовместимы» (там же).

С последним выводом автора можно согласиться. Что же касается «особой демократической модели антибольшевистского движения», то она подвергалась «апробации» и в других регионах: в Сибири и Поволжье — в виде «демократической контрреволюции» (правильнее было бы, наверное, вместо этого ленинского определения использовать понятие «демократического антибольшевизма»); на Юге сходную роль сыграло казачье движение, основанное на специфических, но, по сути,

демократических настроениях казачьих масс. Анализ социальной природы и политической эволюции северного антибольшевистского движения, содержащийся в книге, подтверждает, что борьба с большевизмом в разных регионах России развивалась в соответствии с общими закономерностями.

Вторая ключевая проблема книги — причины и мотивы союзнической интервенции в России, в данном случае на Севере. Об этом написано много, но полной ясности нет и до сих пор. Американские историки сосредоточивались на военно-политических мотивах интервенции, а почти все советские авторы усматривали в ней прежде всего классовую войну против советской России. Голдин пытается отойти от крайних точек зрения.

В книге представлены сложная политическая обстановка и дипломатические маневры, связанные с началом вооруженной интервенции, попытки советского правительства лавировать между Антантой и Германией и играть на их антагонизме. В свою очередь и союзники стремились использовать двусмысленную позицию Москвы и добиться «приглашения» их войск. Автор показывает, что интервенция фактически началась без всяких формальных решений и в известном смысле задолго до «словесного соглашения» союзников с Мурманским Советом. Дело в том, что союзникам принадлежал реальный военный контроль над Мурманском, тогда как советское правительство не имело никаких возможностей изменить неблагоприятное для него соотношение сил в этом районе. В этих условиях союзникам, прежде всего Великобритании, оставалось только найти подходящие поводы для эскалации интервенции.

Автор полагает, что агрессивные планы финских националистов в отношении района Мурманска и Карелии, поддержанные Германией, давали реальные основания для вторжения союзников, которое и началось как военная операция против Германии, косвенно направленная и против большевиков. Однако все упирается в вопрос, насколько серьезными были причины для такой операции. Отдельные стычки с белофинами имели место, но приведенные в книге факты не убеждают в реальности и масштабности этой угрозы. Когда интервенция весной-летом 1918 г. перешла в фазу боевых действий, финских агрессоров уже не оказалось в этом районе и борьба с германо-финской угрозой превратилась в бой с тенью. Всерьез финский и карельский факторы (по мнению автора, ставить между ними знак равенства нельзя) проявили себя лишь год спустя, когда карельские сепаратисты и бывшие союзники России оказались в одном антибольшевистском лагере.

Думается, книга не поколебала представление о том, что германо-финская угроза Мурманску была фикцией. Тем более этой угрозой нельзя объяс-

нить захват Архангельска и создание нового фронта против большевиков. Кроме того, автор недостаточно учитывает общее развитие антисоветской интервенции. В Сибири она была также предпринята под флагом борьбы с Германией, но там фальшь этой мотивации была более очевидной.

Идея восстановления Восточного фронта, которую настойчиво муссировали многие сторонники интервенции, фактически прикрывала главную цель — свержение большевиков и создание в России просоюзнического режима. Подобные планы имели достаточно фантастический характер, как и надежды на многотысячные русские армии, якобы стекающиеся в Сибирь под знамена союзников. Союзное командование осознавало полную невозможность отвлечь даже символические контингенты с Западного фронта. В конечном итоге иностранная интервенция имела ограниченный — «реалистический» — характер.

Именно поэтому нельзя сводить замыслы и действия интервентов к узковоенным задачам. В США высшее руководство сразу поставило крест на планах восстановления Восточного фронта. Планирование «русской политики» превратилось в настойчивый поиск «аборигенных» центров силы, вокруг которых могли бы группироваться демократические антибольшевистские элементы. Именно поэтому американские декларации об интервенции, которые автор характеризует как амбициозные и противоречивые (с. 66), такими вовсе не были. В очень осторожных выражениях в этих документах недвусмысленно фиксировалась главная цель: оказание помощи чехословакам и другим антибольшевистским и просоюзническим силам в России.

Голдин сосредоточен главным образом на военно-стратегических причинах иностранной интервенции. Антибольшевистская направленность была, по его мнению, побочной и вышла на авансцену после окончания мировой войны. Нам представляется, однако, что эти тенденции являлись двумя сторонами общей политики, направленной против Германии и против большевистского правительства в Москве. Можно, конечно, спорить о классовой либо геополитической направленности этой политики, но не следует, очевидно, забывать и о том, что социальная природа советского правительства, а не только его прогерманская политика, сузила набор альтернатив, стоявших перед США и Антантой, не оставив им иного выбора, кроме вооруженного вмешательства. Объективно интервенция превратилась в борьбу с советским правительством, и именно поэтому продолжалась и расширялась и после завершения мировой войны, вопреки всякой военно-стратегической логике.

Автор затрагивает и вопрос об экономических мотивах интервенции, упоминая о надеждах западных держав получить доступ к природным богатствам русского Севера. Конечно, эти соображения присутствовали в мышлении планировщиков интер-

венции. Но приводимые в книге сведения не содержат достаточных оснований для сколько-нибудь масштабных выводов на этот счет и сводятся в основном к отрывочным высказываниям поборников вооруженной интервенции.

Рецензируемая книга наводит на серьезные

размышления об интервенции и о гражданской войне и свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки этой темы российскими и зарубежными авторами.

О. В. ТЕРЕБОВ

А. И. ЮХТ. *Русские деньги от Петра Великого до Александра I*. М. Финансы и статистика. 1994. 336 с.

Доктор исторических наук А. И. Юхт (Институт российской истории РАН) исследовал реформы и изменения денежной системы России в XVIII столетии. Автор использовал обширный комплекс источников, в том числе впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, преимущественно из фондов Российского государственного архива древних актов — Кабинета Петра I, Сената, Верховного тайного совета, Берг-коллегии, разрядов госархива Российской империи по финансам и внутреннему управлению, а также монетной канцелярии. Автор учел и немногочисленную специальную литературу, отметив особое значение превосходного издания Корпуса русских монет XVII—XIX вв. вел. кн. Георгия Михайловича, к сожалению, так и незавершенного. Хотя Юхт и не ставил перед собой задач нумизматического характера, монография его содержит ценные наблюдения в этой области, перекликающиеся с опубликованным ранее справочным пособием В. В. Узденикова¹.

Изложение выдержано в книге в хронологическом плане, но в отличие от своих предшественников Юхт отступает от традиционного повествования «по царствованиям». Не отрицая роли верховных правителей в монетном деле и финансовой политике, он убедительно показывает, что существовали от их воли не зависящие проблемы, которые нужно было решать в интересах государства. При всей несхожести политики, к примеру, Петра I и Анны Иоанновны, этой последней и Елизаветы Петровны, а позже и Екатерины II власть была призвана решать по сути дела одни и те же финансовые вопросы и нередко на одних и тех же путях.

Согласно концепции Юхта, новый этап в развитии денежной политики России был заложен Петром Великим. Согласно его финансовой реформе, основой русской денежной системы стали «копейка-рубль» и десятичный счет в соотношении крупной и мелкой монеты в повседневном обиходе. Была создана единая для всей громадной страны денежная система, отвечающая уровню социально-экономического развития России и ее возросшему международному весу. Техническое переоснащение монетного производства (его механизация и стандартизация с учетом опыта других европейских государств) вывело его на новые рубежи.

Северная война и секретные статьи Ништадтского мира наложили свой отпечаток на всю денежную политику. Россия обязалась выплатить Швеции за утраченные последней земли Прибалтики — 2 млн. «эфимков», что неукоснительно выполнялось русской стороной, хотя и было для ее финансов немалой нагрузкой. Требовались огромные средства и их получение в казну диктовало меры, пагубность которых в перспективе осознавалась Петром I и его правительством (выпуск монет пониженного веса при сохранении номинала, сокращение содержания металла в монетной единице). В дальнейшем Петр предполагал осуществить изъятие из обращения неполноценной монеты и замену ее доброкачественной. Эта линия была продолжена его преемниками, когда власти предприняли усилия по стабилизации денежного хозяйства. Времена Екатерины II и Павла I автор определяет как начало кризиса монетной системы в России.

Самостоятельные разделы книги посвящены серебряным, золотым и медным деньгам, а с 1769 г. бумажным (ассигнациям). Автор отмечает необычное для других стран соотношение стоимости золота и серебра (не в пользу первого) в России. Невыгодность для страны этой диспропорции была осознана довольно поздно.

Опираясь на разнообразные источники, автор дает развернутую картину чеканки монеты (источники сырья, оборудование и технология производства, положение работников монетного дела, объемы выпуска денег на различные даты, уровень прибыли государства и т. п.). Читатель получает конкретное представление о работе московских, петербургских, уральских, сибирских и других монетных дворов. Изложение сопровождается многочисленными статистическими таблицами, имеющими немаловажное справочное значение. Автор тщательно прослеживает изменения монетной стопы и содержание металла в денежных единицах, соотношение «казенной» и рыночной цены монетного материала.

Отчетливое представление создается у читателя о закономерном переходе монетного дела от безусловного преобладания серебряных денег к постепенному повышению доли преимущественно медной и частично золотой монеты, а со второй половины XVIII в. к ведущему положению бумаж-

ных ассигнаций. В целом, как показывает Юхт, на протяжении XVIII столетия русские деньги свою функцию выполняли удовлетворительно, что положительно сказывалось на развитии производственной сферы; рост цен не приобретал обвального характера.

Длительное время Россия испытывала большие затруднения с получением благородных металлов, да и меди. Кстати, не вполне точно утверждение Юхта применительно к XVII в. о том, что «Россия собственного серебра не имела» (с. 10). Фактически речь идет о том, что еще не разведаны были отечественные месторождения благородных металлов. Собственные разработки, в основном, начались лишь при Петре I. Тем примечательнее поиски государством возможности для поддержания серебряной основы монетной системы. Когда это стало делать легче (после ввода в эксплуатацию уральско-сибирских сереброплавильных и золотодобывающих предприятий), вступили в дело бумажные деньги, ранее решительно отвергаемые российскими финансистами. Несколько уточняя положения автора на этот счет, отметим, что интерес к бумажным деньгам в России был проявлен еще при Петре I и лично царем².

Автор раскрывает сложные проблемы монетного дела в России XVIII в., трудность осуществления правительственных мер по выводу из обращения неполноценных денег и замены их новыми. Властям приходилось считаться с поведением широких масс в таких ситуациях. Уроки «медного бунта» середины XVII века не забывались. Иначе говоря, в поле зрения автора находится и социальный аспект.

Интересны страницы, посвященные борениям финансовой мысли в правящих кругах России, емким характеристикам главных действующих лиц на поприще монетного дела (в том числе историка В. Н. Татищева, И. А. Шлаттера). В книге приведены факты извечного противоборства монетаристов и их противников. Хотя первые преобладали в высших кругах общества, будучи ярыми сторонниками пополнения государственной казны путем переноса тяжести реформ денежного обращения на плечи широких народных масс, они сталкивались а с иными мнениями (Я. П. Шаховской, А. А. Вяземский и др.).

Критики официального курса указывали на вредоносность игнорирования производственной сферы и, следовательно, положения непосредственных производителей. Поддерживая монетаристское направление, правительство пыталось смягчить его воздействие расширением прав тор-

гово-промышленной деятельности для крестьянства и других категорий податного населения (т. е. расширением товарного производства), а также известным регулированием хлебных цен. Последнее, между прочим, входило в компетенцию полиции.

В книге рассматривается обреченная на неудачу попытка Павла I отказаться от ассигнаций и выкупить их у населения, когда обнаружилось падение их курса по отношению к серебряному рублю. Сыну пришлось следовать по стопам нелюбимой матушки. Возникновению кризисной ситуации с денежным обращением в России способствовало не только неумеренное печатание ассигнаций, но и правительственная политика. Власти не отказывались от принудительных заниженных цен на обязательные поставки меди в казну с частных заводов, что влекло за собой свертывание медеплавильного производства.

И все же, думается, вопрос о начале кризиса в денежной системе России (автор датирует его 1762 годом) остается спорным. Пока ассигнации выполняли свою роль и резко не падали в цене, функционирование денег в России можно считать нормальным. Только на исходе царствования Екатерины II обнаружилось тревожные симптомы, в полной мере проявившиеся к началу XIX столетия (падение в 4 раза).

Юхт неоднократно возвращается к проблеме фальшивых денег в России. Вероятно, этот материал было бы целесообразнее объединить в специальном разделе.

Интересна подборка иллюстраций. Недостает однако таблицы денежных знаков и их соотношения между собой. Она была бы очень полезна современному читателю, для которого не существует разницы между счетными и реальными денежными единицами. Нуждаются в пояснениях и некоторые специальные термины (бандероль, вардейн).

Новая монография Юхта восполняет значительный пробел в отечественной историографии России XVIII столетия.

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Примечания

1. См. УЗДЕНИКОВ В. В. Монеты России. 1700—1917. М. 1985.
2. См. ТРОИЦКИЙ С. М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи.— Франко-русские экономические связи. М.— Париж. 1970.

В. Л. КЕРОВ. *Идеи Апокалипсиса в средние века (Иоахим Флорский, Оливи, бегины Южной Франции)*. М. Луч. 1994. 192 с.

нига доктора исторических наук, профессора Российского университета дружбы народов В. Л. Керова посвящена одной из крупных проблем истории общественной мысли в средневековой Западной Европе: специфике неортодоксальных трактовок последней части библейского канона — «Откровения Иоанна», и связи этих интерпретаций с проявлениями внутрицерковной оппозиции в Италии и Франции XII—XIV вв. и народными еретическими движениями этого времени.

Тема средневековых ересей и связанные с нею идейная и социальная проблематика давно привлекают автора. В новой обобщающей работе он не только подводит определенные итоги своей многолетней исследовательской деятельности по вопросам, указанным в заглавии книги, но и существенно дополняет свои наблюдения и выводы.

Обрисовывая почти двухсотлетнюю историю трактовок Апокалипсиса и связанных с этим проблем (критики церкви и духовенства, утверждения или отрицания идеала «совершенной апостольской бедности» и т. д.), автор дает выразительные очерки жизненного и идейного пути итальянского аббата Иоахима Флорского (1133—1202), его последователя во Франции Петра Иоанна Оливи (1248—1298), видного врача и комментатора Апокалипсиса Арнольда из Виллановы и других мыслителей. Однако автор не ограничивается их характеристиками и сферой взаимодействия идей. Керова интересует социальная обстановка, общественная среда, в которой они функционируют.

В книге прослеживаются судьбы творческого наследия отдельных мыслителей, реакция на их идеи различных социальных групп и институтов, неоднозначное восприятие и понимание этих идей. Автор стремится многогранно раскрыть, какую роль сыграли идеи Оливи (а через них принципы иохимизма) в представлениях и деятельности спиритуалов, оппозиционного течения внутри францисканского ордена, и в истории бегинов в Южной Франции, ереси, которая, как убедительно показал автор, обрела характер массового движения.

Керов широко использует наряду с анализом источников цитирование текстов — материалов инквизиционных судов, папских энциклик и т. д., справедливо полагая, что это поможет читателю «почувствовать аромат давно прошедших времен» (с. 6); Освещение важнейших проблем сопровождается обстоятельным сопоставлением различных точек зрения по исследуе-

мым вопросам. Особенно привлекательными в этих обзорах представляются их объективность и бережное внимание к отечественным научным традициям — работам С. А. Котляревского, О. А. Добиаш-Рождественской, С. Д. Сказкина, М. М. Смиринина и других.

Жизнь и труды Иоахима обрисовываются на фоне экономического и социально-политического развития Южной Италии, массовых настроений и идейных процессов второй половины XII — начала XIII веков. Биография Иоахима Флорского представлена пожалуй впервые столь подробно в нашей современной историографии. В творчестве Иоахима Керов выделяет прежде всего его истолкование Апокалипсиса, основанное на сопоставлении Ветхого и Нового заветов. На этой базе Иоахим строил своеобразную философию истории, критические выводы и пророчества.

По мысли Иоахима, жизнь человечества проходит через три состояния мира, соответствующие откровениям Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Жизнь «по плоти» от Адама до Христа, идущая под знаком закона, страха, кнута, рабской покорности, не мудрости, а лишь знания, сменяется более совершенным состоянием — жизнью «между плотью и духом», под благодатью, в вере и обретении частичной мудрости. Длительность этой стадии, по расчетам Иоахима, от Христа до 1260 года. Затем, после великого потрясения, прихода Антихриста и борьбы с ним, наступает состояние жизни «по духу», под знаком высшей, приумноженной благодати, в любви и свободе, мире и созерцании истины, при котором уже будет не нужен покров «буквы» в божьем откровении Св. Писания. Означает ли это, что Библию должно сменить некое новое Евангелие или требуются лишь дополнения к Новому Завету, которые, по недостаточно ясной формулировке Иоахима, «вытекают» из Писания?

Споры о трактовке текстов калабрийского аббата, включая и его пророчества о совершенном ордене монахов (или двух монашеских орденах?) шли на протяжении всего XIII века. Не прекратились они и позже. Со временем иохимизм стал явлением европейского масштаба. Ясно, что мироощущение, связанное с уверенностью в близости Страшного Суда, со стоящей почти у порога расплатой за пороки и нечестие, не могло не породить особую чувствительность к нравам, порядкам, установлениям, не отвечавшим идеальным нормам. Отсюда острая критика злоупотреблений духовенства у Иоахима, который вооружил своих

последователей новыми основаниями и аргументами.

На взгляд автора, Иоахим в своей критике все же не выходил за рамки внутрицерковной реформы, он хотел лишь исправить духовенство, т. е. в конечном счете, укрепить его позиции. Калабрийский аббат никогда не рассматривал папство как врага церкви, не связывал с ним образ Антихриста, не сопоставлял его с Вавилоном, который должен погибнуть — все это сделали более радикальные истолкователи иоахимизма.

С именем Петра Иоанна Оливи, одного из наиболее крупных последователей Иоахима, развившего его идеи, Керов справедливо связывает специфику нового этапа в истории иоахимизма, когда его стали осваивать (в первую очередь через Оливи) спиритуалы. Интересны сделанные автором сопоставления философско-исторических взглядов Оливи и Иоахима. Периодизация христианства, предложенная Оливи более конкретизирована, теснее привязана к историческим фактам. Он призывает вернуться к принципам церковной жизни времен апостолов, требует в полной мере осуществить определенный уставом Франциска Ассизского обет бедности. С этих позиций Оливи осуждает пороки католической церкви в ее прошлом и настоящем.

У Оливи, заключает Керов, «речь идет даже не о критике католической церкви, как это было у калабрийского аббата, а о ее полном отрицании» (с. 80). Добавим, что это было связано с представлениями о будущем состоянии христианства, замене «плотской», погрязшей в мирских делах и пороках церкви — «блудницы» новой церковью — «духовной», которая будет воздвигнута на руинах «этого Вавилона» и будет состоять «из людей, преследующих возвышенные, духовные цели» (там же). Иоахим же, по мнению автора, говоря о будущем католической церкви имел в виду ее очищение от греховности.

Характеризуя крупнейших выразителей оппозиционных настроений, Керов справедливо подчеркивает, что для правильного понимания их апокалиптических представлений необходимо выяснить, как они соотносятся со всей системой взглядов данного мыслителя. В этом контексте заслуживает внимания изложение неортодоксальной теории познания Оливи, придававшего большое значение ощущениям, опыту. Автор указывает на сходство этой гносеологической концепции со взглядами известного схоласта-аверроиста Сигера Брабантского и даже настаивает на связи их учений о познании (с. 72). Впрочем, эти положения лишь декларируются, необходимых аргументов автор не приводит.

Гораздо более развернутым и убедительным предстает данный Керовым анализ взглядов Оливи на основанный на евангельских принципах «способ жизни в бедности» монахов-францисканцев. Оливи резко осуждал их стремление к накоплению богатств и стяжательство. Эту непримиримость Оливи к церковным богатствам Керов связывает с широким движением, получившим развитие в лоне самой церкви во второй половине XIII — первых десятилетиях XIV вв. и отражавшим недовольство самых разных слоев общества. В народной среде призывы к бедности церкви становились одной из форм социального протеста. Вместе с тем автор справедливо полагает, что хотя проповедь бедности могла быть направлена на подрыв феодальных порядков, но «сама по себе... противоречила подлинным интересам народных масс» (с. 84).

Принципы «евангельской бедности» составили, как считает автор, ту идейную основу, на которой могло происходить определенное смыкание интересов весьма различных социальных слоев с характерными для них настроениями и чаяниями, сложных по составу участников еретических движений и выразителей оппозиционных взглядов внутри самой церкви. Конкретные примеры возникновения подобных связей автор показывает, освещая борьбу южнофранцузских бегингов и спиритуалов с папством в XIII—XIV веках. Представляются весьма существенными и уточнения названий различных сект.

Керов полагает, что течение спиритуалов представляло собой направление «оппозиционное политике (францисканского) ордена и церкви в целом» (с. 64). Точнее было бы сказать здесь об их оппозиционности руководству ордена и церкви. Среди спиритуалов, как показано в книге, было немало сторонников Оливи. Интересны свидетельства о связи Данте со спиритуалами, совпадении некоторых их идей с позицией великого поэта. Жаль, что автор лишь мимоходом упоминает о видном спиритуале Якопоне да Тоди (с. 124), который заслуживал более обстоятельной характеристики. Напомним в этой связи, что противники спиритуалов внутри францисканского ордена — конвентуалы считали, что правила этого ордена слишком строги, составлены «для ангелов, а не людей», и добивались их смягчения, в том числе и по вопросу о «жизни в бедности».

К числу особенно интересных разделов книги относится анализ особенностей движения бегингов в Южной Франции. Читатель знакомится с обеими конфликтующими сторонами — оппозиционным еретическим движением с его видными идеологами и с их

оппонентами и гонителями — теологами римской курии и ортодоксами из среды монашества и белого духовенства, которые не только полемизируют с еретиками, но и активно борются с любыми проявлениями ереси с помощью инквизиционных судов, созданных еще в 1217 г. для искоренения ереси катаров и вальденсов. В этих идеологических поединках отчетливо раскрывается непримиримость позиций обеих сторон. Протоколы инквизиционных допросов, заключения комиссий теологов, папские буллы, используемые автором, дают яркий и убедительный материал для характеристики обеих конфликтующих сторон.

Ужесточение гонений на спиритуалов, разгром ереси на юге Франции наложили отпечаток на дальнейшие судьбы оппозиции церкви и папству, рассмотрение которых выхо-

дит за рамки исследования Керова. В противовес бытующим в историографии представлениям, резко противопоставляющим «ученые» ереси «народным», автору удалось доказать, что при всех различиях между ними были и важные точки соприкосновения. В констатации этого факта, имеющего принципиальное значение, Керов порой допускает некоторые терминологические неточности: на с. 167 он утверждает, что имело место прямое «объединение» ереси бегинов и спиритуалов. Но на той же странице автор пользуется и другой формулировкой, представляющейся более верной: «происходило как бы соединение двух форм еретических представлений — доктрин, выдвинутых оппозиционно настроенными мыслителями, и ересей, распространенных или возникших в народной среде».

Л. М. БРАГИНА

H. A. WINKLER. Weimar 1918—1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München. Verlag C. H. Beck. 1933. S. 710.

Г. А. ВИНКЛЕР. Веймар 1918—1933. История первой германской демократии.

История Веймарской республики остается одной из центральных проблем в германской историографии. Изучая ее поучительные и сложные уроки, исследователи и политики стремились найти ответы на многие вопросы. Почему стал возможен 1933 год? Почему пришли к власти национал-социалисты и кто в этом повинен? Можно ли было спасти Веймарскую республику или она рухнула в результате внутреннего развития?

Осознать уроки прошлого и не повторить его, сделать надлежащие выводы — эта мысль проходит через всю книгу профессора Гумбольдтского университета Г. А. Винклера, который пытается ответить на ряд вопросов, касающихся в первую очередь происхождения, становления, этапов истории, причин слабости и краха Веймарской республики. Его труд получил весьма благожелательные отклики авторитетных германских историков.

Свое исследование Винклер начинает с анализа причин и предпосылок Ноябрьской революции 1918—1919 годов. Он считает, что в основе их лежало противоречие между развивающимся обществом и отсталой политической системой кайзеровской империи, задолго до 1914 г. переживавшей «затяжной кризис» (с. 14—15). Либералам и демократам не удалось в 1848—1849 гг. одновременно добиться и единства Германии и политической свободы. Созданная Бисмарком империя обеспечила единство Германии, но не открыла пути свободного развития парламентаризма и либерализма (с. 15). Последующая индустриализация страны подгото-

вила предпосылки новой революции, а первая мировая война и поражение Германии стимулировали углубление кризиса кайзеровской империи.

Исследуя Ноябрьскую революцию, автор обращает особое внимание на стратегию и тактику социал-демократии. Он исходит из того, что ее лидерам не удалось предотвратить революцию. Когда же она началась, они стремились возглавить правительство, сохранить спокойствие и порядок. СДПГ и во время революции оставалась партией порядка: она хотела «приручить» Советы, «усмирить» революцию, не допустить, чтобы последняя переросла, как русская революция, в хаос и гражданскую войну (с. 32).

Винклер выделяет три фазы развития Ноябрьской революции: ноябрь—декабрь 1918 г.; январь—май 1919 г.; май 1919 — апрель 1920 года. Лидеры СДПГ с самого начала ориентировались не на Советы, а на Национальное собрание. Советы же в армии, как и на заводах и фабриках сами исходили из того, что их существование имеет временный характер и созданы на беспарламентский, переходный период. Они не воспринимались как модель будущей «чистой» демократии (с. 38) и не могли стать базой развития революции по «третьему пути». К тому же, подчеркивает автор, Советы выступали в качестве инструмента Совета народных уполномоченных, т. е. способствовали укреплению парламентской демократии.

Винклер считает, что благодаря наличию индустриального общества и такого демократическо-

го института, как всеобщее избирательное право, переворот в Германии не мог совершиться по образцу Октябрьской революции. В Германии отсутствовали предпосылки социалистической революции; «всей власти Советам» добивалось только меньшинство рабочих (с. 82).

В книге подвергается справедливой критике СДПГ, не использовавшая исторический шанс укрепить основы республики. Лидеры СДПГ пошли на сотрудничество с представителями старых властей и армии, принеся в жертву этому сотрудничеству обеспечение завоеваний парламентской демократии. К непримиримым врагам демократии автор относит офицерство, высшее чиновничество и органы юстиции, крупное землевладение на востоке Германии и тяжелую индустрию. Во время революции социал-демократы допустили серьезнейшую ошибку, сохранив почти без изменений старый государственный аппарат.

По мнению Винклера, высшей точкой революционного подъема зимой-весной 1919 г. стало провозглашение двух Мюнхенских (по терминологии автора) советских республик. Первая просуществовала только одну неделю и была, как считает Винклер, трагикомическим фарсом (с. 79). Во время второй левые экстремисты впервые сумели установить диктатуру незначительного меньшинства и на несколько недель подчинить ей большой город (с. 81). Однако на большую часть населения обе республики подействовали как предупреждение о грозящей опасности. Ненависть к марксистам и большевизму приняла в Мюнхене и во всей Баварии фантастические размеры. То, что в советское правительство входили евреи, послужило поводом для развязывания мощной антисемитской кампании. Не случайно, отмечает Винклер, Гитлер нашел в послереволюционном Мюнхене идеальную почву для распространения своих идей (с. 82).

В книге обходится вопрос о характере Ноябрьской революции. Однако автор справедливо указывает, что с ее итогами не примирились часть правящего класса Германии, некоторые политические партии и определенные прокоммунистические слои рабочих. Вплоть до конца 1923 г. и справа и слева предпринимались попытки насильственного свержения республиканского строя. 1923 год Винклер считает переломным моментом в развитии послевоенного кризиса в Германии.

Автор резко критикует путчистскую тактику КПГ, линию Коминтерна и РКП(б) на «коммунистическую революцию» в Германии. Он считает, что в результате большевизации КПГ утратила самостоятельную политическую роль (с. 154). Автор повествует и о сопротивлении правых лидеров СДПГ идее единого рабочего фронта. Роковые последствия, полагает он, имел отказ воссоединенной социал-демократии под давлением независимцев, войти в конце ноября 1922 г. в «большую коалицию», возглавленную лидером Народной партии Г. Штреземаном. Правительство, основанное на

широкой парламентской базе, полагает Винклер, вряд ли бы стало проводить авантюристическую политику, какую вел кабинет В. Куно.

Винклер упоминает, что острая экономическая и политическая ситуация в Германии была расценена председателем ИККИ Г. Е. Зиновьевым, поддержанным К. Б. Радеком и Л. Д. Троцким, как «приближающийся революционный кризис». Руководство РКП(б) подталкивало КПГ к восстанию. Уверенность в победе была в ту пору подавляющей. После некоторых колебаний и И. Сталин стал решительно выступать «за немедленное взятие власти коммунистами». Для подготовки революции на секретном заседании политбюро РКП(б) 23 августа 1923 г. была создана специальная комиссия. В нее кроме военных экспертов, вошли Зиновьев, Радек, Сталин, Троцкий, Г. В. Чичерин и неофициально советский посол в Германии Н. Крестинский, которому передавалось управление секретным денежным фондом для подготовки «немецкого Октября» (с. 214). На этом же заседании был провозглашен лозунг: «Теперь или никогда».

План, разработанный в Москве, предусматривал, что сначала коммунисты вступят в рабочие правительства Саксонии и Тюрингии, а затем организуют вооружение рабочих. Троцкий готов был назначить «немецкий Октябрь» на 9 ноября, т. е. на пятую годовщину Ноябрьской революции. Винклер утверждает, что опасность восстания была вполне реальной. Однако события пошли по другому пути. 21 октября в Хемнице открылась конференция фабрично-заводских комитетов. Ей предстояло принять решение о всеобщей забастовке и ее перерастании в вооруженное восстание. Но эти планы не нашли поддержки и одобрения. Сигнала к восстанию не последовало. В результате ЦК КПГ решил отложить его (с. 225). Тем не менее 23—25 октября восстание вспыхнуло в Гамбурге. Оно было подавлено и это подвело черту под «немецким Октябрем».

Попытка коммунистов захватить власть, пишет Винклер, исходила из авантюристической стратегии, которую обосновывали РКП(б), ИККИ и его левые последователи в руководстве КПГ (с. 226). Оценка Винклером места и роли РКП(б) и Коминтерна в германских событиях 1923 г. и его выводы подтверждаются архивными материалами Коминтерна¹.

В начале ноября 1923 г. также быстро был подавлен мюнхенский путч Гитлера, провозгласивший начало «национальной революции». В итоге государственного кризиса осенью 1923 г., как считает автор, распалась «большая коалиция», последовала отставка Г. Штреземана, социал-демократы были на четыре с лишним года устранены из имперского кабинета, запрещены КПГ, коммунистическая пресса и НСДАП.

С конца октября 1923 г., утверждает Винклер, реальная революционная опасность от левых сил

уже не исходила (с. 24). Коммунисты отказались от планов «немецкого Октября», однако до конца оставались враждебными Веймарской республике. Буржуазно-парламентская демократия выдержала это серьезное испытание и не соскользнула на путь открытой диктатуры. «Мягкий исход» кризиса 1923 г. Винклер объясняет тремя причинами: правительство «большой коалиции» справилось с инфляцией и подошло к экономической стабилизации; дипломатическое вмешательство США и решение репарационной проблемы подорвали аргументацию в пользу сдвигов вправо; не получили развития диктаторские амбиции руководства рейхсвера и гитлеровцев (с. 241).

Победа в 1925 г. Гинденбурга, считает Винклер, явилась шагом назад по сравнению с Веймарской конституцией 1919 г.; это было выражение недоверия республике (с. 284). После 1925 г. усилились позиции крайне консервативных, реакционных и антидемократических сил, которые и подорвали устои буржуазно-парламентской республики.

Важное место в книге занимает проблема отношения разных слоев германской интеллигенции к республиканскому строю. Левая ее часть вообще отвергала новое государство (с. 300). Те, кто были под влиянием В. Мюнценберга, провозглашали идеи революционного разрушения существующей системы и установления «Советской Германии». Б. Брехт, А. Зегерс, А. Цвейг, И. Бехер, хотя и числились «веймарскими» интеллектуалами, но, по мнению Винклера, не были внутренне связаны с основами веймарской государственности. К. Тухольский, хотя и не смотрел на нее сквозь коммунистические очки, был настроен к ней крайне критически. Консервативная часть интеллигенции (М. Хайдеггер, К. Шмит) критиковала республику с правых позиций и видела в ней прежде всего продукт уравнилельного коллективизма и торжество массы над личностью. «Плюралистическому разложению государства» эта часть интеллигенции противопоставляла радикальный национализм и идею единой нации. Ее «интегральный национализм» был ответом на вызов главных врагов: марксизма и либерализма (с. 303). Значительная часть интеллигенции (Томас и Генрих Манн), пишет Винклер, сознавая неустойчивое внутреннее положение Веймарской республики, тем не менее призывала поддерживать ее.

Размышляя о судьбе первой немецкой буржуазно-демократической республики, автор приходит к выводу, что она ни в коем случае не распалась бы сама по себе (с. 609). Катастрофы бы не произошло, если бы было достигнуто антитоталитарное согласие между президентской властью и демократическим меньшинством парламента. К главным причинам крушения республики Винклер относит и то, что она лишилась поддержки со стороны значительной части буржуазии, а без достаточно сильного буржуазного партнера даже

умеренное крыло рабочего движения не могло спасти буржуазную демократию (с. 610).

Грандиозный кризис 1929—1933 гг. привел к радикализации масс и небывалой поляризации политических сил, что нанесло буржуазной демократии смертельный удар. К основным виновникам гибели Веймарской республики Винклер относит национал-социалистов, правящую консервативную элиту, коммунистов. Коминтерн, буржуазные партии и СДПГ. Он обращает внимание на то, что в конце существования Веймарской республики остальбские помещики имели большее политическое влияние, чем крупные промышленники. Именно юнкеры наиболее активно боролись против буржуазно-демократической республики. В мае 1932 г. они в союзе с руководством рейхсвера и националистами свергли Г. Брюнинга, а в январе 1933 г. сыграли решающую роль в отставке К. Шлейхера. Винклер справедливо констатирует, что ни в каком другом высокоиндустриальном обществе старая элита не сохранила такое влияние на политическую власть, как юнкерство в Веймарской республике (с. 607). К тому же монополисты тяжелой индустрии перед 1933 г. были также настроены антидемократически.

Автор считает, что социал-демократия была единственной политической силой, которая с самого начала и до конца Веймарской республики последовательно выступала за сохранение плюралистического, парламентского и конституционного строя. Но германская социал-демократия могла выполнить свою историческую роль только как «народная партия» левого центра, способная к коалиции. В начале же 30-х годов социал-демократия не была готова сотрудничать с буржуазными партиями и не видела в буржуазии «достаточно сильного партнера».

Винклер не разделяет мнение тех, кто утверждает, что единый пролетарский фронт мог бы преградить Гитлеру путь к власти. Веймарская республика основывалась на «классовом компромиссе» между умеренной частью рабочего класса и буржуазным центром. Противоречие же между социал-демократами и коммунистами имело принципиальный характер, поскольку компартия выступала за насильственное свержение конституционного строя. Из противоборства между двумя марксистскими рабочими партиями извлек пользу только Гитлер.

Автор признает, что СДПГ допустила серьезные ошибки, приведшие к ослаблению республики. Когда 27 марта 1930 г. пало правительство «большой коалиции», возглавляемой Г. Мюллером, социал-демократы под давлением свободных профсоюзов не приняли компромиссное предложение Г. Брюнинга. Если бы этого не произошло, можно было бы продлить деятельность кабинета, возглавляемого социал-демократом Мюллером до осени 1930 г. и избежать «саморазрушения парламента» (с. 372, 597). Падение «большой коалиции», подчер-

кивает автор, которое не было неизбежным, явилось сильнейшим ударом по немецкой демократии, когда началась фаза ее распада и был нарушен баланс сил в пользу исполнительной и в ущерб законодательной власти (с. 372). Еще большую ответственность за развал «большой коалиции» несут Народная партия, партия Центра, юнкерство, крупная буржуазия (с. 363, 597).

В свое время в марксистской литературе резко критиковалась политика терпения и «меньшего зла», которой придерживалась СДПГ в отношении кабинета Г. Брюнинга. Винклер же не считает эту поддержку «политической ошибкой». Автор приводит аргументы в пользу политики «меньшего зла», смысл которой, по его мнению, заключался не только в том, чтобы помешать приходу национал-социалистов к власти, но и в том, чтобы не разорвать коалицию с партией Центра и Государственной партией в Пруссии (с. 394, 596). По словам автора, разрыв СДПГ связей с Брюнингом и сближение с коммунистами усилили бы приток новых членов в НСДАП, способствовали бы углублению поляризации сил, что могло бы перерасти в открытую гражданскую войну.

Винклер, конечно, осознает, что соглашение между лидерами социал-демократии и Брюнингом было ахиллесовой пятой и для канцлера и для СДПГ. Она тем самым упустила возможность участвовать в борьбе за внепарламентскую мобилизацию масс. И все же политика терпения и «меньшего зла» была для социал-демократии не имеющей альтернативы (с. 500—501). К сожалению, она привела к победе Гинденбурга на президентских выборах весной 1932 г. и капитуляции СДПГ перед Ф. Папеном 20 июля 1932 г., когда был совершен государственный переворот в Пруссии. Страх перед возможной гражданской войной, утверждает автор, был главной причиной, почему социал-демократия и свободные профсоюзы не ответили на июльский переворот всеобщей стачкой и призывом к сопротивлению.

Важное место в книге занимает оценка правительства Брюнинга. Он был самым независимым от рейхстага канцлером в истории Веймарской республики. И вместе с тем он был наиболее зависим от рейхспрезидента. Канцлер Брюнинг недооценивал опасность национал-социализма и переоценивал угрозу, исходившую от коммунистов (с. 398). Винклер разделяет точку зрения тех историков, которые считали Брюнинга представителем консервативной альтернативы провалившейся парламентской системе и национал-социалистической диктатуре. Политика Брюнинга, считает автор, была исторически необходима. Его свержение открыло путь к катастрофе (с. 474).

Установки Коминтерна, пишет Винклер, пагубно воздействовали на стратегию и тактику КПП,

закрепляли раскол рабочего движения. Крайне негативные последствия имела концепция «социал-фашизма». Одна из самых роковых ошибок КПП — ее участие вместе с фашистами, националистами и «Стальным шлемом» в референдуме по поводу роспуска прусского коалиционного правительства Брауна-Зеверинга в августе 1931 года. Это решение ЦК КПП принял под давлением политкомиссии ИККИ (с. 424).

Противоборство двух рабочих партий расплывало силы рабочего класса и демократии, что и предопределило их поражение. Им не удалось нанести ответный удар по национал-социализму. На них ложится огромная ответственность за поражение германского пролетариата и падение республики. Поэтому трудно согласиться с Винклером, утверждающим, что 30 января 1933 г. единый пролетарский фронт был таким же безнадежно рискованным делом, как и 20 июля 1932 года. Автор склонен во всем обвинить только коммунистов, которые, по его мнению, в случае объявления всеобщей стачки в дальнейшем прибегли бы к революционному насилию, чем дали бы нацистам повод для узаконения террора. Это привело бы, полагает Винклер, к гражданской войне, которая могла бы закончиться только поражением рабочих (с. 594). Таким образом, Винклер фактически исходит из неизбежности прихода национал-социалистов к власти.

Винклер сумел объективно показать, какую роль сыграли буржуазные партии в распаде Веймарской республики. Конечно, крах системы буржуазных партий, явился одной из причин ликвидации республики, главную вину за гибель которой несет партия Гитлера.

История упадка Веймарской республики — это одновременно и история восхождения национал-социализма, тщательно прослеженная Винклером. Он подчеркивает, что Гитлер сумел извлечь уроки из неудачного путча в ноябре 1923 года. Реорганизовав свою партию, фюрер взял курс на «легальное» взятие власти и даже разыграл роль стража конституции (с. 613). Тактикой легальности он фактически обезоружил демократические партии, да и само государство (с. 594). Фюрер умело использовал страх перед революцией, коммунизмом и гражданской войной, преподнося национал-социализм как фактор «порядка».

М. Е. ЕРИН

Примечания

1. См. БАБИЧЕНКО Л. Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. — Новая и новейшая история. 1994, № 2.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

К правозащитной деятельности В. И. Вернадского

В журнале «Дружба народов», № 11—12 за 1992 г., исследователь жизни и творчества В. И. Вернадского И. И. Мочалов опубликовал с комментариями фрагменты из «Дневников» этого ученого. Привлекают внимание дневниковая запись Владимира Ивановича от 12 февраля 1939 г.: «Письмо Вышинскому о Сидорове и письмо Сидорову...», а также примечание к ней: «О ком идет речь, установить не удалось» (с. 17).

Широко известны мужество и благородство Вернадского, посылавшего многочисленные ходатайства и письма властям по поводу подвергшихся репрессиям своих учеников-геологов, а также друзей, знакомых и ряда других людей. Эта стойкая гражданская позиция Вернадского, его попытки добиться снятия обвинения с невинных и поручиться за них, предоставив в качестве гарантии невинности свое давнее знакомство с ними и свою убежденность в их честности и преданности родине, заслуживают восхищения, если учесть обстановку тех лет. Одним из таких подзащитных академика как раз и был Н. И. Сидоров, ленинградский исследователь деятельности М. В. Ломоносова в сфере производства стекла и смальты. В фонде Вернадского сохранились материалы о его переписке с Сидоровым¹.

Впервые он обратился к Вернадскому 13 сентября 1930 г. по указанию издательства АН СССР, прислав корректурный оттиск своей статьи, чтобы академик ознакомился с ней и потом распорядился по собственному усмотрению. Стиль этого краткого письма и подпись «Ваш покорный слуга» выдают интеллигента, сформировавшегося в дореволюционные годы. Статья, вероятно, была связана с исследованием деятельности Ломоносова, которая весьма интересовала Вернадского. В письме Вышинскому от 11 февраля 1939 г. Владимир Иванович сообщал: «Я столкнулся с Сидоровым в связи с моими занятиями по Ломоносову, когда я был председателем Комиссии по истории знаний при Академии». Отношение Вернадского к работе Сидорова было положительным, но переписка прервалась между ними: Сидоров был репрессирован

в связи с «делом академика Платонова» и последовавшей расправой с учеными-гуманитариями, прежде всего историками.

После отбытия срока заключения Сидоров испытал по возвращении в Ленинград все тяготы человека, имевшего судимость, и вновь обратился к Вернадскому. В письме от 20 мая 1937 г. он, уповая на внимание академика «к моим ломоносовским штудиям», просит помочь выделением средств на затормозившееся издание сочинений Ломоносова, признаваясь, что имеет к тому «сущный интерес... Я сейчас обретаюсь в поисках заработка». В письме от 24 июня 1937 г. Сидоров обращается с новой просьбой: ввиду сложностей с доступом в архив, ибо он находится «ныне не на постоянной службе», Сидоров просит Вернадского прислать «бумажку» от Института истории науки или иного академического учреждения руководству архива, чтобы получить допуск к материалам Ломоносова. Там же Сидоров делится «радостью: наконец, вышли «Известия АН СССР» по Отделению общественных наук», посвященные Ломоносову, в которых помещена его статья об Усть-Рудицкой фабрике Ломоносова. По получении оттисков автор обещал тотчас послать статью Вернадскому. И на этот же сюжет, как сообщал автор, он прочел научный доклад.

Наступил 1939 год. Вернадский получает письмо Сидорова от 19 января из г. Боровичи Ленинградской области. В фонде Вернадского подлинника письма нет, но хранится текст, на котором рукой Вернадского надписано: «Копия. Оригинал послан А. Я. Вышинскому 11.2.1939 г.». В ходатайстве прокурору СССР от 11 февраля академик сообщал: «Письмо Сидорова мне не нужно. Я снял с него копию».

Побудило Вернадского, как отметил он в своем дневнике, направить ходатайство Вышинскому, приложив к нему письмо Сидорова, и затем информировать его об этом содержание письма Сидорова, сообщавшего, что у него «еще 27 декабря 1937 г. совершенно неожиданно был почему-то инспектором Лен. Обл. Управления Милиции отобран

пятилетний ленинградский паспорт и предложено было выехать по 101 км. Заявленное мне основание — будто бы не снятая с меня судимость по делу б. акад. Платонова». В том же 1937 г. его трехлетний паспорт был обменян на пятилетний, а районное отделение милиции не знало об этом, и Сидоров полагал, что «кажется, есть немало оснований предполагать, что здесь кроется попытка моих соседей по квартире завладеть жилплощадью. Надобно еще сказать, что из всех, проживающих в Ленинграде и привлекавшихся по делу Платонова, такая злая судьба постигла только меня. А между тем о своей работе на заводе по возвращении в Ленинград я имею такие лестные отзывы партийных и общественных организаций, какие не всегда даются».

Далее Сидоров пишет, что все попытки обжаловать изъятие паспорта были тщетны, равно как и подача заявления в Комиссию по частным амнистиям при Верховном Совете СССР насчет снятия судимости. «К этому заявлению я приложил между прочим отзыв о моих работах проф. Б. Н. Меншуткина и И. Ю. Крачковского. Вся передрыга тяжело отозвалась на моем здоровье (атеросклероз, кардиосклероз и увы! — стенокардит), а я вынужден жить один. Сейчас, проживая в г. Боровичах, влачу самое жалкое существование. Продолжить свою работу (начал книжку о работах М. В. Ломоносова по стеклу) не могу! Нет хорошей библиотеки, нет архива! Вопрос о зароботке весьма тяжелый, на меня смотрят подозрительно: ведь отобрали ленинградский паспорт. Сейчас послал заявления Молотову и Калинину, но опять не надеюсь на то, что им удастся пробиться сквозь толщу секретариата: снова прошу и о снятии судимости и о разрешении жить в Ленинграде. Не найдете ли Вы, глубокоуважаемый Владимир Иванович, для себя возможным замолвить за меня слово? Вам известны мои последние работы по Ломоносову и Ваш высокоавторитетный голос наверно будет услышан. Может быть, мне и разрешат жить в Ленинграде: может быть, снимут и судимость. Я прекрасно понимаю вместе с тем, насколько может оказаться для Вас затруднительной моя просьба. Скажу только одно: каков бы ни был ее результат, никогда не изменится ни мое глубочайшее уважение, ни признательность за то внимание, какое я до сих пор встречал с Вашей стороны. Очень прошу простить меня за это обращение. Преданный Вам и глубокоуважающий Н. Сидоров. 19/1 1939 г.»

Получив в феврале ответное письмо Вернадского и узнав, что тот обратился к Вышинскому, Сидоров 14 февраля писал академику: «Приношу Вам горячую благодарность за Вашу отзывчивость к моей беде. Думаю вместе с Вами, что выбранный Вами путь направления моего дела — действительно наилучший». Письмо Вернадского Вышинскому было отправлено 11 февраля на официальном бланке директора Биогеохимической лаборатории АН СССР. Комментируя пересылаемое письмо Сидорова, Владимир Иванович квалифицирует проис-

шедшее как «волиющее бытовое явление, столь частое, к сожалению, на бытовой квартирной почве», сознательно не акцентируя внимания на политических моментах, и выдвигает «деловые аргументы» ради оказания содействия Сидорову: «Он очень много сделал в области изучения Ломоносова. Главным образом в связи с его прикладной деятельностью. Сейчас, когда вновь начинается работа по Ломоносову и по истории Академии, было бы важно не потерять такую силу, помимо уже вопроса справедливости».

Вернадский воспользовался также возможностью лишний раз напомнить Вышинскому о необходимости вызволить из тюрьмы своего друга еще с юных лет, исследователя общественной мысли XIX в., не скрыв своего «беспокойства об условиях, в которых находится мой дорогой друг Д. И. Шаховской. Он все еще в Лефортовской тюрьме — больной, почти 80-летний старик».

Вообще же диапазон лиц, о которых не раз тогда хлопотал Вернадский, включал в себя как естественников, так и гуманитариев. Но его просьбы обычно не давали результата. 16 марта 1939 г. академику прибыл такой ответ из прокуратуры: «По поручению прокурора Союза сообщаю, что аннулирование прописки в Ленинграде гр. Сидорова Н. И. произведено правильно», ибо с того не снята судимость. С горечью Вернадский тут же сообщил об этом Сидорову, который 23 марта послал своему заступнику следующее письмо: «Вчера я получил Ваше письмо, которое еще раз засвидетельствовало Вашу исключительную отзывчивость и внимание. Дня за три до Вашего письма мне было прислано также извещение от Прокуратуры СССР, приблизительно такого же содержания, о котором сообщаете Вы».

Далее Сидоров с печалью сообщает, что «живет же в Ленинграде ряд лиц, привлекавшихся по тому же злосчастному платоновскому делу, хотя с них и не снята судимость», и напоминает, что о снятии судимости он начал хлопотать с апреля 1938 г., «хотелось мне послать заявление М. И. Калинину (еще одно)..., но не особенно верю в благой результат такого обращения..., мне уж и вообще не сосчитать всех тех заявлений разным лицам и учреждениям, какие я посылал».

А вот заключительные строки этого письма: «Вам сердечнейшая благодарность за Ваше отношение к моему делу. Оно..., помимо его результатов, особенно драгоценно для человека, находящегося вдали от семьи, в тяжелых моральных и материальных условиях одинокой жизни и вдобавок больного... Р. S. Прошу простить за самодельный конверт: в городе нет никаких».

З. Д. Ясман

Примечания

1. Архив Российской Академии наук, ф. 518, оп. 3, д. 1499, л. 1—11.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. The Fragments from a Shorthand Record of the December 1936 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: Ju. N. Zhukov. The Struggle for Power in the USSR Leadership in 1945—1952. N. A. Omelchenko. «Vekhovskaja» Tradition in the Spiritual Life of Russian Emigration. Historical Profiles: I. E. Shokina. Juan Domingo Perón. To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America (since the Ancient Times to Our Days). Historical Journalism: B. Shnajder. An Unknown War. History and Fates. A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians on Time and Themselves: G. V. Vernadskij. From the Memoirs. Communications: A. A. Koshkin. Kurily: A Biography of Islands. People. Facts. Events: V. V. Rajkov. An Indian Legion in the Fascist Germany. Historiography: Reviews on Books: V. T. Aniskov. The Sacrificial Feat of Village. Peasantry in Siberia During the Years of the Great Patriotic War. V. I. Goldin. Intervention and Anti-Bolshevist Movement in the Russian North. 1918-1920. A. I. Jukht. Russian Money Since the Rule of Peter the Great to Aleksander the First. V. L. Kerov. The Ideas of Apocalypse in the Middle Ages (Joachimus Florensis, Olivi, Begins in the South France). H. A. Winkler. Weimar 1918—1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München. 1993. Letters to the Editor.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Вопросы истории» № 1, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2.

Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 11.11.94. Подписано в печать 08.02.95. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,14. Тираж 12000. Заказ № 256. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.